[illegible]
Ленинград

[illegible]
Ленинград

М. И. ГЛИНКА.

Съ фотографіи, снятой С. Л. Левицкимъ 25 апрѣля 1856 г.

Оригиналъ принадлежитъ Л. И. Шестаковой.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 26 НОЯБРЯ 1886 Г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА.

Glinka

ЗАПИСКИ

МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ

И

ПЕРЕПИСКА ЕГО СЪ РОДНЫМИ И ДРУЗЬЯМИ

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя". 1835.—II. Первоначальный планъ оперы „Русланъ и Людмила". 1838.—III. Памятникъ Глинкѣ. — IV. Портретъ М. И. Глинки. 1856.—V. Портретъ М. И. Глинки, съ акварели, рисованной В. В. Самойловымъ, въ 1854 г.—VI. Надгробный памятникъ М. И. Глинки, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры. 1858.—VII. Памятникъ М. И. Глинкѣ, въ Смоленскѣ. 1885. — VIII. Отрывокъ изъ квартета „Какое чудное мгновенье", въ I-мъ актѣ оперы „Русланъ и Людмила". 1841 г. (факсимиле). — IX. Отрывокъ изъ письма М. И. Глинки къ Н. В. Кукольнику отъ 6 апрѣля 1845 г. (факсимиле). — X. Отрывокъ изъ предсмертнаго письма М. И. Глинки къ сестрѣ его Л. И. Шестаковой, отъ 15-27 января 1857 г. (факсимиле).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1887

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

„Записки“ М. И. Глинки существуютъ въ двухъ экземплярахъ: одинъ изъ нихъ собственноручный, другой — копія. Послѣ смерти Глинки, оба перешли въ собственность сестры его, Л. И. Шестаковой, и ею принесены въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ. Копія была свѣрена съ оригиналомъ самимъ Глинкой, и онъ, имѣя этотъ второй экземпляръ при себѣ до самой смерти, прибавилъ въ немъ много любопытныхъ подробностей.

Въ 1871 г. „Записки“ были изданы по второму экземпляру, съ примѣчаніями, и подъ редакціей покойнаго профессора Императорскаго Александровскаго Лицея и Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, Вл. Вас. Никольскаго, на иждивеніи журнала „Русская Старина“. Это изданіе давно разошлось и стало теперь библіографическою рѣдкостью, почему и предпринято настоящее, вновь тщательно провѣренное и исправленное по оригиналу, изданіе съ сохраненіемъ всѣхъ примѣчаній В. В. Никольскаго. Но нами исправлена одна невѣрность, существовавшая и въ обоихъ экземплярахъ „Записокъ“ Глинки, и въ ихъ изданіи 1871 года. Всѣхъ главъ (или періодовъ) въ „Запискахъ“ — 15, но по ошибкѣ у Глинки ихъ обозначено только 14, такъ какъ Глинка нечаянно обозначилъ *двѣ* главы (или періода) цифрою 4. Въ изданіи 1871 г. эта ошибка исправлена, но за то двѣ другія главы обозначены цифрою X, такъ что опять-таки всѣхъ главъ или періодовъ выходило 14, а не 15.

Воспоминанія Л. И. Шестаковой о послѣднихъ годахъ жизни Глинки, напечатанныя при „Запискахъ“ Глинки (въ изд. 1871 г.), перепечатаны и въ настоящемъ изданіи, безъ измѣненій.

Изъ числа 86-ти писемъ Глинки, печатаемыхъ нами, лишь немногія появлялись до сихъ поръ въ печати. А именно: письмо къ родителямъ (1822 г.) было напечатано

въ „Русской Старинѣ“ 1883 г.; письма къ Н. В. Кукольнику — въ „Музыкальномъ Сезонѣ“ 1869 — 70 гг.; письма къ К. А. Булгакову — въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г.; письма къ А. Н. Сѣрову — въ „Музыкальномъ Сезонѣ“ 1870 г. и въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. Прочія появляются въ печати въ первый разъ. Замѣтимъ, при этомъ, что предсмертнаго письма Глинки къ его сестрѣ, Л. И. Шестаковой отъ 15-го (27-го) января 1857 г. мы не печатаемъ вмѣстѣ съ другими, такъ какъ оно цѣликомъ помѣщено въ „Воспоминаніяхъ“ Л. И. Шестаковой.

Одно письмо Глинки является у насъ въ переводѣ съ французскаго языка на русскій. Это—письмо къ С. Т., изъ Берлина, неизвѣстно гдѣ находящееся, и неизвѣстно кѣмъ сообщенное покойному французскому музыкальному писателю Октаву Фукъ, который и помѣстилъ его въ своей книгѣ: „Michel Ivanovitch Glinka, par Octave Fouque. Paris, 1880.“ Мы тогда же обратились къ Фуку съ просьбой объяснить намъ все касающееся этого письма, но, вслѣдствіе ли дѣйствительной забывчивости, или вслѣдствіе даннаго кому либо обѣщанія, онъ отвѣчалъ намъ, что память ему измѣняетъ, и онъ ничего не можетъ сказать объ этомъ письмѣ. Печатая переводъ, мы старались какъ можно вѣрнѣе передать текстъ письма, но вмѣсто 1832 года, совершенно невѣрно выставленнаго кѣмъ-то въ началѣ, мы ставимъ годъ 1833—1834, такъ какъ Глинка провелъ въ Берлинѣ, послѣ Италіи, лишь осень и зиму съ 1833 на 1834 годъ.

Кромѣ печатаемыхъ нами, безъ сомнѣнія много другихъ еще писемъ Глинки существуетъ въ Россіи и за границей, но мы не имѣемъ о нихъ свѣдѣнія. Изъ числа извѣстныхъ мы не печатаемъ 5 писемъ къ доктору Гейденрейху (1842—1856), изданныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г., и двухъ писемъ къ г. Кашперову (1856), напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г., такъ какъ мы не видали оригиналовъ, а все печатаемое въ настоящемъ изданіи печатано (кромѣ письма къ С. Т.) съ подлинныхъ автографныхъ рукописей Глинки.

В. С.

I

ЗАПИСКИ М. И. ГЛИНКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отъ 20-го мая 1804 г. до 25-го апрѣля 1830 г.

ПЕРІОДЪ I.

Рожденіе. — Пребываніе съ бабкою.

Я родился 1804 года, мая 20-го дня, утромъ на зарѣ, въ селѣ Новоспасскомъ, принадлежавшемъ родителю моему, капитану въ отставкѣ, Ивану Николаевичу Глинкѣ; имѣніе это находится въ 20-ти верст. отъ города Ельни, Смоленской губерніи; оно расположено по рѣкѣ Деснѣ, близь ея истока, и въ недальномъ разстояніи окружено непроходимыми лѣсами. Вскорѣ по рожденіи моемъ, матушка моя Евгенія Андреевна, урожденная Глинка, принуждена была предоставить первоначальное мое воспитаніе бабкѣ моей Ѳеклѣ Александровнѣ (матери моего отца), которая, овладѣвъ мною, перенесла меня въ свою комнату. Съ нею, кормилицею и нянею провелъ я около трехъ или четырехъ лѣтъ, видаясь съ родителями весьма рѣдко. Я былъ ребенкомъ слабаго сложенія, весьма золотушнаго и нервнаго расположенія; бабка моя, женщина преклонныхъ лѣтъ,

почти всегда хворала, а потому въ комнатѣ ея (гдѣ обиталъ я) было, по крайней мѣрѣ, не менѣе 20 градусовъ тепла по Реомюру. Несмотря на это, я не выходилъ изъ шубки; по ночамъ же и часто днемъ поили меня чаемъ со сливками, со множествомъ сахару, кренделей и бубликовъ разнаго рода; на свѣжій воздухъ выпускали меня очень рѣдко и только въ теплое время. Нѣтъ сомнѣнія, что это первоначальное воспитаніе имѣло сильное вліяніе на развитіе моего организма и объясняетъ мое непреодолимое стремленіе къ теплымъ климатамъ; и теперь, когда мнѣ уже 50 лѣтъ, я могу утвердительно сказать, что на югѣ мнѣ лучше жить и я страдаю тамъ менѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Бабушка моя баловала меня до невѣроятной степени; мнѣ ни въ чемъ не было отказа; несмотря на это, я былъ ребенкомъ кроткимъ и добронравнымъ, и только, когда тревожили меня во время занятій, становился недотрогою (мимозою), что отчасти сохранилось и до нынѣ. Однимъ изъ любимыхъ моихъ занятій было ползать по полу, рисуя мѣломъ деревья и церкви. Я былъ весьма набоженъ и обряды богослуженія, въ особенности въ дни торжественныхъ праздниковъ, наполняли душу мою живѣйшимъ поэтическимъ восторгомъ. Выучась читать чрезвычайно рано, я нерѣдко приводилъ въ умиленіе мою бабку и ея сверстницъ чтеніемъ священныхъ книгъ. Музыкальная способность выражалась въ это время страстію къ колокольному звону (трезвону); я жадно вслушивался въ эти рѣзкіе звуки и умѣлъ на двухъ мѣдныхъ тазахъ ловко подражать звонарямъ. Въ случаѣ болѣзни приносили малые колокола въ комнаты для моей забавы. Съ самаго малолѣтства я уже былъ слабонервнымъ; и такъ какъ за нѣсколько дней до кончины бабки приложили ей пластырь отвратительнаго запаха, то меня

никакой силой не могли принудить войти къ ней, и я не присутствовалъ при ея кончинѣ, несмотря на то, что я очень любилъ ее. Нѣсколько забавныхъ анекдотовъ я могъ бы привести здѣсь, хотя воспоминаніе объ этой эпохѣ не совсѣмъ ясно въ памяти моей, но считаю ихъ излишними, ибо они не имѣютъ прямого отношенія къ моей артистической жизни, притомъ я отнюдь не желаю подражать г-му женевскому философу.

ПЕРІОДЪ II.

Отъ кончины бабки до проявленія перваго музыкальнаго чувства.

Послѣ кончины бабки моей, образъ моей жизни нѣсколько измѣнился. Матушка баловала меня менѣе, и старалась даже пріучать меня къ свѣжему воздуху, но эти попытки по большей части оставались безъ успѣха. Кромѣ сестры, годомъ меня моложе, и моей няни, вскорѣ взяли другую няню, вдову землемѣра, по имени Ирину Ѳедоровну Мѣшкову, съ дочерью, нѣсколько постарше меня. Эта няня была женщина простая и чрезвычайно добрая, а матушка хотя не баловала, но любила насъ, и намъ было хорошо. Впослѣдствіи присоединили къ Иринѣ Ѳедоровнѣ француженку Розу Ивановну, а нанятый отцомъ моимъ архитекторъ, вмѣсто мѣла, далъ мнѣ карандашъ въ руку и началъ свои уроки рисованья, какъ водится, съ глазъ, носовъ, ушей и проч., требуя безотчетнаго отъ меня механическаго подражанія; при всемъ томъ однакожъ я быстро успѣвалъ. Сверхъ того одинъ дальній родственникъ, любознательный, добрый, весьма пріятнаго нрава старичекъ, нерѣдко навѣщалъ насъ, любилъ разсказывать мнѣ о далекихъ краяхъ, о дикихъ людяхъ, о климатахъ и произ-

веденіяхъ тропическихъ странъ и, видя, съ какою жадностію я его слушалъ, привезъ мнѣ книгу подъ названіемъ: «О странствіяхъ вообще», изданную въ царствованіе Екатерины II. Я съ рвеніемъ принялся за чтеніе этой книги и, сколько помню, она содержала отрывки изъ путешествій знаменитаго Васко де-Гама. Я получилъ отъ него же впослѣдствіи другіе томы этого собранія путешествій и, когда дѣло дошло до описанія острова Цейлона, Суматры, Явы и другихъ острововъ Индѣйскаго Архипелага, то мое воображеніе такъ разыгралось, что я принялся изучать описаніе этихъ прелестныхъ острововъ, и (для того) началъ дѣлать извлеченіе изъ вышеозначенныхъ книгъ, что и послужило основаніемъ моей страсти къ географіи и путешествіямъ.

Музыкальное чувство все еще оставалось во мнѣ въ неразвитомъ и грубомъ состояніи. Даже по 8-му году, когда мы спасались отъ нашествія французовъ въ Орелъ, я съ прежнею жадностію вслушивался въ колокольный звонъ, отличалъ трезвонъ каждой церкви и усердно подражалъ ему на мѣдныхъ тазахъ.

Всегда окруженный женщинами, играя только съ сестрою и дочерью няни, я вовсе не походилъ на мальчиковъ моего возраста. При этомъ страсть къ чтенію, географическимъ картамъ и рисованію, въ которомъ я началъ примѣтно успѣвать, часто отвлекала меня отъ дѣтскихъ игръ и я попрежнему былъ нрава тихаго и кроткаго. У батюшки иногда собиралось много гостей и родственниковъ; это случалось въ особенности въ день его ангела, или когда пріѣзжалъ кто-либо, кого онъ хотѣлъ угостить на славу. Въ такомъ случаѣ посылали обыкновенно за музыкантами къ дядѣ моему, брату матушки, за 8 верстъ. Музыканты оставались нѣсколько дней, и

когда танцы за отъѣздомъ гостей прекращались, играли бывало разныя пьесы. Однажды, помнится, что это было въ 1814 или 1815 году, однимъ словомъ, когда я былъ по 10-му или 11-му году, играли квартетъ Крузеля съ кларнетомъ; эта музыка произвела на меня непостижимое, новое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимое томительно сладкое состояніе, и на другой день во время урока рисованія былъ разсѣянъ; въ слѣдующій урокъ разсѣянность еще увеличилась, и учитель, замѣтя, что я рисовалъ уже слишкомъ небрежно, неоднократно журилъ меня, и наконецъ, однакожъ, догадавшись въ чемъ было дѣло, сказалъ мнѣ однажды: что онъ замѣчаетъ, что я все только думаю о музыкѣ. «Чтожъ дѣлать?» отвѣчалъ я, «музыка душа моя».

И дѣйствительно, съ той поры я страстно полюбилъ музыку. Оркестръ моего дяди былъ для меня источникомъ самыхъ живыхъ восторговъ. Когда играли для танцевъ, какъ-то экосезы, матрадуръ, кадрили, вальсы, я бралъ въ руки скрипку или маленькую флейту (piccolo) и поддѣлывался подъ оркестръ, разумѣется, посредствомъ тоники и доминанты. Отецъ часто гнѣвался на меня, что я не танцую и оставляю гостей, но при первой возможности я снова возвращался къ оркестру. Во время ужина обыкновенно играли русскія пѣсни, переложенныя на 2 флейты, 2 кларнета, 2 валторны и 2 фагота. Эти грустно-нѣжные, но вполнѣ доступные для меня, звуки мнѣ чрезвычайно нравились,— (я съ трудомъ переносилъ рѣзкіе звуки, даже валторны на низкихъ нотахъ, когда на нихъ играли сильно),— и можетъ быть эти пѣсни, слышанныя мною въ ребячествѣ, были первою причиною того, что

впослѣдствіи я сталъ преимущественно разработывать народную [1]) русскую музыку.

ПЕРІОДЪ III.

Отъ перваго проявленія музыкальнаго чувства до отъѣзда въ С.-Петербургъ.

Около этого времени выписали намъ гувернантку изъ Петербурга, Варвару Ѳедоровну Кляммеръ. Это была дѣвица лѣтъ 20-ти, высокаго росту, строгая и взыскательная; она, если не ошибаюсь, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и взялась учить насъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки, географіи и музыкѣ; пошли въ ходъ грамматики, разговоры (dialogues), краткія описанія земель, городовъ и проч., все это надлежало заучивать въ долбяшку (школьное выраженіе), т. е., когда спрашивали, отвѣчать не запинаясь, не измѣнивъ и не проронивъ ни одного слова. Хотя музыкѣ, т. е. игрѣ на фортепьяно и чтенію нотъ насъ учили также механически, однакожъ я быстро въ ней успѣвалъ. Варвара Ѳедоровна была хитра на выдумки; какъ только мы съ сестрой начали кое-какъ разбирать ноты и попадать на клавиши, то сейчасъ она приказала приладить доску къ фортепьяно надъ клавишами такъ, что играть было можно, но нельзя было видѣть рукъ и клавишей, и я съ самаго начала привыкъ играть не смотря на пальцы.

Вскорѣ послѣ того взяли одного изъ (первыхъ) скрипачей моего дяди учить меня играть на скрипкѣ; къ сожалѣнію, самъ онъ игралъ не совсѣмъ вѣрно и дѣйство-

[1]) Въ оригиналѣ прежде было написано: «отечественную», но потомъ это слово зачеркнуто и поправлено такъ, какъ у насъ напечатано. *Ред.*

валъ смычкомъ весьма неразвязно (raide), что сообщилъ и мнѣ.

Хотя я любилъ музыку почти безсознательно, однакожъ очень хорошо помню, что предпочиталъ тѣ пьесы, кои были доступнѣе моимъ тогдашнимъ музыкальнымъ понятіямъ. Оркестръ вообще я любилъ болѣе всего, а изъ оркестровыхъ пьесъ, послѣ русскихъ пѣсенъ, предпочиталъ увертюры: Ma tante Aurore Буальдьё, Lodoïska Крейцера, Deux aveugles Мегюля. Эти двѣ послѣднія охотно я игралъ на фортепьяно, равно какъ нѣкоторыя сонаты Штейбельта, въ особенности Rondo L'orage, которое исполнялъ довольно опрятно. Gyrovetz (чехъ Гировецъ) мнѣ весьма не нравился, отчасти потому, что я находилъ его сонаты слишкомъ длинными и запутанными, а еще болѣе по той причинѣ, что онѣ были очень дурно напечатаны, и въ пасмурные дни я плохо разбиралъ эту музыку, за что нерѣдко мнѣ доставалось карандашомъ по пальцамъ.

ПЕРІОДЪ IV.

Отъ поѣздки въ Петербургъ до выпуска изъ Благороднаго пансіона.

Въ началѣ зимы 1817 года, матушка, братъ ея (дядя, которому принадлежалъ оркестръ), Варвара Ѳедоровна и я съ сестрою отправились въ С.-Петербургъ. Это путешествіе предпринято было для помѣщенія меня въ новооткрытый Благородный пансіонъ при главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Хотя я и теперь ясно помню нѣкоторыя подробности этого путешествія, однако же умолчу объ нихъ, ибо они къ дѣлу не относятся.

Когда мы въѣхали въ нашу сѣверную столицу, видъ огромныхъ стройныхъ домовъ и улицъ произвелъ на меня волшебное дѣйствіе и долго, долго сохранилось впечатлѣ-

ніе восторга и удивленія. Мои тогдашнія понятія объ архитектурномъ достоинствѣ были столь же безотчетны, какъ объ музыкѣ; пятиглавые соборы въ русскомъ родѣ казались мнѣ торжествомъ искусства, и Казанскій соборъ мнѣ вовсе не понравился.

Вскорѣ пріѣхалъ батюшка и, сейчасъ познакомясь съ инспекторомъ пансіона, Линдквистомъ, и разузнавши все, приступилъ къ дѣлу. Пансіонъ нашъ помѣщался въ домѣ Отто, у Калинкина моста, возлѣ больницы. Отецъ мой не щадилъ для меня издержекъ, и потому помѣстилъ меня съ тремя другими, одинаковаго со мною возраста, воспитанниками и особеннымъ гувернеромъ (В. К. Кюхельбекеромъ) въ мезонинѣ того же дома; тамъ нашлось мѣсто и для фортепьяно, которое вскорѣ замѣнили рояломъ Тишнера. Тишнеръ въ то время былъ лучшимъ мастеромъ въ Петербургѣ и механизмъ его роялей допускалъ возможность играть чрезвычайно отчетливо.

Не стану исчислять всѣхъ предметовъ, которые намъ преподавали; скажу только, что я, особенно сначала, усердно занимался во всѣхъ классахъ. Впослѣдствіи любимыми моими предметами были языки: латинскій, французскій, нѣмецкій, англійскій, и потомъ персидскій, изъ наукъ — географія и зоологія. Я сдѣлалъ столь быстрые успѣхи въ ариѳметикѣ и алгебрѣ, что былъ репетиторомъ послѣдней изъ нихъ. Пройдя геометрію, я вовсе оставилъ математику, вѣроятно потому, что въ высшихъ классахъ число предметовъ значительно увеличилось.

Профессоры старшихъ классовъ были люди съ познаніями, образованные и большею частію окончившіе воспитаніе въ германскихъ университетахъ; однимъ словомъ, въ высшихъ классахъ преподавали гг. профессора Педагогическаго Института; въ числѣ ихъ были: извѣстный Рау-

пахъ, пр. нѣмецкой литературы, Арсеньевъ, пр. географіи и статистики, Куницынъ — правъ и проч.

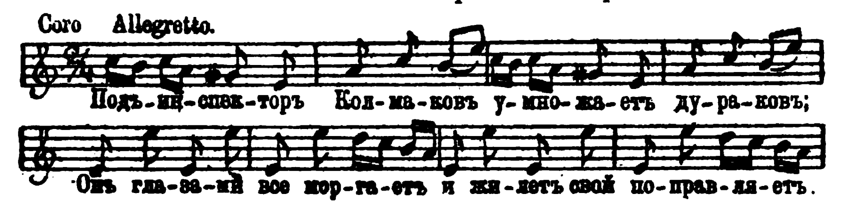
Между преподавателями въ низшихъ классахъ встрѣчались оригиналы, а между гувернерами были такіе забавные типы, что до сихъ поръ воспоминанія о нихъ сохранились у всѣхъ нашихъ пансіонскихъ товарищей. Упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ.

Господинъ мусье мистеръ Биттонъ (какъ его называли дядьки [1]) былъ грубый англичанинъ, вѣроятно изъ шкиперовъ; онъ чрезвычайно любилъ молочную рисовую кашу, и въ тотъ день, когда ее подавали, избиралъ между младшими воспитанниками нѣсколько жертвъ, которыя непремѣнно должны были либо не знать заданныхъ имъ англійскихъ словъ, либо произносить ихъ неудовлетворительно, за что онъ кричалъ: «посиди на ваши колѣнъ», возвышая голосъ, а послѣ третьяго раза давалъ бѣдному воспитаннику такую сильную подножку, что подъ нимъ невольно сгибались колѣни. Вечеромъ за ужиномъ, дядька Савелій всѣ порціи рисовой каши, отнимаемыя у наказанныхъ, относилъ въ дортуаръ господина мусье мистеръ Биттона, который ночью алчно пожиралъ свою добычу. Господинъ Гекъ, нѣмецъ въ рыжемъ парикѣ, придерживался другой системы. Нерѣдко къ концу обѣда слышался его сентиментальный голосъ, опредѣлявшій наказаніе виновныхъ слѣдующимъ образомъ: «Messieurs tel et tel privés du jardin et du dernier plat». Бойкій французъ Трипе, мастеръ былъ играть въ лапту, но мы его не любили за его грубое съ нами обращеніе; по справкамъ оказалось, что настоящее его ремесло была мелкая торговля. Къ сему

[1]) Дядьками именовались у насъ люди, служившіе за столомъ во время обѣда и ужина. *Прим. Глинки.*

же разряду людей должно отнести злаго пьемонтца Еллену, мучившаго насъ маршировкой, о которой онъ самъ не имѣлъ понятія. Полякъ Якукевичь, весьма неопрятнаго вида, не знавшій ничего, кромѣ бильярда, и всегда почти нѣсколько пьяный, и Лумбергъ, финскаго происхожденія, довершали собраніе нашихъ оригиналовъ. Но Иванъ Екимовичъ, нашъ добрый подъинспекторъ Иванъ Екимовичъ Колмаковъ, былъ нашимъ утѣшеніемъ. Когда онъ появлялся, мы всегда приходили въ веселое расположеніе. Его забавныя выходки, сопровождаемыя морганьемъ и странными ужимками, сдѣлались извѣстны многимъ, не знавшимъ его личности. Воспитанникъ Соболевскій сочинилъ на него стихи, кои начинались такъ:

Подъинспекторъ Колмаковъ
Умножаетъ дураковъ;
Онъ глазами все моргаетъ
И жилетъ свой поправляетъ и проч.

Сей историческій кантъ пѣвали мы въ пансіонѣ во время обѣда и ужина; двѣ залы, назначенныя для трапезы (воспитанниковъ было числомъ болѣе 100 человѣкъ) были нѣсколько узки, но длинны; столы ставились по направленію длины залы, такъ что отъ одного конца до противуположнаго разстояніе было значительное. Иванъ Екимовичъ, будучи подъинспекторомъ, являлся, какъ только мы садились за столы, въ сапогахъ съ кисточками, въ сѣрыхъ брюкахъ, въ свѣтлокоричневомъ фракѣ и съ лысинкой на темени. Онъ ходилъ важно взадъ и впередъ,

моргая глазами и поправляя жилетъ. Воспитаннику Соболевскому (который впослѣдствіи написалъ столько превосходныхъ эпиграммъ) вздумалось воспѣть Ивана Екимовича, я подобралъ на стихи модную въ то время пѣсню Кавоса: душа-ль, моя душенька; выучить ее было не трудно: напѣвъ извѣстенъ былъ всѣмъ, а стихи невольно оставались въ памяти. Хотя мы всѣ любили Ивана Екимовича за его неизреченную доброту, не могли однакожъ утерпѣть, чтобы не подтрунить надъ нимъ, а «сіе тѣмъ болѣе», что Иванъ Екимовичъ «изволили гнѣваться» (слова Ивана Екимовича) весьма забавнымъ образомъ. Въ такихъ случаяхъ плоское рябоватое лицо его, съ носомъ въ родѣ пуговицы, краснѣло; судорожныя движенія при морганіи, поправленіе жилета, подымавшагося вверхъ, усиливались, а голосъ возвышался до самыхъ острыхъ и визгливыхъ нотъ сопрано.

Вотъ однажды во время трапезы является Иванъ Екимовичъ, ходитъ съ обычною важностію взадъ и впередъ и что же? нѣчто въ родѣ серенады раздается въ полъ-голоса въ одномъ изъ угловъ залы. Иванъ Екимовичъ останавливается, слушаетъ, подозрѣваетъ, слышитъ наконецъ, что упоминаютъ и о немъ, начинаетъ догадываться и рѣшительно обращаетъ шаги свои въ ту сторону, откуда раздавались звуки, напрасно! уста беззаботно, но весьма усердно жевали неприхотливыя блюда нашей скудной трапезы, а пѣснь, неумолкая, уже перешла въ противоположную сторону залы. Иванъ Екимовичъ туда — то же усердіе къ яствамъ, а пѣснь попрежнему перенеслась въ противоположную сторону. Иванъ Екимовичъ останавливается, краснѣетъ, дрожитъ и визгливымъ дискантомъ возглашаетъ: «мальчишки! невѣжи!» и тому подобное.

Все это не мѣшало намъ однакожъ отъ времени до времени тѣшиться этимъ кантомъ и, сколько помнится, Иванъ Екимовичъ всегда гнѣвались, но не наказывали. Вообще онъ былъ добрый и честный человѣкъ; самъ о себѣ подъ веселый часъ говорилъ: «Ванька Колмаковъ — добрый мужикъ и честный христіанинъ», или же: «честный мужикъ и добрый христіанинъ».

Иванъ Екимовичъ любилъ общество пріятелей, не презиралъ даровъ Вахуса; по 8-му пуншу говаривалъ, что «языкъ худо ворочается»; однакожъ прибавлялъ: «пошатнусь; валяться не люблю; довольно!»

Науки были для Ивана Екимовича истиннымъ наслажденіемъ, господствующею страстью; онъ все зналъ, все помнилъ, охотно заступалъ мѣсто непришедшаго профессора, и объяснялъ любому воспитаннику по малѣйшему намеку все. Даже въ чужихъ классахъ подсказывалъ нетвердо знавшимъ уроки, несмотря на неоднократные выговоры инспектора, Якова Васильевича Толмачева, который нерѣдко называлъ его дуракомъ. Любовь къ наукамъ необыкновенно воодушевляла Ивана Екимовича, и по мѣрѣ усиленія восторга, имъ овладѣвавшаго, языкъ его становился изобрѣтательнѣе и находчивѣе. Неожиданные обороты, затѣйливость, шутка, необыкновенная перестановка словъ и сжатость рѣчи (laconisme) были отличительной чертой его способа выраженій. Приведу здѣсь для образца его затѣйливости еще одно изъ его выраженій. Однажды, разсказывая намъ объ одномъ изъ похожденій своей юности, онъ кончилъ свой разсказъ словами: «знали, но подозрѣнія не было; было извѣстно, но не подозрѣвали».

По окончаніи курса, Иванъ Екимовичъ былъ любимымъ

и всегда забавнымъ нашимъ собесѣдникомъ. Въ пансіонѣ, съ его помощью, я читалъ отрывки изъ превращеній Овидія, и ему первому обязанъ знакомствомъ съ латинской литературой.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я учился играть на фортепьяно у знаменитаго Фильда и, къ сожалѣнію, взялъ у него только три урока, ибо онъ уѣхалъ въ Москву. Хотя я слышалъ его не много разъ, но до сихъ поръ хорошо помню его сильную, мягкую и отчетливую игру. Казалось, что не онъ ударялъ по клавишамъ, а сами пальцы падали на нихъ, подобно крупнымъ каплямъ дождя, и разсыпались жемчугомъ по бархату. Ни я, ни другой искренній любитель музыкальнаго искусства не согласится съ мнѣніемъ Листа, сказавшаго однажды при мнѣ, что Фильдъ игралъ вяло (endormi); нѣтъ, игра Фильда была часто смѣла, капризна и разнообразна, но онъ не обезображивалъ искусства шарлатанствомъ и не рубилъ пальцами котлетъ, подобно большей части новѣйшихъ модныхъ піанистовъ.

Въ три, взятые мною, урока я выучилъ его второй дивертисементъ (E-dur) и получилъ отъ него лестное одобреніе. По отъѣздѣ Фильда взяли мнѣ въ учителя ученика его Омана, который началъ со мною 1-й концертъ Фильда (Es-dur); послѣ него Цейнеръ (Zeuner) усовершенствовалъ еще болѣе механизмъ моей игры, и нѣсколько даже и стиль (способъ игры, le style). Преподаваніе же теоріи, а именно интерваловъ съ ихъ обращеніями, шло не такъ успѣшно. Цейнеръ требовалъ, чтобы я училъ его уроки въ долбяшку, а это мнѣ надоѣло, почему я впослѣдствіи взялъ въ учителя Карла Мейера, который современемъ сдѣлался моимъ пріятелемъ. Онъ болѣе другихъ способствовалъ развитію моего музыкальнаго таланта. Въ день вы-

пуска 1822 года я сыгралъ публично А-мольный концертъ Гумеля, а Мейеръ акомпанировалъ мнѣ на другомъ роялѣ. На скрипкѣ дѣло шло не такъ удачно, хотя учитель мой, 1-й концертистъ Бёмъ, игралъ вѣрно и отчетливо, однако не имѣлъ дара передавать другимъ своихъ познаній, и когда я дурно владѣлъ смычкомъ, говорилъ: «Messieu Klinka, Fous ne chouerez chamais du fiolon».

Не смотря на то что я мало успѣвалъ, я уже могъ играть въ оркестрѣ дяди. Въ 1819, 1820 и 1821 годахъ во время вакацій я посѣщалъ родителей; оркестръ дяди усовершенствовался и увеличился нѣсколькими мальчиками, которыхъ отецъ отдалъ учиться, чтобы имѣть собственную бальную музыку; сверхъ того для младшихъ сестеръ наняли гувернантку, мужъ которой, Карлъ Ѳедоровичъ Гемпель, сынъ органиста изъ Веймара, былъ хорошій музыкантъ. Онъ въ свободные часы отправлялся со мною къ дядюшкѣ Аѳанасію Андреевичу Глинкѣ; вмѣстѣ восхищались мы музыкой, но сознаюсь въ моемъ тогдашнемъ невѣжествѣ: будучи уже нѣсколько знакомъ съ увертюрами Керубини и Мегюля, съ большимъ удовольствіемъ слушалъ я увертюры Россини. Изъ нихъ Cenerentola такъ даже мнѣ понравилась, что мы съ Гемпелемъ переложили ее для фортепьяно въ 4 руки и нерѣдко потѣшались, играя ее. Около этого времени, или прежде, жилъ у насъ итальянецъ Тоди, обучавшій пѣнію и столько же плохой музыкантъ, какъ и всѣ, подобныя ему птицы пѣвчія.

Во время пребыванія въ пансіонѣ, и даже вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, родители, родственники и ихъ знакомые возили меня въ театръ; оперы и балеты приводили меня въ неописанный восторгъ; надо замѣтить здѣсь, что русскій театръ въ то время не былъ въ такомъ бѣдствен-

номъ состоянiи, какъ нынѣ[1]), отъ постоянныхъ набѣговъ итальянцевъ. Несвѣдущiе, но напыщенные своимъ мнимымъ достоинствомъ, итальянскiе пѣвуны не наводняли тогда, подобно корсарамъ, столицъ Европы. Къ счастiю моему ихъ тогда не было въ Петербургѣ, почему репертуаръ былъ разнообразный. Я видѣлъ оперы: «Водовозъ»—Керубини, «Iосифъ»—Мегюля, «Жокондъ»—Николо Изуаръ, «Красная шапочка»—Буальдьё. Теноры Климовскiй и Самойловъ, басъ Зловъ были пѣвцы весьма примѣчательные, а извѣстная пѣвица наша Сандунова, хотя уже не играла на театрѣ, но участвовала въ большихъ концертахъ и я слышалъ ее въ ораторiяхъ. Тогда я худо понималъ серьезное пѣнiе, и солисты на инструментахъ и оркестръ нравились мнѣ болѣе всего.

Въ одинъ изъ прiѣздовъ моего отца въ Петербургъ, онъ повезъ меня ко Львовымъ, и нѣжные звуки милой скрипки Алексѣя Өедоровича глубоко врѣзались въ моей памяти.

Въ послѣднiй годъ курса, около зимы 1821 на 1822 годъ, прiѣхалъ въ Петербургъ дядя Аөанасiй Андреевичъ; я воспользовался неважнымъ разстройствомъ здоровья, чтобы на время переѣхать къ нему. Жили мы въ домѣ генерала Василiя Васильевича Энгельгардта (племянника фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго); онъ благоволилъ ко мнѣ, и впослѣдствiи я сохранилъ дружескiя отношенiя къ его сыновьямъ и ихъ семействамъ. Внукъ же генерала Василiя Васильевича, Василiй Павловичъ Энгельгардъ, воспитанный въ училищѣ правовѣдѣнiя, въ молодомъ возрастѣ страстно полюбилъ музыку. У него те-

---

[1]) Писано въ 1854 году. *Примѣч. Глинки.*

перь хранятся всѣ мои рукописи, которыя можно было отыскать; въ копіяхъ то, что въ рукописяхъ утратилось [1]). Въ послѣднее время, его дѣятельной и искренней дружбѣ я одолженъ большею частію моихъ музыкальныхъ наслажденій.

Всякій разъ, когда мнѣ удавалось отпроситься на нѣсколько времени изъ пансіона, я былъ чрезвычайно радъ. Старикъ генералъ меня жаловалъ; въ непродолжительномъ времени я подружился съ однолѣткой — моей двоюродной сестрой Софіей Ивановной, дѣвушкой отличнаго воспитанія, доброй, миловидной и любившей также музыку и чтеніе. Отецъ ея Иванъ Андреевичъ (братъ Аѳанасія Андреевича) былъ хорошій музыкантъ, у него былъ большой запасъ разныхъ пьесъ, преимущественно увертюръ въ 4 руки для фортепьяно; тутъ были увертюры Керубини, Мегюля, Моцарта, Ригини, Спонтини, Пера и Россини. Все это мы довольно опрятно играли и потѣшали нашихъ знакомыхъ. Я не пропускалъ случая быть гдѣ либо на концертѣ, и всякій разъ, когда только было возможно, возили меня къ П. П. Юшкову, гдѣ еженедѣльно играли и пѣли. Оркестръ, хотя не совсѣмъ полный, былъ хорошъ. Дядюшка Аѳанасій Андреевичъ повезъ меня однажды къ знаменитому Гуммелю, въ бытность его въ Петербургѣ; онъ благосклонно выслушалъ, какъ я сыгралъ 1-е соло его А-мольнаго концерта. Потомъ онъ намъ импровизировалъ. Онъ игралъ мягко, отчетливо и какъ бы уже прежде имъ сочиненную и хорошо затверженную пьесу [2]).

---

[1]) Все это драгоцѣнное собраніе сочиненій Глинки въ 1867 г. В. П. Энгельгардтомъ принесено въ даръ Императорской публичной библіотекѣ и подробно описано В. В. Стасовымъ. См. отчетъ И. П. Б. за 1867 годъ, гдѣ на стр. 19—55 помѣщено и самое описаніе.

[2]) На полѣ рукою Глинки написано карандашомъ: «отзывъ о Мейерѣ».

Въ началѣ весны 1822 года представили меня въ одно семейство, гдѣ я познакомился съ молодой барыней красивой наружности; она играла хорошо на арфѣ и сверхъ того владѣла прелестнымъ сопрано. Голосъ ея не походилъ ни на какой инструментъ; это былъ настоящій, звонкій, серебряный сопрано, и она пѣла естественно и чрезвычайно мило. Ея прекрасныя качества и ласковое со мною обращеніе (она называла меня племянничкомъ, а я ее тетушкой) расшевелили мое сердце и воодушевили мое воображеніе. Она любила музыку и часто цѣлые часы, сидя подлѣ фортепьяно, когда я игралъ съ дядею, подпѣвала намъ, въ любимыхъ ею мѣстахъ, своимъ звонко серебрянымъ голосомъ. Желая услужить ей, вздумалось мнѣ сочинить варьяціи на любимую ею тему (C-dur) изъ оперы Вейгля «Швейцарское семейство». Вслѣдъ затѣмъ написалъ я варьяціи для арфы и фортепьяно на тему Моцарта Es-dur. Потомъ собственнаго изобрѣтенія вальсъ для фортепьяно F-dur [1]); болѣе этого не помню, знаю только, что это были первыя мои попытки въ сочиненіи, хотя я еще не зналъ генералъ-баса, и что я тогда въ первый разъ познакомился съ арфою, прелестнымъ инструментомъ, если его употреблять во-время. Это поэтическое препровожденіе времени отвлекало меня отъ дѣла, и я всегда находилъ способъ, въ послѣдній годъ пребыванія въ пансіонѣ, подъ предлогомъ болѣзни, гостить у дядюшекъ; до того же времени я учился примѣрно, велъ себя хорошо, былъ любимъ столько же товарищами, сколько отличенъ профессорами. Въ 19, 20 и 21 годахъ получилъ на экзаме-

---

[1]) Изъ этихъ пьесъ, по свидѣтельству В. В. Стасова (Русск. Вѣстн. 1857 г., № 20, стр. 792), уцѣлѣли только варіяціи для арфы съ фортепьяно, записанныя вновь Глинкою въ 1854 году по воспоминаніямъ сестры его Л. И. Шестаковой, игравшей ихъ въ дѣтствѣ.

нахъ похвальные листы, гравюру и другія награды. Кстати о гравюрѣ. Въ рисованіи я, безъ сомнѣнія, дошелъ бы до нѣкоторой степени совершенства, но академики Безсоновъ и Сухановъ замучили меня огромными головами и, требуя рабскаго подражанія штрихъ въ штрихъ, довели до того, что я просто отказался отъ ихъ уроковъ. Математику я разлюбилъ, когда дошелъ до аналитики; уголовное и римское право мнѣ вовсе не нравилось. Въ танцахъ я былъ плохъ, равно какъ и въ фехтованіи; нашими учителями были Севербрикъ и Гавеманъ; первый часто говаривалъ: «Эй, Глинка, заколю!» и дѣйствительно кололъ меня.

Преимущественно я успѣвалъ въ языкахъ: нѣмецкій выучилъ въ полгода, къ изумленію профессора; латинскій съ Иванъ Екимовичемъ; англійскій и персидскій съ профессоромъ Джіафаромъ шли удачно. Географію зналъ хорошо,—исторію порядочно. Естественныя науки, въ особенности зоологію, любилъ страстно. Еще до пансіона я началъ замѣчать дивное разнообразіе естественныхъ произведеній. У дяди Аѳанасія Андреевича было множество птицъ въ клѣткахъ и въ отдѣленной сѣткой части гостиной, гдѣ онѣ летали. Я любилъ смотрѣть на нихъ и слушать ихъ пѣніе. Намъ досталось также множество птицъ, по наслѣдству отъ дяди (брата моего отца). Въ самый годъ отъѣзда изъ деревни въ Петербургъ, у меня уже летали птицы по комнатѣ, а когда мы жили у Калинкина моста — надъ мезониномъ, гдѣ я былъ помѣщенъ, какъ уже было сказано, отцемъ моимъ, въ большомъ чердакѣ, мезонину принадлежавшемъ, разведены были разнаго рода голуби и кролики, которые тамъ превосходно водились. Болѣе же всего способствовало развитію страсти моей къ зоологіи посѣщеніе нами кунсткамеры,

подъ руководствомъ профессора Зембницкаго, который объяснялъ намъ предметы.

За нѣсколько времени до выпуска, я принялся за науки, надѣясь на мою память, но догнать товарищей было невозможно. Математику я давно оставилъ, и очень хорошо помню, что изъ уголовнаго права выучилъ только одну статью; на вопросъ профессора отвѣчалъ ему совсѣмъ не то, о чемъ онъ спрашивалъ, но такъ ловко, что экзаменаторъ, профессоръ Зябловскій, остался мною доволенъ, несмотря на худо скрытый гнѣвъ профессора правъ. Однимъ словомъ, отчасти за прежнія заслуги, отчасти отъ ловкихъ моихъ увертокъ произошло, что въ началѣ лѣта 1822 года я былъ выпущенъ первымъ съ правомъ на чинъ 10-го класса.

ПЕРІОДЪ V.

Отъ выпуска изъ пансіона до первой поѣздки за границу.

Я не сейчасъ вступилъ по выпускѣ на службу; кажется, навѣстилъ родителей и, возвратившись въ Петербургъ, поселился неподалеку отъ бывшаго нашего прежняго инспектора Линдквиста, у котораго завтракалъ и обѣдалъ за условленную плату. Отецъ желалъ, чтобы я служилъ по иностранной коллегіи, которая въ то время считалась почетнѣйшею службою. А. А. Линдквистъ участвовалъ въ редакціи «Journal de St.-Pétersbourg», и могъ быть мнѣ весьма полезенъ, познакомивъ меня съ французскимъ дипломатическимъ языкомъ. Плохо однако же шли наши занятія; мнѣ этотъ языкъ, вовсе не поэтическій, казался чѣмъ-то дикимъ и никакъ не входилъ въ голову; съ Мейеромъ и даже Бёмомъ, напротивъ того, я быстро успѣвалъ. Не помню однакожъ, сочинилъ ли я что

въ это время и учился ли я теоріи? Помню очень хорошо, что я взялъ нѣсколько уроковъ у Фукса, но когда то было, опредѣлить не могу.

Въ началѣ марта 1823 года отецъ извѣстилъ меня, что ему угодно было, чтобы я воспользовался представившимся удобнымъ случаемъ поѣздки на Кавказъ, чтобы пользоваться тамъ минеральными водами. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ изъ пансіона къ родителямъ, во время вакацій, будучи у замужней двоюродной сестры, которую лечили (и потомъ вылечили) магнетизмомъ, въ одинъ изъ сеансовъ, въ состояніи ясновидѣнія, она сказала, что для моего золотушнаго расположенія мнѣ будутъ полезны кавказскія минеральныя воды. Я немедленно собрался въ путь, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ дяди моего Ивана Андреевича, съ двумя дочерьми, Софьею и Евгеніею Ивановнами, представилъ мнѣ весьма удобный и пріятный способъ доѣхать до нашего села Новоспасскаго. Выѣхавъ въ мартѣ, т. е. въ самую распутицу, едва подвигались мы въ четырехмѣстной старинной крытой линейкѣ съ фартуками. Путешествіе это было пріятно. Съ Софіей Ивановной я былъ друженъ, а Евгенія Ивановна, только что выпущенная изъ Екатерининскаго института, была премилая и презабавная дѣвушка. Малѣйшее приключеніе давало поводъ къ смѣху или непритворной радости. Такъ напр.: однажды, остановясь ночью на станціи, мы застали тамъ нѣсколько кадетъ; одинъ изъ нихъ былъ лунатикъ и каждую ночь имѣлъ привычку прятать сапоги своихъ товарищей. Потомъ, въ 400 верстахъ наша линейка увязла въ полурастопившемся снѣгу, такъ что впряженныя почтовыя лошади вытащить ее не могли; пришлось посылать искать помощи. Къ счастію это случилось неподалеку отъ богатаго помѣщика Жеребцова, который прислалъ за

нами прекрасныхъ лошадей съ экипажами, и потомъ нѣсколько дней продержалъ насъ, угощая съ невыразимымъ радушіемъ. Самъ онъ былъ человѣкъ веселый и словоохотливый, любилъ жить весело; былъ у него домашній театръ, представленія на которомъ были забавны, но еще забавнѣе были репетиціи; такъ напр.: на репетиціи «Русалки» Кауера явились актеры — дворовые люди, въ самыхъ разнообразныхъ фантастическихъ костюмахъ, каждый въ соотвѣтствующемъ его должности или занятію.

Доѣхавъ до дому, я пробылъ тамъ до послѣднихъ чиселъ апрѣля. Отецъ снабдилъ меня коляской, далъ мнѣ человѣка (моего бывшаго дядьку, по имени Илью) и повара Аѳанасія. Выѣхавъ изъ дому въ сырую и свѣжую погоду, чрезъ нѣсколько дней, около Орла повѣяло теплымъ дыханіемъ весны, а переѣхавъ Оку, очутился я уже въ другой, новой для меня, южной полосѣ. Дубовыя рощи замѣнили наши березовыя; по оврагамъ, вмѣсто лозы, начали появляться груши, яблони и вишни въ цвѣту; видъ полей и деревень съ бѣленькими мазанками, вмѣсто черныхъ бревенчатыхъ избъ, не регулярно тянущихся, но живописно разбросанныхъ, все это тѣшило взоръ днемъ, а ночью ясное, усѣянное ярко-блестящими звѣздами, небо восхищало меня. Такимъ образомъ прибылъ я въ Харьковъ къ 10 мая. Отецъ желалъ, чтобы я отправился на Кавказъ, потому что ѣхалъ туда знакомый его, человѣкъ образованный и солидный, бывшій управляющій смоленской удѣльной конторы, Петровскій-Муравскій, и въ то же время одинъ изъ смоленскихъ врачей, Лазарь Петровичъ Быковскій, отправлялся туда же съ семействомъ. Съ первымъ изъ нихъ я долженъ былъ съѣхаться въ Харьковѣ; чтобы не терять времени, я, по совѣту одного петербургскаго знакомаго, отрекомендовался, сколько умѣлъ, г. Вит-

ковскому, у котораго былъ въ то время весьма хорошій музыкальный магазинъ въ Харьковѣ. Сыгравъ 1-е соло концерта A-moll Гуммеля, я произвелъ столь пріятное впечатлѣніе, что сейчасъ же познакомился съ музыкальнымъ семействомъ хозяина, и меня, до самаго пріѣзда ожидаемаго мною товарища, потѣшали музыкою.

Наконецъ прибылъ товарищъ съ братомъ своимъ, и мы отправились далѣе. Вскорѣ безпредѣльныя степи смѣнили живописную Украину; мы переѣхали Донъ въ Оксаѣ и очутились въ Азіи, что несказанно льстило моему самолюбію. Скажу однакожъ, что до самаго прибытія на сѣрныя воды (нынѣ Пятигорскъ), взоръ не находилъ предметовъ пріятныхъ; напротивъ, почти ничего не было видно, кромѣ безпредѣльныхъ степей, заросшихъ густой высокой ароматической травой. Видъ теперешняго Пятигорска былъ въ то время совершенно дикій, но величественный; домовъ было мало, церквей, садовъ вовсе не было; но также, какъ и теперь, тянулся величественно хребетъ кавказскихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, также по равнинѣ извивался ленточкой Подкумокъ, и орлы во множествѣ ширяли по ясному небу. Я съ товарищами поселился въ скромномъ домикѣ. Житье было пріятное; товарищъ привезъ запасъ книгъ, кухня была въ порядкѣ, отличная баранина, куры, дичь и превосходнѣйшія овощи давали нашимъ поварамъ возможность хорошо кормить насъ, а сантуринское вино (которое я и теперь еще пью охотно) [1]) замѣняло намъ дорогія фряжскія вина. Вообще мнѣ тамъ было хорошо, особенно въ Пятигорскѣ. Между прочимъ я видѣлъ пляску черкешенокъ, игру и скачку чер-

---

[1]) На полѣ рукою Глинки написано карандашомъ: «Тимковскій и представленіе князю Меншикову».

кесовъ, мирныхъ ауловъ, разумѣется. Были у меня также ручныя дикія козочки.

Вскорѣ по пріѣздѣ мы приступили къ леченію, т. е. начали брать теплыя сѣрныя ванны и пить воду изъ такъ-называемаго кисло-сѣрнаго источника. Впослѣдствіи я купался, или, лучше, варили меня въ ваннѣ, изсѣченной еще черкесами въ камнѣ, откуда шла струя сѣрной воды въ 37 или 38 градусовъ по Реомюру. Товарищу вòды чрезвычайно помогли и поставили его на ноги (онъ съ трудомъ двигался). Вѣроятно и я бы получилъ отъ нихъ значительную пользу, если бы сообразовались съ моимъ слабонервнымъ сложеніемъ и заставляли бы меня меньше пить, и купаться въ водѣ, разведенной съ прохлажденною прежде, какъ то дѣлается въ Ахенѣ.

Взявши нѣсколько ваннъ кисло-сѣрныхъ, отправились мы на желѣзныя воды, расположенныя посреди лѣсовъ на площадкѣ, на половинѣ горы. Мѣстоположеніе этихъ водъ дикое, но чрезвычайно живописное; былъ тогда одинъ только деревянный домъ для помѣщенія пользующихся; кто не находилъ тамъ пристанища, разбивалъ палатку изъ войлока, и ночью, когда блистали огоньки, площадка эта походила на кочевье дикихъ воиновъ. Остатокъ горы до самой вершины покрытъ былъ густымъ лѣсомъ; дикій виноградникъ оплеталъ цѣлыя купы кустарниковъ и мелкихъ деревьевъ; орлы летали почти надъ головами. Однажды я видѣлъ, какъ туча, пронесшаяся въ нашу сторону, покрыла насъ всѣхъ своимъ густымъ туманомъ.

Послѣ нѣсколькихъ ваннъ желѣзной воды въ 32 градуса по Реомюру, я началъ чувствовать себя дурно, а вскорѣ жестокія головныя боли принудили меня, равно какъ и товарища, оставить эти воды. Мы отправились въ Кисловодскъ, и, помнится, ѣхали съ конвоемъ и пушкою,

что объясняется тѣмъ, что въ слѣдующемъ 1824 году черкесы учинили сильное нападеніе и вырѣзали нѣсколько близьлежащихъ деревень.

Мѣстоположеніе Кисловодска веселѣе Пятигорска, но въ мое время было тамъ еще мало домовъ, а деревъ вовсе не было. На плоскихъ вершинахъ пригорковъ, расположенныхъ грядами, и весьма похожихъ на окружающіе въ Кастиліи городъ Вальядолидъ парамосъ (paramos), густая ароматическая трава (въ іюлѣ и августѣ), когда на равнинахъ все уже выгорѣло отъ зноя, возвышалась такъ, что покрывала коня съ всадникомъ до шапки.

И здѣсь надлежало пить воду и купаться въ Нарзанѣ (8 град. по Реомюру), и здѣсь дѣло шло столь же неудачно, какъ на желѣзныхъ водахъ. Скоро я почувствовалъ лишеніе сна и апетита, и докторъ Быковскій самъ убѣдился, что мнѣ Нарзанъ вреденъ, и чтобы исправить разстроенный желудокъ, пользовалъ меня (не безъ успѣха) горькими, настоянными въ винѣ, травами; сонъ же не могъ такъ скоро возвратиться, отчасти отъ того, что не легко успокоить однажды раздраженные нервы, а также и отъ земляныхъ блохъ, которыя по ночамъ не давали мнѣ возможности сомкнуть глазъ.

На обратномъ пути, разставшись съ товарищами въ Харьковѣ, я почувствовалъ, приближаясь къ Орлу, лихорадочные припадки, и остановясь, по прибытіи въ Орелъ, у знакомаго купца, занемогъ лихорадкою съ нарывами на мѣстахъ, гдѣ были отъ рожденія лишаи. Чрезъ нѣсколько дней болѣзнь миновалась сама собою, а съ ней исчезли и лишаи. Полагали, что я радикально вылеченъ, но весьма ошиблись, какъ это окажется впослѣдствіи.

Въ началѣ сентября я возвратился въ Новоспасское и, отдохнувъ, съ новымъ рвеніемъ принялся за музыку. Во

время путешествія, продолжавшагося четыре мѣсяца, въ одномъ только Харьковѣ у меня было фортепьяно, а на скрипкѣ я игралъ весьма неудовлетворительно. Сверхъ того раздражительное дѣйствіе минеральныхъ водъ и множество новыхъ впечатлѣній возбудили мое воображеніе, и я принялся за дѣло слѣдующимъ образомъ.

Чтобы добиться болѣе отчетливаго исполненія, всякій разъ, когда пріѣзжали музыканты (а это было приблизительно два раза въ мѣсяцъ, причемъ они оставались нѣсколько дней, а иногда около недѣли), прежде общей пробы, я проходилъ съ каждымъ музыкантомъ (исключая немногихъ лучшихъ) его партію, до тѣхъ поръ, пока не было ни одной невѣрной или даже сомнительной ноты въ исполненіи. Такимъ образомъ я подмѣтилъ способъ инструментовки большей части лучшихъ композиторовъ для оркестра (Глюка, Генделя и Баха я зналъ только по наслышкѣ). Потомъ слышалъ общій эффектъ пьесы, ибо, производя первыя пробы, вмѣстѣ я самъ управлялъ оркестромъ, играя на скрипкѣ. Когдаже пьеса шла порядочно, я отходилъ на нѣкоторое разстояніе и слѣдилъ такимъ образомъ эффектъ изученной уже инструментовки. Репертуаръ состоялъ по большей части изъ увертюръ, симфоній, а иногда игрались и концерты.

Изъ увертюръ были: Cherubini: Medea, Hôtellerie portugaise, Faniska, Lodoïska, Les deux journées, первыя двѣ были моими любимыми; Mehul: Joseph, Le trésor supposé, L'irato; Mozart: Don Juan, Zauberflöte, Clemenza di Tito, Nozze di Figaro; Beethoven: Fidelio (E-dur); Bernard Romberg (Es-dur) и Маурера (Es-dur, къ которой недоставало альтовой партіи, и я, разложивъ остальныя партіи по стульямъ и сравнивая ихъ, написалъ альтъ, и, полагаю, совершенно безошибочно). Симфоній было три: Гайдна

B-dur, Моцарта G-moll, и Beethoven вторая D-dur. Эту послѣднюю я любилъ въ особенности. Россини увертюръ уже не играли.

Въ послѣднее время пребыванія моего въ Петербургѣ, Мейеръ значительно развилъ мой музыкальный вкусъ. Онъ не ограничился только тѣмъ, что, требуя отъ меня отчетливаго и непринужденнаго исполненія, возставалъ рѣшительно противъ изысканнаго и утонченнаго выраженія въ игрѣ, но также, по возможности соображаясь съ тогдашними моими понятіями, объяснялъ мнѣ естественно и безъ педантства достоинство пьесъ, отличая классическія отъ хорошихъ, а сіи послѣднія отъ плохихъ. О сочиненіи вообще, о генералъ-басѣ, контрапунктѣ и другихъ условіяхъ хорошаго способа писать, мои понятія были столь неопредѣленны, что я принимался за перо, не зная ни съ чего начать, ни какъ и куда идти. Я предпринялъ писать сперва Септетъ, потомъ Adagio и Rondo для оркестра. Если эти пьесы уцѣлѣли между хранящимися у В. П. Энгельгардта моими манускриптами, то могутъ послужить только доказательствомъ моего тогдашняго невѣжества въ музыкѣ [1]).

Въ мартѣ или апрѣлѣ 1824 года, я возвратился въ Петербургъ; пріискавъ квартиру въ Коломнѣ, не спѣшилъ однакожъ опредѣленіемъ на службу. Со мною, кромѣ дядьки Ильи, было двое музыкантовъ: одинъ изъ нихъ, Яковъ, впослѣдствіи извѣстный всѣмъ по каррикатурамъ Н. А. Степанова, игравшій нѣсколько на віолончели, и братъ его Алексѣй, уже довольно порядочный скрипачъ. Сему послѣднему наняли въ учителя перваго скрипача оркестра В. В. Юшкова; я же съ новымъ рвеніемъ принялся за

[1]) Пьесы эти утрачены. Русск. Вѣстн. 1857, № 20, стр. 792.

фортепьяно и скрипку. Карлъ Мейеръ уже не давалъ мнѣ уроковъ; онъ сказалъ однажды: «Vous avez trop de talent pour que je vous donne des leçons. Venez en ami tous les jours et nous ferons de la musique ensemble». Я съ искреннею признательностью вспоминаю объ этихъ дружескихъ выраженіяхъ, которыя оправдались на дѣлѣ; я посѣщалъ почти ежедневно Мейера, который жилъ съ матерью своею и сестрами; съ старшей изъ нихъ, Henriette (потомъ m-me Garegnani), я нерѣдко игрывалъ въ 4 руки. Мейеръ же самъ попрежнему задавалъ мнѣ разныя пьесы, иногда свои, а чаще еще Гуммеля. Весьма терпѣливо разсматривая мои опыты въ сочиненіи, онъ объяснялъ мнѣ, сколько умѣлъ, правила искусства; никогда однако же не ставилъ себя и своего стиля образцами; напротивъ того, Моцартъ, Керубини, Бетховенъ и другіе классики были въ такихъ случаяхъ указываемы имъ, какъ высшая степень совершенства. Былъ въ то время въ Петербургѣ знаменитый контрапунктистъ Миллеръ, но мнѣ какъ-то не удавалось познакомиться съ нимъ. Какъ знать! можетъ быть оно и лучше. Строгій нѣмецкій контрапунктъ не всегда соглашается съ пылкой фантазіей [1]).

Въ началѣ весны того же 1824 года, я встрѣтился съ однимъ дальнимъ родственникомъ, который представилъ меня въ домъ зятя своего (beau-frère), бывшаго тогда правителемъ канцеляріи совѣта путей сообщенія. У него было вакантное мѣсто помощника секретаря, съ приличнымъ окладомъ. Отецъ въ то время съ трудомъ удовлетворялъ моимъ издержкамъ на уроки музыки и языковъ; при томъ, думалъ я, начать службу гдѣ бы ни было — все равно; потомъ можно будетъ перейти и въ коллегію

---

¹) Прежде было написано: «не всегда полезенъ пылкой фантазіи».

иностранныхъ дѣлъ; да правду сказать, не чувствовалъ я особеннаго призванія къ дипломатической службѣ. Такимъ образомъ, 1824 г. мая 7-го дня, я вступилъ въ службу въ канцелярію совѣта путей сообщенія, помощникомъ секретаря. Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу мою. Съ одной стороны, я долженъ былъ находиться въ канцеляріи только отъ 5 до 6 часовъ въ день; работы на домъ не давали, дежурства и отвѣтственности не было; слѣдственно все остальное время я могъ предаваться любимымъ моимъ занятіямъ, въ особенности музыкѣ. Съ другой стороны, мои отношенія по службѣ доставили мнѣ въ короткое время знакомства, весьма полезныя въ музыкальномъ отношеніи.

Въ канцелярію нашу поступали дѣла изъ департамента, которыя у насъ приготовлялись для доклада совѣту, состоявшему изъ 4-хъ генераловъ; старшій членъ былъ графъ Сиверсъ, человѣкъ ученый, любознательный, большой любитель музыки и, что еще лучше, хорошей классической музыки. Графиня Сиверсъ пѣла перваго сопрано; у нея былъ голосъ вѣрный, звонкій и пріятный. Второй сопрано пѣла г-жа Крюковская. Братъ графини Крюднеръ и Гиппіусъ, оба хорошіе музыканты, пѣли басовыя партіи. Перваго тенора — братъ Гиппіуса, а когда случалось нужно, я пѣлъ второго тенора. Исполняли только классическія пьесы, между прочимъ Финалъ «Водовоза» 1-го акта, въ коемъ участвовалъ и я, въ партіи Антоніо. Аккомпанировалъ обыкновенно Мейеръ на фортепьяно. Кромѣ пѣнія, иногда исполняли и другія пьесы; я помню, что въ одинъ изъ музыкальныхъ вечеровъ произвели два квинтета: одинъ Моцарта, а другой Бетховена (оба Es-dur), съ духовыми инструментами. Кромѣ дома графа Сиверса, гдѣ меня принимали чрезвычайно радушно, у меня

было много другихъ знакомствъ, которыя доставилъ мнѣ домъ правителя нашей канцеляріи, Александра Николаевича Бахтурина.

Въ теченіе лѣта 1824 года, я переѣхалъ въ домъ Фадѣева (тоже въ Коломнѣ), и вскорѣ перешелъ ко мнѣ родственникъ Александръ Ивановичъ Кипріяновъ (мужъ двоюродной сестры, которую лечили магнетизмомъ), человѣкъ чрезвычайно умный, образованный и пріятный. Видя, съ какою неистовою страстью я предавался композиціи, онъ старался отклонить меня отъ этой, по его мнѣнію, пагубной склонности, увѣряя, что талантъ исполненія на фортепьяно и скрипкѣ, кромѣ собственнаго удовольствія, дѣйствительно можетъ доставить мнѣ пріятныя и полезныя знакомства, а отъ композиціи, говорилъ онъ, кромѣ зависти, досады и огорченій, ничего не должно надѣяться. Я отчасти извѣдалъ справедливость его словъ.

Мы съ Александромъ Ивановичемъ были свидѣтелями наводненія 1824 года 7 ноября. При первомъ появленіи воды на улицахъ, народъ шелъ отъ обѣдни, и барыни подымали платья до колѣна, что насъ забавляло. Когда же вода начала значительно прибывать, я обратился къ жившимъ надо мною (наша квартира была въ нижнемъ этажѣ), съ просьбою позволить на время перенести мой рояль къ нимъ. Экономка нѣмка, остававшаяся за отсутствіемъ барыни, ломала руки и плакала горько, сопровождая оханья соболѣзнованіями объ утонувшей коровѣ, на ломаномъ нѣмецко-русскомъ языкѣ. Рояль перенесли, но вода, достигнувъ порога моей квартиры, начала убывать.

Мужской компаніи я тогда не любилъ; предпочиталъ же общество дамъ и молодыхъ дѣвицъ, коимъ нравился мой музыкальный талантъ. Я скоро убѣдился въ необходимости умѣть танцовать, и началъ учиться у Гольца,

занимался съ нимъ около двухъ лѣтъ и дошелъ до entrechat double и ailes de pigeons и до другихъ па, коими въ то время франтили ловкіе танцоры.

Около того же времени, или нѣсколько позже, не помню, я познакомился съ итальянскимъ пѣвцомъ Belloli и началъ у него учиться пѣнію (итальянскому). Голосъ мой былъ сиплый, нѣсколько въ носъ и неопредѣленный, т. е. ни теноръ, ни баритонъ. Скажу, что хотя слухъ былъ у меня отличный, въ первые мѣсяцы отъ непривычки слышать себя, я пѣлъ невѣрно. Беллоли училъ хорошо, и владѣлъ еще голосомъ достаточно, такъ что могъ самъ пѣть все, чему училъ меня. Музыку buffa я вскорѣ началъ исполнять очень порядочно.

Несмотря на частыя занятія съ Мейеромъ, его объясненія и постоянное глубокое напряженіе, съ которымъ я трудился, въ сочиненіи все еще не было толку. Помню, что въ это время я написалъ квартетъ для двухъ скрипокъ, альта и віолончели (D-dur), но эта попытка удалась не лучше прежнихъ.

Въ 1825 году, я познакомился съ семействомъ княгини Хованской. Старшій сынъ ея, Юрій Сергѣевичъ, воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ; я съ нимъ подружился и въ короткое время былъ принятъ въ домѣ, какъ родной. Кромѣ дочерей и родственницъ, жила у нихъ въ домѣ дѣвица Лигле, изъ Вѣны; она учила музыкѣ дочерей княгини, превосходно играла съ листа (à livre ouvert) и аккомпанировала. Съ ней я много игралъ въ 4 руки, большею частію квартеты Гайдна, симфоніи Гайдна, Моцарта и даже нѣкоторыя пьесы Бетховена. Они тогда жили въ Царскомъ Селѣ; я иногда пріѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней: мое появленіе приводило всѣхъ въ радость; знали, что гдѣ я, тамъ скуки не будетъ. Дѣйствительно,

умѣлъ въ то время (милое время!) разнообразно потѣшать моихъ знакомыхъ, въ особенности удачнымъ исполненіемъ сценъ изъ оперъ буффа.

Я познакомился также съ Д. П. Демидовымъ, котораго дочь, Елена Дмитріевна, считалась, по справедливости, одной изъ первыхъ пѣвицъ-любительницъ въ столицѣ. Она владѣла чрезвычайно могучимъ контральто, но могла также исполнять и партіи сопрано. Лигле обыкновенно сопровождала пѣніе на фортепьяно, а Беллоли весьма часто пѣвалъ съ нею дуэты различныхъ maestro.

По всей справедливости я много обязанъ музыкальнымъ упражненіямъ въ домѣ Демидова.

Около этого времени я написалъ первое allegro сонаты D-moll для фортепьяно съ альтомъ. Это сочиненіе опрятнѣе другихъ, и я производилъ эту сонату съ Беллоли и Лигле; въ послѣднемъ случаѣ я игралъ на альтѣ. Adagio написано было позже, а Rondo, мотивъ котораго въ русскомъ родѣ памятенъ мнѣ до сихъ поръ, я и не принимался писать (я недавно помѣстилъ его въ «Дѣтской полькѣ»).

Первая неудачная попытка въ сочиненіи съ текстомъ относится къ этому времени. Это былъ романсъ на слова Константина Александровича Бахтурина, сына правителя нашей канцеляріи. Когда же сочиненъ мною первый удачный романсъ: «Не искушай меня безъ нужды» (слова Баратынскаго) — не помню; по соображенію полагаю, что я написалъ его около этого времени, т. е. въ теченіе 1825 года. Въ концѣ лѣта я переѣхалъ на Загородный проспектъ, въ домъ Нечаевой, на квартиру Александра Яковлевича Римскаго-Корсака, пансіоннаго товарища и земляка. Квартира наша, очень уютная, находилась во второмъ этажѣ (au premier) маленькаго флигеля на дворѣ;

къ нему принадлежалъ садъ, которымъ мы имѣли право пользоваться, въ саду была бесѣдка съ назидательною надписью: «Не пóшто далече, и здѣсь хорошо».

«Въ концѣ этого года я встрѣчался иногда съ нѣкоторыми изъ прежнихъ товарищей; одинъ изъ нихъ упрекалъ меня за то, что я оставилъ серьезныя занятія, чтобы терять драгоцѣнное время въ суетности, какъ говорилъ онъ, въ забавахъ. Я помню, что отвѣтилъ ему въ такомъ смыслѣ, что успѣю себѣ и послѣ, а теперь считаю приличнымъ соображаться съ наклонностями своими и возрастомъ. Этотъ самый товарищъ былъ жертвою своего легкомыслія; онъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянства и сосланъ въ Сибирь въ 1826 году.

«Декабря 14-го, рано утромъ зашелъ къ намъ старшій сынъ Линдквиста (бывшаго у насъ инспекторомъ въ пансіонѣ); мы пошли на площадь и видѣли, какъ Государь вышелъ изъ дворца. До сихъ поръ у меня ясно сохранился въ душѣ величественный и уваженіе внушающій видъ нашего Императора; я до тѣхъ поръ никогда не видалъ его. Онъ былъ блѣденъ и нѣсколько грустенъ; сложивъ спокойно руки на груди, пошелъ онъ тихимъ шагомъ прямо въ средину толпы, и обратился къ ней съ словами: «дѣти, дѣти, разойдитесь!» Мы пробыли на площади нѣсколько часовъ, потомъ я, вынужденный голодомъ (ибо не завтракалъ), отправился къ Бахтуринымъ. Можетъ быть, это, повидимому неважное, обстоятельство спасло меня отъ смерти или увѣчья; вскорѣ раздались пушечные выстрѣлы, направленные противъ мятежниковъ. Нѣсколько дней спустя въ полночь послышался шумъ у воротъ, растворилась дверь квартиры, и полковникъ Варенцовъ, дежурный штабъ-офицеръ нашего вѣдомства, повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ явиться немедленно къ его высочеству. Воо-

бразите меня, едва проснувшагося, вовсе незнавшаго въ чемъ дѣло, прибавьте, что между мятежниками были очень знакомые мнѣ люди, однимъ словомъ, я почувствовалъ (хотя на короткое время) то чувство, которое мы называемъ страхомъ. Сердце замерло, а душа, какъ говорится, ушла въ пятки. Оправясь, въ минуту я одѣлся, и во время переѣзда къ главнокомандующему путями сообщеній, герцогу Виртембергскому, брату вдовствующей императрицы Маріи Өеодоровны, я попросилъ полковника сказать мнѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Одного слова достаточно было, чтобы меня успокоить: вотъ въ чемъ было дѣло.

«У Кюхельбекера[1]) (бывшаго нашего гувернера), участвовавшаго въ мятежѣ, было два племянника (сына его сестры Устиньи Карловны), Дмитрій и Борисъ Григорьевичи. Онъ убѣжалъ, его искали и подозрѣвали, что онъ укрывался въ столицѣ у одного изъ племянниковъ[2]). Мнѣ легко было въ двухъ словахъ отклонить отъ меня подозрѣніе, тѣмъ болѣе, что Дмитрій и Борисъ были дѣти Григорія Андреевича Глинки, бывшаго кавалеромъ при государѣ Николаѣ Павловичѣ, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, воспитывались на казенный счетъ и отличались особеннымъ благонравіемъ. Все это я спокойно и на довольно опрятномъ французскомъ языкѣ, въ коемъ я усовершенствовался съ помощью бывшаго гувернера дѣ-

---

[1]) Въ подлинникѣ вычеркнуто слѣдующее примѣч. Глинки: «Кюхельбекеръ былъ у насъ въ мезонинѣ сначала особеннымъ для меня съ товарищами гувернеромъ, потомъ преподавалъ синтаксисъ и сочиненіе на русскомъ языкѣ».

[2]) Въ подлинникѣ вычеркнуты слѣдующія слова: «Убѣжденный сколько въ ихъ добрыхъ качествахъ, столько и въ томъ, что они...»

тей княгини Хованской [1]) объяснилъ герцогу; онъ ласково выслушалъ и отпустилъ меня» [2]).

Въ концѣ декабря мы съ Корсаковымъ отправились въ деревню; я—по случаю помолвки старшей сестры моей Пелагеи Ивановны съ нашимъ сосѣдомъ Яковомъ Михайловичемъ Соболевскимъ, милымъ и образованнымъ человѣкомъ

Вскорѣ по пріѣздѣ въ деревню, я съ родными поѣхалъ въ Смоленскъ. Мы остановились въ квартирѣ родственника, Алексѣя Андреевича Ушакова, человѣка веселонравнаго и радушнаго, но когда онъ разсказывалъ что бы то ни было, то преувеличивалъ по степени повѣствованія до самой нелѣпой лжи, приводя иногда, для удостовѣренія другихъ, въ свидѣтели даже слугъ своихъ. 18-ти лѣтняя дочь его, миловидная дѣвушка, играла хорошо на фортепьяно; во время моего пребыванія у нихъ, музыка, разумѣется, была въ ходу. Въ угожденіе моей милой племянницѣ я написалъ для фортепьяно варьяціи на итальянскій, въ тогдашнее время модный романсъ «Benedetta sia la madre» (E-dur). Эти варьяціи были нѣсколько исправлены Мейеромъ, и впослѣдствіи отданы въ печать (когда, именно не помню). Такимъ образомъ это была первая пьеса моего сочиненія, появившаяся въ печати. Въ числѣ семействъ, жившихъ тогда въ Смоленскѣ, было семейство генерала въ отставкѣ Апухтина. Онъ любилъ жить открыто; а такъ какъ, по случаю всеобщаго траура, танцы не были допущены, то выдумалъ дать представленіе согласно съ тогдашними обстоятельствами, а именно: прологъ на кон-

---

[1]) Онъ назывался Romulus Godefroi, и какъ говорилъ, naquit du temps de la terreur. Онъ жилъ съ нами. *Примѣч. Глинки.*

[2]) Все мѣсто, отмѣченное у насъ ковычками, въ подлинной рукописи зачеркнуто самимъ Глинкою.

чину императора Александра и восшествіе на престолъ государя Николая Павловича. Слова сочинены были на французскомъ языкѣ гувернеромъ въ домѣ генерала, музыка была поручена мнѣ; она состояла изъ хора C-moll, аріи B-dur, долженствовавшей быть заключеніемъ пролога съ торжественнымъ хоромъ, также B-dur. Вся эта музыка была съ аккомпанементомъ фортепьяно и контрабаса, на фортепьяно игралъ К. Ѳ. Гемпель и пѣлъ высокаго тенора въ хорѣ C-moll. Арію B-dur, одѣтый геніемъ (не помню, былъ ли факелъ и крылья), пѣлъ я. Несмотря на нѣкоторыя неловкости (gaucheries), несообразность тоновъ C-moll и B-dur, я считаю эту кантату первымъ удачнымъ опытомъ въ вокальной музыкѣ большого размѣра. Я писалъ искренно и помню, что эта пьеса довольно вѣрно выражаетъ слова[1]).

Послѣ свадьбы сестры я снова отправился въ Смоленскъ повеселиться на масляной недѣлѣ. Возвратясь домой, я завелъ птицъ разнаго рода; ихъ было до 16-ти, между прочими варякушка, ольшанка, черноголовка и другія этого рода (genre fauvette).

По вечерамъ и въ сумерки любилъ я мечтать за фортепьяно. Сантиментальная поэзія Жуковскаго мнѣ чрезвычайно нравилась и трогала меня до слезъ (вообще говоря, въ молодости я былъ парень романическаго устройства и любилъ поплакать сладкими слезами умиленія). Кажется, что два тоскливыхъ моихъ романса: «Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбищѣ» и «Бѣдный пѣвецъ» были написаны въ это время (на слова Жуковскаго), весною 1826 года.

---

[1]) Эта пьеса, внесенная въ такъ-названную Глинкой зеленую тетрадь, находится въ настоящее время въ И. П. Библіот. Отчетъ за 1867 годъ, стр. 23—24.

Въ маѣ того же 1826 года, я снова отправился въ Петербургъ. Прежде этого, однакожъ, было отослано къ начальству свидѣтельство о болѣзни, съ просьбою о продолженіи отпуска. Лѣто 1826 года было сухое и знойное. Лѣса горѣли и я страдалъ безсонницей (слѣдствіе сѣрныхъ кавказскихъ водъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что я занимался музыкою въ теченіе того года, но въ чемъ именно состояли эти занятія, рѣшительно не помню. Въ концѣ зимы того же 1826 года пріѣхалъ батюшка и остановился у насъ. Такъ какъ дѣла требовали довольно долговременнаго пребыванія его въ столицѣ, то онъ и рѣшился остаться съ нами, чтобы не разлучаться со мною. Отцу моему было тогда около 49 лѣтъ. Онъ былъ бодръ, лицо блистало свѣжестью, хотя волосы были уже съ достаточною просѣдью. Онъ очень любилъ меня и всѣхъ дѣтей своихъ; со мною же обращался какъ съ товарищемъ, повѣрялъ мнѣ тайны и предположенія свои, не скрывая радостей и огорченій. Такъ какъ квартира наша, занимаемая въ домѣ Нечаевой на Загородномъ проспектѣ, оказалась тѣсною для нашего помѣщенія, то въ началѣ 1827 года переѣхали мы въ Торговую улицу, что у театральной площади, домъ Пискарева.

Отцу понадобилось на мѣсяцъ или на два раннею весною отправиться въ деревню. Мы остались съ Корсакомъ. Однажды съ пріятельницей Корсака явилась молодая дѣвушка Катенька, которая произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я въ первыя свиданія съ нею считалъ себя вполнѣ счастливымъ, но вскорѣ оказалось противное. Ея сердце принадлежало другому и всѣ старанія и ухищренія злобы возбудить въ ней взаимность остались тщетными. Грусть этого состоянія высказана мною въ сочиненной по сему случаю музыкѣ на слова Корсака:

Я люблю, ты говорила,
И тебѣ повѣрилъ я.
Но другого ты любила,
Мнѣ такъ страстно говоря:
Я люблю, я люблю, и проч.

Впослѣдствіи подъ эту музыку князь С. Голицынъ поддѣлалъ французскіе стихи. И этотъ романсъ извѣстенъ подъ именемъ: «Le baiser».

Къ этой грусти скоро присоединились и физическія страданія.

Отецъ, по возвращеніи изъ деревни, встрѣтился однажды въ обществѣ съ докторомъ Браиловымъ и, (этотъ) узнавъ отъ него, что я золотушнаго расположенія, предложилъ свои услуги. Для совершенно радикальной вылечки надлежало выпить около 30 или болѣе бутылокъ нѣкоего декокту. О Боже, что это былъ за декоктъ! Вяжущій, пряный, густой, отвратительнаго зелено-болотнаго цвѣта. Дѣйствовалъ же весьма сильно, слабилъ жестоко съ мучительною болью, а съ другой стороны не только не освѣжилъ, но гналъ кровь къ головѣ до такой степени, что на долгое время я совершенно лишился сна. Кончивъ всѣ бутылки съ примѣрнымъ терпѣніемъ, я не вдругъ поправился.

Несмотря на это, я продолжалъ сочинять; кромѣ романса: «Горько, горько мнѣ», написаннаго мною въ 1827 году на слова Корсака, я сочинилъ нѣсколько театральныхъ отдѣльныхъ сценъ для пѣнія съ оркестромъ, а именно: дуэтъ съ речитативомъ для баса съ теноромъ (A-dur), хоръ на смерть героя (C-moll), арію для баритона (As-dur), (Adagio этой послѣдней послужило мнѣ для канона финала 1-го акта оперы «Русланъ и Людмила»), молитву для театра въ три голоса F-dur.

Занятія мои были прерваны золотушнымъ воспаленіемъ въ лѣвомъ глазу, происшедшимъ, вѣроятно, отъ продолжительныхъ приливовъ крови къ головѣ. Меня посадили въ темную комнату, а лечилъ меня знаменитый окулистъ Лерхе, при чемъ дѣло не обошлось безъ слабительныхъ. Это насильственное употребленіе внутреннихъ лекарствъ видимо повредило моему здоровью и приготовило новыя страданія.

По миновании болѣзни глаза, я съ новымъ рвеніемъ [1]) принялся за работу [2]). Обстоятельства мнѣ благопріятствовали: на нашей квартирѣ зала была большая; одинъ изъ моихъ знакомыхъ, графъ Девьеръ, игралъ весьма хорошо на скрипкѣ. Онъ былъ полковымъ адъютантомъ конногвардейскаго полка, и изрѣдка я могъ брать къ себѣ нужное для моихъ сочиненій число духовыхъ инструментовъ за весьма необременительныя кондиціи. Недостававшіе струнные инструменты равнымъ образомъ находили мы также хозяйственными распоряженіями. Въ вокальной части помогалъ мнѣ Варламовъ; онъ самъ охотно пѣлъ басовыя партіи, и съ искреннею готовностью привозилъ потребное число пѣвчихъ (конюшенныхъ, если не ошибаюсь) для исполненія хоровъ. Такимъ образомъ я слышалъ эффектъ написаннаго мною.

Около этого времени (кажется) я познакомился съ скрипачемъ Реми (Remi); онъ въ нѣсколько уроковъ выправилъ мнѣ правую руку; къ сожалѣнію это случилось поздно,—страсть къ сочиненію рѣшительно отвлекла меня отъ упражненія въ исполненіи. Бёма я уже оставилъ; персидскій же языкъ—вскорѣ по выпускѣ изъ пансіона.

---

[1]) «Энтузіазмомъ»—зачеркнуто.

[2]) На полѣ карандашомъ написано: «англоманія въ этомъ году».

Въ это время кругъ моего знакомства увеличился, и я очень хорошо помню, что по вечерамъ часто бывали у насъ Толстые. Ихъ было четверо; меньшой, Ѳеофилъ Матвѣевичъ (Ростиславъ), чрезвычайно мило пѣлъ теноромъ (voix sympatique). Они принадлежали къ высшему обществу, но были милые, веселые люди, и не брезгали жаренымъ картофелемъ съ лукомъ, который у насъ изготовляли въ совершенствѣ.

Въ началѣ весны 1827 года, во время пребыванія отца въ Петербургѣ, случилось обстоятельство, имѣвшее важное впослѣдствіи вліяніе на мое благосостояніе. Въ Торговой улицѣ противъ нашей квартиры жилъ въ собственномъ домѣ статскій совѣтникъ Погодинъ, теперь сенаторъ и гофъ-интендантъ дѣйствующей арміи. Узнавъ, что батюшка желалъ предпринять важную операцію, онъ, основываясь на пріобрѣтенной родителемъ репутаціи человѣка свѣдущаго и вѣрнаго, самъ явился къ нему и, отрекомендовавшись, предложилъ быть въ половинѣ, ввѣривъ ему капиталъ до 500,000 ассигнаціями для залоговъ. Пріобрѣтенная этимъ способомъ выгода впослѣдствіи достаточна была для совершеннаго освобожденія имѣній нашихъ отъ долговъ, ихъ обременявшихъ.

Мало-по-малу зимою здоровье мое начало разстраиваться; несмотря на тяжкія иногда страданія, я часто проводилъ время пріятно и весело. Съ тѣхъ поръ какъ я поселился съ Корсакомъ, мы часто видѣлись съ пансіонскимъ товарищемъ нашимъ Лукьяновичемъ (онъ теперь управляющій канцеляріею комитета раненыхъ); это былъ веселый, забавный и милый человѣкъ; онъ любилъ литературу, съ Корсакомъ писалъ разныя статьи, да и я, грѣшный, брался иногда за перо, увлеченный ихъ примѣромъ. Вскорѣ сдѣлался нашимъ собесѣдникомъ и Иванъ

Екимовичъ, а къ нему присоединился пріятель его Алексѣй Григорьевичъ Огинскій, переводчикъ Гольдсмита, Гиллиса и другихъ англійскихъ историковъ, мужъ ученый и трудолюбивый. Наружный видъ его составлялъ разительную противоположность съ Иванъ Екимовичемъ. Алексѣй Григорьевичъ былъ роста высокаго, чрезвычайно лысъ, лицо его нѣсколько походило на обезьяну, говорилъ же важно, протяжно, въ носъ, густымъ басомъ, при чемъ воздвигалъ торжественно правую руку для бо̀льшаго убѣжденія слушателей.

Наши дружескія литературныя бесѣды, при содѣйствіи пунша, оканчивались почти всегда философскими преніями. По третьему и четвертому пуншу Иванъ Екимовичъ приходилъ въ восторгъ и нерѣдко восклицалъ: «Диспутовать буду; буду диспутовать, довольно!» Зимою съ 1827 на 28 годъ пріѣхалъ къ намъ зять Корсака — Равинскій; онъ въ молодости былъ человѣкъ веселый, остроумный и любилъ смѣшить разными затѣйливыми выходками, при чемъ сохранялъ всегда серьезный видъ. Мы съ Корсакомъ рѣшились позабавить его нашими оригиналами. Я былъ боленъ, но несмотря на то, и теперь не могу вспомнить безъ смѣха дружеской бесѣды, устроенной для Равинскаго. Порція пунша была усилена, вскорѣ Иванъ Екимовичъ завопилъ:

«А. Григ., отъ слова Ванька Колмаковъ пьянъ, доведу: азъ есмь путь, истина и животъ».

Огинскій со смѣхомъ: «Анъ не доведете!»

И. Ек.: «Доведу, говорю!»

Огинскій, усиливая смѣхъ: «Не доведете.»

И. Ек.: «Слушай: Что Ванька Колмаковъ пьянъ, доказывается...

Огинскій: «Demonstratur».
И. Ек.: «Красенъ».
Огинскій: «Ruber est.»
И. Ек.: «Шатается».
Огинскій: «Vacillat» и проч.

И вслѣдъ за этимъ приступомъ, повели наши витіи такія забавныя и замысловатыя рѣчи, что Равинскій опрометью выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы не задохнуться отъ смѣха.

Въ мартѣ 1828 года я поѣхалъ навѣстить родителей; старшую сестру мою, съ которой провелъ первые годы дѣтства, видѣлъ тогда въ послѣдній разъ: она скончалась въ теченіе лѣта 1828 года. Въ концѣ апрѣля я отправился въ Москву на перекладной телѣжкѣ безъ верха. Около города Гжатска мнѣ надуло вѣтромъ въ лѣвый глазъ. Глазъ воспалился, цѣлую станцію я проѣхалъ, закрытый рогожкой. Въ Гжатскѣ я потребовалъ доктора, но мнѣ отвѣтили, что докторъ плохъ, а цирульникъ весьма смѣтливъ; позвали послѣдняго, онъ далъ мнѣ розмариноваго и каяпутоваго масла, которыя въ нѣсколько часовъ разогнали боль, уничтожили воспаленіе, и я доѣхалъ въ Москву благополучно.

Цѣль этой поѣздки было свиданіе съ пансіонскимъ товарищемъ и пріятелемъ, Ник. Алексѣевичемъ Мельгуновымъ. Онъ не оставался долго въ пансіонѣ по причинѣ слабости здоровья. Я часто навѣщалъ его по выходѣ его изъ пансіона, и гостилъ у его добрыхъ и привѣтливыхъ родителей. Отецъ мой, будучи въ Петербургѣ, познакомился съ ними и едва не отпустилъ меня заграницу съ Ник. Алексѣевичемъ и отцомъ его. Къ моему счастію, батюшка былъ человѣкъ разсудительный; разсчелъ, что русскому человѣку не слѣдуетъ быть французомъ, потомъ считалъ не излишнимъ

право на чинъ 10-го класса по окончаніи курса въ пансіонѣ [1]).

У Мельгунова я былъ только до 9-го мая (дня его ангела); въ эти немногіе дни я писалъ Adagio (B-dur) D-moll сонаты и помню, что въ этой пьесѣ былъ довольно ловкій контрапунктъ. Выѣхавъ на перекладной утромъ на зарѣ 9-го мая, я прибылъ къ сроку моего отпуска въ Петербургъ, но на службѣ оставался недолго, и подалъ въ отставку по слѣдующей причинѣ. У И. С. Горголи (одного изъ генераловъ, члена совѣта путей сообщенія) была жена и три дочери; одна изъ нихъ, по имени Поликсена, училась пѣнію у Беллоли; я часто аккомпанировалъ ей и пѣвалъ съ нею. Впослѣдствіи времени кругъ моего знакомства значительно расширился и я рѣже посѣщалъ домъ генерала Горголи. Надо сказать правду, что генеральша и ея дочки не могли внушить искренняго желанія часто бывать у нихъ; онѣ жили долгое время въ Кіевѣ, и къ суматошнымъ провинціальнымъ пріемамъ присоединяли страсть говорить чрезвычайно громко и всѣ четыре вдругъ, такъ что не только гостей, но и генерала самого заставляли молчать всякій разъ, когда обращались къ нему.

Я былъ помощникомъ секретаря, но меня заставляли читать вслухъ въ присутствіи записки со всѣхъ трехъ столовъ. Когда я началъ посѣщать рѣже домъ генерала Горголи, мнѣ не трудно было замѣтить значительную перемѣну въ обращеніи его со мною. Этимъ дѣло не ограничилось: генералъ, пересматривая бумаги, находилъ, что запятыя не на своихъ мѣстахъ и правописаніе не вездѣ соблюдено. Хотя нельзя было отъ меня, по справедливости,

---

[1]) Зачеркнуто: «Такимъ образомъ я остался и кончилъ курсъ въ пансіонѣ».

требовать отвѣтственности за всѣ три стола нашей канцеляріи, однакожъ съ должнымъ уваженіемъ къ начальнику не отвѣчалъ ни слова, подумалъ только про себя: «эге, здѣсь шашни баловницы Поликсены», и тутъ же рѣшилъ совсѣмъ прекратить посѣщенія. Естественно, генералъ сталъ взыскательнѣе, а я, не тратя даромъ времени, въ одинъ изъ докладовъ подалъ ему прошеніе объ отставкѣ и вышелъ изъ службы изъ-за запятой.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я поселился на углу Невскаго проспекта и Владимірской, въ домѣ Барбазана (теперь Жукова, если не ошибаюсь), на квартирѣ пансіонскаго товарища Чиркова. Вскорѣ здоровье мое начало примѣтно портиться; золотуха прикинулась къ двумъ пальцамъ правой руки, въ видѣ лишая, и глаза воспалились до такой степени, что я не могъ ни писать, ни читать на фортепьяно. Лерхе меня вылечилъ, но золотушное начало продолжало тревожить меня. Нѣтъ сомнѣнія, что можно было весьма легкими средствами если не искоренить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить болѣзнь. Судьба опредѣлила иначе.

Дальній родственникъ нашъ, Алексѣй Степ. Стунѣевъ, искренно меня любившій, неоднократно былъ невинною причиною многихъ бѣдъ въ жизни моей. Онъ познакомилъ меня съ докторомъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, Гасовскимъ. Онъ былъ человѣкъ добрый, но отъ этого не было легче его паціентамъ (двое братьевъ моихъ и отецъ были жертвами его способа леченія) [1]). Сдѣлавшись впослѣдствіи гомеопатомъ, онъ самъ говорилъ мнѣ, что, лечивъ алопатически, онъ былъ врагомъ рода человѣческаго. Дѣйствительно, онъ давалъ большіе пріемы сильныхъ героическихъ средствъ, безъ всякой на то причины;

---

[1]) На полѣ карандашомъ: «смягчить фатализмъ».

любимыми же его средствами были: меркурій, сѣра, хина и опіумъ.

Онъ подвергъ меня, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, наружному и внутреннему употребленію перваго изъ вышеупомянутыхъ средствъ, безъ всякой особенной причины, не разсмотрѣвъ и не разспросивъ меня обстоятельно. Цѣлый мѣсяцъ я просидѣлъ въ душной комнатѣ, несмотря на лѣтній жаръ. По прошествіи четырехъ недѣль выпустилъ меня изъ заключенія, предписавъ нѣсколько сѣрныхъ ваннъ: отъ этого неумѣстнаго и несообразнаго съ моимъ слабонервнымъ сложеніемъ леченія, я тогда почувствовалъ только легкое раздраженіе въ plexus solaris и ложный аппетитъ.

Въ теченіе этого года я работалъ прилежно; началъ учиться итальянскому языку у Марокети съ Толстымъ [1]) и еще съ кѣмъ не помню. У сына извѣстнаго buffa итальянской бывшей тогда оперы въ Петербургѣ, Zamboni, бралъ уроки въ композиціи. Онъ задавалъ мнѣ текстъ итальянскій и заставлялъ писать аріи, речитативы и пр., также 2-хъ-голосныя фуги безъ словъ. Сими послѣдними опытами я похвалиться не могу, хотя уже былъ нѣсколько знакомъ съ Clavecin bien tempéré Себ. Баха. Кромѣ того написалъ я: A) Серенаду на данныя мнѣ Толстымъ итальянскія слова:

«O mia dolce,
«Mia carina.

Въ то время эта серенада нравилась. B) Квартетъ F-dur для сопрано, альта, тенора и баса, съ аккомпаниментомъ двухъ скрипокъ, альта и віолончели (Come di

---

[1]) Объ этомъ періодѣ времени надо справиться у Ѳ. М. Толстаго.
Примѣч. Глинки.

gloria al nome) [1]). C) Квартетъ для тѣхъ же голосовъ и инструментовъ G-moll (Sogna chi crede esser felice). Эти двѣ пьесы были исполнены у Демидова, а первая F-dur впослѣдствіи и у Львова. D) Также написаны мною романсы «Память сердца» Батюшкова, для А. С. Стунѣева, а на слова князя Серг. Голицына «Pour un moment» и «Скажи зачѣмъ».

Я не могу теперь изложить главнѣйшихъ событій этого періода въ хронологическомъ порядкѣ. Впрочемъ это не важно.

Знакомство съ княземъ Сер. Григ. Голицынымъ имѣло важное вліяніе на развитіе моихъ музыкальныхъ способностей. Онъ былъ милый, веселый, подчасъ забавный молодой человѣкъ, хорошо зналъ музыку и пѣлъ очень пріятно прекраснымъ густымъ басомъ. Я былъ тогда чрезвычайно застѣнчивъ; онъ умѣлъ ободрить меня и ввелъ въ кругъ молодыхъ людей высшаго тона. Благодаря его дружескому участію, я пріобрѣлъ много пріятныхъ и полезныхъ знакомствъ. Самъ же онъ умѣлъ ловко возбуждать меня къ дѣятельности, писалъ для меня стихи и охотно исполнялъ мои сочиненія. Предъ отъѣздомъ моимъ въ Москву онъ мнѣ далъ письмо къ Николаю Николаевичу Норову (который теперь помощникомъ министра финансовъ) слѣдующаго лаконическаго содержанія: «Податель этой записки—Глинка». Норовъ принялъ меня ласково, я съ нимъ скоро сблизился, и не могу утерпѣть, чтобъ не обнаружить чувствъ дружбы и признательности къ этому рѣдкому по душѣ и таланту человѣку.

Въ это время между молодыми людьми высшаго круга

---

[1]) Этотъ квартетъ находится въ И. П. Б. См. отчетъ 1867 года, стр. 27—31.

находился камеръ-юнкеръ Евгеній Петровичъ Штеричъ. Хотя онъ былъ élégant въ полномъ смыслѣ этого слова и любилъ блистать въ салонахъ, однако же отличался рѣдкими душевными качествами. Между прочимъ, онъ былъ хорошій музыкантъ, учился у Мейера и игралъ опрятно на фортепьяно. Я съ нимъ вскорѣ подружился и нерѣдко съ Серг. Голицынымъ (Ѳирсомъ?) мы посѣщали его въ Павловскѣ, гдѣ онъ жилъ въ лѣтніе мѣсяцы. Тамъ представляли меня знаменитому нашему поэту Василію Андреевичу Жуковскому. Съ графомъ Вельегорскимъ я былъ прежде знакомъ, а въ Павловскѣ я съ нимъ сблизился, и мы писали, помнится, каждый по канону, пробуя такимъ образомъ наши силы въ композиціи. Прежде чѣмъ графъ М. Ю. Вельегорскій принялся за перо, я успѣлъ состряпать канонъ (который, кажется, уцѣлѣлъ) на слѣдующія слова кн. Голицына:

«Мы въ сей обители святой
«Въ молитвахъ дни проводимъ;
«Не зная суеты мірской,
«Здѣсь счастіе находимъ.

Мы съ княземъ Голицынымъ ѣздили на Черную рѣчку къ князю Вас. Петр. Голицыну, который хорошо пѣлъ теноромъ. Въ концѣ августа собрались мы, Толстые, и другіе молодые люди потѣшить публику серенадой. Репетиціи были чрезвычайно занимательны, и у оконъ дома, гдѣ жилъ князь Вас. Петр. Голицынъ, по вечерамъ толпились слушатели и слушательницы. Въ день серенады [1]) появились на Черной рѣчкѣ два украшенные фонарями катера, на одномъ сидѣли мы, а на другомъ помѣстили трубачей кавалергардскаго полка. На кормѣ приладили

[1]) 21 августа, по словамъ «Сѣверной Пчелы».

маленькое фортепьяно, на которомъ я аккомпанировалъ и управлялъ хоромъ. Всѣхъ исполненныхъ пьесъ не упомню. Пріятное впечатлѣніе произвелъ на водѣ милый голосъ Ѳ. М. Толстого въ венеціанскомъ баркаролѣ «da brava Catina». Недурно былъ исполненъ хоръ изъ «Dame blanche» Буальдье «Sonnez, sonnez, cors et musettes». Послѣ каждой исполненной нами пьесы, раздавались стройные, сильные, величественные звуки трубъ. Инструменты съ clefs?[1]) (pistons) тогда еще не были изобрѣтены. Музыкальныя уши не страдали, какъ нынѣ, отъ невѣрныхъ, противныхъ звуковъ, которыми теперь насъ нещадно угощаютъ. Мазурка графа Михаила Юрьевича, нарочно для трубъ сочиненная, произвела на меня сильное впечатлѣніе, и маршъ въ финалѣ оперы «Жизнь за Царя» написанъ мною именно для простыхъ трубъ, безъ pistons, и, если бы возможно было отыскать теперь хоръ трубачей, подобныхъ тѣмъ, каковые участвовали тогда въ нашей серенадѣ, нѣтъ сомнѣнія, что финалъ оперы значительно произвелъ бы болѣе эффекта.

Объ этой серенадѣ напечатали въ «Сѣверной Пчелѣ» [2]), и этотъ первый успѣхъ поощрилъ насъ къ новымъ предпріятіямъ подобнаго рода. Мы дали представленіе князю Кочубею (тогдашнему президенту государственнаго совѣта); насъ было около 16 человѣкъ: кромѣ князей Голицыныхъ, Толстыхъ, Штерича и меня, участвовали Бащуцкій, графъ Протасовъ (теперь онъ оберъ-прокуроръ синода) и другіе; также былъ полный оркестръ, и Карлъ Мейеръ игралъ на фортепьяно. Я, въ кисейномъ бѣломъ

---

[1]) Зачеркнуто: «фитилями».

[2]) Сѣверная Пчела. 1827. № 103. Августа 27. Петербургскія записки. Объ увеселеніяхъ столицы. Письмо въ Либаву къ Ал. Никит. Пещурову отъ 25 авг. 1827. Ѳ. Б. (улгарина).

женскомъ платьѣ и рыжемъ парикѣ, исполнилъ роль Donna Anna въ интродукціи «Донъ-Жуана» Моцарта и импровизировалъ на фортепьяно. Въ Царскомъ Селѣ также мы дали еще представленіе, гдѣ произвели мою серенаду и куплеты съ хоромъ: «Лица въ черной мантіи» (слова князя Голицына); куплеты пѣлъ Ивановъ, а хоръ—придворные пѣвчіе. Была также маленькая выходка и для кн. С. Голицына. Наконецъ мы ѣздили за 200 верстъ, новгородской губерніи въ село Марьино, къ графинѣ Строгоновой. Я участвовалъ въ представленіи нѣсколькихъ сценъ изъ «Barbiere di Sevigla» Россини, въ ролѣ Figaro. За это насъ тамъ угощали нѣсколько дней.

Лѣтомъ того же 1828 г. Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, композиторъ извѣстныхъ русскихъ романсовъ и хорошо пѣвшій баритономъ, познакомилъ меня съ барономъ Дельвигомъ, извѣстнымъ нашимъ поэтомъ. Я нерѣдко навѣщалъ его; зимою бывала тамъ дѣвица Лигле; мы игрывали въ 4 руки. Баронъ Дельвигъ передѣлалъ для моей музыки пѣсню: «Ахъ ты, ночь ли ноченька» и тогда же я написалъ музыку на его слова: «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили». Эту пѣсню весьма ловко пѣвалъ М. Л. Яковлевъ.

Около этого времени я часто видался съ извѣстнѣйшимъ поэтомъ нашимъ Алекс. Серг. Пушкинымъ (который хаживалъ и прежде того къ намъ въ пансіонъ къ брату своему, воспитывавшемуся со мною въ пансіонѣ), и пользовался его знакомствомъ до самой его кончины.

Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ, авторомъ комедіи: «Горе отъ ума». Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сообщилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ потомъ А. С. Пушкинъ написалъ романсъ: «Не пой, волшебница (sic!), при мнѣ».

Иванова я слышалъ въ первый разъ тоже около этого времени; мнѣ не трудно было подмѣтить его нѣжный и звонкій голосъ. Сначала онъ былъ такъ робокъ, что пѣлъ только до верхнихъ f и sol; я уговорилъ его навѣстить меня, и въ короткое время, заставляя пѣть пьесы постепенно выше и выше, я нечувствительно довелъ его до верхнихъ la и si-b. Впослѣдствіи онъ участвовалъ часто въ нашихъ домашнихъ музыкальныхъ вечерахъ.

Тогда же (сколько помнится) познакомился я съ извѣстной фортепьянисткой Шимановской; у нея было двѣ дочери, Целина и Елена. Онѣ изрядно пѣли; я былъ maestro на музыкальныхъ утрахъ Шимановской; исполняли иногда и мою музыку. Тамъ, если не ошибаюсь, встрѣтился я съ извѣстнымъ поэтомъ Мицкевичемъ; онъ тогда ухаживалъ за Целиной, на которой впослѣдствіи женился. Въ 1828 году мы предприняли съ княземъ С. Голицынымъ издать «Лирическій Альбомъ», но дѣло долго не шло на ладъ. Николай Ивановичъ Павлищевъ взялся за изданіе, и альбомъ явился въ свѣтъ въ 1829 г.

Въ концѣ 1828 года здоровье мое начало разстроиваться, я сталъ чувствовать боли, особенно въ сырое и холодное время.

Гасовскій прописалъ мнѣ Майскій бальзамъ Немича, который произвелъ сыпь по всему тѣлу; несмотря на это, я чувствовалъ себя все хуже и хуже. Въ началѣ 1829 года, около марта, Соломонъ (извѣстный впослѣдствіи операторъ) принялся лечить меня. Цѣлыхъ два мѣсяца продержалъ меня въ теплой комнатѣ и заставилъ принимать пилюли Sublimatum, постепенно увеличивая пріемы, такъ что безъ сомнѣнія я принялъ отъ 80 до 100 пилюль, при весьма строгой діэтѣ. Это леченіе такъ меня разслабило, что когда князь С. Голицынъ, отпра-

4

вляясь въ дѣйствующую армію (онъ перешелъ въ военную службу и былъ адъютантомъ у графа Ридигера), пріѣхалъ проститься со мною, то онъ нашелъ меня въ чрезвычайно болѣзненномъ состояніи. Однако же я написалъ въ то время романсъ «Забуду-ль я?» (слова кн. Голицына); его же романсъ «Разочарованіе» (Гдѣ ты, о первое желанье) должно отнести, кажется, къ 1828 году.

Въ маѣ, послѣ нѣсколькихъ сѣрныхъ ваннъ, я оправился, но ненадолго. Я часто посѣщалъ барона Дельвига; кромѣ его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Кернъ [1]). Въ іюнѣ баронъ съ женою, г-жею Кернъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ весьма умнымъ и любезнымъ человѣкомъ), отправились въ четырехъ-мѣстной линейкѣ на Иматру; мы съ Корсакомъ поѣхали вслѣдъ за ними на телѣжкѣ. Съѣхавшись въ Выборгѣ, вмѣстѣ гуляли мы въ прекрасномъ саду барона Николаи. Вмѣстѣ видѣли Иматру и возвратились въ Петербургъ. Одинъ изъ чухонцевъ-ямщиковъ пѣлъ пѣсню, которая мнѣ очень понравилась; я заставилъ его неоднократно повторить и, затвердивъ ее, употребилъ потомъ главною темою баллады Финна, въ оперѣ «Русланъ и Людмила». Это путешествіе было бы для меня еще пріятнѣе, если бы болѣзнь не посѣтила меня. Еще до поѣздки, несмотря на прекрасную погоду, начали мало-помалу развиваться жестокія нервныя боли (névralgies), которыя, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, усилились до такой степени, что появлялись ежедневно въ сопровожденіи лихорадки съ жаромъ и бредомъ. Пароксизмъ оканчивался сильною и неправильною (abnormale) испариной.

[1]) Анна Петровна Кернъ, см. ея Воспоминанія въ «Русской Старинѣ».

Эти страданія безъ сомнѣнія причиною того, что я не такъ ясно помню этотъ періодъ времени.

Въ теченіе лѣта 1829 года написанъ мною романсъ: «Ночь осенняя, ночь любезная», слова Корсака. Въ концѣ лѣта я часто навѣщалъ Дельвиговъ и нерѣдко слышалъ на Невѣ роговую музыку Нарышкина. Въ особенности производила волшебный эффектъ пьеса Шимановской «Вилія», состоящая вся изъ арпеджій. Зачѣмъ покинули этотъ фантастическій оркестръ и ввели отвратительныя trompettes à clefs?

Помнится, что, вскорѣ по возвращеніи изъ Иматры, мы угостили Дельвига, Кернъ и Сомова Колмаковымъ И. Е. и Огинскимъ, и удачно.

Дельвигъ написалъ мнѣ слова: «Не осенній частый дождикъ». Музыку этихъ словъ я впослѣдствіи взялъ на романсъ Антониды «Не о томъ скорблю, подруженьки», въ оп. «Жизнь за Царя».

Осенью того же года у Штерича я слышалъ персидскую пѣсню, пѣтую секретаремъ министра иностранныхъ дѣлъ Хозрева-Мирзы. Этотъ мотивъ послужилъ мнѣ для хора «Ложится въ полѣ мракъ ночной», въ оперѣ «Русланъ и Людмила».

Тогда же осенью я бывалъ у Львовыхъ, гдѣ исполнялся мой квартетъ F-dur: «Come di gloria al nome».

Около этого времени, боли, особенно шейныхъ желѣзъ, дошли до такой степени, что я катался по полу и кусалъ себя отъ невыносимой муки. Вскорѣ (отъ простуды вѣроятно) образовалась упорная спазматическая боль сзади шеи; хотя отъ весьма теплыхъ ваннъ она успокоилась, но я извѣстилъ родителей о моей болѣзни. Въ октябрѣ пріѣхала ко мнѣ матушка съ сестрою Натальею Ивановною и увезли меня въ деревню.

Передъ отъѣздомъ мнѣ отрекомендовали доктора, итальянца родомъ, котораго имени не упомню. Онъ предложилъ мнѣ для успокоенія моихъ болей пилюли изъ опіума съ меркуріемъ. Въ продолженіе зимы и весны я неоднократно прибѣгалъ къ нимъ, и дѣйствительно они успокоивали боли, но все болѣе и болѣе разстраивали здоровье.

Въ промежуточное время между страданіями (сопровождаемыми всегда жаромъ и бредомъ) я продолжалъ музыкальныя занятія. Я выучилъ септуоръ Гуммеля и неоднократно исполнялъ его съ аккомпаниментомъ; усовершенствовался въ игрѣ на фортепьяно, постояннымъ упражненіемъ въ этюдахъ Крамера, Мошлеса, и даже иногда принимался за Баха. Сочинилъ нѣсколько мелкихъ пьесъ, которыя находятся въ зеленой тетради у В. П. Энгельгардта. Написалъ романсъ «Голосъ съ того свѣта», слова В. А. Жуковскаго; наконецъ, въ началѣ весны 1830 года—F-dur квартетъ для струнныхъ инструментомъ. Благодаря В. П. Энгельгардту, я нѣсколько разъ слышалъ исполненіе этого ученическаго произведенія, и мнѣ кажется, что въ немъ отражается болѣзненное тогдашнее мое состояніе. Сверхъ того написалъ для сестры Натальи Ивановны 6 контральтовыхъ этюдъ; училъ сестру Людмилу Ивановну (впослѣдствіи Шестакову) географіи. Она увѣряетъ, что училась у меня охотно и что до сихъ поръ у нея хранится нѣсколько листовъ записокъ, мною написанныхъ [1]). Устроилъ для младшихъ сестеръ и брата въ комнатѣ горку изъ досокъ, по которой они катались въ мѣдныхъ тазахъ.

Еще до отъѣзда въ деревню я началъ помышлять о путешествіи за границу. Это желаніе, возбужденное надеждою избавиться отъ страданій и усовершенствоваться

---

[1]) Записки эти цѣлы до сихъ поръ.

въ музыкѣ, впослѣдствіи усилилось еще болѣе отъ чтенія путешествій. Я помню, что передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню я читалъ путешествіе въ Испанію, и съ той самой поры мечталъ объ этой занимательной странѣ. Я поѣхалъ въ деревню въ надеждѣ упросить отца отпустить меня за границу. Несмотря на то, что онъ очень любилъ меня, но отказалъ мнѣ рѣшительно. Я былъ огорченъ до слезъ, но не смѣлъ и помыслить прекословить отцу, несмотря на дружеское его обращеніе со мною. Матушка съ свойственною ей добротою и заботливостію старалась успокоивать меня. Между тѣмъ болѣзнь увеличивалась, несмотря на стараніе добраго нашего уѣзднаго доктора Вильгельма Даниловича Гинденбурга. Я снова прибѣгалъ къ пилюлямъ итальянца, и безъ сомнѣнія, въ теченіе полгода проглотилъ ихъ до сотни, къ крайнему вреду моего здоровья.

Къ моему счастію, въ концѣ зимы 1828 г. пріѣхалъ къ намъ полковой докторъ Шпиндлеръ. Отецъ познакомился съ нимъ въ городѣ Брянскѣ (Орловской губерніи) и весьма уважалъ его.

Разспросивъ обстоятельно о моей болѣзни, онъ осмотрѣлъ меня и объявилъ отцу, что у меня цѣлая кадриль болѣзней, и что для поправленія моего здоровья необходимо мнѣ пробыть не менѣе трехъ лѣтъ заграницей въ тепломъ климатѣ.

Такимъ образомъ моя поѣздка въ Италію и Германію была рѣшена. Я желалъ отправиться съ отцомъ въ Петербургъ, чтобы устроить тамъ концертъ для Иванова, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ мнѣ сопутствовать. Отецъ, видя, что мое крайне разстроенное здоровье не позволяло мнѣ предпринять путь въ зимнее время, взялся все уладить безъ меня. И дѣйствительно, съ свойственною ему благо-

разумною настойчивостію, съ одной стороны уговорилъ (c'est le mot) Иванова, который не довѣрялъ и колебался, съ другой же упросилъ директора пѣвческой капеллы Ѳ. П. Львова дать Иванову позволеніе отправиться со мною. Иванову дали двухъ-лѣтній отпускъ и пособіе, а отецъ обязался подпискою, что Иванову не будетъ недостатка въ средствахъ къ существованію. Такимъ образомъ Ивановъ обязанъ въ судьбѣ своей отцу моему — болѣе нежели мнѣ.

Весною здоровье мое шло все хуже и хуже, и когда, къ концу апрѣля, прибылъ къ намъ Ивановъ, я былъ очень плохъ и стоналъ часто. Все было уже готово къ отъѣзду, и 25-го апрѣля 1830 года рѣшено было отправиться въ путь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Отъ 25-го апрѣля 1830 года до конца ноября и начала декабря 1836 года.

ПЕРІОДЪ VI.

Путешествіе за границу и возвращеніе на родину.

Итакъ, въ пятницу, 25-го апрѣля 1830 года, я и Ивановъ выѣхали изъ села Новоспасскаго. Матушка провожала насъ до Смоленска. Изъ Смоленска до Бреста-Литовскаго сопутствовалъ намъ зять мой, Яковъ Михайловичъ Соболевскій, и человѣкъ Алексѣй (скрипачъ).

Это было въ началѣ мая; погода была холодная, шелъ снѣгъ; я чувствовалъ усталость послѣ каждаго перегона, и въ первые дни часто останавливался, чтобы полежать и отдохнуть на станціяхъ. Впослѣдствіи дѣло обошлось, и въ Брестѣ я уже ходилъ довольно свободно. Здѣсь мы простились съ братцемъ и Алексѣемъ, и на жидовской фурѣ отправились вдвоемъ въ Варшаву. Оттуда въ колясвѣ съ тремя кандитерами изъ Граубиндена (Grisons) въ Дрезденъ.

Въ Дрезденѣ я совѣтовался съ докторомъ Крейсигомъ (такая уже была тогда мода); онъ опредѣлилъ мнѣ упо-

требленіе эмскихъ и потомъ ахенскихъ водъ. Изъ Дрездена поѣхали мы въ Лейпцигъ, изъ Лейпцига до Франкфурта-на-Майнѣ въ коляскѣ на долгихъ. Съ нами ѣхалъ студентъ, кажется израильскаго происхожденія, который пѣлъ басомъ. Всякій разъ, какъ мы останавливались для обѣда или ночлега, если встрѣчали фортепьяно, пробовали пѣть вмѣстѣ: Ивановъ перваго, а я второго тенора, студентъ пѣлъ басовую партію извѣстныхъ отрывковъ изъ оперъ. Хоръ изъ тріо перваго акта «Фрейшюца», Terzett und Chor, въ особенности шелъ хорошо, и нѣмцы въ маленькихъ городкахъ сходились слушать насъ.

Изъ Франкфурта поѣхали мы въ Майнцъ, а оттуда на пароходѣ по Рейну; не доѣзжая Кобленца, вышли на берегъ и отправились пѣшкомъ въ Эмсъ (сдѣлавши около семи верстъ). Тамошнія воды, въ теченіе трехъ недѣль, сильно разслабили меня. Мы поѣхали въ Ахенъ, гдѣ въ весьма короткое время почувствовалъ я значительную пользу. Но и тутъ случилось тоже, что̀ и на Кавказѣ: заставляли слишкомъ много пить и слишкомъ часто купаться, хотя и не варили, какъ на Кавказѣ, въ невыносимо-горячей водѣ.

Въ ахенскомъ театрѣ была въ то время, проѣздомъ изъ Парижа, труппа хорошихъ нѣмецкихъ пѣвцовъ. Сопрано пѣла довольно исправно г-жа Фишеръ. Гейцингеръ и Ейхбергеръ считались, по справедливости, въ то время лучшими тенорами въ Германіи. Перваго я слышалъ въ «Фиделіо» въ роли Флорестана, второй отлично исполнялъ роль Макса въ «Фрейшюцѣ». Фиделіо въ первый разъ мы съ Ивановымъ не поняли; второе же представленіе довело насъ до слезъ. Изъ другихъ оперъ помню, что слышалъ «Фауста» Шпора.

Къ концу леченія, излишнее употребленіе сѣрныхъ водъ

раздражило шейныя желѣзы и возбудило жесточайшую зубную боль. Въ это время насъ извѣстилъ Штеричъ, путешествовавшій тоже для поправленія здоровья, что онъ прибылъ въ Эмсъ, гдѣ желалъ бы съ нами видѣться. Мы уже съ нимъ были дружны въ Петербургѣ, слѣдственно излишне было бы здѣсь описывать радость свиданія.

Докторъ Берсъ — братъ того Берса, что̀ служитъ при с.-петербургской дирекціи императорскихъ театровъ, нѣсколькими ваннами съ отрубями успокоилъ на время мои боли. Пробывъ недолгое время въ Эмсѣ, мы съ Штеричемъ, его матушкой и ихъ спутниками отправились въ Шлангенбадъ, а потомъ во Франкфуртъ. Это было въ августѣ, но холодъ заставилъ насъ топить въ каминахъ. Видѣли мы знаменитую статую Аріадны и слышали въ театрѣ оперу «Медея» Керубини. Признаюсь, что я понялъ только увертюру, которая была исполнена превосходно; остального рѣшительно не уразумѣлъ и вовсе не помню. Изъ Франкфурта отправились мы въ дилижансѣ въ Базель, куда пріѣхали въ одно время съ нами и Штеричи. На другой день, нанявъ долгихъ, поѣхали чрезъ Золотурнъ (Solaure), Бернъ, Лозанну, въ Женеву. Еще теперь помню, какъ вмѣстѣ съ Штеричемъ восхищались мы прелестными видами Швейцаріи. Во время переѣзда отъ Золотурна до Женевы погода была чудесная. Штеричи въ своей коляскѣ, а мы въ дилижансѣ, поѣхали въ одно время въ Миланъ.

Во время переѣзда, со мною въ кабріолетѣ (coupé) дилижанса сидѣлъ молодой англичанинъ, ѣхавшій въ Корфу. Когда мы достигли почти вершины Simplon, кондукторъ выпустилъ насъ изъ дилижанса и позволилъ пройти пѣшкомъ самую крутую часть пути. Когда-жъ мы находились на самой вершинѣ и намъ снова надлежало сѣсть

въ дилижансъ, англичанина не нашли. Начали искать и звать его, и наконецъ увидѣли его спокойно сидящаго на обломкѣ утеса, отдѣленнаго глубокой трещиной отъ главной каменной массы, нависшей надъ ужасною пропастью. «Que faites vous donc, monsieur?» воскликнулъ кондукторъ.—«J'essaie le sentiment du danger», хладнокровно отвѣчалъ островитянинъ. «Mais ne voyez vous donc pas, que vous risquez de rouler dans le précipice?» сказалъ кондукторъ.—«C'est parceque je risque, que j'éprouve effectivement le sentiment du dànger», отвѣчалъ англичанинъ и пошелъ на свое мѣсто.

Спустившись съ Simplon, гдѣ было мрачно, сыро и холодно отъ тумана и мелкаго дождя, мы не въ продолжительномъ времени очутились въ прелестной долинѣ Domo d'Ossola; вечеромъ въ прелестнѣйшую погоду (это было въ началѣ сентября) были въ Baveno, насупротивъ Борромейскихъ островов, на берегу Lago Maggiore. На другой день пополудни мы пріѣхали въ одно время съ Штеричами въ Миланъ, и временно остановились въ Albergo del Pazzo, что недалеко отъ знаменитаго Domo di Milano.

Видъ этого великолѣпнаго, изъ бѣлаго мрамора сооруженнаго храма, и самаго города, прозрачность неба, черноокія миланки съ ихъ вуалями (mantillas, уцѣлѣвшими остатками испанскаго владычества) приводили меня въ неописанный восторгъ. Штеричъ оставался съ нами недолго; онъ долженъ былъ вскорѣ отправиться въ Туринъ, бывъ причисленъ къ нашему посольству при сардинскомъ дворѣ.

Мы занялись пріискиваньемъ квартиры и вскорѣ переѣхали въ Corso porta Renza (orientale) противъ колонны Leone della porta Renza и церкви Sta Babila, въ № 626. Хозяйка наша была вдова, лѣтъ сорока и даже

болѣе, наружности не весьма благообразной, она была смугла и желта; но въ замѣнъ того была женщина очень добрая, и страдала сама періодическими нервными припадками, почему сочувствовала страданіямъ другихъ, что мы испытали вскорѣ.

Квартира наша состояла изъ одной большой комнаты съ тремя окнами на улицу (замѣтьте, главную въ Миланѣ), маленькимъ calorifère и двумя софами, на которыхъ вечеромъ стлали намъ постели. Обѣдать и завтракать ходили мы въ трактиры. Однажды, по ошибкѣ, вмѣсто второго этажа зашли мы въ первый (rez de chaussée), трактира, гдѣ обѣдали слуги, и насъ накормили плохо. Когда же мы легли спать, то я и Ивановъ, почти въ одно и то же время были разбужены головокруженіемъ, сильною рѣзью въ животѣ и невыносимой тошнотой. Сдѣлались жесточайшія колики и рвота: мы считали себя уже погибшими, когда вошелъ въ кухню нашей квартиры одинъ изъ постояльцевъ нашей хозяйки (плохой теноръ). Увидавъ, въ какомъ мы были состояніи, онъ проворно изготовилъ намъ по большому стакану ромашки. Оказалось, что причиною нашихъ страданій былъ соусъ изъ шпината, изготовленный въ дурно-вылуженной кострюлѣ. На другой день утромъ, signora Giuseppa Abbondio объявила намъ, что хотя она ни для кого изъ жильцовъ не готовила кушанья, но для насъ будетъ готовить, и не только сдержала слово свое въ точности, но всякій разъ, возвратясь съ рынка, заставляла насъ осматривать купленную ею провизію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы поѣхали въ Туринъ, чтобы навѣстить Штерича: тамъ, вслѣдствіе (зачеркнуто: претерпѣнной нами) отравы, захворали оба: у Иванова сдѣлался pemphigus, а у меня возобновились нерв-

ныя боли (névralgie). Докторъ Battaglia, пользовавшій Штерича, прописалъ мнѣ опять пилюли изъ меркурія и сѣры.

Въ Туринѣ слышалъ я прекрасно исполненную оперу buffa «Le cantatrice villane». Примадонна Унгеръ пѣла отлично хорошо и играла очень натурально.

Слышалъ я тамъ же Дюпре, голосъ его былъ тогда не силенъ, но свѣжъ; пѣлъ онъ уже и тогда нѣсколько по-французски, то есть: il relevait chaque note avec affectation.

По возвращеніи въ Миланъ, въ началѣ ноября, Иванову онъ рекомендовалъ учителя пѣнія Eliodoro Bianchi. Онъ былъ пожилой человѣкъ, важной наружности, съ нарочито обдуманнымъ шарлатанствомъ. Онъ былъ tenor serio, пѣлъ даже и въ Лондонѣ. Такъ какъ до Россини итальянскіе maestri не писали руладъ и украшеній, а просто пошлыя музыкальныя безхарактерныя фразы, которыя пѣвецъ долженъ былъ самъ украшать и разнообразить по своему усмотрѣнію, то Bianchi выставлялъ при каждомъ удобномъ случаѣ свою ловкость въ томъ, что̀ онъ называлъ vestir il canto. О Рубини онъ отзывался съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, говоря, что онъ не поетъ чистымъ груднымъ голосомъ, а часто прибѣгаетъ къ головному, притомъ же не можетъ носить котурна (vestir il coturno), т. е. не можетъ играть римлянъ, подобно ему, Біанки.

Мнѣ же отрекомендовали учителемъ композиціи директора миланской консерваторіи, Basili. Онъ меня заставилъ работать надъ гаммой въ 4 голоса слѣдующимъ образомъ: одинъ голосъ велъ гамму цѣлыми нотами, другой долженъ былъ быть веденъ полутактными, третій четвертями и четвертый осьмыми. Это головоломное упражненіе клони-

лось, по мнѣнію Basili, къ тому, чтобы утончить музыкальныя мои способности, sottilizzar l'ingegno, какъ онъ говорилъ, но моя пылкая фантазія не могла подчинить себя такимъ сухимъ и не поэтическимъ трудамъ; я недолго занимался съ Basili и вскорѣ отказался отъ его уроковъ.

У насъ былъ рояль съ педалью, посредствомъ которой можно было производить звуки барабана[1]). Эта banda утѣшала нашу хозяйку и сосѣдокъ. Вскорѣ образовалось у насъ по вечерамъ общество изъ сосѣдокъ старыхъ, молодыхъ, и пѣвцовъ и пѣвицъ третьяго разряда. Спасшій насъ отъ отравы молодой человѣкъ былъ, какъ сказано выше, плохой теноръ, но отлично умѣлъ забавлять общество играми въ фанты. Между сосѣдками не могу умолчать о молодой дѣвушкѣ пріятной наружности, ея имя было Аделаида, Didina по-милански. Сначала насъ сблизили звуки нашего фортепьяно, а потомъ привычка видѣться часто; она жила въ одномъ домѣ съ нами.

Кватрини, Quattrini (теперь управляющій оркестромъ въ Варшавѣ), недавно пріѣхавшій съ матерью изъ Испаніи, началъ меня учить по-испански, а матушка его — танцовщица, учила Иванова мимикѣ.

26-го декабря 1830 года миланскіе жители и мы съ нетерпѣніемъ ждали открытія театровъ. Импрезаріи двухъ театровъ: большого театра La Scala, и малаго Carcano вступили въ соперничество. Impresario перваго, надѣясь на привычку миланской публики посѣщать его, какъ обычное мѣсто сборища публики, пріобрѣлъ только одну хорошую пѣвицу, Guidetta Grisi, сестру знаменитой впослѣдствіи Джульетты Гризи. Въ маленькомъ же театрѣ

[1]) Рукою Кукольника написано: «пояснить». Рукою [Глинки: «поясненіе ясно—большая часть вѣнскихъ старинныхъ роялей съ барабаномъ».

Carcano пѣли: Паста, Рубини, Галли и другіе, а какъ maestro, участвовали Беллини и Доницетти. Иванову нанято было кресло (stalle d'orchestre) въ Каркано, въ одномъ изъ первыхъ рядовъ; а я въ томъ же театрѣ пользовался ложею d'avant scène нашего посланника при сардинскомъ дворѣ, графа Воронцова-Дашкова, который съ Штеричемъ пріѣхалъ въ Миланъ для развлеченія.

Для открытія театра дали первое представленіе оперы Доницетти: «Анна Болена». Исполненіе это мнѣ показалось чѣмъ-то волшебнымъ; въ оперѣ участвовали: Рубини, Паста (которая дѣйствительно отлично выполняла всю роль Анны Болены, въ особенности послѣднюю сцену), Галли, Орланди и т. д. Такъ какъ изъ нашей ложи d'avant scène не ускользали самые нѣжные sotto voce, которые впрочемъ Рубини не доводилъ еще тогда до такой нелѣпой степени, какъ впослѣдствіи, то я утопалъ въ восторгѣ, и тѣмъ болѣе, что въ то время я еще не былъ равнодушенъ къ virtuosité, какъ теперь.

Изъ другихъ оперъ я помню: «La Semiramide» Rossini; «Romeo e Giulietta» — Zingarelli; «Gianni di Calais» Donizetti. Въ концѣ карнавала явилась наконецъ всѣми ожидаемая Sonnambula Беллини. Несмотря на то, что она появилась поздно, не взирая на завистниковъ и недоброжелателей, опера эта произвела огромный эффектъ. Въ немногія, данныя до закрытія театровъ, представленія, Паста и Рубини, чтобы поддержать своего любимаго maestro, пѣли съ живѣйшимъ восторгомъ: во второмъ актѣ сами плакали и заставляли публику подражать имъ, такъ что въ веселые дни карнавала видно было, какъ въ ложахъ и креслахъ безпрестанно утирали слезы. Мы, обнявшись въ ложѣ посланника съ Штеричемъ, также проливали обильный токъ слезъ умиленія и восторга.

Послѣ каждой оперы, возвратясь домой, мы подбирали звуки, чтобы вспомнить слышанныя любимыя мѣста. Въ короткое время Ивановъ довольно удачно пѣлъ аріи и выходки Рубини изъ «Анны Болены», впослѣдствіи было тоже и съ «Сонамбулой». Я аккомпанировалъ ему на фортепьяно, и сверхъ того очень ловко подражалъ Пастѣ, играя на фортепьяно ея аріи, къ великому удивленію и удовольствію хозяйки, сосѣдокъ и знакомыхъ. Такимъ образомъ, время шло довольно пріятно, что не мѣшало намъ, однакожъ, страдать порядочно въ зимніе мѣсяцы.

Нашъ маленькій калориферъ, топленный плохо, едва согрѣвалъ нашу просторную комнату. Когда мы ложились, надлежало согрѣвать постель жаровнею (bassinoir), отчего мы чувствовали тепло ложась; но эта пріятная теплота скоро исчезала, и къ утру постель и одѣяло были всегда холодны и сыры.

Естественно, что въ продолженіе зимы, дѣло не обошлось безъ страданій и доктора. По совѣту лечившаго Штерича врача, Bataglia, я обратился къ бывшему его сослуживцу и пріятелю De Filippi. Онъ служилъ въ итальянской арміи, и во время кампаніи 1812 г. былъ въ Смоленскѣ. Видъ его былъ важный и внушалъ уваженіе. Но о немъ будетъ рѣчь впослѣдствіи, теперь же упомяну о нѣкоторыхъ другихъ знакомствахъ, пріобрѣтенныхъ около этого времени.

Я не только пользовался ложею посланника графа Воронцова-Дашкова въ театрѣ Carcano, но иногда былъ приглашаемъ къ нему на обѣдъ. Онъ жилъ бариномъ; у него познакомился я съ графомъ Pompeo Belgiojoso, который превосходно пѣлъ баса, и чрезвычайно ловко подражалъ лучшимъ пѣвцамъ, въ особенности Ла-Блашу. Двоюродные братья его, князь Эмиліо Бельджоіозо и

младшій братъ его графъ Бельджоіозо, были прекрасные теноры. Первый вскорѣ оставилъ Италію, а второй пѣлъ въ совершенствѣ дуэты съ Pompeo Belgiojoso. Тогда же, кажется, я познакомился съ маркизою Висконти, потомъ со множествомъ второстепенныхъ артистовъ и любителей музыки.

Въ мартѣ 1831 года одинъ ли я, или вмѣстѣ съ Ивановымъ, не упомню, навѣстилъ я еще Штерича, чтобы встрѣтить съ нимъ пасху. Мы въ то время жили со Штеричемъ душа въ душу, и мое присутствіе было ему отрадно, скажу болѣе, полезно. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Туринъ, ему приглянулась молоденькая танцовщица Colombi; она дѣйствительно была очень миловидна, хотя блѣдна. Онъ, не тратя времени, ловко распорядился и достигъ желаемаго, такъ что сначала дѣло шло какъ нельзя лучше; но мало-по-малу, матушка его, Серафима Ивановна, любившая его до обожанія, начала безпокоиться и бояться, чтобы не образовалась постоянная и слѣдственно вредная для будущаго поприща (carrière) ея сына, связь между нимъ и танцовщицей. Сначала она выражала свое неудовольствіе легкими намеками, насмѣшками, потомъ дѣло дошло до увѣщаній, просьбъ и упрековъ; это, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, еще болѣе привязывало его къ возлюбленной. Наконецъ мнѣ нерѣдко приходилось утѣшать то мать, то сына. Весьма памятно мнѣ, какъ однажды въ Миланѣ, во время представленія «Crociato» Мейербеера (музыку, которую я зналъ еще въ Петербургѣ и никогда не любилъ) почти все время Штеричъ рыдалъ жестоко на груди моей.

Возвратясь въ Миланъ, я ожилъ при появленіи чудной итальянской весны, воображеніе зашевелилось и я принялся работать. Въ это время мы уже нѣсколько были

извѣстны, въ Миланѣ говорили о насъ, какъ о двухъ maestri Russi, изъ которыхъ одинъ поетъ, а другой играетъ на фортепьяно. Желая поддержать пріобрѣтенную уже нѣкоторую извѣстность, я принялся писать пьесы для фортепьяно; для пѣнія еще не осмѣлился начать, потому что по справедливости не могъ еще считать себя вполнѣ знакомымъ со всѣми тонкостями искусства (malizie del arte). Я началъ съ варьяцій на тему изъ «Анны Болены» Доницетти, которыя посвятилъ Штеричу; написалъ потомъ варьяціи на двѣ темы изъ балета «Chao Kang» (Кіа-Кингъ)—ихъ посвятилъ я графу Воронцову-Дашкову. Онѣ впослѣдствіи были перепечатаны въ одномъ изъ музыкальныхъ журналовъ, издаваемыхъ въ Парижѣ. Тою же весною написалъ Rondo на тему изъ «Montecchi e Capuletti» Bellini, и посвятилъ его дочери маркизы Visconti.

Кстати о фортепьянной музыкѣ: еще въ началѣ весны 1831 года, познакомился я съ сочиненіями Pollini, и вскорѣ потомъ и съ самимъ Pollini. По моему мнѣнію, это былъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ итальянскихъ артистовъ въ мою бытность въ Италіи, и, по всей справедливости, ему, а не кому другому, принадлежитъ изобрѣтеніе новаго способа играть на фортепьяно; въ этомъ согласенъ и Листъ, который говорилъ мнѣ, что объ этомъ предметѣ онъ написалъ статью въ какомъ-то журналѣ. Могъ ли воображать Pollini, что изъ его изобрѣтенія возникнетъ современемъ отвратительная котлетная музыка на фортепьяно?

Въ 1831 году Поллини было около 80 лѣтъ. Онъ поддерживалъ себя строгимъ соблюденіемъ, по убѣжденію своему, предпринятой гигіены: мяса онъ не ѣлъ, а питался только растительною и молочною пищею. Несмотря на годы,

игралъ еще, даже многосложные и до его времени никѣмъ не исполнимые пассажи своей музыки, очень отчетливо и мягко, въ противоположность почти всѣмъ другимъ maestro въ Миланѣ, которые нещадно били по клавишамъ. Pollini любилъ свое искусство искренно: сперва онъ писалъ оперы, которыя мнѣ показывалъ; но, замѣтивъ, что въ этомъ родѣ не произвелъ ничего особеннаго, рѣшился испытать свои силы иначе: успѣхъ вполнѣ увѣнчалъ труды его. Въ Миланѣ онъ пользовался заслуженною имъ славою, былъ уважаемъ всѣми и друженъ съ первоклассными художниками всѣхъ отраслей искусства. Россини былъ съ нимъ очень друженъ и однажды пропѣлъ у него всю свою оперу «Отелло» безъ руладъ. Несмотря на это, искусство не было для него средствомъ для пріобрѣтенія денегъ или выгодъ; онъ нажилъ себѣ весьма хорошее состояніе изобрѣтеннымъ имъ декоктомъ (rob antisyphilitique), названнымъ имъ «Eau de M. Pollin», бутылку котораго продавалъ онъ по червонцу за каждую.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ періодѣ времени. Весною любилъ я послѣ завтрака ходить за городъ, и хотя окрестности Милана плоски, однакожъ чрезвычайно воздѣланы и растительность роскошно хороша въ апрѣлѣ и маѣ. Былъ я на озерѣ Комо, сперва одинъ, а потомъ я, Ивановъ, Eliodoro Bianchi и нашъ учитель итальянскаго языка отправились на три дня проѣхаться по окрестностямъ, а именно: сперва въ Комо, оттуда на другой день на пароходѣ въ Varenna, изъ Varenna на шлюпкѣ въ Lecco, гдѣ переночевали. На третій день чрезъ Brianza въ Monza и обратно въ Миланъ.

Въ началѣ іюня мы навѣстили Штерича въ Туринѣ, чтобы проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ въ Германію на воды. Тамъ нашелъ я стараго товарища по пан-

сіону, Соболевскаго, автора эпиграммъ, и познакомился съ княземъ Элимомъ Мещерскимъ. Серафима Ивановна крайне была раздражена на танцовщицу сына своего, и мы нерѣдко съ Соболевскимъ были свидѣтелями смѣшныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грустныхъ сценъ. Еще въ Туринѣ, сухой жаръ и постоянно ясное небо начали дѣйствовать очень раздражительно на мои нервы. По возвращеніи въ Миланъ, зной усилился, въ особенности вечеромъ; душный воздухъ отъ раскаленныхъ камней и стѣнъ домовъ утомлялъ несказанно; спать не было возможности. Теплыя ванны и пріемы опіума, предписанные Filippi, не дѣйствовали.

Я воспользовался приглашеніемъ одного знакомаго семейства (въ бытность мою въ Миланѣ, не разъ я испытывалъ его радушное и искреннее гостепріимство), навѣстить ихъ въ Ansano. Это деревня недалеко отъ извѣстной долины pian d'Erba, находящейся между Como и Lecco. Кромѣ озеръ, посѣтителямъ Ломбардіи совѣтую проѣхаться по Brianza и pian d'Erba; вездѣ шоссе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, De Filippi послалъ меня съ Ивановымъ на минеральныя воды въ Trescorre, отстоящія отъ города Бергамо верстъ на тридцать. Нѣсколько этихъ сѣрныхъ ваннъ, съ примѣсью другихъ составныхъ частей, совершенно разстроили мои нервы. Я прекратилъ употребленіе водъ и, посѣтивъ близьлежащія озера: Endino, Lovero или Sarnico, возвратился въ Миланъ, откуда нестерпимый зной снова выгналъ меня. Прибывъ вторично въ Trescorre, я уже не бралъ ваннъ, только пользовался превосходнымъ, чистымъ горнымъ воздухомъ.

Тамъ было пріятное общество. Танцы, прогулки и наконецъ кратковременное путешествіе въ Бергамо и Брессію (Brescia), несмотря на страданія, доставили мнѣ не мало удовольствія

По возвращеніи въ Миланъ, если не ошибаюсь, я испробовалъ декоктъ, eau de m-r Pollin; самъ Pollini наблюдалъ за его употребленіемъ. Послѣ одной или двухъ бутылокъ, самъ Pollini заставилъ меня прекратить леченіе, потому что невыносимая мигрень не давала мнѣ покою. Несмотря на постоянное страданіе plexus solaris, меня часто навѣщали пріятели Pini и Besana: этотъ послѣдній прекрасно пѣлъ баритономъ и впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ dilettante. Въ то же время пріѣхалъ въ Миланъ Dessauer изъ Вѣны, и меня съ нимъ познакомили. Впослѣдствіи Dessauer написалъ нѣсколько пьесъ, которыя имѣли успѣхъ въ Парижѣ.

Однажды Соболевскій привелъ ко мнѣ Мендельсона-Бартольди; я былъ боленъ, а онъ, полагаю отъ пріобрѣтенной мною и не вполнѣ заслуженной репутаціи превосходнаго піаниста, принялъ со мною нѣсколько насмѣшливый тонъ. Я не игралъ, а онъ, послѣ долгихъ убѣжденій, сыгралъ Rondo въ легкомъ родѣ, по которому мнѣ нельзя было судить о размѣрахъ его таланта.

Ивановъ оставилъ свои уроки съ Eliodoro Bianchi еще до поѣздки къ водамъ Trescorre; мы оба замѣтили, что онъ заставлялъ слишкомъ усиливать голосъ (forcer la voix). Мы рѣшились въ сентябрѣ отправиться въ Неаполь, заѣхали въ Туринъ, откуда Штеричъ проводилъ насъ до Генуи. Недаромъ называютъ этотъ городъ Gênes la superbe; онъ расположенъ амфитеатромъ и мнѣ показался осуществленіемъ описанія Вавилона съ его висячими садами. Мы тамъ пробыли два дня и осмотрѣли все достойное примѣчанія. Наконецъ насталъ день отъѣзда. Штеричъ проводилъ насъ въ шлюпкѣ до парохода. Это было послѣднее съ нимъ свиданіе; онъ скончался въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ, вскорѣ по возвращеніи въ Россію.

На другой день рано, мы были въ Livorno; погода была превосходная, это было въ началѣ октября. Изъ Livorno отправились мы, также на пароходѣ, въ Civitta Vecchia, а оттуда въ Римъ, гдѣ пробыли около двухъ недѣль[1]). Въ то время жила тамъ княгиня Зинаида Волконская. Въ качествѣ наставника, при сынѣ ея былъ Шевыревъ, извѣстный теперь профессоръ московскаго университета, съ которымъ я познакомился въ 1828 году, въ Москвѣ, у Мельгунова. Въ продолженіе пребыванія моего въ Римѣ, онъ былъ моимъ cicerone и показалъ всѣ достопримѣчательности съ объясненіями. Въ достоинствѣ церкви св. Петра я не могъ убѣдиться, вѣроятно потому, что и до сихъ поръ готическія и византійскія церкви я предпочитаю всѣмъ другимъ.

Въ концѣ октября, мы поѣхали въ дилижансѣ въ Неаполь. На этомъ пути меня восхищали въ особенности пальмы въ Террачинѣ и кактусы между Itri и Fondi[2]). Вообще, эти мѣста припомнили мнѣ первыя понятія дѣтства объ отдаленныхъ тропическихъ странахъ, а именно объ Африкѣ. Мы прибыли въ Неаполь 1-го ноября утромъ. Я былъ въ полномъ восторгѣ, и долго не могъ налюбоваться необыкновенною, величественною красотою мѣстоположенія. Прозрачность воздуха, ясный праздничный свѣтъ, все это было для меня ново и восхитительно-прекрасно. Отъ отраженія солнца въ заливѣ, какъ въ зеркалѣ, Капри и отдаленныя горы Сорренто казались въ ясную погоду полупрозрачными, подобно опаламъ.

Окрестности Неаполя можно раздѣлить на слѣдующія 4 группы:

---

[1]) На полѣ карандашомъ: «Horace Vernet».

[2]) Рукою Кукольника написано: «объяснить». Рукою Глинки: «не нужно».

1) Къ сѣверу: Puzzuoli съ окрестностями, монастырь Камальдуловъ, заливъ Байя и островъ Искія.

2) Vomero и Capo di Monte.

3) Везувій, Помпейя, Геркуланъ и Портичи.

4) Кастелламаре, Сорренто и островъ Капри.

Такъ какъ мое намѣреніе было остаться долгое время въ Неаполѣ, я не спѣшилъ осматривать всего примѣчательнаго, а поэтому и не видалъ Сорренто и Капри, о чемъ искренно сожалѣю до сихъ поръ.

Заливъ Байя съ окрестностями я посѣтилъ съ тремя рыжими англичанками: матерью и двумя дочерьми, съ которыми былъ знакомъ еще на Эмскихъ водахъ. Когда мы вошли въ гротъ Сибиллы и достигли до того мѣста, гдѣ онъ покрытъ водою, то я и англичанки вдругъ очутились верхомъ на спинѣ Lazzaroni, которые намъ служили проводниками. Англичанки, очнувшись отъ изумленія, громко жаловались на англійскомъ языкѣ, а Lazzaroni, полагая, что онѣ боятся упасть въ воду, прижимали ихъ все болѣе и болѣе; это была презабавная сцена [1]).

Сочинялъ ли я что въ Неаполѣ? не помню; кажется, что я твердилъ какую-то фортепьянную пьесу для какого-то концерта, у какихъ-то англичанъ.

У Иванова было рекомендательное письмо отъ князя Григорія Петровича Волконскаго (сына бывшаго тогда министра двора, князя Петра Мих. Волконскаго), къ знаменитому учителю пѣнія Nozzari.

Онъ взялся учить Иванова безденежно, несмотря на то, что скупость едва ли не господствующая страсть у теперешнихъ итальянцевъ. Наживъ себѣ прекрасное состояніе, Nozzari оставилъ сцену: но владѣлъ еще голо-

---

[1]) На полѣ написано карандашомъ: «четвертаго полчаса».

сомъ и его скала отъ нижняго si b до самаго верхняго, а именно:

отъ [нота] до [нота]

была удивительно ровна и отчетлива, т. е. въ своемъ родѣ была столько же превосходна, какъ гамма Фильда на фортепьяно.

Г-жа Фодоръ Мейнвіель (просто Ѳедорова)[1]) обличала свое происхожденіе: видъ ея, пріемы, разговоръ на чистѣйшемъ русскомъ нарѣчіи и даже манера носить платокъ и поправлять его часто, все это принадлежало болѣе русской уѣздной барынѣ, нежели итальянской актрисѣ. Она оставила сцену по слабости здоровья, и поселилась въ Неаполѣ. Мы очень часто посѣщали ее. Мужъ ея, m-r Mainvielle (бывшій актеръ французскаго театра), женившійся на ней въ Петербургѣ, безпрестанно разсказывалъ анекдоты, случившіеся будто бы съ нимъ въ Россіи во времена Павла I. Сама же она еще превосходно пѣла и выдѣлывала (самые) трудные пассажи такъ ловко и свободно, какъ въ Берлинѣ нѣмки вяжутъ чулки во время разныхъ представленій, не проронивъ ни одной петли. Она очень часто пѣла съ Ивановымъ и, поправляя его, придерживалась той же методы, какъ и Nozzari, который заставилъ Иванова пѣть речитативы Porpora, требуя отъ

---

[1]) На полѣ копіи рукою Кукольника: «Мадамъ Фодоръ точно съ неба упала, надо какой нибудь переходикъ: «Въ Неаполѣ встрѣтился я съ»—или какъ хочешь». Рукою Глинки карандашомъ, который потомъ почти стертъ: «NB. Не нужно; въ печать не пойдетъ. Мимоза». (Прозваніе, которое часто давалъ себѣ Глинка вслѣдствіе болѣзненной чувствительности своего организма.

него непринужденнаго, мягкаго и отчетливаго исполненія. Когда Ивановъ усиливалъ голосъ, онъ его останавливалъ, говоря: «Сила голоса пріобрѣтается отъ упражненія и времени, а разъ утраченная нѣжность (delicatezza) навсегда погибаетъ».

Nozzari и Fodor я обязанъ болѣе всѣхъ другихъ maestro моими познаніями въ пѣніи.

Въ театрѣ Fondo я слышалъ Тамбурини, въ Turco in Italia, Rossini; онъ пѣлъ и игралъ очень хорошо. Въ San Carlo пѣвицей была Ronzi de Begnis, хорошая артистка, но съ голосомъ уже испорченнымъ (voix cassée); Basadonna (теноръ) былъ хорошъ. Моимъ же любимымъ театромъ въ Неаполѣ былъ маленькій театръ S. Carlino; въ немъ играли на неаполитанскомъ нарѣчіи (vago dialetto napolitano). Актеры тамъ были превосходные. Всѣ извѣстныя трагедіи принимали неаполитанскій характеръ съ помощію пульчинелло.

Въ Неаполѣ я встрѣтился съ Карломъ Брюловымъ; тамъ же познакомился съ Беллини; у Доницетти былъ только одинъ разъ, и если не ошибаюсь, тоже въ Неаполѣ.

На одномъ изъ театровъ, кажется, на Teatro nuovo, давали въ то время, на неаполитанскомъ нарѣчіи, комическую оперу: Il Ventaglio. Это была довольно забавная пьеса, музыка которой чрезвычайно нравилась секретарю нашего посольства (бывшему моему пансіонскому товарищу) Ремеру; я же находилъ ее пошлою (triviale), и вовсе не искалъ знакомства съ сочинителемъ этой оперы Раймонди. Теперь оказывается, что этотъ Раймонди былъ весьма примѣчательный контрапунктистъ; тогда же онъ не пользовался особенною славою, хотя и былъ директоромъ музыкальной консерваторіи въ Неаполѣ. Вообще,

мнѣ не суждено было учиться у строгихъ контрапунктистовъ.

Изъ соотечественниковъ, кромѣ принадлежащихъ къ посольству, я часто посѣщалъ Кайсарову, Михайлова, который былъ женатъ на сестрѣ графа Аркадія Павловича Кутузова. Княгиня Волконская, жена министра двора, часто приглашала меня съ Ивановымъ къ себѣ обѣдать. Докторъ ея Pizzati меня пользовалъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Неаполь у меня появилась сыпь, несмотря на которую я съ Ивановымъ отправился, въ декабрѣ мѣсяцѣ, на Везувій, чтобы видѣть потокъ лавы. Въ Неаполѣ шелъ дождь, а когда мы стали взбираться на Везувій, насъ встрѣтила сильная русская снѣговая мятель. Въ домѣ, назначенномъ для пристанища путешественниковъ, всѣ комнаты были заняты. Надлежало вернуться; къ счастію мы столкнулись съ обществомъ французовъ, которые также принуждены были возвратиться въ Неаполь. Когда мы спускались съ горы, то факелы отъ сильнаго вѣтра погасли, и мы въ потемкахъ шли ощупью, держась другъ за друга, чтобы не упасть въ пропасть.

Мы добрались наконецъ, совершенно измокнувъ, до Резины или Resina, гдѣ была коляска нашихъ французовъ; они пригласили насъ ѣхать съ ними до Неаполя. Но не успѣли мы далеко отъѣхать, какъ сломалось колесо, и мы принуждены были версты четыре идти пѣшкомъ. Сыпь скрылась, и я захворалъ; оправясь въ короткое время, я снова отправился съ Ивановымъ на Везувій въ ясную зимнюю ночь, и мнѣ вполнѣ удалось видѣть потокъ раскаленной лавы.

Въ послѣдніе мѣсяцы я страдалъ жесточайшей безсонницей; на мою бѣду, по тамошнему обычаю, вмѣсто опіума мнѣ давали нерѣдко довольно большіе пріемы бѣлены

(Hyosciamus), отъ которой впослѣдствіи раздраженіе нервъ усилилось у меня до такой степени, что я почувствовалъ невыносимую тоску, и рѣшился оставить Неаполь. Иванову, напротивъ того, пребываніе въ Неаполѣ послужило въ пользу. Пріѣхавъ въ Италію, онъ не имѣлъ опредѣленной цѣли; но похвалы его голосу, лестный отзывъ Рубини, который нашелъ, что Ивановъ нотою беретъ выше его, польстили его самолюбію, и онъ рѣшился приготовляться для сцены. Въ Неаполѣ мы познакомились съ тамошнимъ придворнымъ живописцемъ, который нашелъ способъ представить Иванова ко двору, гдѣ онъ пѣлъ съ успѣхомъ, вслѣдствіе чего и дебютировалъ, какъ извѣстно, въ Teatro S. Carlo въ Аннѣ Боленѣ.

Я тогда совѣтовалъ Иванову, не прося отсрочки, ѣхать въ Россію, и потомъ, пробывъ тамъ годъ, взять отставку, а потомъ снова возвратиться въ Италію. Онъ пренебрегъ моимъ совѣтомъ.

Вообще Ивановъ былъ человѣкъ трудный, черствый сердцемъ, неповоротливъ и тупъ умомъ. Достоинство его состояло въ прелести голоса и нѣкоторой инстинктивной способности подражать въ пѣніи. Мы съ нимъ не ссорились, но не могли также похвалиться особенной дружбой. Когда мы разстались въ Неаполѣ, то всѣ между нами сношенія прекратились [1]).

---

[1]) Ивановъ, о которомъ такъ часто упоминаетъ Глинка въ настоящихъ главахъ своихъ записокъ, оставшись самовольно заграницей, пріобрѣлъ тамъ извѣстность первоклассного тенора. Арена его артистической дѣятельности была большею частію Италія, но едвали онъ не пѣлъ и въ Лондонѣ. Ивановъ пріобрѣлъ значительное состояніе, и еще въ 1865 году жилъ въ роскошной своей виллѣ близъ Флоренціи. Покойный императоръ Николай Павловичъ, какъ говорятъ, былъ весьма разгнѣванъ поступкомъ пѣвца Иванова, и о немъ, со времени его эмиграціи, никогда не упоминали наши газеты и журналы; такимъ обра-

Въ концѣ февраля 1832 г., Ремеръ, ѣхавшій курьеромъ въ Россію, довезъ меня до Рима, гдѣ я остался недолго. Чрезъ Marchi d'Ancona, въ дилижансѣ доѣхалъ я до Болоньи. Тамъ пробылъ сутки; осмотрѣлъ картинную галлерею и Campo Santo. Оттуда чрезъ Парму, Модену и Піаченцу я прибылъ въ Миланъ въ началѣ марта.

Signora Giuseppa Abondio и Дидина обрадовались мнѣ, какъ родному. Вскорѣ я занялъ прежнюю квартиру, и такъ какъ отъ пріемовъ бѣлены въ Неаполѣ я жестоко страдалъ нервами, за мною ухаживали съ искреннимъ участіемъ и заботливостью.

Тогда, помнится мнѣ, было однажды легкое землетрясеніе, и признаюсь, что и легкое сотрясеніе, которое я почувствовалъ будучи въ постелѣ, было весьма непріятно.

Весна снова оживила меня; я принялся за серенаду на темы Somnambula для фортепьяно, двухъ скрипокъ, альта, віолончеля и контрбаса. Эта пьеса была посвящена молодой дѣвушкѣ, ученицѣ Pollini, которая превосходно ее исполнила, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1832 года, съ сопровожденіемъ лучшихъ миланскихъ артистовъ. Познакомившись съ семействомъ адвоката Branca, старшая дочь котораго Cyrilla Cambiaggio играла прекрасно на фортепьяно, а вторая, Emilia, порядочно на арфѣ, я принялся за серенаду на темы изъ Анны Болены, Доницетти.

Въ началѣ лѣта, взявши нѣсколько искусственныхъ сѣрножелѣзныхъ ваннъ, я почувствовалъ приливы крови

зомъ блистательные успѣхи русскаго пѣвца Иванова на европейскихъ сценахъ оставались незамѣченными въ Россіи. Не знаемъ, живъ ли еще этотъ замѣчательный артистъ въ настоящее время. Добавимъ, что поступокъ Иванова навлекъ въ свое время много непріятностей М. И. Глинкѣ, о чемъ, по обычному своему добродушію,—авторъ «Жизни за Царя» предпочелъ въ своихъ запискахъ умолчать.

къ головѣ, которые впослѣдствіи разразились такимъ сильнымъ нервнымъ припадкомъ, что докторъ мой De Filippi счелъ необходимымъ увезти меня изъ Милана, гдѣ становилось уже слишкомъ жарко. Въ деревнѣ Luinate, что̀ недалеко отъ городка Varese, находящагося между озерами Maggior и Como, жила замужняя дочь De Filippi. Она была чрезвычайно высокаго роста, но съ пріятной и выразительной физіономіей. Сверхъ того она была превосходно воспитана, хорошо знала французскій, нѣмецкій и англійскій языки, и играла примѣчательно хорошо на фортепьяно, такъ что лучшіе артисты, какъ напримѣръ Chopin, посѣщали ее; она нерѣдко играла съ нимъ за годъ до моего пріѣзда. Пробывъ въ Luinate нѣсколько дней, De Filippi на обратномъ пути отрекомендовалъ меня и сдалъ на руки пріятелю своему, доктору Branca, брату адвоката Branca, и я у него поселился. Онъ былъ женатъ, у него была малолѣтняя дочка и два сынка, Marlhin и Min. Судьба не благопріятствовала ему, и неудовольствіе ясно выражалось на лицѣ и въ его острыхъ сѣрыхъ глазахъ. Естественно, что я часто навѣщалъ дочь De Filippi: сходство воспитанія и страсть къ одному и тому же искусству не могли не сблизить насъ. Соображаясь съ ея сильною игрою на фортепьяно, я началъ для нея Sestetto originale для фортепьяно, двухъ скрипокъ, альта, віолончеля и контрбаса; но впослѣдствіи, окончивъ его уже осенью, я принужденъ былъ посвятить его не ей, а ея пріятельницѣ. Я долженъ былъ прекратить частыя мои посѣщенія, потому что они возбудили подозрѣнія и сплетни. De Filippi былъ не мало этимъ огорченъ, и чтобы замять дѣло половчѣе, въ послѣдній разъ нарочно повезъ меня къ дочери; мы прогуливались почти цѣлый день въ шлюпкѣ по Lago Maggiore въ

непріятную погоду, которая соотвѣтствовала тогдашнему нашему расположенію духа. Вслѣдствіе разлуки я написалъ романсъ на слова Felice Romani: Ah se tu fossi meco, которыя мнѣ сообщила дочь De Filippi. Тою же весною, одинъ знакомый Соболевскаго сообщилъ мнѣ въ Миланѣ слова двухъ романсовъ: Побѣдитель, Жуковскаго и Венеціанскую ночь, Козлова; я тогда же написалъ ихъ.

Въ окрестностяхъ Varese много виллъ богатыхъ миланскихъ жителей; но лѣтомъ онѣ необитаемы; по тамошнему обычаю пріѣзжаютъ на дачи осенью и живутъ до конца декабря. Большую часть жителей составляютъ бѣдные и грубые земледѣльцы; слышишь только разговоры о хлѣбахъ, шелкѣ и виноградѣ. Докторъ Branca, хотя и былъ образованъ, но, живя постоянно въ деревнѣ, нечувствительно огрубѣлъ, и въ его обращеніи было что-то жесткое. Къ моему счастію переѣхала въ Varese племянница доктора, старшая дочь адвоката Branca, Cyrilla Cambiaggio съ мужемъ своимъ Isidoro Cambiaggio, простымъ и очень добрымъ человѣкомъ. Начатую мною Серенаду на мотивы изъ Анны Болены для фортепьяно, арфы, альта, віолончеля, фагота и волторны, я продолжалъ у Cambiaggio, гдѣ было маленькое фортепьяно. Пріѣздъ Эмиліи Бранка еще болѣе поощрилъ меня къ труду. Это была дѣвушка необыкновенно стройная и довольно миловидная. Она мнѣ приглянулась, да и я, кажется, былъ ей не противенъ, такъ что въ занятіяхъ, дружескихъ бесѣдахъ и прогулкахъ время проходило пріятно. По окончаніи Серенады рѣшено было исполнить ее на террасѣ дома адвоката Бранка въ Миланѣ; мы надѣялись на огромный эффектъ, но плохо разочли акустику, и звуки разносило на всѣ стороны. Во время репетицій,

напротивъ того, пьеса шла удачно; на инструментахъ играли первые артисты изъ Teatro della Scala. Когда я услышалъ въ первый разъ Solo моей пьесы для альта, игранное знаменитымъ Rolla, отъ чистоты и вѣрности звука у меня навернулись на глазахъ слезы, а онъ еще спрашивалъ моего совѣта.

Rolla, извѣстный альтистъ, былъ одинъ изъ самыхъ примѣчательныхъ артистовъ своего времени. Ему тогда было 80 лѣтъ, но онъ игралъ еще чрезвычайно отчетливо, вѣрно и безъ тѣни шарлатанства. Управляя оркестромъ въ Teatro della Scala, онъ самъ выправлялъ всѣ партіи, безъ очковъ, и ни подъ какимъ предлогомъ ни разу не уклонялся отъ своей должности.

Когда я пріѣзжалъ въ Миланъ, то нерѣдко навѣщалъ Pollini, который полюбилъ меня; въ особенности послѣ посвященной мною его ученицѣ пьесы, за которую далъ собственный манускриптъ, утратившійся во время путешествія. У него нерѣдко встрѣчалъ я Беллини, съ которымъ сблизился до нѣкоторой степени. Хотя онъ родился у подошвы Этны въ Катано, но былъ бѣлокуръ, бѣлъ и очень пріятенъ лицомъ, роста стройнаго; его обращеніе и пріемы обнаруживали человѣка, принадлежавшаго хорошему обществу. Нерѣдко бесѣдовали мы съ нимъ о нѣмецкихъ композиторахъ, съ которыми онъ былъ не очень знакомъ: писалъ же онъ по инстинктивному чувству, стараясь дѣйствовать на сердце женщинъ преимущественно.

Норму я слышалъ весною въ 1832 году въ Teatro la Scala. Играли Паста, Дондзелли и Giulietta Grisi, тогда только что начавшая свое поприще пѣвицы; она не была еще такъ тучна, какъ въ Парижѣ, и слѣдовательно примѣчательно хороша; но пѣла нѣсколько кошечкой, т. е., желая смягчить какую нибудь музыкальную фразу, мяу-

кала нѣсколько въ носъ. Отелло мнѣ болѣе понравился, какъ музыка и драма. Въ послѣдней сценѣ Donzelli былъ такъ превосходенъ, что страшно было смотрѣть на него.

Pini познакомилъ меня (кажется еще въ 1831 году) съ сестрой своей, чрезвычайно больной женщиной, но еще красивой; блѣдностью она походила на превосходную мраморную статую. Мужъ ея, зять Пини, по имени Giulini, человѣкъ радушный и веселый, былъ негоціантомъ, но оставилъ дѣла и жилъ съ семействомъ весною, лѣтомъ и зимою въ собственномъ домѣ въ Миланѣ, а осенью на озерѣ Комо, на прелестной дачѣ. У нихъ былъ маленькій сынъ, учившійся въ пансіонѣ; двѣ старшія дочери, Luiggia и Carlotta, были миловидныя, привѣтливыя и благовоспитанныя дѣвушки. Старшая Luiggia пѣла чрезвычайно мило, хотя голосъ ея былъ не силенъ; даже меньшая дочка, лѣтъ пяти, отлично подражала Пастѣ въ послѣдней сценѣ Нормы: In mia man al fin tu sei.

Я часто посѣщалъ семейство Giulini, гдѣ господствовалъ миръ и радушіе и гдѣ всякому гостю было какъ-то весело на душѣ, не взирая на болѣзненное состояніе хозяйки, страданія которой умѣрялись заботливыми попеченіями дочерей, въ особенности Карлотты, которая съ истинною дѣтскою любовью поддерживала ее, водила къ столу и помогала вставать съ кресла.

Pini пѣлъ порядочно теноромъ, Luiggia Giullini сопрано, а сестры ея и пріятельница contessina Cassera, миловидная блондинка, хорошо исполняли второго сопрано и контральто. Эта contessina Cassera и ея матушка, пріятная и красивая еще женщина, отправились въ Парижъ: по возвращеніи ихъ я посвятилъ молодой графинѣ сочиненныя мною варьяціи (вѣроятно въ томъ же 1832

году) на тему изъ Montecchi e Capuletti, Bellini: L'amo, l'amo e a me più cara. Графиня же, во время пребыванія въ Парижѣ, слыша часто извѣстную Malibran, отъ которой была въ восторгѣ, значительно усовершенствовалась въ пѣніи. Между прочимъ, тріо второго акта изъ оперы Le comte d'Ory, Росини, шелъ прекрасно, исполненный старшею Giulini, графиней Cassera и Пини. Домашнимъ маестро былъ Mauri, очень хорошій учитель пѣнія. Тамъ же нерѣдко встрѣчалъ я одного изъ первыхъ maestro на фортепьяно, Trevani. Въ Миланѣ я встрѣтился еще съ Iwan Müller, кларнетистомъ; онъ считалъ себя русскимъ, потому что былъ родомъ, можетъ быть, изъ остзейскихъ провинцій, или потому, что вмѣсто Johann подписывался Iwan. Главное въ томъ, что посредствомъ множества клапановъ (clefs) онъ могъ играть на одномъ и томъ же кларнетѣ, во всѣхъ тонахъ; хотя отъ этого нововведенія, вмѣсто полнаго, свойственнаго этому инструменту звука, онъ издавалъ рѣзкіе тоны, подобные гусиному крику,—изобрѣтатель все-таки гордился своимъ изобрѣтеніемъ. Къ счастью любителей хорошей музыки, этотъ кларнетъ въ оркестръ не введенъ, и вездѣ кларнеты въ B и A продолжаютъ быть въ употребленіи.

По приглашенію Giulini, въ концѣ сентября, я пріѣхалъ погостить къ нему и его семейству, на его прекрасную дачу въ Трамедзинѣ, что̀ на серединѣ озера Комо. Giulini былъ достаточный человѣкъ, домъ былъ прекрасный; мнѣ отвели отличную комнату и угощали такъ, какъ бы у насъ на Руси, только поумнѣе, т. е. было всего достаточно, но въ мѣру, а не черезъ мѣру. Я помню, какъ теперь, что мнѣ на завтракъ отпускали порцію отличнаго бифштекса, потому что узнали, что я люблю его. Я прожилъ у нихъ почти весь октябрь, и это без-

спорно послѣднее пріятное время, проведенное мною въ Италіи.

Кромѣ меня гостилъ тамъ Pini и одинъ живописецъ изъ Милана, который потѣшалъ насъ смѣшными фарсами. Рано по утру всякій дѣлалъ что хотѣлъ. Я, послѣ краткой прогулки, продолжалъ свой секстетъ, котораго началъ уже финалъ. Передъ обѣдомъ собирались всѣ; иногда пѣли, иногда бесѣдовали. Послѣ обѣда, чрезъ нѣсколько времени, отправлялись мы гулять; мѣсяца едва было достаточно, чтобы осмотрѣть близьлежащія прелестныя окрестности. Нѣкоторыя деревья начинали уже измѣнять цвѣтъ зелени, и лиловатый отливъ дали чудно гармонировалъ съ предметами болѣе близкими. Я часто восклицалъ въ восторгѣ: O dio! Che tinte! при чемъ хозяинъ Giulini всегда улыбался съ самодовольнымъ видомъ. По вечерамъ собирались сосѣди и сосѣдки, играли въ разныя игры, пѣли и кто умѣлъ, потѣшалъ общество разными фарсами. Между сосѣдками была пѣвица Този; она иногда пѣла въ нашемъ обществѣ. Ея голосъ былъ силенъ и высокъ, среднія ноты неудовлетворительны. Ей слѣдовало зимою пѣть на театрѣ della Scala въ Миланѣ и дебютировать въ оперѣ: Фаустъ, Доницетти. Такъ какъ въ партитурѣ не было, по ея мнѣнію, приличной каватины или preghiera для входа, то она попросила меня написать ее. Я исполнилъ ея просьбу и кажется удачно, т. е. совершенно въ родѣ Беллини (какъ она того желала); причемъ я по возможности избѣгалъ среднихъ нотъ ея голоса. Ей понравилась мелодія, но она была недовольна, что я мало выставилъ ея среднія, по ея мнѣнію, лучшія, ноты въ голосѣ. Я попробовалъ еще разъ сдѣлать перемѣны, и все не могъ угодить ей. Наскучивъ этими претензіями, я тогда же далъ себѣ зарокъ не писать для итальянскихъ примадоннъ.

Оставя озеро Комо, я отправился въ Varese, а оттуда въ Миланъ. Время стало портиться, а съ нимъ и мое здоровье. De Filippi прожегъ мнѣ затылокъ ляписомъ, при чемъ боль была чрезвычайно сильная и въ прожженое мѣсто входили двѣ большихъ горошины, но раны не образовалось. Теперь еще ясно видѣнъ знакъ на мѣстѣ операціи. По совѣту поселившагося въ Borgovico подлѣ Como, доктора Франка изъ виленскаго университета, въ концѣ или половинѣ ноября приложили мнѣ на брюхо пластырь изъ камфоры и diachylon. Этотъ злокачественный пластырь погубилъ мои нервы и довелъ меня въ скоромъ времени до отчаянія и до тѣхъ фантастическихъ ощущеній, которыя называются: Sinne-Täuschungen, hallucinations. Въ первую половину зимы страданія мои были еще сносны, и я посѣщалъ театръ и знакомыхъ. Давали тогда превосходный фантастическій балетъ Маскарадъ.

Я посѣщалъ часто семейство Giulini, гдѣ былъ принятъ, какъ домашній; написалъ для Luiggia каватину: Beatrice di Tenda, слова Pini, потомъ для обѣихъ старшихъ сестеръ: Impromptu en galop, на тему изъ Elisir d'amore, Donizetti. По окончаніи Sestetto, онъ былъ исполненъ у пріятельницы дочери De Filippi. Отецъ этой барышни былъ извѣстный въ Миланѣ seccatore (fâcheux), т. е. человѣкъ, который умѣетъ постоянно докучать своимъ неумѣстнымъ посѣщеніемъ и пускаетъ корни, т. е. остается долго во время посѣщенія. Дочь его сыграла мой Sestetto неудовлетворительно, но поддержали пьесу лучшіе артисты, которые ей аккомпанировали; Pompeo Belgiojoso очень понравился даже ходъ басовъ въ финалѣ. Во время исполненія этой пьесы, я помню, что отъ дѣйствія пластыря у меня нѣмѣли руки и ноги

до такой степени, что я щипалъ себя, чтобы убѣдиться, что еще въ нихъ сохранилась жизнь. Но я все еще коекакъ боролся съ страданіями и писалъ трio для фортепьяно, кларнета и фагота. Мои пріятели, артисты театра della Scala: Tassistro на кларнетѣ и Contu (Контю) на фаготѣ мнѣ аккомпанировали, и по окончаніи финала послѣдній сказалъ съ изумленіемъ: «Ma questo e disperazione!» И дѣйствительно я былъ въ отчаяніи.

Въ первое время пластырь держался мѣсяцъ, потомъ три, двѣ недѣли; послѣднее же время онъ высыхалъ въ сутки, ибо поглощался, такъ сказать, организмомъ и надлежало его ежедневно возобновлять, отъ чего у меня члены нѣмѣли. Меня душило, я лишился аппетита, сна и впалъ въ то жесточайшее отчаяніе, которое выразилъ я въ вышеупомянутомъ Трio.

Я рѣшился ѣхать въ Венецію, чтобы развлечься, надѣясь, что путешествіе, какъ это нерѣдко было, поправитъ мое здоровье. De Filippi одобрилъ мое намѣреніе, и я въ концѣ февраля 1833 года отправился въ дилижансѣ одинъ.

Въ Венеціи, рекомендательныя письма мнѣ вовсе не послужили въ пользу. Въ то время Беллини ставилъ тамъ свою оперу: Beatrice di Tenda, и съ его позволенія я посѣщалъ репетиціи, на которыхъ часто встрѣчался съ Giovanni Ricordi, моимъ издателемъ въ Миланѣ.

Въ то время, музыкальный его магазинъ былъ первый въ Италіи, а можетъ быть и въ цѣломъ свѣтѣ, по числу принадлежавшихъ ему и изданныхъ имъ оперъ. Во Флоренціи также было отдѣленіе того же магазина. Самъ Ricordi былъ очень хорошій человѣкъ. Я присутствовалъ на послѣдней репетиціи и былъ также на первомъ

представленіи. Несмотря на всѣ старанія Пасты, исполнявшей роль Beatrice, пьеса не удалась.

Не теряя времени, я осматривалъ достопримѣчательности города; но изъ всего видѣннаго мною, помню только площадь S. Marco, дворецъ дожей съ картинами Tintoretto: Gloria, мостъ Rialto, Греческую обѣдню и безчеловѣчныя орудія пытки, которыя видѣлъ незадолго до отъѣзда, во время собственныхъ мученій.

Хотя на пути изъ Милана въ Венецію я сорвалъ съ себя пластырь, но онъ все еще продолжалъ дѣйствовать, ибо организмъ мой былъ насыщенъ (saturé) имъ. Къ этому вредному дѣятелю присоединились и другіе, а именно морской воздухъ, сирокко, который жестоко свирѣпствовалъ во время моего пребыванія въ Венеціи, и запахъ каменнаго угля, отъ котораго я часто угоралъ по ночамъ. Отъ совокупнаго дѣйствія этихъ причинъ, мое здоровье шло все хуже и хуже; наконецъ, однажды я угорѣлъ такъ сильно, что едва очнулся.

Въ это время, въ одномъ, если не ошибаюсь, трактирѣ со мною, жила супруга нашего посланника въ Римѣ, княгиня Гагарина съ дѣтьми и гувернеромъ, и я посѣщалъ ихъ. Видя мое страданіе, она, кажется, отрекомендовала мнѣ своего доктора, который, приписывая всѣ мои страданія разстройству желудка, предписалъ мнѣ промывательное, которое должно было содѣйствовать моему облегченію. Такъ какъ желаемаго дѣйствія не воспослѣдовало, то онъ предписалъ мнѣ другое промывательное изъ поваренной соли. Это послѣднее произвело такое неожиданно-сильное дѣйствіе, что не знаю, какъ я остался въ живыхъ. Невыносимо-мучительное раздраженіе въ брюхѣ, съ жаромъ и съ замираніемъ, но безъ лихорадки, вмѣстѣ съ мучительнымъ ощущеніемъ страха, или лучше сказать

ужаса. Этотъ припадокъ продолжался съ поздняго вечера до утра. Я остался въ домѣ княгини Гагариной, а гувернеръ не покидалъ меня и водилъ гулять; но воздухъ мало пособлялъ мнѣ. На другой день я отправился обратно въ Миланъ. Въ дилижансѣ были Ricordi и одна его знакомая дама, которой было лѣтъ за сорокъ; оба они съ участіемъ ухаживали за мной и старались успокоивать меня во время припадковъ, которые возобновились на другой день путешествія. По прибытіи въ Миланъ, De Filippi нашелъ мой пульсъ въ такомъ положеніи, что велѣлъ мнѣ сейчасъ же пустить кровь изъ лѣвой руки, что однакожъ не произвело значительной пользы. Мои страданія усилились, желудокъ совершенно отказался служить. Мнѣ намазали спину такою мазью, что сошла кожа, и по живому мясу мазали морфиномъ. Все это и другія средства остались тщетными, и болѣзнь, или лучше сказать, жестокія страданія продолжались около шести недѣль, т. е. отъ половины марта до конца апрѣля.

Ухаживали за мною Didina, съ невыразимымъ участіемъ, Signora Giuseppa Abbondio и добрый Isidoro Cambiaggio; онъ сажалъ меня въ ванну и водилъ гулять.

Во время припадковъ, возобновлявшихся ежедневно ночью, приходила старушка (garde-malade). Къ утру раздраженіе мало-по-малу успокоивалось, и я чувствовалъ усталость и нѣчто въ родѣ голода (fausse faim), и тогда я пожиралъ булочки съ оршадомъ изъ дынныхъ сѣмянъ, превосходно изготовленныхъ миланскими монахинями. Безъ сомнѣнія, этотъ внушенный мнѣ инстинктомъ самохраненія завтракъ, въ родѣ катаплазма, не мало содѣйствовалъ моему облегченію. Въ промежуткахъ между припадками, страданія становились тусклѣе; я садился за фортепьяно и невольно извлекалъ фантастическіе звуки, въ которыхъ

отражались фантастическія, тревожившія меня ощущенія. Но это чрезвычайное раздраженіе нервной системы подѣйствовало не на одно только воображеніе; изъ неопредѣленнаго и сиповатаго голоса, образовался у меня вдругъ сильный, звонкій, высокій теноръ, которымъ я потѣшалъ публику слишкомъ пятнадцать лѣтъ; да и теперь еще съ вспомогательными средствами, подъ иной часъ, вытяну два или три романса.

Въ концѣ апрѣля, De Filippi отправилъ меня опять въ Varese къ доктору Branca. Жить мнѣ тамъ было трудно, хотя впослѣдствіи и переѣхали туда Cambiaggio съ женою.

Докторъ по привычкѣ водилъ меня гулять безъ пощады, иногда нанималъ кабріолетъ, и я ѣздилъ съ его сыновьями по окрестностямъ; также не мало ѣздилъ и верхомъ. Отъ этого желудокъ служилъ нѣсколько исправнѣе; но мучительныя ощущенія часто возобновлялись. Иногда бывалъ я въ Миланѣ, но на короткое время. Былъ на озерѣ Комо, гдѣ снова встрѣтилъ Соболевскаго, съ которымъ мы посѣтили Пасту въ день ея имянинъ, въ ея собственной villa; тамъ же барыня, ѣхавшая со мною изъ Венеціи, прислужилась мнѣ Le roy, а потомъ докторъ Франкъ прислужился пластыремъ изъ камфоры съ опіумомъ; по возвращеніи же моемъ въ Varese, докторъ Branca угощалъ меня еще чѣмъ-то. При всемъ томъ, мучительныя ощущенія довели меня до глубокой тоски, а сія послѣдняя до ностальгіи (Heimweh).

Къ счастію, я въ іюлѣ мѣсяцѣ получилъ изъ дому извѣстіе, что сестра моя Наталья Ивановна съ мужемъ своимъ Николаемъ Дмитріевичемъ Гедеоновымъ поѣхала въ Берлинъ. Это извѣстіе зажгло во мнѣ желаніе туда-же отправиться; а какъ препятствій къ исполненію его не было, то я и оставилъ Италію въ концѣ того же іюля 1833 года.

Не лишнимъ считаю вывести здѣсь краткій итогъ пріобрѣтеннаго мною въ мое пребываніе въ Италіи.

Страдалъ я много; но много было отрадныхъ и истинно поэтическихъ минутъ. Частое обращеніе съ второклассными пѣвцами и пѣвицами, любителями и любительницами пѣнія, практически познакомило меня съ капризнымъ и труднымъ искусствомъ управлять голосомъ и ловко писать для него. Nozzari и Todor въ Неаполѣ были для меня представителями искусства, доведеннаго до nec plus ultra совершенства; они умѣли сочетать невѣроятную (для тѣхъ, кто не слыхалъ ихъ) отчетливость (fini) съ непринужденною естественностью (grâce naturelle), которыя послѣ нихъ едва ли мнѣ удастся когда либо встрѣтить. Не говорю о Рубини, даже въ пѣніи Пасты было не безъ нѣкотораго рода претензіи на эффектъ. Мои занятія въ композиціи считаю менѣе успѣшными. Не малаго труда стоило мнѣ поддѣлываться подъ итальянское Sentimento brillante, какъ они называютъ ощущеніе благогостоянія, которое есть слѣдствіе организма счастливо-устроеннаго подъ вліяніемъ благодѣтельнаго южнаго солнца. Мы, жители сѣвера, чувствуемъ иначе; впечатлѣнія или насъ вовсе не трогаютъ, или глубоко западаютъ въ душу. У насъ, или неистовая веселость или горькія слезы. Любовь[1]) у насъ всегда соединена съ грустью. Нѣтъ сомнѣнія, что наша русская заунывная пѣснь есть дитя Сѣвера, а можетъ быть нѣсколько передана жителями Востока; ихъ пѣсни также заунывны, даже въ счастливой Андалузіи. Иванъ Екимовичъ говорилъ: «Послушай поволжскаго извощика; пѣсня заунывна; слышно владычество татаръ; — пѣли, — поютъ, довольно!»

---

[1]) Зачеркнуто и сново подчеркнуто: «это восхитительное чувство, животворящее вселенную».

Но обращаюсь къ предмету. Весну и первую половину лѣта 1833 года страданія не допускали меня работать. Я не писалъ, но много соображалъ. Всѣ написанныя мною, въ угожденіе жителямъ Милана, пьесы, изданныя весьма опрятно Giovanni Ricordi, убѣдили меня только въ томъ, что я шелъ не своимъ путемъ, и что я искренно не могъ быть итальянцемъ. Тоска по отчизнѣ навела меня постепенно на мысль писать по-русски.

Итакъ, въ іюлѣ я оставилъ Италію. Докторъ Branca сопровождалъ меня до Вѣны. Ѣхали мы слѣдующимъ путемъ: Romo, Varenna, Colico, Sondrio, Bormio (Valtellina), потомъ чрезъ Monte Stelvio (Ortler-Spitz) въ Тироль до Инспрука. По этимъ мѣстамъ мы путешествовали въ маленькой коляскѣ (chaise de poste), мѣняя ее на каждой станціи. Изъ Инспрука, чрезъ Зальцбургъ, Линцъ, въ Вѣну. Тироль суровѣе Швейцаріи, но виды не такъ живописны; между Инспрукомъ и Зальцбургомъ мѣстоположеніе интереснѣе.

Вѣна, послѣ Италіи, показалась мнѣ мрачною, въ особенности по причинѣ дурной погоды. Я часто и съ удовольствіемъ слышалъ оркестры Ланнера и Штрауса. Докторъ Branca водилъ меня въ восковой анатомическій кабинетъ, объясняя все, въ особенности относящееся до моей болѣзни, чѣмъ не мало успокоилъ мое воображеніе.

Мы совѣтовались съ докторомъ Malfatti; онъ послалъ меня на Баденскія воды, что подлѣ Вѣны.

Докторъ Branca остался со мною недѣлю, здоровье мое видимо разстроилось, и когда онъ уѣхалъ, меня повезъ нанятый лакей (Lohnlakay) изъ трактира Дикаго человѣка (zum Wilden Mann) въ Баденъ. Тамошній докторъ, плотный, здоровый и краснощекій парень, цѣлый

день потѣшался верховой ѣздой и танцами; меня же заставилъ пить воды и купаться[1]); впослѣдствіи, къ ваннамъ присоединили души (douches).

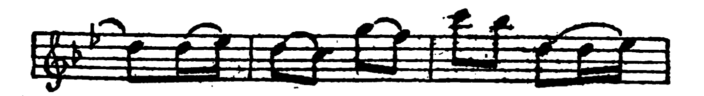
Воды баденскія весьма сильны; онѣ состоятъ изъ сѣры и квасцовъ. Въ скоромъ времени разстройство нервъ дошло до ужасной степени, наконецъ, не только hallucinations, т. е. обманы чувствъ, начали терзать меня, но ноги и руки не повиновались вполнѣ, и мой лакей долженъ былъ водить меня.

За нѣсколько дней до этого положенія, мой добрый служитель, гуляя со мной, завелъ меня къ католическому священнику, у котораго было фортепьяно. Я началъ импровизировать и вѣроятно очень жалобно, потому что священникъ съ удивленіемъ спросилъ меня: «Какъ возможно въ ваши лѣта играть такъ грустно?» — «Что же дѣлать! Вѣдь не легко быть приговореннымъ къ смерти, особенно въ цвѣтѣ лѣтъ», отвѣчалъ я, при чемъ кратко разсказалъ мои страданія, а также и то, что всѣ испытанныя средства служили только къ большему и большему разстройству моего здоровья. Священникъ спросилъ, прибѣгалъ ли я къ гомеопатическому леченію. Я принялъ это за насмѣшку. Могъ ли я предполагать, чтобы невидимые, такъ сказать, атомы лекарствъ, содержащіеся въ мелкихъ крупинкахъ, могли дѣйствовать послѣ тѣхъ массъ лекарствъ, въ которыя меня погружали, и которыя я выпилъ. Онъ однако же настоятельно старался убѣдить меня и заключилъ рѣчь свою слѣдующимъ образомъ: «Вы считаете себя приговореннымъ къ смерти; въ такомъ случаѣ, не все ли вамъ равно умирать отъ аллопатіи или гомеопатіи?»

[1]) «Вотъ всегдашнія слова его: Trinken Sie und baden Sie sich fleissig—alles wird sich geben». Прим. Глинки карандашомъ въ копіи на полѣ.

Когда я впалъ въ такое жестокое состоянiе, что мой добрый лонъ-лакей потерялъ голову, онъ послалъ за своей женой, женщиной зрѣлыхъ лѣтъ. Она, не теряя времени, явилась и сейчасъ съ мужемъ увезла меня въ Вѣну. Финансы мои были въ самомъ жалкомъ положенiи. Поѣздка изъ Варезе въ Вѣну, издержки на обратный путь доктора Бранка, и ужасная дороговизна жизни въ Баденѣ, почти совершенно истощили казну мою. Мои добрые покровители (близкихъ знакомыхъ въ Вѣнѣ не было) помѣстили меня у себя на квартирѣ, въ скромной, но опрятной комнаткѣ, и ухаживали за мною съ постоянною заботливостью. Сейчасъ по прiѣздѣ въ Вѣну я вспомнилъ слова священника, и отправился къ рекомендованному имъ доктору, по имени: Marn-Zeller. На другой день, по прiемѣ даннаго симъ послѣднимъ гомеопатическаго средства, я стоялъ уже крѣпче на ногахъ, въ короткое же время и расположенiе духа стало спокойнѣе, хотя непрiятныя ощущенiя все еще продолжали тревожить меня.

Получивъ деньги, я съ признательностью расплатился съ своими гостепрiимными покровителями, на нѣсколько времени оставилъ лонъ-лакея при себѣ; самъ же переѣхалъ въ Kärtner Strasse. Это было въ концѣ августа. Я принялся для развлеченiя читать Шиллера и переписывать любимыя пьесы; равнымъ образомъ нанялъ фортепьяно и твердилъ варьяцiи Герца на разныя темы. Наслушавшись Ланнера и Штрауса, не разъ пытался сочинять, и помню, что тогда изобрѣлъ тему, послужившую мнѣ для Краковьяка въ «Жизни за Царя», а именно:

Въ сентябрѣ, проѣздомъ были въ Вѣнѣ Павелъ Васильевичъ Энгельгардтъ съ женою, и кузина моя Наталья Ивановна съ мужемъ своимъ, П. П. Рындинымъ. Я провелъ съ ними пріятно нѣсколько дней. Вскорѣ по ихъ отъѣздѣ прибылъ въ Вѣну братъ зятя моего Гедеонова, находившагося уже тогда въ Берлинѣ, Ѳедоръ Дмитріевичъ; онъ поселился со мною и доводилъ до слезъ отъ смѣху каждое утро, болтая со мною скороговоркою по-нѣмецки.

Согласуясь съ моимъ непреодолимымъ желаніемъ свидѣться съ сестрой и его братомъ, онъ, въ первой половинѣ октября, съ свойственною ему ловкостью, и въ короткое время, устроилъ все для путешествія; во время пути заботился обо мнѣ, какъ бы о родномъ братѣ, и когда я охалъ, то онъ пѣлъ мнѣ пѣсни и разсказывалъ побасенки, чтобы развлечь меня. Я ввѣкъ буду ему за это признателенъ.

Я ожилъ душою при свиданьи съ сестрою и зятемъ. Сестра была необыкновенно кротка и доброты неизреченной; зять мой—добраго, открытаго нрава, но очень вспыльчивъ. Сестру пользовали: операторъ Диффенбахъ, извѣстный во всемъ свѣтѣ, и королевскій акушеръ Гауке. Этого послѣдняго зять прозвалъ китомъ. Когда ему отрекомендовали меня, то онъ спросилъ съ видомъ удивленія, указывая на меня: «Comment! lui, compositeur?» и вслѣдствіе того далъ мнѣ съ зятемъ музыкальный вечеръ; тамъ явилось штукъ пятнадцать нѣмочекъ съ нотами, которыя съ листа пропѣли нѣсколько хоровъ, преимущественно Шпонтини (Spontini).

Диффенбахъ посовѣтовалъ мнѣ гусарскую жизнь (Hussaren-Leben) и гимнастику; но ни то, ни другое не произвело желаннаго успѣха.

Въ Берлинѣ встрѣтилъ я пансіонскаго товарища Чиркова, страннаго, но милаго и образованнаго человѣка, съ которымъ я жилъ въ Петербургѣ въ 1828 г. Пріѣхавъ въ Берлинъ, сначала поселился я съ сестрою и зятемъ въ Jäger-Strasse, № 10 [1]), во второмъ этажѣ; но впослѣдствіи занялъ въ томъ же домѣ, въ томъ же этажѣ, насупротивъ сестры и зятя и подобную имъ квартиру. Чрезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ, я встрѣтился съ учителемъ пѣнія Тешнеромъ, котораго зналъ еще въ Миланѣ. Онъ познакомилъ меня съ своей ученицей Маріей. Ей было лѣтъ 17 или 18. Она была нѣсколько израильскаго происхожденія, высокаго роста, но еще не сложилась; лицомъ же очень красива и походила нѣсколько на Мадонну. Кромѣ Маріи, семейство состояло изъ отца, матери и двухъ братьевъ. Я началъ учить ее пѣнію и написалъ для нея этюды; изъ одной изъ нихъ, впослѣдствіи, я аранжировалъ Еврейскую пѣсню для драмы Кукольника: Кн. Холмскій. Почти ежедневно видѣлъ Марію, и нечувствительно почувствовалъ къ ней склонность, которую, кажется, и она раздѣляла.

Тотъ же Тешнеръ отрекомендовалъ мнѣ гемеопатическаго доктора Штюллера, у котораго я постоянно пользовался во все время пребыванія моего въ Берлинѣ.

Ему же, т. е. Тешнеру, обязанъ знакомствомъ съ Зигфридомъ Деномъ (Dehn); онъ теперь Custos музыкальнаго отдѣленія королевской библіотеки въ Берлинѣ [2]); я учился у него около пяти мѣсяцевъ, и въ самое короткое время онъ узналъ степень свѣдѣній моихъ и способности; распорядился же онъ такъ: задавалъ мнѣ писать трехъ, а

---

[1]) «Теперь, къ сожалѣнію, этотъ домъ вновь перестроенъ. 1856. Іюнь».

[2]) «И, безспорно, первый музыкальный знахарь въ Европѣ». Примѣч. Глинки карандашомъ на поляхъ копіи съ записокъ.

потомъ четырехъ-голосныя фуги, или, лучше сказать, скелеты, экстракты фугъ безъ текста, на темы извѣстныхъ композиторовъ, требуя при этомъ соблюденія принятыхъ въ этомъ родѣ композиціи правилъ, т. е. соблюденія экспозиціи, стреттъ и педали. Онъ привелъ въ порядокъ мои теоретическія свѣдѣнія, и собственноручно написалъ мнѣ науку гармоніи или генералъ-басъ, науку мелодіи или контрапунктъ и инструментовку; все это въ четырехъ маленькихъ тетрадкахъ. Я хотѣлъ отдать ихъ напечатать, но Денъ не изъявилъ на то согласія[1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что Дену обязанъ я болѣе всѣхъ другихъ моихъ maestro; онъ, будучи рецензентомъ музыкальной Лейпцигской газеты, не только привелъ въ порядокъ мои познанія, но и идеи объ искусствѣ вообще, и съ его лекцій я началъ работать не ощупью, а съ сознаніемъ. Притомъ, онъ не мучилъ меня школьнымъ и систематическимъ образомъ: напротивъ, всякій почти урокъ открывалъ мнѣ что-нибудь новое, интересное. Однажды онъ далъ мнѣ тему, состоявшую изъ 8-ми тактовъ, съ тѣмъ, чтобы я написалъ на нее скелетъ фуги къ слѣдующей лекціи. Тема эта походила болѣе на речитативъ, нежели на удобную для фуги мелодію, и я тщетно хлопоталъ надъ ней. На слѣдующей лекціи, онъ еще разъ попросилъ меня заняться этой темой, и я также бился съ ней понапрасну. На третью лекцію Денъ явился съ огромною книгою, содержавшею фугу Генделя на ту тему, съ которою я не могъ совладать. По разсмотрѣніи ея оказалось, что вся разработка великаго композитора была основана на восьмомъ тактѣ; первые же 7 тактовъ проявлялись только из-

---

[1]) Тетради эти, въ числѣ пяти, находятся въ И. П. Библіотекѣ. См. Отчетъ 1868, стр. 33.

рѣдка. Однимъ этимъ соображеніемъ я постигъ, что̀ такое фуга.

Кромѣ уроковъ Дена и уроковъ Маріи, я отчасти занимался сочиненіемъ. Написалъ два романса: «Дубрава шумитъ» Жуковскаго и «Не говори любовь пройдетъ» Дельвига; варьяціи на тему «Соловей» Алябьева для фортепьяно, также Potpourri на нѣсколько русскихъ пѣсенъ въ 4 руки: въ этой послѣдней видно поползновеніе на контрапунктъ. Также этюду увертюры-симфоніи на круговую (русскую тему), которая впрочемъ была разработана по-нѣмецки.

Эти двѣ послѣднія пьесы, равно какъ и большая часть моихъ упражненій съ Деномъ, должны быть въ собраніи моихъ сочиненій у В. П. Энгельгардта[1]).

Мысль объ національной музыкѣ (не говорю еще оперной) болѣе и болѣе прояснялась; я сочинилъ тему «Какъ мать убили» (пѣснь сироты изъ «Жизни за Царя»), и первую тему Allegro увертюры. Должно замѣтить, что я въ молодости, т. е. вскорѣ по выпускѣ изъ пансіона, много работалъ на русскія темы.

Кромѣ собственныхъ занятій, я мало слышалъ музыки въ Берлинѣ во время тогдашняго моего пребыванія. Помню, что видѣлъ однажды въ театрѣ представленіе оперы «Une folie» Мегюля. Maria игрывала иногда съ аккомпаниментомъ скрипки. Тешнеръ познакомилъ меня съ фортепьянистомъ Бергеромъ, написавшимъ превосходные этюды для фортепьяно; онъ, несмотря на нервный ударъ, поразившій одну изъ его рукъ, игралъ еще очень хорошо.

Такимъ образомъ, мы проживали тихо и пріятно до конца марта.

---

[1]) Теперь въ И. П. Библіотекѣ. Отч. 1868, стр. 33.

Я однажды съ Чирковымъ поѣхалъ въ Шарлотенбургъ; по возвращеніи узналъ я отъ зятя, что батюшка скончался. Это извѣстіе поразило меня тѣмъ болѣе, что хотя и писали, что отецъ былъ боленъ, но въ такихъ терминахъ, что я никакъ не мыслилъ объ опасности. Такъ какъ все искусство Диффенбаха оказалось тщетнымъ надъ моею сестрою, которая съ ангельскою кротостью выдержала нѣсколько операцій, то мы рѣшились возвратиться домой.

Въ это время случилось маловажное происшествіе, имѣвшее странное вліяніе на судьбу мою. Вдова, служившая сестрѣ въ качествѣ горничной и garde-malade, имѣя малолѣтнихъ дѣтей, не могла ѣхать съ сестрою. Вызвали чрезъ газеты желающихъ съ нами ѣхать; явилось до сорока нѣмочекъ, между ними одна довольно миловидная дѣвушка, но съ предлинными руками и ногами. Когда она вошла къ намъ, я очень хорошо помню, что я тогда же сказалъ сестрѣ: «Бери кого хочешь, только не эту». Пришлось однакожъ взять эту, Луизу, потому что всѣ прочія отказались ѣхать въ Россію.

Итакъ, въ апрѣлѣ 1834 г. отправились мы изъ Берлина въ коляскѣ: сестра, зять, я и Луиза. Мы ѣхали на Познань, Кёнигсбергъ, Тильзитъ, Юрбургъ, Ковно, Вильно, Минскъ и Смоленскъ. Прибывъ въ концѣ апрѣля въ Новоспасское, я вовсе не помню, какъ провелъ время до іюня; полагаю, что велъ жизнь тихую и довольно пріятную.

Въ іюнѣ я поѣхалъ въ Москву, чтобы повидаться съ пріятелемъ моимъ Мельгуновымъ. Онъ жилъ въ томъ же собственномъ домѣ подъ Новинскимъ. Мнѣ отвели комнаты, въ которыхъ, съ насмѣшкою сказалъ мнѣ Мельгуновъ, всѣ тѣ, которые поживутъ, непремѣнно женятся, какъ напримѣръ Шевыревъ. Въ мезонинѣ жилъ Павловъ (авторъ впослѣдствіи извѣстныхъ повѣстей). Онъ далъ

мнѣ свой романсъ: «Не называй ее небесной», незадолго имъ сочиненный, который я положилъ на музыку при немъ же. Сверхъ того запала мнѣ мысль о Русской оперѣ. Словъ у меня не было, а въ головѣ вертѣлась «Марьина роща» и я игралъ на фортепьяно нѣсколько отрывковъ сценъ, которыя отчасти послужили мнѣ для «Жизни за Царя».

При томъ же я хотѣлъ доказать публикѣ, что недаромъ странствовалъ по Италіи. Отецъ Мельгунова былъ еще живъ, и у него собралось нѣсколько семействъ, принадлежавшихъ къ высшему московскому обществу; были, между прочимъ, Bravura и Кирѣева, урожденная Алябьева; обѣ весьма красивыя и образованныя барыни. Я пѣлъ и игралъ свои сочиненія, и эти послѣднія, кажется, съ аккомпаниментомъ струнныхъ инструментовъ.

Въ то время сблизился я съ композиторомъ Гебелемъ, и неоднократно слушалъ его квинтеты и квартеты, хорошо исполненные; также видался съ Геништой, авторомъ «Черная шаль» и элегіи «Шуми, шуми послушное вѣтрило». Тогда же познакомился съ извѣстной пѣвицей-любительницей, Прасковьей Арсеньевной Бартеневой, и она проходила со мной мои романсы. Вообще, все время пребыванія моего въ Москвѣ я провелъ очень весело.

ПЕРІОДЪ VII.

Возвращеніе въ Новоспасское.—Поѣздка въ Москву и Петербургъ.—Женитьба.—Первое представленіе оперы.

1834—1836 гг.

По возвращеніи въ Новоспасское, я подалъ прошеніе о паспортѣ заграницу и получилъ его въ августѣ. Мое намѣреніе было ѣхать прямо въ Берлинъ, чтобы видѣть

Марію, съ семействомъ которой и съ ней самой я былъ въ постоянной перепискѣ. Матушка уѣхала въ Петербургъ съ сестрой Елизаветой Ивановной, получивъ извѣстіе объ опасной болѣзни брата Евгенія Ивановича, который находился тогда въ Артиллерійскомъ училищѣ. Сестра Наталья Ивановна попросила меня довезти Луизу до Берлина, на что я охотно согласился. Итакъ, я съ Луизой и человѣкомъ Яковомъ отправился въ Смоленскъ въ концѣ августа; остановился у сестры Марьи Ивановны и мужа ея Дмитрія Степановича Ступѣева, и сейчасъ же взялъ подорожную до города Вильно, гдѣ Яковъ долженъ былъ меня оставить. Но тутъ вышло слѣдующее затрудненіе: паспортъ Луизы не былъ явленъ въ первомъ губернскомъ городѣ, по въѣздѣ ея въ Россію, а потому начальство въ Смоленскѣ не могло выдать ей паспорта на проѣздъ, и для полученія такого надлежало ѣхать въ Петербургъ. Мнѣ было досадно, но между тѣмъ не хотѣлось, давши слово, бросить Луизу, и не хотѣлось тоже ѣхать въ Петербургъ.

Погода была превосходная, и Ступѣевъ уговорилъ меня къ тому тѣмъ болѣе, что я надѣялся успѣть еще до зимы добраться до Берлина; но судьба опредѣлила иначе.

Прибывъ въ Петербургъ, я остановился у Алексѣя Степановича Ступѣева; у него же остановилась и матушка съ сестрой. Братъ уже скончался. Первыя, попавшіяся мнѣ по пріѣздѣ, лица были: Луиза, которая чесала волосы миловидной дѣвушкѣ. Это была Марья Петровна Иванова, сестра Софьи Петровны, жены Алексѣя Ступѣева. Въ Берлинѣ сестра Nathalie и зять говорили, что покойный отецъ иногда въ шутку называлъ ее своей невѣсткой. Нечувствительно я началъ увлекаться миловидностію и нѣкоторою врожденной граціей Марьи Петровны, и не спѣшилъ отъѣздомъ, хотя матушка купила мнѣ карету для

избѣжанія осенней сырости въ пути. Нѣмка приревновала меня къ Марьѣ Петровнѣ и все утверждала, что я кончу тѣмъ, что женюсь на ней.

Матушка съ сестрой отправились обратно въ деревню, а я остался у Стунѣева, который отдалъ мнѣ свой кабинетъ.

Наконецъ 1-го октября ночью выпалъ снѣгъ; зимній путь установился и я рѣшительно остался въ Петербургѣ.

Все нужное для отправленія Луизы обратно въ Берлинъ было устроено къ крайней ея досадѣ. Забавно только то, что, собираясь въ путь, она во всемъ Петербургѣ не могла отыскать себѣ башмаковъ по ногѣ, всѣ были малы для ея огромной ноги.

У Алексѣя Стунѣева была страсть прислуживаться докторами. Сперва отдалъ онъ меня на руки Вольскому, но удачи не было; тогда онъ повезъ меня къ генералъштабъ-доктору Гаевскому, который нашелъ, что я въ магнетическомъ состояніи и совѣтовалъ употребленіе магнетизма, чтобы помочь этому состоянію нервной системы (pour me démagnétiser). Избранный для сего докторъ Лихтенштедъ не охотно согласился, говоря, что онъ убѣдился, сколь ненадежно прибѣгать къ магнетизму. И дѣйствительно, во время магнетизированія я стоналъ отъ мучительныхъ ощущеній, а послѣ третьяго сеанса надо было прекратить опыты, потому что нервы раздражались до жесточайшей степени. Я снова обратился къ гомеопатіи, и извѣстный въ то время докторъ Германъ значительно помогъ мнѣ. Около двухъ лѣтъ продолжалъ я лечиться гомеопатически и строго соблюдалъ предписанную діэту.

Алексѣй Стунѣевъ страстно любилъ музыку, въ особенности романсы. Жили мы въ домѣ, принадлежавшемъ къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, на Вознесенской

улицѣ. Онъ теперь принадлежитъ ко дворцу е. и. в. Маріи Николаевны. Марья Петровна очень часто гостила у сестры своей Софьи Петровны. Когда, бывало, Алексѣй Стунѣевъ сядетъ въ свободный часъ за фортепьяно и возьмется за романсы, то и начнетъ пѣть одинъ за другимъ по порядку, не пропуская ни одного куплета, хотя бы ихъ было множество. Мы съ Марьей Петровной пользовались его увлеченіемъ и усердно шушукали, сидя на софѣ, между тѣмъ, Стунѣевъ приходилъ болѣе и болѣе въ восторгъ. Я, признаюсь въ плутовствѣ своемъ, хотя онъ пѣлъ нещадно въ носъ и выговаривалъ слова топорнымъ образомъ, я не только поощрялъ его къ пѣнію, но даже и разучивалъ съ нимъ новые романсы. Софья Петровна порядочно пѣла пріятнымъ альтовымъ голосомъ. Я началъ учить ее пѣть, а также и Марью Петровну, которая, не зная нотъ, пѣла впослѣдствіи довольно вѣрно и мило небольшіе романсы.

Мало-по-малу начали меня посѣщать любители пѣнія. Николай Степановичъ Волковъ (онъ теперь директоръ училища изящныхъ искусствъ въ Варшавѣ) былъ кадетомъ училища путей сообщенія въ 1824 году, и у Бахтуриныхъ, гдѣ онъ тогда часто бывалъ, мы его звали попросту Коша. Въ теченіе зимы съ 1834 на 1835 г., онъ былъ милымъ, образованнымъ и талантливымъ молодымъ человѣкомъ; пѣлъ весьма хорошо баритономъ и превосходно рисовалъ. Съ нимъ я постоянно занимался пѣніемъ, и въ ту же зиму онъ нарисовалъ акварелью мой портретъ необыкновенно удачно. Съ братомъ его, Матвѣемъ Степановичемъ Волковымъ, я также вскорѣ послѣ того познакомился; онъ учился пѣть у Беллоли; мы вмѣстѣ пѣвали у Демидовыхъ и дружескія съ ними отношенія до сихъ поръ сохранились. Въ теченіе той же

зимы нерѣдко приходилъ пѣть со мной Иванъ Николаевичъ Андрѣевъ; онъ теперь также въ Варшавѣ и до сихъ поръ владѣетъ превосходнымъ теноромъ. Тогда сочиненъ мною романсъ «Инезилья», слова Пушкина и романсъ «Только узналъ я тебя», сей послѣдній для Марьи Петровны.

Пріятель мой, огромнаго роста капитанъ (теперь генералъ-маіоръ и командиръ полоцкаго егерскаго полка въ дѣйствующей арміи) Копьевъ, любитель музыки, пѣвшій пріятно басомъ и сочинившій нѣсколько романсовъ, привелъ мнѣ однажды маленькаго человѣка [1]), который говорилъ пискливымъ сопрано. Когда онъ сѣлъ за фортепьяно, то оказалось, что этотъ маленькій человѣкъ былъ очень бойкій фортепьянистъ, а впослѣдствіи весьма талантливый композиторъ, Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій.

Я жилъ тогда домосѣдомъ, и тѣмъ болѣе, что склонность къ Марьѣ Петровнѣ нечувствительно усиливалась; не смотря на это, однако же, я постоянно посѣщалъ вечера В. А. Жуковскаго. Онъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и у него еженедѣльно собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ, литераторовъ и вообще людей, доступныхъ изящному. Назову здѣсь нѣкоторыхъ: А. С. Пушкинъ, князь Вяземскій, Гоголь, Плетневъ были постоянными посѣтителями. Гоголь при мнѣ читалъ свою «Женитьбу». Князья Одоевскій, Віельгорскій и другіе бывали тоже нерѣдко [2]).

Когда я изъявилъ свое желаніе приняться за русскую

---

[1]) Зачеркнуто и снова подчеркнуто: въ «голубомъ сюртукѣ и красномъ жилетѣ».

[2]) Зачеркнуто: «иногда вмѣсто чтенія пѣли, играли на фортепьяно; бывали иногда и барыни, но которыя были доступны изящнымъ искусствамъ».

оперу, Жуковскій искренно одобрилъ мое намѣреніе и предложилъ мнѣ сюжетъ Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи; я находилъ въ ней много оригинальнаго, характерно-русскаго. Жуковскій хотѣлъ самъ писать слова, и для пробы сочинилъ извѣстные стихи: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному» (изъ тріо съ хоромъ въ эпилогѣ).

Занятія не позволили ему исполнить своего намѣренія, и онъ сдалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена, усерднаго литератора изъ нѣмцевъ, бывшаго тогда секретаремъ е. и. в. Государя Цесаревича.

Мое воображеніе предупредило однакожъ прилежнаго нѣмца; какъ бы по волшебному дѣйствію вдругъ создался и планъ цѣлой оперы, и мысль противопоставить русской музыкѣ—польскую. Наконецъ, многія темы и даже подробности разработки, все это разомъ вспыхнуло въ головѣ моей.

Я началъ работать, и совершенно наизворотъ, а именно началъ тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ, т. е. увертюрой, которую написалъ на 4 руки для фортепьяно, съ означеніемъ инструментовки. Въ изданіи «Жизнь за Царя» увертюра въ 4 руки сохранена такъ, какъ я тогда написалъ ее, кромѣ adagio, которое измѣнено мною впослѣдствіи. Темы для разныхъ мѣстъ оперы и часто съ контрапунктическою разработкою, записывалъ я въ особенной тетрадкѣ, по мѣрѣ ихъ изобрѣтенія.

Въ теченіе зимы съ 1834 г. на 1835 г., пѣлъ въ концертѣ Демидовой, въ финалѣ Пирата Беллини, партію Рубини. У графа Віельгорскаго исполнили великимъ постомъ 7-ю симфонію Бетховена необыкновенно удачно. Первыя скрипки: Львовъ, Бёмъ, Ромбергъ и Мауреръ играли съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ. Послѣ adagio, профессоръ музыки въ театральномъ училищѣ, Soliva,

отличнѣйшій теоретикъ, подпрыгнулъ, воскликнувъ: «E una cosa che fa stupore!» а я былъ такъ встревоженъ сильнымъ внечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня этой непостижимо превосходной симфоніей, что когда пріѣхалъ домой, то Марья Петровна спросила у меня съ видомъ участія: «Что съ тобою, Michel?» — «Бетховенъ!...» отвѣчалъ я. — «Что же онъ тебѣ сдѣлалъ?» продолжала она, и я долженъ былъ объяснить ей, что слышалъ превосходную музыку; она была плохая музыкантша.

Послѣ годовщины по отцѣ, я написалъ письмо къ матери съ просьбою о благословеніи на женитьбу, и, получивъ его, отозвался [1]). Невѣста моя, по причинѣ приготовленій къ свадьбѣ, часто жила у матери на Пескахъ, а поэтъ мой Розенъ, въ сосѣдствѣ съ ними, на Конной площади; такъ что, посѣщая Марью Петровну, я заходилъ и къ Розену. Въ теченіе весны, т. е. апрѣля и марта, по моему плану онъ изготовилъ слова перваго и втораго акта. Ему предстояло не мало труда; большая часть не только темъ, но и разработки пьесъ были сдѣланы, и ему надлежало поддѣлывать слова подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ. Баронъ Розенъ былъ на это молодецъ: закажешь, бывало, столько-то стиховъ, такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ-сложнаго и даже небывалаго—ему все равно; придешь черезъ день, ужъ и готово. Жуковскій и другіе въ насмѣшку говорили, что у Розена по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и мнѣ стоило сказать—какого сорта, т. е. размѣра, мнѣ нужно и сколько стиховъ, онъ вынималъ столько каждаго сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особеннаго кармана.

[1]) Въ копіи пояснено: «посватался».

Когда же размѣръ и мысль не [1]) подходили къ музыкѣ и согласовались съ ходомъ драмы, тогда являлось въ моемъ піитѣ необыкновенное упрямство. Онъ каждый свой стихъ защищалъ съ стоическимъ геройствомъ: такъ, напримѣръ: мнѣ показались не совсѣмъ ловкими стихи изъ квартета:

Такъ ты для земнаго житья
Грядущая женка моя.

Меня какъ-то непріятно поражали слова: грядущая, славянское, библейское даже, и простонародное слово — женка; долго, но тщетно бился я съ упорнымъ барономъ; убѣдить его въ справедливости моего замѣчанія возможности не было; онъ много говорилъ съ жаромъ, при чемъ тощее и блѣдное лицо его мало-по-малу вспыхивало яркимъ румянцемъ. Преніе наше окончилъ онъ слѣдующимъ образомъ: «Ви не понимаетъ, это сама лучшій поэзія».

Мысль извѣстнаго тріо есть слѣдствіе моей безумной тогдашней любви; минута безъ невѣсты моей казалась мнѣ невыносимою, и я дѣйствительно чувствовалъ высказанное въ adagio или andante: «Не томи родимый», которое написалъ уже лѣтомъ въ деревнѣ.

Въ концѣ апрѣля, около 25 или 26 числа 1835 года я женился. Вѣнчалъ насъ, въ церкви инженернаго-училища, мой духовникъ и законоучитель въ пансіонѣ, протоіерей Алексѣй Маловъ; посаженнымъ отцомъ былъ почтенный родственникъ мой, тайный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ, а шаферомъ моимъ капитанъ, теперь генералъ-маіоръ, командиръ 3-го учебнаго карабинернаго полка, Петръ Александровичъ Степановъ. О нихъ буду еще писать послѣ.

---

[1]) «Не»—написано карандашомъ въ копіи.

Въ первой половинѣ мая, отправился я съ женою и тещею въ Новоспасское. Ѣхали мы на Москву для свиданья съ родственниками жены. Со мной были слова для двухъ актовъ, и я помню, что гдѣ-то за Новгородомъ, въ каретѣ, вдругъ я сочинилъ въ $^5/_4$ хоръ «Разлелѣялась».

Подробности деревенской жизни исчезли изъ памяти; знаю только, что я прилежно работалъ, т. е. уписывалъ въ партитуры уже готовое и заготовлялъ впередъ. Ежедневно утромъ садился я за столъ въ большой и веселой залѣ, въ новоспасскомъ нашемъ домѣ. Это была наша любимая комната; сестры, матушка, жена, однимъ словомъ вся семья тамъ же копошилась, и чѣмъ живѣе болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣе шла моя работа. Время было прекрасное, и я часто работалъ, отворивъ дверь въ садъ и впивая въ себя чистый бальзамическій воздухъ.

«Не томи родимый» сначала я написалъ было въ $^2/_4$ и въ тонѣ A-moll, но разсчелъ, что въ первомъ актѣ у меня много пáрнаго дѣленія такта, а именно: Интродукція, арія Антониды и речитативъ Сусанина съ хоромъ. Вспомнилъ тоже слова Дена, который однажды привелъ Шпора въ замѣшательство, спросивъ у него: по какой причинѣ вся Іессонда его идетъ въ $^3/_4$ дѣленія такта? Не желая, чтобы и ко мнѣ могли придраться за единообразіе, я написалъ ту же мелодію въ $^6/_8$ и въ B-moll, что безспорно лучше выражаетъ нѣжное томленіе любви.

Карлъ Ѳедоровичъ Гемпель погостилъ у насъ не малое время; онъ искренно радовался успѣшному ходу труда моего, и кажется, въ хранящейся у В. П. Энгельгардта собственно-ручной партитурѣ, сцена G-dur, когда

къ Сусанину въ хижину приходятъ поляки, переписана Карломъ Өедоровичемъ [1]).

Въ августѣ, мы съ женою и тещею отправились обратно въ Петербургъ, гдѣ въ скоромъ времени я съ женою поселился на Конной площади, въ особенномъ, нами одними занимаемомъ домѣ. Вскорѣ къ намъ перебралась и тёща. Здѣсь я долженъ сказать, что Алексѣй Ступѣевъ не одобрялъ этого и не разъ говорилъ мнѣ: «Эй, Michel, не бери тёщи въ домъ». Вообще, онъ ни въ чемъ не причастенъ былъ въ женитьбѣ моей и ея послѣдствіяхъ. Отчасти по самонадѣянности, отчасти по свойственной художнику лѣни заниматься хозяйственными дрязгами, а также изъ угожденія женѣ, я впустилъ въ мое семейство бѣдовую тёщу.

Несмотря на это, все шло хорошо, и такъ хорошо, что пріятель мой Степановъ, нерѣдко навѣщавшій насъ, сказалъ мнѣ однажды: «Душа радуется, видя твое счастье, поздравляю тебя».—«Искренное скажу спасибо, отвѣчалъ я, когда ты черезъ десять лѣтъ поздравишь меня».

Съ Степановымъ (Петромъ) я встрѣчался, будучи еще въ пансіонѣ, у родственника нашего (мы были сами въ дальнемъ родствѣ), Өедора Степановича Капталинскаго, потомъ видались пріятельски у князя Хованскаго и у моего пансіонскаго товарища Алексѣя Николаевича Астафьева, который теперь генералъ-маіоромъ при свитѣ е. и. величества.

Работа шла успѣшно; всякое утро сидѣлъ я за столомъ и писалъ по шести страницъ мелкой партитуры, той самой, что̀ у Энгельгардта. По вечерамъ, сидя на софѣ

[1]) Эта сцена составляетъ № 13-й партитуры. См. Отч. И. П. Б., стр. 36.

въ кругу семейства и иногда немногихъ искреннихъ пріятелей, я мало принималъ участія во всемъ меня окружавшемъ. Я весь былъ погруженъ въ трудъ, и хотя уже много было написано, оставалось еще многое соображать, а эти соображенія требовали не малаго вниманія, надлежало все пригонять такъ, чтобы вышло стройное цѣлое. Сцену Сусанина въ лѣсу съ поляками, я [1]) писалъ зимою; всю эту сцену, прежде чѣмъ я началъ писать, я часто читалъ съ чувствомъ вслухъ, и такъ живо переносился въ положеніе моего героя, что волосы у самого меня становились дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ.

Развитіе, по моему плану, этой сцены вполнѣ принадлежитъ барону Розену [2]).

Ломакинъ, съ которымъ я тогда познакомился, тоже содѣйствовалъ моему труду; онъ приводилъ пѣвчаго Бѣликова (soprano), чтобы пробовать арію: «Не о томъ скорблю подруженьки», ритурнель которой игралъ на флейтѣ Тихменевъ. Гавріилъ Екимовичъ Ломакинъ собственными и постоянными трудами и талантомъ достигъ почетнаго мѣста между преподавателями музыки и искренно любимъ и уважаемъ всѣми его знающими.

Прасковья Арсеньевна Бартенева была въ Петербургѣ. Черезъ нее или черезъ зятя ея, Д. И. Нарышкина, устроили мнѣ оркестровую репетицію перваго акта моей оперы, въ домѣ князя Юсупова. Оркестръ, хотя плохой, исполнилъ однако довольно хорошо; управлялъ имъ Іоханнисъ, который впослѣдствіи былъ театральнымъ капельмейсте-

---

[1]) Зачеркнуто: «помню какъ бы теперь».

[2]) Рукою Кукольника написано: «NB О Розенѣ»—а рукою Глинки: «NB. Не понимаю. Мимоза.

ромъ въ Москвѣ. Хоровъ не исполняли, а кое-гдѣ пѣлъ я, Бартенева и Волковъ. Несмотря на это, эффектъ инструментовки оказался удовлетворительнымъ. Это было великимъ постомъ 1836 года.

Въ ту же зиму, т.-е. съ 1835 на 1836 г., я познакомился съ актерами Петровымъ и Шемаевымъ, а потомъ и съ другими артистами русской оперы, и, мало-помалу, началъ разучивать мою оперу. Гг. артисты проходили со мной свои партіи съ искреннимъ усердіемъ. Петрова (тогда еще Воробьева), необыкновенно талантливая артистка, всегда просила меня пропѣть ей каждую новую для нея музыку, раза два, въ третій — слова и музыку она уже хорошо пѣла и знала наизусть.

Несмотря на доброе расположеніе артистовъ, во время моихъ съ ними занятій, дѣло не обошлось безъ сплетень и неудовольствій. Директоръ театровъ, Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, писалъ мнѣ письма съ незаслуженными мною выговорами,— будто бы я заставляю артистовъ пѣть въ комнатахъ, гдѣ слишкомъ накурено табакомъ и что-де отъ этого ихъ голоса портятся. Я досадовалъ, но все-таки продолжалъ разучку партій.
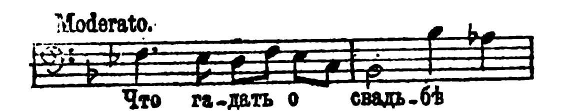
Въ мартѣ 1836 года, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій устроилъ у себя репетицію перваго акта оперы [1]); партіи пѣли артисты, а хоры—не помню какіе именно пѣвчіе, только не придворные. На этой репетиціи былъ Гедеоновъ, была также и матушка. Репетиція была очень удовлетворительна. Графъ Віельгорскій сдѣлалъ мнѣ два дѣльныхъ замѣчанія: въ интродукціи не было конца (coda), и по его совѣту я потомъ и придѣлалъ коду. Въ № 3-мъ
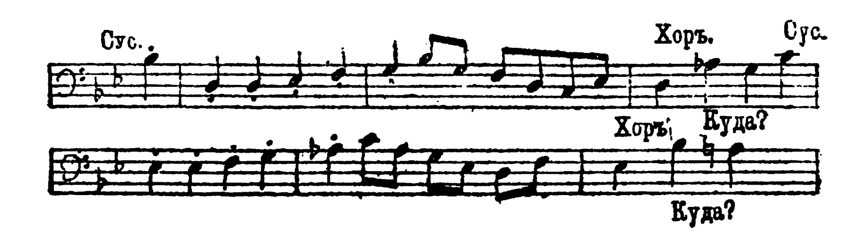
---

[1]) «За что ему вѣчное спасибо». Помѣта на полѣ копіи карандашомъ.

въ сценѣ Сусанина [1]) не было хора на сценѣ, а только за кулисами. Графъ посовѣтовалъ мнѣ придѣлать хоръ на сценѣ crescendo и кончить его ff, что мною сдѣлано съ успѣхомъ, и явленіе жениха отъ того несравненно торжественнѣе.

Въ теченіе работы не мало обязанъ я совѣтамъ князя Одоевскаго и нѣсколько Карла Мейера. Одоевскому чрезвычайно понравилась тема, взятая мною изъ пѣсни лужскаго извощика, а именно:
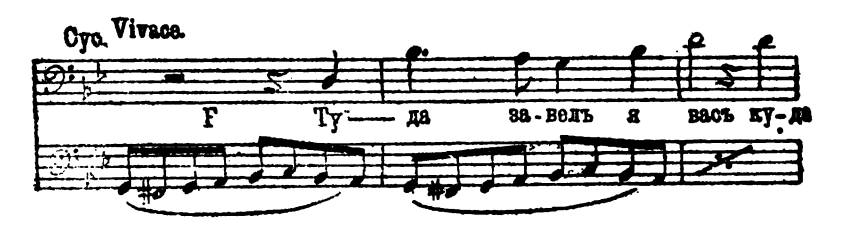

Онъ совѣтовалъ мнѣ напомнить объ этой темѣ, которою начинается партія Сусанина, въ послѣдней его сценѣ въ лѣсу съ поляками. Мнѣ удалось исполнить это; послѣ словъ: «Туда завелъ я васъ, куда и сѣрый волкъ не забѣгалъ, куда и черный вранъ костей не заносилъ», идетъ прогрессія отрывка изъ темы, переданной мнѣ извощикомъ, а именно:
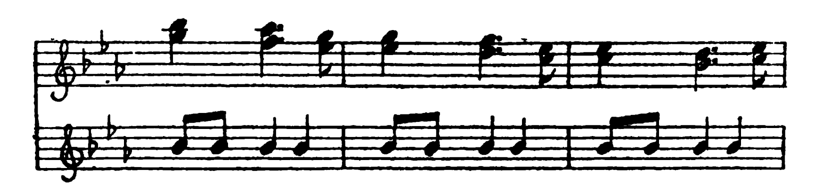

[1]) Зачеркнуто: «главная тема которой взята изъ слышанной мною неподалеку отъ города Луги, С.-Петербургской губерніи, русской пѣсни, передъ приходомъ жениха». — Съ боку карандашомъ «нужно».

При сочиненіи начала, въ отвѣтахъ Сусанина я имѣлъ въ виду нашу извѣстную разбойничью пѣсню «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», употребивъ начало ея удвоеннымъ движеніемъ въ движеніе аккомпанемента, какъ-то:

Съ Карломъ Мейеромъ я иногда совѣтовался объ инструментовкѣ, особенно въ ff; помню также, что онъ навелъ меня на фигуру аккомпанемента въ мазуркѣ:

Эта фигура въ разныхъ тонахъ повторяется разными инструментами и производитъ недурной эффектъ.

Съ Несторомъ Кукольникомъ познакомили меня, когда? — не помню, по случаю моей оперы и отрекомендовали, какъ лучшаго въ тогдашнее время нашего драматическаго писателя.

Онъ готовъ былъ писать для меня слова; но уѣхалъ въ Москву, откуда прислалъ образчикъ сцены, изъ котораго я увидѣлъ, что нельзя было заочно работать, въ особенности потому, что большая часть музыки была готова, и нужно было подъ нее поддѣлываться. Съ другой же стороны, баронъ Розенъ ретиво приступилъ къ дѣлу, и

изъ уваженія къ В. А. Жуковскому, мнѣ нельзя было избѣгнуть его содѣйствія. Несмотря на это обстоятельство, по возвращеніи Нестора Кукольника, мои сношенія съ нимъ не только продолжались, но сдѣлались еще дружественнѣе; онъ принималъ искреннее участіе въ трудѣ моемъ и радовался каждой вновь сочиненной сценѣ съ истиннымъ восторгомъ.

Весною 1836 года, жена съ тёщей переѣхала въ Петергофъ, гдѣ поселилась вмѣстѣ съ женатымъ братомъ своимъ Николаемъ Петровичемъ. Послѣ Венеціи я съ трудомъ переносилъ вліяніе морского воздуха, а потому рѣдко навѣщалъ жену въ Петергофѣ. Притомъ же, послѣ репетиціи у графа Віельгорскаго пошли хлопоты и сплетни, надлежало добиться принятія оперы моей на сцену. Меня увѣряли, что капельмейстеръ Катерина Альбертовичъ Кавосъ, написавшій когда-то, и удачно, музыку на оперу Иванъ Сусанинъ, сильно интриговалъ противъ меня. Время обнаружило противное: онъ болѣе всѣхъ другихъ убѣждалъ директора [1]) поставить мою оперу, а впослѣдствіи велъ репетиціи усердно и честно [2]).

Наконецъ обязали меня подпискою не требовать за оперу никакого вознагражденія; таковую подписку далъ я секретарю Гедеонова, А. Л. Неваховичу, на квартирѣ Н. Кукольника, у Синяго моста, въ домѣ Гавриловой.

Надлежало тогда кончить разучку партій, заняться разучкой хоровъ, докончить танцы, и изготовить нѣкоторые вновь, по указанію балетмейстера Титюса. Кромѣ польскаго, краковьяка, мазурки и Pas de quatre (A-dur),

---

[1]) «Тоже благонадежный человѣкъ». Прим. Глинки карандашомъ на копіи.

[2]) «Сколько могъ». Примѣч. Глинки карандашомъ на копіи.

я подзаготовилъ - было еще два другихъ па, между прочимъ одно E-dur, въ которомъ было Solo для Бёма, другое па C-dur для гобоя и віолончели.

Вскорѣ Кавосъ началъ репетиціи въ залахъ театра съ квартетомъ. Такъ какъ извѣстно, что смычковые или струнные инструменты составляютъ главную основу оркестра и что ихъ несравненно болѣе (требуется) [1]), чѣмъ духовыхъ инструментовъ, то Кавосъ, распорядился такъ, что бралъ два квартета съ однимъ контрбасомъ на одну репетицію, на слѣдующую другіе два квартета съ другимъ контрбасомъ и продолжалъ такъ (причемъ постоянно исправлялъ ошибки), пока всѣ артисты не были въ возможности порядочно исполнять пьесы. Тогда онъ бралъ отдѣльно одни духовые и наконецъ весь оркестръ, сперва въ залахъ, а потомъ и на сценѣ.

Кавосъ велъ репетиціи съ свойственною ему дѣятельностью, только, по привычкѣ, не соблюдалъ оттѣнковъ, въ особенности pp никогда почти не выходило, а было что-то въ родѣ mf. Равнымъ образомъ онъ какъ-то не могъ уловить настоящаго темпа, а всегда бралъ его нѣсколько медленнѣе или живѣе.

Не помню гдѣ именно и на какой репетиціи, за польскій D-dur и хоръ C-dur, гдѣ pizzicato струнныхъ инструментовъ подражаютъ балалайкѣ, артисты, положа смычки, мнѣ усердно аплодировали, и еще аплодировали за какой-то нумеръ. Признаюсь, что это одобреніе меня болѣе удовлетворило, нежели всѣ изъявленія удовольствія публики. Надо замѣтить, что я тогда очень мало былъ знакомъ съ музыкантами, исполнявшими мою оперу. Оркестръ былъ хорошъ, но не совсѣмъ: вторыя скрипки

[1]) Это слово находится въ копіи.

были, сравнительно, гораздо плоше первыхъ; альтовъ было мало; контрбасы были не всѣ хороши; изъ духовыхъ тоже не всѣ; валторны были исправны, равно какъ и нѣкоторые вторые изъ другихъ инструментовъ. Между первыми скрипками были хорошіе артисты; 4 или 5 превосходныхъ віолончелистовъ, изъ духовыхъ, кларнетистъ Бендеръ отличался необыкновенною полнотою звука, а флейтистъ Зусманнъ былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ, если не лучшій, артистъ въ Европѣ.

Во время послѣднихъ репетицій пріѣхалъ отличнѣйшій гобоистъ Бродъ; онъ необыкновенно хорошо исполнялъ свои партіи на гобоѣ и на англійскомъ рожкѣ.

За нѣсколько времени до представленія, пріѣхалъ изъ Москвы теноръ Шарпантье (Charpentier); онъ, подъ именемъ Леонова, поступилъ на театръ и ему дали роль Сабинина.

Жуковскій, хотя не писалъ для либретто, однако не измѣнилъ внимательному участію въ трудѣ моемъ; онъ объяснилъ машинисту и декоратору Роллеру, какъ устроить эффектно послѣднюю сцену въ Кремлѣ; вмѣстѣ ѣздили мы въ мастерскую (atelier) Роллера, и Жуковскій внимательно разсматривалъ и разспрашивалъ обо всемъ подробно.

Успѣхъ вполнѣ увѣнчалъ дѣло, и въ послѣдней сценѣ, вырѣзанныя изъ картона разнородныя группы отдаленной толпы, превосходно обманываютъ зрѣніе, и кажутся продолженіемъ оживленной толпы народа, стоящаго на авансценѣ.

Въ концѣ лѣта я написалъ тріо съ хоромъ: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному», соображаясь съ средствами и талантомъ г-жи Воробьевой. По случаю отъѣзда дѣйствительнаго статскаго совѣтника, доктора Пели-

кана, съ которымъ жилъ Кукольникъ, весь бель-этажъ былъ въ его распоряженіи вмѣстѣ съ друзьями. Въ одной комнатѣ писалъ хозяинъ, Кукольникъ, въ другой шла бесѣда, въ третьей, докторъ Гейденрейхъ весь погружался въ шахматную игру и т. д.

Вышеозначенное тріо съ хоромъ (изъ него сдѣлано адажіо увертюры) написалъ я подъ веселый часъ. Помню, какъ теперь, что насъ собралось человѣкъ пятнадцать, былъ и Петровъ (актеръ), и эту трогательную сцену я написалъ, или скорѣе, сочинилъ подъ шумъ и говоръ пирующихъ друзей. Аккомпанементъ къ этому тріо сначала написалъ я для альтовъ и віолончелей, но потомъ, по совѣту князя Одоевскаго, для однихъ четырехъ віолончелей и одного контрбаса; онъ же навелъ меня на мысль употребить скрипки, раздѣленныя (divisi) на 4 и 3 партіи въ введеніи въ это тріо «Все та же тоска» и пр.

Отъ того ли, что я покупался въ морѣ въ послѣднюю поѣздку мою въ Петергофъ, лѣтомъ 1836 года, при чемъ я чувствовалъ, что у меня необыкновенно какъ-то повернулось около сердца, или отъ другой причины, но я началъ жестоко страдать, сперва нервами, съ невыносимымъ замираніемъ во всемъ тѣлѣ, а въ скоромъ времени образовалась лихорадка, которая сопровождалась по утрамъ кровотеченіемъ изъ носа, а по вечерамъ жаромъ, и въ короткое время меня чрезвычайно изнурила. Къ счастію, я уже нѣсколько зналъ употребленіе нѣкоторыхъ гомеопатическихъ лекарствъ, и одинъ пріемъ ипекакуаны прервалъ лихорадку.

Болѣзнь заставила меня сидѣть дома; когда же, нѣсколько оправившись, я появился на репетиціи, то меня съ трудомъ можно было узнать: я похудѣлъ и позеленѣлъ до невѣроятной степени.

Репетиціи ведены были въ залахъ и на сценѣ Александринскаго театра. Большой театръ былъ въ передѣлкѣ. Въ скоромъ времени, осенью, для пробы акустическаго достоинства залы Большого театра исполнили тамъ квартетъ изъ моей оперы: «Милыя дѣти, будь между вами миръ и любовь».

Рѣшено было дать мою оперу на открытіе театра, по возобновленіи, и потому начали производить пробы на сценѣ Большого театра. Въ это время отдѣлывали ложи, прибивали канделябры и другія украшенія, такъ что нѣсколько сотъ молотковъ часто заглушали капельмейстера и артистовъ.

Незадолго до перваго представленія, я имѣлъ счастіе встрѣтить Государ'я на одной изъ репетицій; молотки умолкли и Петровъ съ Воробьевой пѣли дуетъ Es-dur и, естественно, очень недурно. Государь подошелъ ко мнѣ и ласково спросилъ: «доволенъ ли я его артистами?» — «Въ особенности ревностію и усердіемъ, съ которыми они исполняютъ свою обязанность», отвѣчалъ я. Этотъ отвѣтъ понравился Государю и онъ передалъ его актерамъ.

Черезъ содѣйствіе Гедеонова я получилъ позволеніе посвятить оперу мою Государю Императору; и вмѣсто Ивана Сусанина названа она «Жизнь за Царя».

На послѣдней репетиціи я не былъ за болѣзнію. Эта проба была, какъ водится, въ костюмахъ, съ декораціями и освѣщеніемъ. Такъ какъ многіе уже слышали отрывки изъ оперы моей и публика интересовалась ею, то театръ былъ полонъ.

Князь Одоевскій по окончаніи пробы успокоилъ меня письмомъ, увѣряя, что успѣхъ перваго представленія не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Наконецъ, въ пятницу, 27 ноября 1836 года, назначено было первое представленіе оперы: «Жизнь за Царя».

Невозможно описать моихъ ощущеній въ тотъ день, въ особенности передъ началомъ представленія У меня была ложа во второмъ ярусѣ; первый — весь былъ занятъ придворными и первыми сановниками съ семействами. Жена съ родными была въ ложѣ; не знаю навѣрно, была ли и матушка [1]).

Первый актъ прошелъ благополучно; извѣстному тріо сильно и дружно аплодировали.

Въ сценѣ поляковъ, начиная отъ польскаго до мазурки и финальнаго хора, царствовало глубокое молчаніе. Я пошелъ на сцену, сильно огорченный этимъ молчаніемъ публики; и Иванъ Кавосъ, сынъ капельмейстера, управлявшаго оркестромъ, тщетно увѣрялъ меня, что это молчаніе происходитъ отъ того, что тутъ дѣйствуютъ поляки; я остался въ недоумѣніи.

Появленіе Воробьевой разсѣяло всѣ мои сомнѣнія въ успѣхѣ. Пѣснь сироты, дуетъ Воробьевой съ Петровымъ, квартетъ, сцена съ поляками G-dur и прочіе №№ акта прошли (благополучно) [2]) и съ большимъ успѣхомъ.

Въ четвертомъ актѣ, хористы, игравшіе поляковъ въ концѣ сцены, происходящей въ лѣсу, напали на Петрова съ такимъ остервененіемъ, что разорвали на немъ рубашку и онъ не на шутку долженъ былъ отъ нихъ защищаться.

---

[1]) На полѣ въ скобкахъ неизвѣстною рукою: «Не была, ибо на другой день М. И. написалъ ей письмо съ описаніемъ этого представленія».

[2]) Это слово въ рукописи зачеркнуто.

Великолѣпный спектакль эпилога, представляющій ликованье народа въ Кремлѣ, поразилъ меня самого. Воробьева была превосходна, какъ и всегда, въ тріо съ хоромъ.

Успѣхъ оперы былъ совершенный, я былъ въ чаду, и теперь рѣшительно не помню, что происходило, когда опустили занавѣсъ.

Меня сейчасъ послѣ этого позвали въ боковую императорскую ложу. Государь первый поблагодарилъ меня за мою оперу, замѣтивъ, что не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ; я объяснилъ его величеству, что, не бывъ на пробѣ по болѣзни, я не могъ знать, какъ распорядятся, а что по моей программѣ во время нападенія поляковъ на Сусанина, занавѣсъ долженъ сейчасъ опуститься; смерть же Сусанина высказывается Сиротою въ эпилогѣ.

Послѣ императора благодарила меня императрица, а потомъ великіе князья и великія княжны, находившіеся въ театрѣ.

Въ скоромъ времени я получилъ за оперу императорскій подарокъ: перстень въ 4,000 р. асиг.; онъ состоялъ изъ топаза, окруженнаго въ три ряда превосходнѣйшими брильянтами; я тогда же подарилъ его женѣ моей.

Еще до представленія оперы, Кукольникъ помогъ мнѣ продать собственность оперы Снегиреву [1]); продажа, въ особенности сначала, шла чрезвычайно успѣшно и я получилъ нѣкоторую выгоду [2]).

---

[1]) Содержателю нотнаго магазина въ то время, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкова моста, въ бывшемъ домѣ Брюна.

[2]) На полѣ карандашомъ рукою Глинки: «справиться у Нестора (Кукольника)».

Несмотря на блистательный успѣхъ, нашлись зоилы. Ѳадей Булгаринъ напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ двѣ длинныя статьи въ декабрѣ 1836 г. или въ январѣ 1837 г. [1]). Эти статьи любопытны и ясно опредѣляютъ степень невѣжества въ музыкѣ ихъ автора.

Нѣкоторые изъ аристократовъ, говоря о моей оперѣ, выразились съ презрѣніемъ: «C'est la musique des cochers» [2]).

Несмотря на то, опера шла все лучше и лучше, театръ усердно посѣщали, а гдѣ мало-мальски пѣли, тамъ уже навѣрное можно было найти печатныя пьесы изъ моей оперы, которая, впрочемъ, была исправнѣе переложена на фортепьяно мной и Карломъ Мейеромъ, нежели напечатана Снегиревымъ.

Бумага была прескверная, да и не поспѣвали во-время №№ по требованію публики.

---

[1]) *Прим. Глинки.* «Слѣдовало бы отыскать ихъ, какъ chef d'oeuvre музыкальной галиматьи». Противъ этого мѣста чьей-то рукой написано: «Это неправда. Въ Сѣверной Пчелѣ были только три статьи кн. Одоевскаго: 1-я 7-го дек. 1836, № 280, 2-я 15-го дек. № 287 и 3-я 16-го дек. 1836, № 288. Больше никакихъ и ничьихъ—не было». Но это замѣчаніе, въ свою очередь, оказывается несправедливымъ. Въ Сѣверной Пчелѣ № 291—19-го дек. и № 292—21-го дек., дѣйствительно были двѣ статьи за подписью «Ѳадей Булгаринъ», подъ заглавіемъ: «Мнѣніе о новой русской оперѣ: Жизнь за Царя». Въ нихъ, прикрывшись эпиграфомъ изъ Грибоѣдова: «Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!» и заявленіемъ, что «Сѣверная Пчела» имѣетъ и собственное мнѣніе, Булгаринъ нападаетъ на выраженія своего сотрудника Одоевскаго, который сказалъ, что «Глинка открылъ новый періодъ и влилъ новую стихію въ музыку».

«Въ музыкѣ, говоритъ Булгаринъ: не можетъ быть никакой новой стихіи и въ ней невозможно открыть ничего новаго. Все существуетъ. Верите и пользуйтесь!» Всѣ остальныя сужденія такого же достоинства.

[2]) «Это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера по-моему дѣльнѣе господъ». *Прим. М. И. Глинки.*

Въ заключеніе этого періода жизни моей считаю не лишнимъ привести здѣсь стихи, сочиненные въ честь мою на дружескомъ вечерѣ у князя Одоевскаго, Жуковскимъ, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Соболевскимъ [1]).

---

[1]) Стихи не приведены ни въ подлинной рукописи записокъ М. И. Глинки, ни въ вывѣренной имъ копіи съ этихъ записокъ. На этой послѣдней, вмѣсто нихъ, есть слѣдующая приписка самого Глинки: «Умоляю добраго и, какъ я полагаю, искренно меня любящаго Д. В. С. пріобрѣсть копію этихъ стиховъ отъ кн. Одоевскаго. Получа, прошу присоединить къ этимъ запискамъ. Берлинъ $\frac{5\ \text{іюня}}{23\ \text{іюля}}$ 1856 г.». Глинка, обращаясь съ этою просьбою къ Д. В. Стасову, забылъ (какъ это съ нимъ въ послѣдніе годы жизни частенько бывало), что упоминаемые здѣсь стихи были напечатаны еще въ 1836 году; — впослѣдствіи они вошли въ «полное собраніе романсовъ и пѣсенъ М. И. Глинки» изд. Ѳ. Стелловскаго. Вотъ заглавіе и текстъ этого шутливаго произведенія:

«Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Віельгорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки». Музыка положена на четыре голоса. Напеч. въ Спб. 15 декабря 1836 г., въ листъ».

Пушкинъ: Пой въ восторгѣ русскій хоръ,
Вышла новая новинка.
Веселися Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

***

Кн. Вяземскій: За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея — Глинку —
Отъ Неглинной, отъ Неглинной—до Невы!

***

Жуковскій: Въ честь толь славныя новинки
Грянь, труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвейну, глинтвейну—стаканъ!

***

Гр. Віельгорскій: Слушая сію новинку,
Зависть злобой омрачась,

Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать, топтать, топтать не можетъ въ грязь!

***

Пушкинъ: Пой въ восторгѣ русскій хоръ
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Шутка эта напечатана съ нотами, но мы не приводимъ нотъ. Что же до текста канона, то мы его приводимъ со списка, весьма обязательно сообщеннаго намъ—С. А. Соболевскимъ — при слѣдующей замѣткѣ этого уважаемаго библіографа: «Послѣ князя Одоевскаго нашлась четвертушка нотной бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукою Всеволожскаго написаны стихи, сложенные Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ, въ честь Глинки; тутъ же, рукою кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственноручная рукою Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ 13 декабря 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго, что первый куплетъ—Жуковскаго, второй—Вяземскаго, третій—Жуковскаго, четвертый—Пушкина, а что музыка—кн. Одоевскаго и гр. Михаила Юрьевича Віельгорскаго (въ печ. изд. канона — названъ Глинка), обо мнѣ—ни слова. Я думаю, что память измѣнила Глинкѣ, назвавшему меня въ числѣ творцовъ шутливаго «канона»; я съ августа мѣсяца 1836 года былъ заграницею, гдѣ оставался на этотъ разъ около года, такъ что и несчастный поединокъ Пушкина случился, къ крайней моей скорби, во время моего отсутствія».

Отмѣтимъ, что въ печатномъ изданіи канона — куплеты приписаны авторамъ въ такомъ порядкѣ: 1-й — Віельгорскаго, 2-й — Вяземскаго, 3-й—Жуковскаго, 4-й—Пушкина. На спискѣ, принадлежащемъ г. Соболевскому наверху надпись «Canon à l'unisson», внизу отмѣтка: «13 декабря 1836 года, на обѣдѣ у Всеволожскаго».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Отъ декабря 1836 до 1844 года.

ПЕРІОДЪ VIII.

Опредѣленіе капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. — Поѣздка въ Малороссію.—Начало оперы «Русланъ и Людмила». — Оставленіе службы.—Разрывъ съ женою.

1 января 1837 года я былъ назначенъ капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

Въ концѣ 1836 года, зимою, скончался директоръ придворныхъ пѣвчихъ, Ѳедоръ Петровичъ Львовъ. Графъ Михаилъ Юрьевичъ [1]) и князь Григорій Волконскій, по своему искреннему ко мнѣ расположенію, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы пристроить меня соотвѣтственно моимъ способностямъ; ибо они ясно видѣли, что, кромѣ другихъ выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, для меня не лишними были и матерьяльныя пособія, какъ-то: окладъ и казенная квартира съ дровами.

Министръ двора приказалъ объявить мнѣ, чрезъ управлявшаго его канцеляріею Панаева (автора «Идиллій»), что

---

[1]) Віельгорскій.

есть мнѣ назначеніе и чтобы я далъ отвѣтъ. Я разспросилъ, въ чемъ должна была состоять моя обязанность и, узнавъ, что я долженъ буду заниматься единственно искусственною частью, объявилъ, что соглашаюсь принять званіе капельмейстера придворной капеллы. Я спросилъ однако же предварительно, кто у меня будетъ начальникомъ и какія къ нему будутъ отношенія? Панаевъ объяснилъ мнѣ, что директоръ долженъ будетъ завѣдывать единственно хозяйственною частью, а на вопросъ мой: кого именно предполагаютъ назначить? отвѣчалъ, что или князя Григорія Волконскаго, или графа Матвѣя Юрьевича. Хотя я могъ предполагать, что они также будутъ вмѣшиваться и въ музыкальную часть, однакоже радовался служить съ ними, какъ съ людьми пріятными и искренно ко мнѣ расположенными.

Того же дня вечеромъ, за кулисами, государь императоръ, увидя меня на сценѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны во всей Европѣ и слѣдовательно стóятъ, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами». Эти ласковыя слова привели меня въ столь пріятное замѣшательство, что я отвѣчалъ государю только нѣсколькими почтительными поклонами. На другой день я отправился къ графу Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому; онъ принялъ меня радушнѣе обыкновеннаго, мы оба радовались служить вмѣстѣ и заранѣе помышляли о возможныхъ улучшеніяхъ придворной капеллы. Вышло однакоже чрезъ нѣсколько дней, что назначенъ былъ директоромъ Алексѣй Өедоровичъ Львовъ, что нѣсколько смутило меня, ибо мои тогдашнія къ нему отношенія измѣнились по весьма странной для меня причинѣ.

Старикъ Өедоръ Петровичъ Львовъ, уже въ преклон-

часто бывала у насъ. Однажды, въ началѣ весны, еще не оправясь, вздумалось Марьѣ Петровнѣ навѣстить сестру свою; время было скверное, страшно свирѣпствовалъ жестокій сѣверный вѣтеръ. Я упрашивалъ жену не ѣздить по причинѣ дурной погоды, но она рѣшительно заупрямилась и приказала запрягать лошадей. Видя, что увѣщанія мои были тщетны, я принужденъ былъ употребить власть, и повелительнымъ тономъ приказалъ кучеру отнюдь не смѣть запрягать. Марья Петровна начала горько плакать, а тёща въ гнѣвѣ разразилась бурнымъ потокомъ упрековъ, при чемъ гнѣвъ ея возрасталъ болѣе и болѣе, такъ что трудно было разобрать ея ломаный русскій языкъ, а слышно было шипѣніе, подобное шипѣнію самовара. Наконецъ барыни успокоились, но огорченіе глубоко запало мнѣ въ сердце.

Эти сцены начали повторяться и всегда изъ пустяковъ. Въ такихъ случаяхъ слышно было самоварнообразное шипѣніе тёщи и всхлипыванье жены; я же взялъ за правило хранить глубокое молчаніе, мѣрнымъ шагомъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и на каждомъ поворотѣ, упираясь на правую ногу, тщательно обрисовывать носкомъ лѣвой полукругъ, что̀ несказанно бѣсило тещу, отчего однако же она скорѣе умолкала. Тогда я обращался къ ней съ вопросомъ: все ли она высказала? Натурально, она снова приходила въ бѣшенство, но ненадолго; усталость замыкала ей уста, а я надѣвалъ медленно перчатки, бралъ шляпу и, учтиво раскланявшись съ моими дамами, отправлялся къ пріятелямъ, гдѣ оставался иногда по нѣскольку дней, смотря потому, какова была домашняя сцена.

Великимъ постомъ переѣхали мы на казенную квартиру въ пѣвческій корпусъ. Вскорѣ послѣ того, смолен-

ское дворянство прислало мнѣ, чрезъ смоленскаго губернатора Н. И. Хмѣльницкаго, стихи съ просьбою написать на нихъ польскій съ хоромъ для бала, который смоленское дворянство предполагало дать по случаю проѣзда цесаревича [1]). За этотъ польскій, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Жуковскій принесъ женѣ моей подарокъ е. и. высочества государя цесаревича, въ 1,500 р. асс. цѣною: это былъ перстень, состоявшій изъ рубина, украшеннаго алмазами. Великимъ постомъ того же 1837 г. исполнено было въ патріотическомъ концертѣ тріо изъ «Жизни за Царя» — «Не томи родимый» необыкновенно удачно. Пѣли его: княжна Лобанова, Андреевъ (который былъ превосходенъ) и Андрей Пашковъ. Государь, присутствовавшій на этомъ концертѣ, сказалъ стоявшему возлѣ него А. Стунѣеву: «Глинка великій мастеръ; жаль, если при одной этой оперѣ останется».

Въ маѣ мы переѣхали на дачу Ланскихъ между Черной рѣчкой и Выборгской дорогой. Тамъ жили и Одоевскіе, которыхъ я часто навѣщалъ, и большею частію одинъ. Огорченіе отъ домашнихъ сценъ навело на меня горькія размышленія; не одинъ характеръ, но и недостатокъ воспитанія жены моей рѣшительно возставали противу семейственнаго счастія. Княгиня угадала все, хотя я тщательно хранилъ въ тайнѣ супружескіе раздоры, и всѣ другіе завидовали моему мнимому счастію.

Андрей Петровичъ Лоди, сынъ профессора, товарища отца Кукольника, возвратился изъ путешествія, предпринятаго имъ для усовершенствованія себя въ пѣніи. Его познакомили со мной, онъ пѣлъ и голосъ его былъ столь пріятенъ, что князь Одоевскій, услышавъ его издали,

[1]) «Польскій этотъ утраченъ». Карандашомъ на полѣ копіи.

сказалъ: «какой прелестный голосъ, это была бы находка для театра[1]).

Въ теченіе того мѣсяца я часто бывалъ въ городѣ и преимущественно у Кукольника[2]). Несторъ издавалъ тогда Художественную газету; по этому случаю у него собиралось много художниковъ, и я былъ тамъ совершенно въ моей сферѣ. Мои занятія съ пѣвчими шли весьма успѣшно, и я видѣлъ быстрые успѣхи учениковъ моихъ, которые уже начали разбирать ноты довольно свободно. Я этимъ не ограничился, и желалъ испытать силы въ церковной музыкѣ: написалъ Херувимскую C-dur, и принялся за фугу съ текстомъ, но безъ успѣха.

Сблизился я также съ профессоромъ театральнаго училища Солива; для него приказалъ разучить двухъ-хорную фугу Сарти, которую произвели успѣшно. Хотя помощникъ учителя пѣнія, Дмитрій Никитичъ Палагинъ, бойко разумѣлъ свое дѣло, въ особенности отлично умѣлъ управляться съ малолѣтними, т. е. дискантами и альтами, однако же изъ усердія къ службѣ я часто присутствовалъ при классахъ.

Въ концѣ лѣта Гедеоновъ, съ которымъ послѣ постановки моей оперы я болѣе и болѣе сблизился, попросилъ меня учить пѣнію въ театральной школѣ избранныхъ имъ четырехъ дѣвушекъ. Всѣ онѣ были хорошенькія, между

---

[1]) Зачеркнуто карандашомъ: «Такъ думали и другіе. Впослѣдствіи Лоди опредѣлился въ театръ: онъ на сценѣ называлъ себя Несторовымъ, по имени Нестора Кукольника (зачеркнуто чернилами), который болѣе другихъ убѣждалъ его поступить въ театръ». Съ боку на полѣ карандашомъ «NB контрактъ словесный Лоди съ Плюшаромъ», и противъ зачеркнутаго: «по инаковому».

[2]) Зачеркнуто карандашомъ: «казенную квартиру, отведенную мнѣ въ домѣ пѣвческой капеллы, устроивали, и я проживалъ у Кукольниковъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ тамъ было очень хорошо».
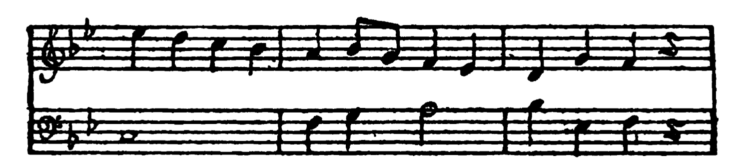
ними была также извѣстная въ то время красавица Степанова, игравшая роль Пеки въ «Бронзовомъ конѣ». Но не она, а другая воспитанница, не столько красивая, мало-по-малу возбудила поэтическое чувство въ душѣ моей. Время, проведенное мною съ этими милыми полудѣтьми, полукокетками, принадлежитъ, можетъ быть, къ самому лучшему въ моей жизни; ихъ рѣзвая болтовня, звонкій искренній смѣхъ, самая простота скромнаго наряда, которому, несмотря на то, онѣ умѣли придавать особенную прелесть, все это было для меня ново и увлекательно.

Одна изъ нихъ, вскорѣ, какъ я началъ уроки, являлась всегда причесанная и одѣтая лучше другихъ, и при моемъ появленіи яркій румянецъ вспыхивалъ на ея свѣжихъ щекахъ; трудно было бы устоять или долго противиться невольному влеченію чувства.

Но на время я оставлю милыхъ ученицъ моихъ и упомяну о приготовленіи Лоди къ сценѣ.

Кавосъ въ моемъ присутствіи слышалъ голосъ Андрея Петровича въ театрѣ и остался имъ доволенъ. Рѣшено было, чтобы онъ дебютировалъ въ «Нормѣ», въ роли Поллiона; этотъ выборъ мнѣ не нравился, но дѣлать было нечего. Надобно было пріучить Лоди умѣть носить римскую тогу, и мы выдумали замѣнить таковую простыней, въ которую облекали бѣднаго Андрея Петровича. Онъ съ неизреченною кротостію подчинялся замѣчаніямъ всей братіи нашей, которая не переставала въ теченіе цѣлаго дня теребить его во всѣ стороны.

Около того же времени, по просьбѣ Петрова, я принялся за прибавочную сцену для жены его въ оперѣ «Жизнь за Царя». Въ одномъ мѣстѣ Adagio я воспользовался дѣльнымъ замѣчаніемъ Солива на счетъ движенія басовъ, а именно:

Слова этой прибавочной сцены написаны Н. Кукольникомъ въ самое короткое время. Петровъ увѣряетъ меня, что сцена эта была сочинена мною въ теченіе одного дня, и что на другой день я навѣстилъ его утромъ съ партіей для жены его. Я иногда заходилъ къ Солива и намѣренъ былъ упражняться съ нимъ въ строгомъ стилѣ; но эти занятія остались безъуспѣшны и, вслѣдствіе какихъ-то вздорныхъ сплетень, мы съ нимъ рѣшительно поссорились.

Бенефисъ Петрова назначенъ былъ 19-го октября 1837 года. За нѣсколько времени передъ тѣмъ захворала Степанова, и, съ разрѣшенія директора, роль Антониды отдана была Соловьевой, которая всегда отличалась разсѣянностью и безпамятностью. Я прилежно училъ ее, но мои заботы, вмѣсто признательности, возбудили въ большей части лицъ, къ театру принадлежавшихъ, явное неудовольствіе и вотъ по какой причинѣ. Меньшой сынъ Гедеонова, Степ. Алекс., ухаживалъ за Степановой. Она пѣла тогда хорошо, хотя впослѣдствіи Карлъ Брюловъ и назвалъ голосъ ея сквознымъ вѣтромъ, и ей досадно было, что отдали ей роль соперницы, которая дѣйствительно пѣла нѣкоторыя мѣста, хотя не такъ отчетливо, но съ большимъ увлеченіемъ. Романсъ «Не о томъ скорблю» повторяли къ досадѣ старика Кавоса. Иванъ же Кавосъ совѣтовалъ мнѣ заниматься съ Соловьевой не такъ усердно, но я, взявшись разъ за дѣло, не хотѣлъ идти на попятный дворъ. Дѣти Гедеонова обращались со мною холодно, а потомъ и поссорились; несмотря на что, однако же, я продолжалъ бывать на сценѣ и учить въ школѣ.

Кромѣ прибавочной сцены, въ теченіе 1837 г. написалъ я два романса: Гдѣ наша роза и Ночной зефиръ, слова Пушкина, и, помнится, на квартирѣ Степанова у Измайловскаго моста, въ домѣ Гарновскаго.

Первую мысль о Русланѣ и Людмилѣ подалъ мнѣ нашъ извѣстный комикъ князь Шаховской; по его мнѣнію, роль Черномора слѣдовало писать для Воробьевой. На одномъ изъ вечеровъ у Жуковскаго, Пушкинъ, говоря о поэмѣ своей: «Русланъ и Людмила», сказалъ, что онъ многое бы передѣлалъ; я желалъ узнать отъ него, какія именно передѣлки онъ предполагалъ сдѣлать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намѣренія.

Гайвазовскій, посѣщавшій весьма часто Кукольника сообщилъ мнѣ три татарскіе напѣва; впослѣдствіи два изъ нихъ я употребилъ для лезгинки, а третій для Andante сцены Ратмира въ 3-мъ актѣ оперы «Русланъ и Людмила».

Дома мнѣ было не очень хорошо. Жена моя принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ наряды, балы, экипажи, лошади, ливреи и пр. были всё; музыку понимала она плохо, или лучше сказать, за исключеніемъ мелкихъ романсовъ, вовсе не разумѣла; все высокое и поэтическое также ей было недоступно. Вотъ обращикъ равнодушія Марьи Петровны къ музыкѣ: когда я началъ писать «Жизнь за Царя» въ 1835 г., она жаловалась теткѣ моей (сестрѣ моего отца), Маріи Николаевнѣ Зеленугиной, что я трачу деньги на нотную бумагу. Иногда однако же приходили пріятели къ намъ обѣдать; въ числѣ ихъ нерѣдко былъ Петръ Степановъ. Вскорѣ послѣ перваго представленія «Жизни за Царя», я познакомился съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Волконскимъ и охотно

училъ пѣнію покровительствуемаго имъ пѣвца Остроумова, коего онъ назвалъ, по своему имени, Михайловымъ. Во время урока, я помню, мы вмѣстѣ съ Михайловымъ замѣтили пожаръ дворца. Это было ночью, и когда весь дворецъ вспыхнулъ, то освѣтило мои комнаты такъ, что читать было можно.

У Кукольника въ эту же зиму завелись столь многочисленные рауты, что часто приходили къ нему лица вовсе незнакомыя. Курили такъ много, что на дымѣ можно было топоръ повѣсить, какъ выразился Платонъ Кукольникъ. Ужинать оставались только наши самые искренніе пріятели, а чтобы выпроваживать лишнихъ, употребляли мы живописца Якова Ѳедосѣевича Яненку. Онъ, съ нѣкоторыми другими, со шляпой въ рукѣ, громогласно прощался съ хозяевами и гостьми, кои слѣдовали его примѣру, а черезъ полчаса возвращался къ ужину. Великимъ постомъ того же 1838 г. знаменитый скрипачъ Липинскій пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ концертахъ онъ мнѣ не понравился, но привелъ въ восторгъ сильной игрой въ квартетахъ Бетховена. У Кукольника игралъ онъ послѣдніе квартеты Бетховена удивительно хорошо; віолончелистъ Кнехтъ мастерски велъ свою партію—можно было подумать, что они всю свою жизнь играли вмѣстѣ. Въ то же время были въ Петербургѣ скрипачи: Оле-Буль и Vieuxtemps.

Я отводилъ душу въ школѣ и на сценѣ. Иногда я игралъ и пѣлъ, тогда на лицѣ милой ученицы моей изображался неподдѣльный восторгъ. Другія ученицы и воспитанницы жадно слушали меня, даже малолѣтнія дѣвочки высыпали къ дверямъ и, не переводя дыханія, слушали мое пѣніе. Эти милыя малютки, когда я приходилъ въ школу, одна за другою забѣгали впередъ, дѣлали мнѣ

книксенъ и съ милою улыбкою говорили мнѣ: «здравствуйте, мосьё Глинка».

Ученица моя съ другими воспитанницами участвовала иногда и въ спектакляхъ, для украшенія ихъ, какъ говорилъ директоръ. Мнѣ памятнѣе всѣхъ другихъ пьесъ балетъ Возстаніе въ Сералѣ. Ученица моя была очень мила въ воинскомъ нарядѣ.

Въ 1838 г. на масляной недѣлѣ, по недоразумѣнію, я поссорился съ Гедеоновымъ и прекратилъ уроки въ школѣ. Тогда же для милой ученицы моей написалъ романсъ: Сомнѣніе, для контральто, арфы и скрипки, слова Н. Кукольника.

Въ концѣ апрѣля 1838 г. я былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, въ Малороссію для набора пѣвчихъ. Заѣхавъ въ Смоленскую губернію на самое короткое время, я встрѣтилъ тамъ Римскаго-Корсака; онъ, по моей просьбѣ, написалъ мнѣ романсъ: Всегда, вездѣ со мною ты спутницей моей незримой. Этотъ романсъ написалъ я 20 или 21 мая того же 1838 г. въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и послалъ его въ письмѣ къ Н. Кукольнику, для доставленія бывшей ученицѣ моей, о которой сохранилъ еще живое воспоминаніе. Къ этой музыкѣ подобраны впослѣдствіи слова Пушкина: Въ крови горитъ.

Кстати о путешествіи: мнѣ дали казенный экипажъ и прогонныя деньги, равно какъ и сумму на другіе расходы. Въ помощники мнѣ назначили помощника учителя пѣнія, Дмитрія Никитича Палагина, пѣвчаго Наѳанаила Никифоровича Шеинова и дядьку г. Саранчина; при мнѣ былъ Яковъ въ качествѣ камердинера.

Въ Черниговѣ нашли мы нѣсколько хорошихъ голосовъ; выбирали мы ихъ чрезвычайно тщательно. Приходили въ классы семинаріи, гдѣ учились дѣти того возра-

ста, который намъ былъ нуженъ; сначала выбирали тѣхъ, которые имѣли музыкальный слухъ и голосъ, потомъ лучшихъ изъ нихъ, такъ что изъ 40 мальчиковъ отобрали до 8 и этихъ брали къ себѣ на квартиру, поили чаемъ и обращались съ ними, какъ можно ласковѣе; неоднократно пробовали ихъ слухъ и голоса, заставляя ихъ слѣдить за скрипкой Дмитрія Никитича. Нѣкоторые мальчики были одарены столь тонкимъ слухомъ, что слѣдили непринужденно за всевозможными интервалами, даже за музыкальной чепухой, которую изощрялся производить Палагинъ, чтобы сбить ихъ.

Центромъ моихъ операцій я избралъ помѣстье добраго моего знакомаго, помѣщика Черниговской губерніи, Борзненскаго повѣта, Григорія Степановича Тарновскаго, куда мы съ набранными въ Черниговѣ дѣтьми отправились. Съѣхавъ съ большой дороги въ мѣстечкѣ Монастырище, мы съ трудомъ, въ теченіе почти цѣлаго майскаго дня, перебрались на волахъ по разметанной рѣчкою гreблѣ; переночевавъ въ Ичени, къ обѣду, на другой день, были въ помѣстьи Тарновскаго—Каченовкѣ.

Хозяина съ семействомъ не было дома, онъ былъ у одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Первое впечатлѣніе было въ пользу владѣльца; подъѣзжали къ помѣстью съ нѣсколькихъ сторонъ по стройнымъ аллеямъ изъ пирамидальныхъ тополей; домъ большой, каменный, стоялъ на возвышеніи; огромный, прелестно раскинувшійся садъ съ прудами и вѣковыми кленами, дубами и ясенями величественно ласкалъ зрѣніе.

Но, осмотрясь, удивленіе уменьшалось: домъ былъ какъ будто не оконченъ, дорожки въ саду не додѣланы; былъ у владѣльца и оркестръ, не дурной оркестръ, но не полный, и духовые инструменты не всѣ исправны. Даже

управляющій оркестромъ, первый скрипачъ, Михайло Калинычъ, былъ нѣсколько тугъ на ухо. За обѣдомъ подавали нѣсколько блюдъ, но поваръ вѣроятно былъ не доученъ. Однимъ словомъ, все обличало излишнюю разсчетливость бездѣтнаго хозяина, владѣвшаго 9,000 душъ и большими капиталами. Хозяинъ, возвратившись, принялъ насъ радушно и отвелъ мнѣ съ помощниками пристанище въ оранжереѣ, которая примыкала къ дому. По его же совѣту, отдохнувъ нѣсколько, мы рѣшились ѣхать въ Переяславль, гдѣ находился хоръ пѣвчихъ полтавскаго архіерея Гедеона, и разсчитали такъ, чтобы поспѣть къ обѣднѣ въ воскресенье. Однако же ошиблись въ разсчетѣ и пріѣхали въ Переяславль въ субботу вечеромъ. Тамошній городничій, ожидавшій чиновника по слѣдственному дѣлу, неоднократно пытался добиться до меня и старался узнать, кто я и зачѣмъ посланъ; но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи; Яковъ, по моему приказанію, отвѣчалъ только: «не смѣю безпокоить ихъ высокоблагородіе». На другой день Палагинъ и Шеиновъ пошли къ обѣднѣ, назвались купцами (охотниками до церковнаго пѣнія), замѣтили лучшихъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, узнали и записали имена ихъ, и даже присутствовали на завтракѣ у архіерея и еще слышали его пѣвчихъ. Я же, вставши попозже, остался дома и началъ пить чай; тогда позволилъ допустить къ себѣ переяславскаго городничаго. Онъ началъ рекомендоваться съ комически-жалкою миною, низко кланяясь и ни за что не хотѣлъ сѣсть, хотя я очень о томъ упрашивалъ.

Когда я разсчелъ, что прошло достаточно времени и что уже помощники мои могли успѣть въ своемъ дѣлѣ, я спросилъ у моего гостя, за кого онъ меня принимаетъ, и, видя, что онъ еще болѣе приходилъ въ замѣшательство, объявилъ ему наконецъ, кто я и за чѣмъ пріѣхалъ. Ра-

дость выразилась на его лицѣ; онъ сѣлъ и, принявшись за чай, увѣрялъ меня, что онъ готовъ содѣйствовать мнѣ, что онъ во враждѣ съ Гедеономъ и пр.; я поблагодарилъ его, объявя, что вѣроятно уже дѣло сдѣлано.

И дѣйствительно, мы такъ безжалостно обобрали хоръ, что Гедеонъ долго послѣ того на меня жаловался своимъ знакомымъ. Оставя набранныхъ пѣвчихъ, мы отправились въ Кіевъ, откуда вывезли Гулака-Артемовскаго; онъ былъ очень любимъ товарищами: когда онъ выѣзжалъ изъ Кіева, они провожали его съ плачемъ.

Забравъ въ Переяславлѣ оставленныхъ пѣвчихъ, возвратились мы въ Каченовку. Всѣ набранные мальчики находились подъ присмотромъ дядьки Саранчина, упражнялись въ пѣніи съ помощникомъ учителя пѣнія Палагинымъ, пѣли также съ хоромъ Тарновскаго и ходили къ обѣднѣ, гдѣ также съ другими пѣли. Мы потомъ ѣздили для набора пѣвчихъ въ Полтаву, Харьковъ и Ахтырку, и привезли нѣсколькихъ малютокъ.

Хотя было всѣхъ набранныхъ нами 19 мальчиковъ и 2 большихъ (кромѣ Гулака, который не все время былъ въ Каченовкѣ, а ѣздилъ къ брату, съ которымъ и пріѣхалъ осенью въ Петербургъ), несмотря на то, хозяинъ былъ искренно радъ и, окончивъ наборъ, мы прогостили у него долго. Онъ былъ очень самолюбивъ, и мысль, что придворные пѣвчіе поютъ съ его хоромъ въ его церкви, видимо его радовала.

Нѣсколько словъ о жизни моей въ Каченовкѣ: Григорію Степановичу Тарновскому было лѣтъ подъ 50; онъ былъ смуглъ и сухъ, числился гдѣ-то на службѣ и состоялъ въ званіи камеръ-юнкера. Анна Дмитріевна, жена его, была женщина приземистая и весьма толстая, очень молчаливая; любила, чтобъ дѣвки растирали ей ноги. Въ

домѣ жили и воспитывались племянницы хозяевъ, большею частію молодыя, добрыя и привѣтливыя дѣвушки, при нихъ гувернантка, весьма милая особа; у домашняго доктора также была миловидная дочка. Изъ племянницъ, самая меньшая, лѣтъ 14, Марья Степановна Задорожная, была очень миловидна; за обѣдомъ она обыкновенно сидѣла напротивъ меня и невольно ея плутовскіе, нѣсколько прищуренные глазки встрѣчались съ моими глазами, за что ей нерѣдко доставалось отъ ея тетушки.

Во все продолженіе пребыванія моего въ Малороссіи гостилъ въ Каченовкѣ талантливый нашъ художникъ очень пріятный молодой человѣкъ, Штернбергъ.

Несмотря на разсчетливость, хозяинъ принималъ гостей радушно, старался по возможности разнообразить удовольствія.

Прогулки, поѣздки въ близьлежащія помѣстья хозяина, иллюминаціи и танцы, всѣ эти средства были употребляемы для нашего развлеченія. Когда пріѣзжало нѣсколько сосѣдей, танцовали, самъ Тарновскій поощрялъ гостей собственнымъ примѣромъ, въ особенности въ гроссъфатерѣ, котораго фигуры онъ выдѣлывалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Пѣли иногда малороссійскія пѣсни, хоромъ на 4 голоса, а иногда сосѣдъ Тарновскаго, Петръ Скоропадскій, затягивалъ какую-нибудь чумацкую пѣсню, искусно подражая простолюдинамъ. Онъ былъ примѣчательный человѣкъ, и хотя хозяинъ нашъ называлъ его простымъ казакомъ, вѣроятно потому, что П. Скоропадскій дѣйствительно въ одеждѣ и пріемахъ подражалъ простымъ казакамъ и не искалъ особенной дружбы съ Тарновскимъ, однако же въ самомъ дѣлѣ онъ воспитанъ былъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, былъ очень образованъ и доступенъ искусствамъ, разумѣлъ

архитектуру, игралъ порядочно на кларнетѣ и чувствомъ понималъ хорошую музыку.

Въ портфелѣ моемъ нашлись два №, приготовленные (не знаю когда), для «Руслана»: Персидскій хоръ: Ложится въ полѣ мракъ ночной и маршъ Черномора; обѣ эти пьесы слышалъ я въ первый разъ въ Каченовкѣ; онѣ были хорошо исполнены; въ маршѣ Черномора колокольчики замѣнили мы рюмками, на которыхъ чрезвычайно ловко игралъ Дмитрій Никитичъ Палагинъ.

Играли, и очень недурно, антракты «Эгмонта» Бетховена, № Clärchens Tod произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе; въ концѣ я схватилъ себя за руку: мнѣ показалось, отъ перемежки движенія валторнъ, что и у меня остановились пульсы.

Для Гулака-Артемовскаго я положилъ на оркестръ элегію «Шуми, шуми», музыка Геништы. Гулакъ пѣлъ ее хорошо; но выговоръ его былъ несказанно жёстокъ.

Сосѣдъ Тарновскихъ, мой пансіонскій товарищъ Н. А. Марковичъ, помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и поддѣлалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы.

Мнѣ очень памятно время, когда я писалъ балладу Финна: было тепло, собрались вмѣстѣ я, Штернбергъ и Марковичъ. Покамѣсть я уписывалъ приготовленные уже стихи, Марковичъ грызъ перо (не легко ему было въ добавочныхъ стихахъ поддѣлываться подъ стихи Пушкина), а Штернбергъ усердно и весело работалъ своею кистью. Когда баллада была кончена, неоднократно я ее пѣлъ съ оркестромъ.

Малороссійскій поэтъ Викторъ Забѣлла иногда также гостилъ въ Каченовкѣ; двѣ его малороссійскія пѣсни: Гуде витеръ и Не щебечи соловейко, я положилъ

тогда же на музыку. Этотъ Забѣлла былъ необыкновенный мастеръ представлять въ лицахъ; въ особенности хорошо представлялъ слѣпцовъ. Первый скрипачъ Калиничъ однажды былъ приведенъ отъ таковаго представленія въ столь сильный восторгъ, что воскликнулъ: «Это, сударь мой, волшебство, совершенный антикъ». Хозяинъ, который говорилъ такимъ же ломанымъ языкомъ, какъ и первый скрипачъ его, былъ чрезвычайно акуратенъ, и всѣ наши удовольствія и сюрпризы непремѣнно оканчивались до полуночи и ранѣе, при чемъ хозяинъ вѣжливо раскланивался и гости расходились.

Но не всѣ предавались сну; у меня въ оранжереѣ собирались Марковичъ, П. Скоропадскій, Забѣлла и Штернбергъ. Появлялся Палагинъ со скрипкой, Яковъ съ контрбасомъ и віолончелистъ; играли русскія и малороссійскія пѣсни, представляли въ лицахъ и бесѣдовали дружески иногда до трехъ и четырехъ часовъ пополуночи, къ нѣкоторой досадѣ акуратнаго хозяина.

Эти сцены повторялись часто, и Штернбергъ удачно изобразилъ наши сходки, равно какъ ловко потрафилъ Забѣллу [1]).

Въ память нашего житья въ Каченовкѣ онъ сдѣлалъ мнѣ масляными красками эскизъ сцены, нерѣдко забавлявшей насъ: двумъ мальчикамъ изъ дворовыхъ хозяина завязывали глаза и привязывали каждаго порознь веревочкой къ вбитому въ землю колышку, такъ что они могли ходить на нѣкоторое разстояніе независимо одинъ отъ другого. Одному давали въ руки двѣ палочки, одну нарѣзанную такъ, что посредствомъ тренія одной объ

---

[1]) Этотъ портретъ Забѣллы находится въ альбомѣ Л. И. Шестаковой, принадлежащемъ нынѣ И. П. Библіотекѣ.

другую производили звукъ, подобный трещоткѣ, другой же, вооруженный жгутомъ, по слуху долженъ былъ настигать своего противника и подчивать его ударомъ жгута; это, натурально, производило столь забавныя положенія, что не только набранные малолѣтніе пѣвчіе, но и взрослые люди усердно смѣялись. На картинѣ Штернберга (мнѣ имъ самимъ подаренной)[1]) съ лѣвой стороны портретъ Калинича, регента и одного изъ скрипачей Тарновскаго; нѣкоторые изъ пѣвчихъ и дядька нѣсколько также похожи.

Я приказалъ сдѣлать для набранныхъ пѣвчихъ приличную одежду и строить телѣги крытыя. Самъ же ѣздилъ на ярмарку въ Ромны, гдѣ едва не утонулъ въ грязи; съ трудомъ вытащили меня изъ грязной густой рѣки, образовавшейся на главной улицѣ города, четыре сильныя лошади Тарновскаго. Передъ отъѣздомъ, въ большой компаніи навѣстилъ пріятеля Корбе, Марковича и, уѣхавъ изъ Каченовки, прогостилъ у Петра Скоропадскаго въ Григоровкѣ, гдѣ шло мнѣ разнообразное угощеніе. Тарновскій съ племянницами, распростившись со мною въ Каченовкѣ, ловко объѣхалъ и въ нѣсколькихъ верстахъ я опять нашелъ его съ племянницами въ рощѣ изъ огромныхъ вѣковыхъ дубовъ, гдѣ выпили прощальный бокалъ шампанскаго. Въ Григоровкѣ Петръ Скоропадскій угостилъ насъ такъ радушно, что когда мы уѣхали, не осталось ни капли питей и ни одной домашней птицы.

---

[1]) Я обѣщалъ дать эту картину талантливому нашему актеру В. В. Самойлову, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она была отдана въ императорскую академію художествъ съ приличною надписью. Въ копіи рукою Глинки прибавлено карандашомъ: «прошу не забыть сего».

Въ Орлѣ угощалъ меня съ особеннымъ радушіемъ тамошній вице-губернаторъ Семеновъ. Тамъ былъ также извѣстный генералъ Красовскій; онъ полюбилъ меня и снабдилъ превосходнымъ виномъ изъ своего погреба, которымъ я продовольствовался до самой Москвы.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я засталъ матушку, которая оставалась недолго. Не помню хорошенько, возобновлялись ли домашнія сцены, знаю только, что требованія жены довели меня до необходимости издать собраніе музыкальныхъ пьесъ. Собирать эти пьесы мнѣ было не только трудно, но и крайне досадно: на готовой квартирѣ съ дровами, имѣя собственныхъ лошадей, я получалъ отъ матушки до 7,000 р. асс., сверхъ того по своему мѣсту 2,500 р. асс.; съ пріобрѣтаемымъ мною сверхъ того моими сочиненіями, можно бы при благоразуміи жить опрятно. Я всѣ деньги отдавалъ женѣ, оставляя себѣ самую ничтожную сумму на непредвидѣнные мелкіе расходы, и хотя четверка красивыхъ коней съ каретой стояла въ сараѣ и конюшнѣ, ими изрѣдка щеголяла Марья Петровна, а я тащился пѣшкомъ или на дрянномъ извощикѣ.

Набранные мною пѣвчіе переболѣли глазами во время обратнаго пути; когда они оправились и ихъ прилично обмундировали, я имѣлъ счастіе представить ихъ государю императору. Это представленіе было въ знаменной залѣ, возлѣ кабинета его величества. Я расположилъ пѣвчихъ полукругомъ, самъ же я стоялъ посрединѣ въ мундирѣ, со шпагой и трехъугольной шляпой въ лѣвой рукѣ и камертономъ въ правой (такъ угодно было А. Ѳ. Львову, который тутъ же присутствовалъ). Императоръ явился въ старомъ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, въ сопровожденіи министра двора. Государь съ веселымъ лицомъ обра-

тился ко мнѣ, почти въ слѣдующихъ словахъ: «Ахъ, какіе молодцы! Гдѣ ты ихъ подобралъ себѣ подъ ростъ[1])?» потомъ спросилъ, что я держу въ рукѣ? Я объяснилъ, что такое камертонъ и его назначеніе. На вопросъ его имп. величества, что̀ пѣвчіе знаютъ? я смѣло отвѣчалъ (ибо Д. Н., Палагинъ отлично подтянулъ ихъ), что они знаютъ все требуемое по службѣ.

Мы знали, по прежнимъ примѣрамъ, какъ государь экзаменуетъ вновь набранныхъ пѣвчихъ, и тщательно ихъ приготовили къ экзамену. Дѣйствительно, императоръ началъ съ Спаси Господи люди твоя, и его величество не успѣлъ задать тонъ, какъ 19 мальчиковъ и два баса дружно подхватили и отлично исполнили этотъ кантъ. Государь былъ видимо доволенъ, заставилъ ихъ еще пропѣть, что такое? не помню. Въ знакъ удовольствія, его величество поклонился мнѣ весело-шутливо до пояса, отпуская меня.

Этимъ не ограничилось изъявленіе монаршаго благоволенія ко мнѣ. Однажды, увидѣвъ меня на сценѣ, государь подошелъ ко мнѣ и, обнявъ меня правой рукой, прошелъ, разговаривая со мною, нѣсколько разъ по сценѣ Большого театра, въ присутствіи многихъ, находившихся тогда на сценѣ, и, между прочими, министра двора, который мнѣ въ поясъ поклонился.

6-го ноября того же 1838 г., я въ первый разъ присутствовалъ въ церкви Аничкинскаго дворца на бракосочетаніи Алексѣя Өедоровича Львова.

Послѣ этого я постоянно присутствовалъ на литургіи въ церкви Аничкинскаго дворца и потомъ въ Зимнемъ дворцѣ, на большихъ и малыхъ выходахъ.

---

[1]) М. И. Глинка былъ невысокаго роста.

Иногда приглашали меня на вечера къ ея и. в. государынѣ императрицѣ, гдѣ ея величество принимала меня весьма ласково. Государыня говорила, бывало, фрейлинѣ Бартеневой, говоря обо мнѣ: «Dites à votre ami de jouer ou chanter telle ou telle chose».

Когда всѣ пьесы, какъ мои, такъ и другихъ композиторовъ были уже собраны, встрѣтилось новое неожиданное затрудненіе: ни одинъ изъ музыкальныхъ издателей не рѣшался купить это собраніе; я плакалъ отъ досады и Платонъ Кукольникъ, сжалившись надо мною, уладилъ съ Петромъ Ивановичемъ Гурскалинымъ, державшимъ магазинъ подъ фирмою Одеонъ, изданіе этого собранія за 1,000 р. асс.

Около того же времени я получилъ въ награжденіе за наборъ пѣвчихъ 1,500 р. асс.

Это пріобрѣтеніе успокоило на время моихъ домашнихъ, но вмѣсто того, чтобы употребить эту сумму на устройство домашняго быта, завелись обѣды и рауты. На этихъ послѣднихъ, бывшихъ разъ въ недѣлю (не помню, въ какой именно день) собирались по вечерамъ, кромѣ пріятелей, пріятельницъ жены и родныхъ, артисты и литераторы, въ главѣ которыхъ былъ Брюловъ и Н. Кукольникъ; Михайловъ и Артемовскій, какъ ученики мои, непремѣнно присутствовали на нашихъ вечерахъ. Первое время по пріѣздѣ изъ Малороссіи, Артемовскій жилъ у меня, и не легко мнѣ было управляться съ его крутымъ нравомъ.

Угощеніе состояло изъ чаю съ сухариками, крендельками и пр. и десерта; въ карты не играли и не танцовали; бесѣды и музыка, часто пѣніе въ нѣсколько голосовъ вмѣстѣ (morceaux d'ensemble) составляли главное препровожденіе времени на нашихъ раутахъ.

Изъ барынь бывали: графиня Екатерина Михайловна Салтыкова (сосѣдка наша по имѣнію) изрѣдка; чаще бы-

вала Елена Александровна Глинкина съ пріятельницей своею Крёкшиной; миловидная 14-лѣтняя дѣвушка Надежда Андреевна Содольская (состоявшая въ свойствѣ съ Софьей Петровной Ступѣевой) была у насъ домашнею; она очень недурно уже играла на фортепьяно; впослѣдствіи она вышла замужъ за Г. Е. Ломакина.

Кромѣ того, иногда на вечерахъ и въ другіе дни посѣщали насъ, и меня въ особенности, Штеричи, родныя племянницы умершаго моего друга Е. П. Штерича. Меньшая изъ нихъ, Поликсена, училась у меня пѣть, а старшая, княгиня Марья Алексѣевна Щербатова, молодая вдова, хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина. Онѣ жили съ бабкой своей Серафимой Ивановной, женщиной еще не старой, но совершенно посѣдѣвшей отъ смерти обожаемаго сына. Я былъ у нихъ какъ домашній, нерѣдко обѣдалъ и проводилъ часть вечера (l'avant-soirée). Иногда получалъ отъ молодой княгини-вдовы маленькія записочки, гдѣ меня приглашали обѣдать, съ обѣщаніемъ мнѣ порціи луны и шубки. Это значило, что въ гостиной княгини зажигали круглую люстру изъ матоваго стекла и она уступала мнѣ свой легкій соболій полушубокъ, въ которомъ мнѣ было тепло и привольно. Она располагалась на софѣ, я на креслахъ возлѣ нея; и иногда бесѣды, иногда пріятное, безотчетное мечтаніе доставляли мнѣ пріятныя минуты: мысль объ умершемъ моемъ другѣ достаточна была, чтобы удержать мое сердце въ предѣлахъ поэтической дружбы. Бывали мы также у графини и графа Салтыковыхъ, гдѣ насъ принимали чрезвычайно радушно и ласково. У нихъ я сблизился еще болѣе съ генераломъ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, съ которымъ познакомился еще прежде, въ ложѣ директора, въ Большомъ театрѣ.

Въ 1838 г. Дмитрій Стунѣевъ былъ назначенъ управляющимъ экономическою частью въ Смольномъ монастырѣ; по этому случаю онъ съ сестрою Марьей Ивановной и двумя дѣтками переѣхалъ въ Петербургъ и поселился на казенной квартирѣ въ Смольномъ монастырѣ [1]).

Сначала я видался съ сестрою и зятемъ рѣдко: женѣ и тещѣ удалось меня съ ними поссорить, однакоже впослѣдствіи Алексѣй Стунѣевъ уговорилъ меня ѣхать къ брату своему Дмитрію Стунѣеву.

Зимою въ 1838 году на 1839 г. я довольно часто посѣщалъ ихъ. Они жили очень весело; иногда по вечерамъ инспектриссы брали съ собой нѣсколько воспитанницъ, приходило нѣсколько классныхъ дамъ, Стунѣевы, я, Степановъ и нѣсколько другихъ пріятелей рады были и поплясать съ хорошенькими и миленькими дѣвушками. Оркестръ, хотя не отличный, былъ всегда въ распоряженіи Д. Стунѣева, а сытный ужинъ съ приличными винами являлся всегда кстати для довершенія вечера.

Я и теперь еще ясно помню, какъ я охотно отъ души пѣвалъ на этихъ вечерахъ, какъ я усердно отличался въ контрдансахъ и вальсахъ, какъ, однимъ словомъ, отъ искренняго сердца веселился.

Не столь ясны мои воспоминанія о томъ, какъ писалъ оперу «Русланъ и Людмила».

Кромѣ пьесъ, произведенныхъ въ Каченовкѣ, а именно: Персидскаго хора, Марша Черномора и баллады Финна, принялся я за каватину Гориславы: Любви роскошная звѣзда; это было зимою около 1838 или 1839 года. Я всегда писалъ только утромъ послѣ чаю, и отъ этой каватины меня безпрестанно отрывали: не успѣвалъ я напи-

---

[1]) На полѣ карандашомъ: «Передѣлать съ исключ (еніемъ)?»

сать страницы или двухъ страницъ, какъ являлся дядька унтеръ-офицеръ, руки по швамъ, и почтительно докладывалъ: «ваше благородіе! пѣвчіе собрались и васъ ожидаютъ». Кто ожидалъ? Кто посылалъ дядьку? до сихъ поръ не знаю; знаю только, что иногда, пришедши въ репетиціонную залу, заставалъ я уже тамъ и Львова, который дружески протягивалъ мнѣ руку.

Не помню также, когда и гдѣ написана мною каватина Людмилы 1-го акта: «Грустно мнѣ родитель дорогой» (G-dur). Ее исполнила Бартенева съ хоромъ и оркестромъ въ патріотическомъ концертѣ весною 1839 г. Я ожидалъ большого успѣха, но апплодировали не такъ дружно, какъ я привыкъ; знаменитый скрипачъ Липинскій, стоявшій возлѣ меня, слушалъ эту каватину съ неподдѣльнымъ участіемъ, и въ концѣ, пожавъ мнѣ дружески руку, сказалъ: que c'est bien russe, cette musique-là! Кромѣ этихъ пяти пьесъ, въ то уже время были записаны темы съ соображеніями контрапунктическими въ тетрадку, данную мнѣ для того Н. Кукольникомъ; она теперь находится у П. Степанова.

Я писалъ оперу по кусочкамъ и урывками: мысль объ этомъ сюжетѣ, какъ сказано прежде, подалъ мнѣ кн. Шаховской; я надѣялся составить планъ по указанію Пушкина; преждевременная кончина его предупредила исполненіе моего намѣренія.

Въ 1837 или 1838 г., зимою я игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки Руслана. Н. Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтуринъ; онъ взялся сдѣлать планъ оперы, и написалъ его въ четверть часа подъ пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану.

Бахтуринъ вмѣсто Пушкина! какъ это случилось? самъ не понимаю.

Около того же времени познакомили меня съ капитаномъ свитскимъ Валеріаномъ Өедоровичемъ Ширковымъ, какъ съ человѣкомъ, вполнѣ способнымъ написать либретто для новой моей оперы. Дѣйствительно, онъ былъ весьма образованный и талантливый человѣкъ: прекрасно рисовалъ и писалъ стихи очень свободно. По моей просьбѣ онъ написалъ для пробы каватину Гориславы: Любви роскошная звѣзда, и часть перваго акта. Опытъ оказался очень удовлетворительнымъ, но вмѣсто того, чтобы сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы, я сейчасъ принялся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическомъ движеніи и ходѣ пьесы, полагая, что это можно было уладить впослѣдствіи.

На третій день Пасхи я навѣстилъ Одоевскаго, откуда отправился къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ Стунѣевой. Подъѣзжая къ ней, я внезапно почувствовалъ сильное нервное раздраженіе, такъ что не могъ оставаться спокойнымъ, и пріѣхавъ къ сестрѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Тамъ увидѣлъ я въ первый разъ Е. К... [1]); она была нехороша, даже нѣчто страдальческое выражалось на ея блѣдномъ лицѣ; ходя взадъ и впередъ, мой взоръ невольно остановился на ней; ея ясные, выразительные глаза, необыкновенно стройный станъ (élancé) и особеннаго рода прелесть и достоинство, разлитыя во всей ея особѣ, все болѣе и болѣе меня привлекали. Оправясь нѣсколько послѣ сытнаго обѣда и подкрѣпивъ себя добрымъ бокаломъ шампанскаго, я нашелъ способъ побесѣдовать

---

[1]) Такъ обозначена эта личность въ оригиналѣ записокъ Глинки.

съ этой милой дѣвицей и, какъ теперь помню, чрезвычайно ловко высказалъ тогдашнія мои чувства.

Нервное раздраженіе, однакожъ, несмотря на всѣ мои усилія побороть его, усиливалось болѣе и болѣе; желая какъ можно скорѣе освободиться отъ него, я вздумалъ себѣ же на бѣду прибѣгнуть къ камфарному спирту, что̀ раздражило нервы мои жесточайшимъ образомъ и я лишился сна, аппетита и стоналъ отъ мучительныхъ ощущеній.

Наконецъ кн. Михаилъ Дмитріевичъ Волконскій привезъ ко мнѣ доктора Шеринга, который гомеопатическимъ употребленіемъ сѣры и золота въ двѣ недѣли меня поправилъ.

Во время болѣзни, Львовъ былъ у меня и читалъ мнѣ наставленіе о томъ, что я не радѣю о службѣ, въ выраженіяхъ самыхъ вѣжливыхъ, даже дружескихъ; я молчалъ, но по выздоровленіи началъ посѣщать пѣвчихъ рѣже прежняго.

Весною мы съ кн. Мих. Волконскимъ устроили концертъ для Артемовскаго. Въ немъ участвовали Билибина, двѣ княжны Лобановы, Андреевъ, для котораго я оркестровалъ арію изъ Guido e Ginevra Галеви, пѣла также жена моя дуэтъ изъ «Жизни за Царя» съ Артемовскимъ. Игралъ на скрипкѣ Бахметьевъ пьесы своего сочиненія. Концертъ этотъ былъ въ залѣ князя Юсупова, оркестръ былъ по возможности пополненъ. На собранныя въ этомъ концертѣ деньги Артемовскій отправился лѣтомъ того же 1839 г. заграницу.

Въ концѣ мая мы переѣхали на дачу, у лѣсного института. Я бывалъ тамъ нечасто, подъ предлогомъ занятій по службѣ; въ городѣ пристанище мое было у Кукольниковъ, въ домѣ Мерца, въ Фонарномъ переулкѣ, откуда я часто навѣщалъ сестру въ Смольномъ.

Чтобы скрыть настоящую причину частыхъ моихъ посѣщеній, предлогомъ послужили мнѣ занятія мои съ оркестромъ, принадлежавшимъ заведенію. Онъ состоялъ изъ двухъ плохихъ 1-хъ скрипокъ, одной второй, одного альта (не помню, былъ ли віолончель), контрбаса, флейты, кларнета, валторны, тромбона и турецкаго барабана; когда они играли, сѣдой чиновникъ, по имени Меньшиковъ, съ крестомъ въ петлицѣ, усердно давалъ тактъ, постоянно махая сверткомъ бумаги.

Хотя оркестръ былъ очень плохъ, я привелъ его въ порядокъ. Сначала переложилъ для него вальсъ Лабицкаго G-dur, и, соображаясь съ средствами музыкантовъ, написалъ другой вальсъ G-dur, который впослѣдствіи посвященъ былъ е. и. в. великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Вскорѣ чувства мои были вполнѣ раздѣлены милою Е. К., и свиданія съ нею становились отраднѣе. Напротивъ того, съ женою отношенія мои становились хуже и хуже. Она рѣдко бывала у сестры въ Смольномъ. Пріѣхавъ къ ней однажды, жена моя, не помню по какому поводу, въ присутствіи Е. К. и Екатерины Степановны (дочери няни моей И. Ѳ. Мѣшковой, бывшей у сестры нянькой при дѣтяхъ) съ пренебреженіемъ сказала мнѣ: «Всѣ поэты и артисты дурно кончаютъ, какъ напримѣръ Пушкинъ, котораго убили на дуэли!» Я тутъ же отвѣчалъ ей рѣшительнымъ тономъ, «что хотя я не думаю быть умнѣе Пушкина, но изъ-за жены себя подъ пулю не подставлю». Она отвернулась отъ меня, сдѣлавъ мнѣ гримасу.

Лѣтомъ пала одна лошадь изъ нашей четверки. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы держать только пару лошадей. Когда я объявилъ объ этомъ женѣ, она вы-

шла изъ себя и, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, подбоченясь и притопнувъ ногой, сказала надменнымъ тономъ: «Развѣ я купчиха, чтобы ѣздить на парѣ? Если вы меня не любите, то я васъ оставлю». Два раза дѣлала она мнѣ подобныя угрозы и два раза я кротко отвѣчалъ ей: «Марья Петровна, не повторяйте словъ вашихъ. — Вы меня оставите, дѣло для меня обойдется, а ежели бы я васъ оставилъ, то бы не совсѣмъ ловко вамъ было» [1]. . . . . .

. . . .

Я не часто бывалъ у Марьи Петровны на дачѣ. Все въ жизни контрапунктъ, т. е. противоположность. Я самъ вижу, что выхожу изъ предѣловъ безстрастнаго лѣтописца. Винюсь, но измѣнить теперешняго способа писать я не въ силахъ.

Мнѣ гадко было у себя дома; за то сколько жизни и наслажденій съ другой стороны: пламенныя, поэтическія чувства къ Е. К..., которыя она вполнѣ понимала и раздѣляла; широкое приволье между доброй, милой и талантливой братіей: такъ называли мы общество, образовавшееся еще въ 1835 или 1836 г. у Кукольника и слившееся потомъ въ одну искреннюю, добрую семью. Платонъ Кукольникъ былъ хозяиномъ. Онъ приказалъ уничтожить часть стѣны, отдѣлявшей темную комнату отъ одной изъ угольныхъ въ домѣ Мерца въ Фонарномъ переулкѣ. Изъ этой комнаты образовалась алькова, въ которой устроили широкій диванъ изъ клеенки и продолжили его вдоль по одной изъ стѣнъ, прилегавшей свѣтлой комнаты. Платонъ, какъ хозяинъ, жилъ въ особенной комнатѣ. Мы же всѣ, т. е. Несторъ Кукольникъ, я, ры-

---

[1]) Противъ этого мѣста, на полѣ оригинала, карандашомъ написано: «Балъ на водахъ». Здѣсь мы дѣлаемъ небольшой пропускъ.

царь Коко (Ник. Ѳ. Немировичъ-Данченко, родственникъ Кукольниковъ) и рыцарь Бобо (Владиміръ Ив. Богаевъ, усердный чиновникъ) помѣщались на диванѣ; у каждаго изъ насъ было свое мѣсто, и оставалось еще гдѣ дать пристанище тѣмъ изъ пріятелей, которые, запоздавъ, желали ночевать у насъ. К. Брюловъ и Яненко болѣе другихъ пользовались этимъ приглашеніемъ; кромѣ нихъ посѣщали насъ часто Гейденрейхъ, Лоди и др. По утрамъ насъ поили чаемъ всѣхъ, послѣ чего остатокъ дня каждый продовольствовался своими средствами; я часто бывалъ у сестры Марьи Ивановны. Вечеромъ мы сходились; тутъ шли розсказни. Иногда ужинали, и тогда это былъ праздникъ, не отъ яствъ и вина (намъ не на что было лакомиться), но отъ разнообразной оживленной бесѣды. Большая часть нашей братіи были люди спеціальные; приходили и посторонніе лица, но всегда народъ дѣльный: или Петровъ съ могучимъ своимъ басомъ, или Петръ Каратыгинъ съ неистощимымъ запасомъ каламбуровъ собственнаго издѣлія, или кто-либо изъ литераторовъ, и разговоръ оживлялся, переходилъ съ предмета на предметъ, и время быстро и пріятно улетало.

Иногда мы пѣвали: въ такомъ случаѣ тѣ, которые менѣе другихъ принимали участія въ бесѣдахъ, выступали на первый планъ, а именно Яненко, Данченко (Коко); Яненко чрезвычайно искусно подражалъ pizzicato не только басовымъ, но скрипичнымъ; для бо́льшаго эффекта онъ обыкновенно подкрадывался къ кому-нибудь изъ новоприходившихъ лицъ и когда приходила его очередь и solo dei pizzicati, онъ вдругъ пронизывалъ гостя пиццикатами такъ ловко, что казалось, что онъ дѣйствительно становился контрбасомъ. Не одно изумленіе гостя, обращеннаго въ инструментъ, было забавно: въ то же самое

время Данченко весь становился pizzicato — они выражались въ глазахъ, улыбкѣ и ужимкахъ его.

Лучше всѣхъ другихъ пьесъ пѣвали мы пѣсню:

Чарочки по столику
Похаживаютъ

Стихъ: «Думаю, подумаю, идти ли за него», обыкновенно пѣлся пиццикато p, что дѣйствительно было эффектно. Кукольникъ Несторъ иногда писалъ намъ куплеты de circonstance; мы подбирали ему музыку, или я сочинялъ ее, разучивалъ и управлялъ хоромъ.

Онъ же (Кукольникъ) описалъ намъ братію или комитетъ въ довольно удачныхъ стихахъ; приведу здѣсь нѣкоторые:

Вотъ входитъ на моментъ. . . . .
Непьющій пьяница, охриплый съ юныхъ дней;
Спѣшитъ на ватеръ-клозъ и, сидя, проситъ соды;
И арію поетъ, какъ жертву для друзей.
Отъ сна смертельнаго ты Данченку воздвигни,
Что въ сутки трое сутокъ спитъ.
. . . .
Съ улыбкой блудною, да внидетъ въ комитетъ.

Эта улыбка была очень забавна и не мало содѣйствовала къ общему веселію во время хороваго пѣнія. Г** почти постоянно сидѣлъ за шахматной доской; вотъ стихи Кукольника объ немъ:

Вотъ докторъ розовый,
И нѣмецъ и поджарый
За шахматной доской,
Какъ вкопанный, сидитъ;
Не соблазнишь ничѣмъ:
Ни трубкой, ни сижарой,
Но пиво и рейнвейнъ
Кого не соблазнитъ.

Рыцарь Бобо (Богаевъ), по возвращеніи изъ должности, рѣдко отходилъ отъ своей конторки, трудясь съ похвальнымъ постоянствомъ надъ дѣлами. Онъ былъ влюбленъ въ молодую вдову, жившую съ матерью вдовою же. Про него, между прочимъ, Кукольникъ написалъ:

Гдѣ былъ?—у вдовушекъ.
Что дѣлалъ?—былъ влюбленъ.

Рыцарь Бобо сказалъ однажды Лоди, указывая на вдовушку: «Смотри, якъ она мыло улибается». Теперь Богаевъ женатъ на своей возлюбленной и занимаетъ очень хорошее мѣсто [1]).

Ex officio, я присутствовалъ на обрученіи и бракосочетаніи е. и. в. великой княгини Маріи Николаевны. Во время обѣда играла музыка, пѣлъ теноръ Poggi (мужъ Фреццолини) и придворные пѣвчіе; я былъ на хорахъ, и стукъ ножей, вилокъ, тарелокъ поразилъ меня и подалъ мысль подражать ему въ Интродукціи «Руслана», что мною впослѣдствіи, по возможности, выполнено.

Въ продолженіе всего 1839 г. я за оперу не принимался, написалъ же: Вальсъ (G-dur) и Польскій (E-dur) для оркестра и посвятилъ ихъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Е. К** выбрала изъ сочиненій Кольцова и переписала для меня романсъ: Если встрѣчусь съ тобой,—я его тогда же положилъ на музыку. Для нея написалъ Valse Fantaisie, хотя напечатанные экземпляры и посвящены Д. Стунѣеву. Для сестры Елизаветы Ивановны, бывшей тогда съ полуглухонѣмымъ племянникомъ Соболевскимъ въ Петербургѣ, написалъ я ноктюрнъ: La

[1]) Въ теченіе этого года я часто бывалъ у Степановыхъ и сблизился съ Николаемъ Алекс., извѣстнымъ нашимъ каррикатуристомъ.

Примѣч. М. И. Глинки.

Séparation (F-moll) для фортепьяно. Принялся также за другой ноктюрнъ: Le regret, но его не кончилъ, а потому употребилъ въ 1840 г. для романса: Не требуй пѣсенъ отъ пѣвца [1]).

Въ августѣ скончался братъ мой Андрей Ивановичъ. Ему было лѣтъ шестнадцать, онъ былъ красивой наружности, чрезвычайно счастливыхъ способностей, особенно геніальнаго расположенія къ математикѣ: теоремы геометрическія могъ разрѣшать безъ указанія профессора. Онъ былъ первый въ верховой ѣздѣ въ школѣ Гвардейскихъ подпрапорщиковъ; возвратясь изъ лагеря, гостилъ у меня на дачѣ съ недѣлю или двѣ. Мы съ нимъ очень подружились за это время.

Въ послѣдній разъ еще на ногахъ я видѣлъ его у сестры Марьи Ивановны. Когда я изъ квартиры Кукольника въ тотъ день поѣхалъ къ ней, отъ самаго начала Шпалерной улицы до самаго Смольнаго меня провожала съ лаемъ и остервенѣніемъ черная собака; она металась на одного меня такъ злобно, что я долженъ былъ положить ноги свои почти на шею извощика, несмотря на то, что на встрѣчу намъ попадалось множество экипажей и телѣгъ. Я нашелъ брата измѣнившагося въ лицѣ; на вопросъ мой: «что съ тобой, André?» онъ отвѣчалъ мнѣ: «ничего, голова болитъ».

Сестра вздумала играть въ карты; братъ тогда поставилъ мнѣ стулъ подлѣ Е. К.... Поигравъ нѣсколько, сестрѣ

---

[1]) На полѣ карандашомъ во второй разъ написано: «балъ на водахъ». Въ Сѣверной Пчелѣ» того времени (1837 г. №№ 182 и 201) находится описаніе двухъ баловъ на минеральныхъ водахъ, на которыхъ присутствовало все тогдашнее модное общество. Изъ описанія мы видимъ только, что на этихъ балахъ играли кадриль на мотивы изъ «Жизни за Царя».

вздумалось печатать письмо. На столѣ стояли двѣ зажженныя свѣчи, а сестра для большого удобства зажгла еще свѣчку въ маленькомъ подсвѣчникѣ. Е. К. замѣтила сестрѣ, что не хорошо, когда горятъ три свѣчи на столѣ; не обративъ вниманія на это предостереженіе, сестра продолжала печатать и не потушила третьей свѣчи.

Недѣли за двѣ передъ тѣмъ гостила у Софьи Петровны одна знакомая; когда она для меня гадала въ карты, всегда ложились всѣ пики, такъ что она наконецъ стала прятать ихъ отъ меня.

На другой день послѣ свиданія съ братомъ у сестры, ему сдѣлалось хуже, а на третій день онъ скончался отъ воспаленія кишекъ, перешедшаго въ антоновъ огонь.

Кончина брата поразила и огорчила меня несказанно. Взявши 28-дневный отпускъ, въ сентябрѣ я отправился къ матушкѣ въ деревню съ сестрою Марьею Ивановною и дядею Иваномъ Андреевичемъ. Во время пребыванія въ Новоспасскомъ я прихварывалъ, что впослѣдствіи повторялось всякій разъ, когда я бывалъ въ деревнѣ.

. . . .
. . . .
. . . .[1]

Сообразивъ все, я рѣшился объявить о моемъ намѣреніи оставить жену, посредствомъ письма, которое отправилъ къ ней вечеромъ 6 ноября. Вотъ приблизительно его содержаніе: «Причины, о которыхъ я считаю нужнымъ умолчать, заставляютъ меня разстаться съ вами; но мы должны это сдѣлать безъ ссоръ и взаимныхъ упрековъ. Молю Провидѣніе, да сохранитъ васъ отъ новыхъ бѣдствій. Я же приму всѣ мѣры для возможнаго устройства судьбы ва-

[1]) Здѣсь нами тоже сдѣланъ небольшой пропускъ нѣкоторыхъ слишкомъ интимныхъ семейныхъ подробностей.

шей и потому намѣренъ выдавать вамъ половину моихъ доходовъ».

Это письмо не произвело сильнаго впечатлѣнія на Марью Петровну; когда же на другой день я приказалъ крѣпостнымъ людямъ, въ моемъ услуженіи находившимся, оставить казенную квартиру, вывести оттуда лошадей, матушкою мнѣ данныхъ, выпороть изъ мебелей, бывшихъ въ гостиной, шитье моихъ сестеръ и нѣкоторыя другія вещи, драгоцѣнныя мнѣ потому, что я получилъ ихъ отъ уважаемыхъ и любимыхъ мною лицъ (все прочее, какъ-то: брильянты, мебели, карету и проч. оставилъ женѣ), тогда Марья Петровна заплакала не на шутку; говорятъ даже, что ее оттирали.

Все петербургское бабье, подъ предводительствомъ графини Е. М. С. и Е. А. Г., возстало противъ меня, и злословію ихъ не было предѣловъ. Я, во избѣжаніе непріятныхъ посѣщеній, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ немногихъ самыхъ искреннихъ пріятелей, захворалъ и, по болѣзни, жилъ безвыходно на квартирѣ Степанова, въ Гарновскаго домѣ, у Измайловскаго моста.

Нѣсколько дней послѣ разрыва съ женою, я получилъ приглашеніе отъ сенатора Сумарокова, который любилъ меня и Марью Петровну, навѣстить его въ 12 ч. утра на другой день. По моей привычкѣ я пріѣхалъ къ нему полчаса раньше; онъ этимъ видимо былъ встревоженъ и неоднократно повторялъ, что назначилъ мнѣ ровно въ 12 часовъ быть у него. Я подозрѣвалъ замыселъ противъ меня, и не ошибся: ровно въ 12 часовъ дверь отворилась и вошелъ, съ важнымъ видомъ, учившій и вѣнчавшій меня протоіерей Алексѣй Ивановичъ Маловъ. Тутъ начали убѣждать меня примириться съ женою, или, по крайней мѣрѣ, жить съ нею хоть розно, но подъ одной кровлей; это по-

слѣднее предложеніе изобрѣтено было сенаторомъ. Цѣлый часъ я упорно и ловко защищался, и наконецъ такъ рѣшительно и удачно уничтожилъ всѣ ихъ доводы, что они должны были умолкнуть.

Послѣ этого я цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ дому: былъ только разъ у Львова, объявя ему, что я болѣе служить не въ силахъ. Львовъ убѣдилъ меня остаться еще на полтора мѣсяца, дабы дослужить до слѣдующаго чина.

18-го декабря 1839 г. я былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ коллежскаго ассесора. Въ это время опасно заболѣла Е. К.; сестра Марья Ивановна, часто навѣщавшая меня въ домѣ Гарновскаго, скрыла отъ меня это обстоятельство изъ опасенія огорчить меня.

Жилось у Степанова не совсѣмъ худо, съ меньшимъ братомъ его Владиславомъ я рисовалъ, деревья въ особенности. Кромѣ того постоянными посѣтителями были капитанъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Тиличеевъ, весьма умный и образованный человѣкъ, полковой докторъ Садовскій, Сергѣй Николаевичъ Муравьевъ (Тимей), усердно занимавшійся философіей, и наконецъ Яненко. Фортепьяно не было, но шла дружеская, живая бесѣда.

Петръ Степановъ былъ въ отлучкѣ, и часть квартиры его, а именно комната, разрисованная чертовщиной и каррикатурами на шахматномъ бѣломъ и черномъ полѣ самимъ Николаемъ Степановымъ, отдана имъ была на время одному изъ офицеровъ л.-гв. Егерскаго полка. У него была бульдошка, которая вела себя нехорошо, такъ что каждое утро употребляли скребницу для очищенія комнаты, а потомъ на той же скребницѣ курили, чтобы уничтожить зловоніе [1]). У Степанова бывали также по временамъ зна-

---

[1]) Рукою Кукольника приписано: «Къ чему это нужно?» А рукою Глинки: «А почему и нѣтъ?»

комые литераторы, какъ-то: Филимоновъ, Бенедиктовъ и Бернетъ.

ПЕРІОДЪ IX.

Отъ оставленія службы въ пѣвческой капеллѣ до первыхъ представленій оперы „Русланъ и Людмила“.

Зимою пріѣхала матушка и остановилась у сестры; я потомъ и самъ туда переѣхалъ. Е. К*. выздоровѣла, и я написалъ для нея вальсъ на оркестръ B-dur. Потомъ, не знаю по какому поводу, романсъ Пушкина: Я помню чудное мгновенье. Въ февралѣ пріѣзжала двоюродная сестра моя Софья Ивановна Нольде (та самая, съ которой я сдружился, будучи еще въ пансіонѣ). У нея были двѣ дочери и сынъ. Старшей, Евгеніи Карловнѣ, было лѣтъ 14, у нея была интересная физіономія и она была уже тогда хорошая музыкантша; впослѣдствіи она вышла замужъ за П. П. Рындина.

Въ концѣ февраля я съ матушкой отправился въ деревню и пріѣхалъ сперва къ сестрѣ Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой, въ имѣніе мужа ея, Логачево, отстоящее двѣ версты отъ Новоспасскаго. Тамъ я погрѣлся у печки въ угольной комнатѣ и потомъ уже поѣхалъ домой.

Все время пребыванія моего въ Новоспасскомъ, т. е. отъ начала марта до конца апрѣля, я хворалъ [1]). Лишеніе сна, аппетита и нервное раздраженіе довели меня до столь сильнаго безпокойства, что я не рѣшался ѣхать одинъ, а упросилъ К. Ѳ. Гемпеля сопутствовать мнѣ до Петербурга, куда мы прибыли благополучно въ началѣ мая. Мы съ Гемпелемъ поселились въ одной маленькой комнатѣ въ Ревельскомъ подворьѣ, что въ Новомъ пе-

---

[1]) На полѣ карандашомъ: «развитіе Камаринской».

реулкѣ. Тутъ я узналъ, что и храпѣніе имѣетъ своихъ виртуозовъ: Гемпель, какъ уже прежде сказано, былъ хорошій музыкантъ, но храпѣть былъ великій мастеръ. Ложась, онъ начиналъ сопѣть, потомъ начиналъ потихоньку храпѣть подсвистывая, потомъ прищелкивалъ, и все crescendo, наконецъ раздавались жалобные стоны, и концертъ оканчивался обыкновенно дикимъ и пронзительнымъ крикомъ, будившимъ самого виртуоза и меня. Онъ былъ тученъ и полнокровенъ, и его душило по ночамъ.

Гемпель оставался недолго въ Петербургѣ; по его отъѣздѣ я оставался еще нѣсколько времени въ Ревельскомъ подворьи, а потомъ поселился съ сестрою Марьею Ивановною и зятемъ моимъ, съ дѣтками ихъ, въ Троицкомъ переулкѣ. У меня была спальня и большой свѣтлый кабинетъ съ особымъ выходомъ.

Въ день моихъ имянинъ, т. е. 21 мая, когда я шелъ изъ Ревельскаго подворья къ Степанову, гдѣ провелъ большую часть того дня, мнѣ пришла мелодія «Болеро»: «О дѣва чудная моя». Я попросилъ Кукольника написать мнѣ стихи для этой мелодіи; онъ согласился, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ мнѣ нѣсколько написанныхъ имъ романсовъ.

По этому, кажется, поводу пришла Платону мысль о двѣнадцати романсахъ, изданныхъ потомъ П. И. Гурскалинымъ подъ именемъ «Прощаніе съ Петербургомъ». У меня было нѣсколько запасныхъ мелодій, и работа шла весьма успѣшно.

Между тѣмъ, въ началѣ весны, здоровье Е. К. начало очень разстраиваться, и докторъ объявилъ моей сестрѣ, что ей угрожаетъ чахотка, и что ей непремѣнно нужно оставить Петербургъ и отправиться въ болѣе теплый и здоровый климатъ. Это меня огорчило, но я рѣшился во что бы то ни стало помочь Е. К. Рѣшился уговорить

Е. К. и ея матушку ѣхать въ южную Россію, гдѣ у нихъ были родные, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ матушкѣ съ просьбою выслать мнѣ 7,000 руб. асс., обѣщаясь не безпокоить ее въ теченіе года.

Я часто посѣщалъ Ширкова, рисовалъ съ нимъ акварелью, но безъ большого успѣха. По его просьбѣ началъ писать Камаринскую для фортепьяно на три руки; но она вышла такая дрянь, что тутъ же на мѣстѣ разорвалъ написанное мною.

Изъ болеро я сдѣлалъ цѣлую пьесу для фортепьяно. Германъ переложилъ его очень удачно на свой оркестръ, равно какъ и Вальсъ-Fantaisie H-moll; обѣ эти пьесы были чрезвычайно любимы публикой.

Наша братія по сему случаю оставалась на нѣсколько дней въ Павловскѣ, гдѣ мы очень весело провели время.

Матушка выслала деньги на имя Соболевскаго (я держалъ свое намѣреніе въ тайнѣ); получивъ сумму 7,000 р. асс., я, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу: купилъ карету для Е. К. и ея матери, кои были не въ блестящемъ положеніи. Заказалъ дорожную коляску для себя, и хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга (поэтому и собраніе романсовъ названо: «Прощаніе съ Петербургомъ»). Я былъ не то что боленъ, не то чтобы здоровъ: на сердцѣ была тяжелая осадка отъ огорченій, и мрачныя неопредѣленныя мысли невольно тѣснились въ умѣ.

Въ первой половинѣ августа все было готово къ отправленію дамъ въ южную Россію. Кукольники и вся братія, искренно меня любившая, не хотѣла разстаться со мною, и можетъ быть надолго (какъ то предполагалось), не изъявивъ мнѣ дружескихъ чувствъ своихъ.

10-го августа Кукольники устроили для меня прощальный вечеръ, на который, кромѣ искреннихъ пріятелей и

домашнихъ, пригласили и нѣкоторыхъ артистовъ и литераторовъ. Я пѣлъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ прощальную пѣснь, хоръ пѣла братія наша и, кромѣ фортепьяно, былъ квартетъ съ контрбасомъ. Хотя этотъ вечеръ былъ художнически-пріятельскій, но тутъ не обошлось безъ смѣху. Якова обокрали; онъ съ горя хлебнулъ лишній стаканъ мадеры и, не удовольствовавшись быть слушателемъ, рѣшился принять участіе въ исполненіи прощальнаго хора. Онъ съ самонадѣянностью взялъ контрбасъ Мемеля и принялся играть, но руки не повиновались, и онъ съ презабавною миною смотрѣлъ вокругъ себя съ изумленіемъ.

11-го августа я выѣхалъ изъ Петербурга; въ Гатчинѣ мы съѣхались съ Е. К. и ея матерью. Я проводилъ дамъ до Катежны, гдѣ мы разстались: онѣ поѣхали въ Витебскъ, а я на Смоленскъ.

Пріѣхавъ къ матушкѣ, я началъ обдумывать свои намѣренія; паспорта и денегъ у меня не было. Притомъ же, за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга, Е. К., въ припадкѣ ревности, жестоко огорчила меня незаслуженными продолжительными упреками. Отъ совокупнаго дѣйствія размышленія и воспоминанія я начиналъ мало-помалу успокоиваться. Я принялся за работу, и въ три недѣли написалъ Интродукцію «Руслана»: начавъ ее въ Новоспасскомъ, кончилъ въ имѣніи зятя моего, Николая Дмитріевича Гедеонова (съ которымъ жилъ въ Берлинѣ въ 1834 г.).

На обратномъ пути въ Петербургъ, ночью съ 14-го на 15-е сентября, меня прохватило морозомъ. Пріѣхавъ на станцію Городецъ (если не ошибаюсь), я потребовалъ чаю и, согрѣвшись, отправился въ путь. Всю ночь я былъ въ лихорадочномъ состояніи, воображеніе зашевелилось, и я въ

ту ночь изобрѣлъ и сообразилъ Финалъ оперы, послужившій впослѣдствіи основаніемъ увертюры оперы «Русланъ и Людмила».

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я поселился у Кукольниковъ. Несторъ жилъ на особенной квартирѣ. Я посѣщалъ иногда семейство Александровыхъ, состоявшее изъ отца, матери, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ нихъ меньшую я училъ пѣть. Платонъ ухаживалъ за старшей и на ней женился впослѣдствіи. Чаще же бывалъ дома; вслѣдствіе простуды образовалась у меня тупая, но мучительная боль въ правомъ боку, появлявшаяся всякій день по захожденіи солнца. Когда братія расходилась, при мнѣ чаще другихъ оставался Яненко; чтобы развязать ему языкъ, я попросилъ его разсказать его жизнь и женитьбу. Тогда онъ подробно сообщилъ мнѣ, какъ онъ былъ учителемъ у отца Степановыхъ, бывшаго тогда губернаторомъ Енисейской [1]) губерніи, какъ ѣхалъ въ Сибирь, какъ, сжалясь надъ одиночествомъ гувернантки-англичанки, бывшей тогда у Степанова, онъ женился на ней. Англичанка (Кристина Ивановна Норманъ) отблагодарила его, и своими трудами кормила его въ послѣдніе годы его жизни.

Не смотря на недугъ, я снова принялся за работу, началъ сцену Людмилы 4-го акта. Вскорѣ потомъ, по просьбѣ Кукольниковъ, написалъ увертюру, антракты, пѣсню: Ходитъ вѣтеръ у воротъ и романсъ: Сонъ Рахили, для вновь написанной Несторомъ драмы: Князь Холмскій. Исполнили музыку мою довольно опрятно, но пьеса не удалась и выдержала только три представленія.

Въ ноябрѣ я захворалъ, и опасно, у меня внезапно развилась горячка. Это произошло вѣроятно отъ простуды;

---

[1]) Въ оригиналѣ «Омской».

наканунѣ я возвращался пѣшкомъ домой безъ калошъ. Въ тотъ вечеръ однакоже я ничего особеннаго не чувствовалъ, просидѣлъ часа съ два съ Платономъ, диспутовалъ съ нимъ, какъ всегда, и мы даже выпили по бутылкѣ церковнаго, такъ называли мы самый простой медокъ. На другой день всѣ проснулись, начали требовать чаю, а я все лежалъ; когда Платонъ подошелъ ко мнѣ со словами: «Миша, пора вставать», я хотѣлъ приподняться, но не могъ. Онъ тогда посмотрѣлъ на меня внимательно, взялъ за пульсъ и послалъ за моимъ докторомъ, Шерингомъ. Меня перетащили въ комнату Платона, который уступилъ мнѣ свою кровать и во все время болѣзни и выздоровленія ухаживалъ за мною съ искреннею заботливостью. Шерингъ гомеопатическими порошками: Nux vomica, Belladonna, Dulcamara, по одному каждаго сорта по разу въ день, прервалъ горячку въ три дня. Послѣ чего однакожъ я былъ очень слабъ нѣсколько времени и вдругъ по всему тѣлу обнаружилась сыпь. На лѣвомъ боку, противъ сердца, сыпь эта слилась въ одну массу. Нѣтъ сомнѣнія, что продолжительныя огорченія были одною изъ главныхъ причинъ этой сыпи, которая, при постоянномъ леченіи подъ надзоромъ Шеринга, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, и когда прошла, долго еще оставались на кожѣ желто-печенковыя пятна.

Оправясь, я снова началъ писать «Руслана», а въ то же время, по просьбѣ Мятлева, написалъ «Тарантеллу».

Не смотря на плохое состояніе финансовъ, я жилъ пріятно, не обременяя другихъ собою. Яковъ отлично умѣлъ готовить для меня щи изъ кислой капусты и кашу. П. П. Рындинъ, съ которымъ я очень сблизился въ это время, не брезгалъ этой скудной трапезой, охотно хаживалъ ко мнѣ обѣдать, причемъ подавали и бутылку церковнаго. Я

часто бывалъ у Павла Васильевича Энгельгардта: жена его, женщина пріятной наружности и еще молодая, часто приглашала меня. Послѣ болѣзни присылали за мною карету, обшитую внутри мѣхомъ, а сверхъ того шубки, чтобъ меня болѣе окутать. Софья Григорьевна любила музыку; я написалъ для нея романсъ: Какъ сладко съ тобою мнѣ быть, слова П. П. Рындина, часто игрывалъ ей отрывки изъ новой моей оперы, въ особенности сцену Людмилы въ замкѣ Черномора. У Павла Васильевича жила двоюродная сестра моя, Софья Ивановна Нольде, съ дѣтками. Итакъ, мнѣ тамъ было очень хорошо; за обѣдомъ хозяйка сажала меня возлѣ себя, съ дамами, угощали меня сами барыни, а шуткамъ, росказнямъ и конца не было. Нерѣдко я также бывалъ у вдовушекъ, т. е. въ добромъ и миломъ семействѣ Моллеріусъ; равно бывалъ у Александровыхъ. Около того времени пріѣхалъ старшій братъ Кукольника, Павелъ Васильевичъ, изъ Вильны. Онъ былъ профессоромъ исторіи Виленскаго университета. Онъ поселился съ нами и одушевилъ пріѣздомъ семью нашу. Для него написалъ Несторъ хоръ, я написалъ и разучилъ музыку и мы встрѣтили его торжественно. По сему случаю Несторъ написалъ стихи, которые начинались такъ:

Павлу Васильевичу хоръ,
Павлу Васильевичу честь,
Вотъ вамъ почетный приборъ,
Просимъ покорнѣйше сѣсть.

Музыки не помню, кажется было solo для Лоди.

Павелъ Васильевичъ былъ очень добрый человѣкъ, любилъ общество, въ особенности общество дамъ; онъ былъ любезенъ, пѣлъ и умѣлъ забавлять общество разными штуками, напр.: отлично представлялъ жидовъ въ синагогѣ;

но господствующая страсть его была писать трагедіи изъ первыхъ вѣковъ христіанства; при чтеніи своихъ произведеній онъ приходилъ въ такой восторгъ, что испускалъ внезапные крики и нерѣдко пугалъ своихъ слушателей.

Въ концѣ зимы, т. е. въ началѣ 1841 г., я, по просьбѣ инспектора Екатерининскаго Института, П. Г. Ободовскаго, на слова его сочиненія, написалъ выпускной хоръ E-dur. Иногда бывалъ на репетиціяхъ въ институтѣ, и хоръ исполнили очень хорошо. За этотъ трудъ я получилъ отъ е. и. в. государыни императрицы перстень съ изумрудомъ, осыпанный бриллiантами, который я тогда же отослалъ матушкѣ. По болѣзни государыни, танцы и пѣніе вмѣсто института исполняли во дворцѣ, куда и меня пригласили; но я не могъ быть, потому что меня о томъ увѣдомили поздно и я не имѣлъ времени купить башмаки, шелковые чулки и бѣлыя перчатки.

Въ самомъ началѣ весны, великимъ постомъ, я переѣхалъ къ Степановымъ, которые жаловались мнѣ на предпочтеніе, оказанное мною Кукольникамъ. Николай жилъ на особенной квартирѣ; Петръ Степановъ уступилъ мнѣ комнату, расписанную каррикатурами и чертовщиной. Когда, бывало, карета ночью своими освѣщенными фонарями постепенно мгновеннымъ свѣтомъ освѣщала мою комнату, странныя фигуры мелькали одна за другою, а казалось, что стоявшая на печкѣ мертвая голова насмѣшливо улыбалась; мнѣ, по крайней мѣрѣ, часто казалось, что она смѣялась надъ моими страданіями; тогда я спалъ дурно и часто предавался печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ своей. Не смотря на это болѣзненное расположеніе духа, я продолжалъ писать оперу. Докторъ Садовскій пришелъ однажды, закурилъ сигарку и, смотря на мою работу, ска-

залъ мнѣ съ самодовольнымъ видомъ: отодрать бы тебя, братецъ, лучше бы писалъ [1]).

Паста, пріѣхавшая къ намъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1840 г., была въ моей оперѣ: «Жизнь за Царя». Когда Петрова начала пѣть «Ахъ не мнѣ бѣдному», сопровождаемое, какъ извѣстно, 4-мя віолончелями и контрбасомъ, Паста, обратясь ко мнѣ, сказала: «какъ хорошо плачутъ эти віолончели».

Раннею весною пріѣхалъ въ Петербургъ зять мой Яковъ Михайловичъ Соболевскій съ сыномъ своимъ (полуглухонѣмымъ) и сестрою Елизаветою Ивановною, взявшею на себя воспитаніе племянника. Они ѣхали въ Парижъ, чтобы испытать все возможное для облегченія полуглухонѣмаго. Матушка, отъ которой не укрылось болѣзненное расположеніе моего духа, желала, чтобъ я ѣхалъ съ ними, и прислала потребную для того сумму. Я однако же съ ними не отправился и вотъ по какой причинѣ. Не задолго до пріѣзда зятя съ сыномъ и сестрой моей, по городу разнесся слухъ, что Марья Петровна вышла замужъ. Этотъ, повидимому нелѣпый, слухъ оправдался; оказалось, что объ этомъ противузаконномъ бракѣ было донесено с.-петербургской консисторіи [2]) . . . .

. . . .

Обдумавъ хорошенько, я подалъ прошеніе о расторженіи моего брака и сейчасъ же отправился къ матушкѣ, съ которой пробылъ дня четыре. Въ іюнѣ 1841 г., возвратясь въ Петербургъ, занялся бракоразводнымъ дѣломъ. Марья Петровна долго отдѣлывалась, прикидываясь больною, но вынуждена наконецъ была явиться въ консисторію. На

---

[1]) Эта сцена изображена Н. А. Степановымъ въ вышеупомянутомъ альбомѣ Л. Ив. Шестаковой.

[2]) Здѣсь нами выпущены двѣ строки.

очной ставкѣ я скрѣпилъ сердце и стоялъ спокойно, Марья Петровна плакала. Послѣ обычныхъ троекратныхъ увѣщаній, я объявилъ, что не могу отстать отъ своего намѣренія, что я вынужденъ къ тому семейственными обстоятельствами, что мною не руководствуетъ злоба, въ доказательство чего прошу извиненія у жены за всѣ невольно наносимыя ей мною огорченія.

Менѣе трудны были для меня очныя ставки съ адвокатомъ Марьи Петровны, какимъ-то Ѳедоровымъ. Я молча выслушивалъ его обвиненія, а въ свою очередь повторялъ только, что я остаюсь при первомъ своемъ показаніи.

Несмотря на всѣ непріятныя хлопоты по бракоразводному дѣлу, я въ концѣ лѣта снова принялся за работу. Яковъ Михайловичъ съ сыномъ и сестрою, Елизаветою Ивановною, въ началѣ осени возвратились изъ Парижа. Всѣ опыты надъ полуглухонѣмымъ племянникомъ оказались безуспѣшными. Зять оставался недолго въ Петербургѣ и уѣхалъ въ деревню. Я съ сестрою и племянникомъ переѣхалъ въ домъ Шуппе (бывшій Варварина) противу Опекунскаго Совѣта, въ Мѣщанской улицѣ. Сестра съ племянникомъ взяла удобную для помѣщенія квартиру; у нея же готовили для насъ всѣхъ кушанье. Я помѣстился особо, въ томъ же этажѣ, въ двухъ маленькихъ, но очень свѣтлыхъ комнатахъ. Еще въ концѣ лѣта я почувствовалъ необыкновенное расположеніе къ сочиненію музыки и это расположеніе не измѣнилось. Сверхъ того, я началъ учиться рисованію, а именно пейзажей, у ученика академіи Солнцева, и началъ рисовать порядочно, такъ что скопировалъ нѣсколько ландшафтовъ карандашомъ для моихъ знакомыхъ; а на одномъ изъ моихъ рисунковъ карандашомъ К. Брюловъ подписалъ: скопировано очень не дурно.

Обѣдалъ у сестры, а иногда оставался съ нею послѣ обѣда; она тогда прилежно занималась игрою на фортепьяно и я аккомпанировалъ ей на скрипкѣ, между прочимъ сонату Бетховена F-dur. У нея жила въ услуженіи дѣвушка (крѣпостная), которая училась шить платья у модистки, и матушка назначала ее въ горничныя младшей сестрѣ моей Ольгѣ. Ей было 18 лѣтъ, она была очень стройная и довольно миловидная дѣвушка. Она одѣвалась хотя очень просто, но опрятно и мило, и нерѣдко потѣшала меня презабавными, неожиданными выходками, такъ напр.: оперу мою «Русланъ и Людмила» она называла своею. Яковъ Ульяновъ также, говоря о «Жизни за Царя» выражался обыкновенно: наша опера. Однимъ словомъ, по всей справедливости ее назвать можно было гризеткой. Въ короткое время я къ ней очень привыкъ:

Привычка въ чувство обратилась,
А чувство въ счастье многихъ дней.

Дѣйствительно, я ей обязанъ многими и многими пріятными минутами. Мнѣ дома было такъ хорошо, что я очень рѣдко выѣзжалъ, а, сидя дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время большая часть оперы была готова. Осмотрѣвшись, однакоже, я нашелъ, что общей связи между частями новой моей оперы не было. Чтобы помочь этому, я пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Нестора и Мишу Гедеонова, съ которымъ, равно какъ съ братомъ его Степаномъ Александровичемъ, я не только помирился, но и очень сблизился. Сверхъ того, былъ у меня на обѣдѣ и Владиславлевъ, бывшій въ то время дежурнымъ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ. Онъ любилъ искусства, живопись, и музыку въ особенности; я съ нимъ былъ на дружеской ногѣ, и занялъ у него по случаю обѣда серебро и столовое бѣлье. По причинѣ отъѣзда Ширкова въ

Украйну, Кукольникъ и Гедеоновъ взялись помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы. Кукольникъ написалъ стихи [1]) для финала оперы и сцену Ратмира 3-го дѣйствія: И жаръ и зной. Гедеоновъ написалъ маленькій дуэтъ, слѣдующій за балладою Финна между Финномъ и Русланомъ: Благодарю тебя, мой дивный покровитель, речитативъ Финна въ 3-мъ актѣ: Витязи, коварная Наина и ихъ молитву въ 4 голоса, которою оканчивается третье дѣйствіе. И я самъ написалъ сцену Фарлафа съ Наиной и рондо Фарлафа, а также начало финала 3-го дѣйствія. Такимъ образомъ, стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали: Маркевичъ, В. Ѳ. Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я.

Великимъ постомъ, въ самомъ началѣ весны 1842 г., пріѣхала матушка съ младшей сестрою Ольгою, съ тѣмъ, чтобы провести годъ въ Петербургѣ, для окончанія воспитанія сестры Ольги, которой было лѣтъ 16 или 17. Вскорѣ по пріѣздѣ мы переѣхали въ домъ Давыдова на Гороховой улицѣ. Матушка съ сестрами и племянникомъ заняла бельэтажъ, а мнѣ нашлись двѣ комнаты на дворѣ, съ кухнею.

Въ короткое время опера была доведена до того, что нельзя было дописывать немногаго оставшагося, безъ сценическихъ соображеній и содѣйствія декоратора и балетмейстера. Итакъ (въ апрѣлѣ 1842 г., если не ошибаюсь), я явился къ директору Гедеонову съ партитурой, и онъ безъ всякихъ разговоровъ принялъ мою оперу, приказалъ

[1]) Англійскіе. Я написалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи Ширкова они были замѣнены стихами со смысломъ, но этого не послѣдовало и теперь гуляютъ англійскіе».

Примѣчаніе Кукольника.

сейчасъ же приступить къ постановкѣ ея на сцену, и по моему желанію, вмѣсто единовременнаго вознагражденія 4,000 р. асс., согласился, чтобы я получалъ разовые, т. е. десятый процентъ съ двухъ третей полнаго сбора за каждое представленіе. Скоро послѣ того отдали мою партитуру въ театральную нотную контору, и когда партіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и хоры были изготовлены, я принялся за разучку моей музыки. Впослѣдствіи (это было уже лѣто) надлежало поладить съ балетмейстеромъ Титюсомъ, человѣкомъ весьма ограниченныхъ способностей. Для этого я затѣялъ дать ему обѣдъ (онъ любилъ покушать), и чтобъ болѣе угодить ему, заказалъ у французскаго ресторатора Legrand любимыя его кушанья. На обѣдъ, кромѣ балетмейстера Титюса, пригласилъ двухъ Гедеоновыхъ, Костю Булгакова, какъ пріятнаго и веселаго собесѣдника, и Павла Павловича Каменскаго, служившаго переводчикомъ въ канцеляріи директора театровъ, Гедеонова. По нашему мнѣнію, онъ отлично танцовалъ лезгинку. Такъ какъ музыка для танцевъ 4-го дѣйствія была составлена мною изъ восточныхъ мелодій, то я желалъ, чтобы Титюсъ по возможности сдѣлалъ и самые танцы въ восточномъ родѣ и назначилъ для solo въ этомъ танцѣ, названномъ мною лезгинкой, танцовщицу Андреянову 2-ю, которой въ то время особенно покровительствовалъ директоръ театровъ. Танцы же 3-го дѣйствія вполнѣ предоставилъ Титюсу. Обѣдъ удался и вино произвело свое дѣйствіе: послѣ обѣда Каменскій поплясалъ лезгинку, которая не очень понравилась французу Титюсу, но онъ согласился поставить этотъ танецъ по моему желанію.

Вина было вдоволь, такъ что когда послѣ театра возвратились Гедеоновъ и Каменскій ко мнѣ, то я ихъ упот-

чивалъ отличнѣйшимъ хересомъ. По этому поводу въ эпитафіи, сочиненной ими на меня впослѣдствіи, помѣщены слѣдующіе стихи:

Любилъ онъ музыку и юбки;
Чужіе люди для него
Вакштафа набивали трубки,
И жилъ въ Давыдовѣ онъ домѣ,
Не обижая никого,
Бутылокъ хереса окромѣ.

Оставлю на время театръ и оперу, чтобы упомянуть о пріѣздѣ Листа въ Петербургъ.

Появленіе его у насъ въ февралѣ 1842 г. переполошило всѣхъ диллетантовъ и даже модныхъ барынь. Меня, отказавшагося отъ свѣта, со времени разрыва моего съ женою, т. е. съ ноября 1839 г., снова вытащили на люди, и забытому почти всѣми русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы по рекомендаціи знаменитаго иностраннаго артиста! Несмотря на всеобщее и отчасти собственное мое увлеченіе, я могу теперь еще дать полный отчетъ въ впечатлѣніи, произведенномъ на меня игрою Листа. Мазурки Chopin, его Nocturnes и этюды, вообще всю блестящую и модную музыку онъ игралъ очень мило, но съ превычурными оттѣнками (à la française), c'est à dire avec exagération de tout genre. Менѣе удовлетворительно однако же (по моему мнѣнію) игралъ онъ Баха (котораго clavecin bien tempéré зналъ почти наизусть), Симфонію Бетховена, переписанную имъ самимъ (transcrite) для фортепьяно; въ сонатахъ Бетховена и вообще въ классической музыкѣ исполненіе его не имѣло надлежащаго достоинства и въ ударѣ по клавишамъ было нѣчто отчасти котлетное. Исполненіе Септуора Гуммеля отзывалось какимъ-то пренебреженіемъ

и по-моему Гуммель игралъ его несравненно лучше и проще. Бетховена концертъ Es-dur исполнилъ онъ гораздо удовлетворительнѣе. Вообще способъ игры Листа въ оконченности не сравню съ Фильдомъ, Карломъ Мейеромъ и даже Тальбергомъ, въ особенности въ скалахъ.

Кромѣ графовъ Віельгорскихъ и Одоевскаго, я бывалъ съ Листомъ у графини Ростопчиной и у Палибиной. У Одоевскаго, Листъ сыгралъ à livre ouvert нѣсколько №№ Руслана съ собственноручной, никому еще неизвѣстной моей партитуры, сохранивъ всѣ ноты, ко всеобщему нашему удивленію. Обращеніе и пріемы Листа не могли не поразить меня страннымъ образомъ; ибо я тогда не былъ еще въ Парижѣ и юную Францію зналъ только по наслышкѣ. Кромѣ очень длинныхъ волосъ, въ обращеніи онъ иногда прибѣгалъ къ сладко-разнѣженному тону (mignardise); по временамъ въ его обращеніи проявлялась надменная самоувѣренность (arrogance). Впрочемъ, не смотря на нѣкоторый тонъ покровительства въ обществахъ, особенно между артистами и молодыми людьми, онъ былъ любезенъ, охотно принималъ искреннее участіе въ общемъ веселіи и не прочь былъ покутить съ нами.

Когда мы встрѣчались въ обществахъ, что случалось нерѣдко, Листъ всегда просилъ меня спѣть ему одинъ или два моихъ романса.

Болѣе всѣхъ другихъ нравилось ему: Въ крови горитъ. Онъ же въ свою очередь игралъ для меня что-нибудь Chopin или моднаго Бетховена. Великимъ постомъ того же 1842 г. я познакомился съ семействами Табаровскихъ и Сѣровыхъ. Александръ Николаевичъ Сѣровъ былъ въ то время очень молодой человѣкъ, образованный (онъ учился въ училищѣ правовѣдѣнія) и очень хорошій музыкантъ; онъ игралъ на фортепьяно, нѣсколько на віо-

лончели, въ особенности же бойко игралъ съ листа̀. Сходки наши въ домѣ Мерца прекратились; братія разъѣхалась. Несторъ Кукольникъ прежде другихъ переѣхалъ на особливую квартиру. Несмотря на это, по прежнему любилъ меня, и, по требованію моему, написалъ стихи для моей новой оперы и поправлялъ стихи моего собственнаго издѣлія. Когда же я объявлялъ ему, что написалъ сцену или № оперы, онъ чрезвычайно радовался и становился безпокоенъ отъ желанія скорѣе слышать новое мое произведеніе. Вообще онъ былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать въ моей жизни. Съ нимъ скука была невозможна; онъ умно и ловко говорилъ обо всемъ. Однажды въ теченіе вечера онъ необыкновенно ясно и дѣльно изложилъ словесно исторію Литвы по моему желанію. Когда я изъявилъ мое удивленіе, онъ отвѣчалъ улыбаясь: «прикажетъ государь, завтра буду акушеромъ». Если я излагалъ мнѣніе противное его мнѣнію, то онъ говаривалъ такъ: «Миша! на это моего согласія нѣтъ; выпьемъ». Это значило выпьемъ по стакану церковнаго.

В. И. Богаевъ женился. Платонъ Кукольникъ переѣхалъ въ домъ Александровыхъ. Онъ занялъ весь нижній этажъ (rez de chaussée), который очень мило отдѣлалъ, а семейство Александровыхъ помѣстилось въ мезонинѣ того же дома. Большая часть братіи сходилась на его вечерахъ, которые онъ умѣлъ оживлять всевозможными способами. Пѣли, играли на фортепьяно, танцовали; Несторъ по временамъ читалъ свои новыя произведенія,—шла дружеская бесѣда, а въ заключеніе вкусный и сытный ужинъ еще болѣе располагалъ всѣхъ къ веселію.

Рѣже, но также пріятны, были вечера у Владиславлева, гдѣ иногда встрѣчались наши и иностранные ху-

дожники; и у него на вечерахъ пѣли, танцовали и веселились не мало.

По вечерамъ поздно я часто навѣщалъ Мишу Гедеонова, у котораго тогда еще начались сходки послѣ театра.

Онъ и братъ его Степанъ Александровичъ расположили отца своего въ мою пользу до такой степени, что, отъѣзжая въ Москву, онъ позволилъ мнѣ распоряжаться по собственному моему усмотрѣнію постановкою моей новой оперы. Вслѣдствіе этого распоряженія я съ Гайдуковымъ (экзекуторомъ при дирекціи с.-петербургскихъ театровъ) осмотрѣлъ огромные гардеробы, принадлежащіе дирекціи театровъ, вмѣстѣ съ нимъ мы положили, какіе костюмы надлежало сдѣлать вновь и какіе можно обновить и передѣлать. Костюмы для главныхъ дѣйствующихъ лицъ сдѣланы были по указанію Карла Брюлова. Брюловъ сообщилъ также свои соображенія о декораціяхъ Роллеру, который еще до того (написалъ) масляными красками эскизы декорацій для «Руслана и Людмилы», которые теперь находятся у Нестора Кукольника [1]).

Вскорѣ по обѣдѣ, который я далъ Титюсу (это было лѣтомъ), онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать на дачу на Крестовскомъ островѣ и славно угостилъ меня. Послѣ того онъ началъ заниматься составленіемъ танцевъ и я ходилъ охотно въ школу, чтобы соображаться съ его требованіями и передѣлывать, что оказывалось нужнымъ перемѣнить. Такимъ образомъ, въ танцы 3-го дѣйствія я долженъ былъ ввести нѣсколько пошлыхъ фразъ, чтобы ловко было танцовать enlevé.

---

[1]) Эти эскизы были такъ хороши, въ особенности видъ заколдованнаго зàмка Черномора, что Роллера за него удостоили званія академика. *Прим. Кукольника.*

Прежде нежели Титюсъ начиналъ разучивать и сочинять танцы для «Руслана», онъ начиналъ похвалами самому себѣ—говорилъ: «A présent tous les maitres de danse sont des maitres assis», т. е. учатъ сидя; онъ же и еще какой-то другой балетмейстеръ въ Парижѣ, одни только могутъ учить стоя, т. е. могутъ сами танцовать. При этомъ, со скрипкой въ одной рукѣ и смычкомъ въ другой, онъ начиналъ дѣлать разныя пá, и, приходя постепенно въ восторгъ, выдѣлывалъ наконецъ антрша и другія трудныя штуки. Все это происходило въ присутствіи воспитанницъ, танцовщиковъ и музыкантовъ и крайне было забавно.

Я велъ тогда жизнь весьма пріятную; утромъ передѣлывалъ танцы и немногія недоконченныя мѣста изъ оперы, въ 12-мъ часу утра отправлялся на репетицію въ залы театра или школы, откуда меня не рѣдко привозили домой въ театральной каретѣ съ воспитанницами и актрисами. Обѣдалъ я у матушки и проводилъ въ семействѣ послѣобѣденное время; вечеромъ обыкновенно ѣздилъ въ театръ, гдѣ оставался все время за кулисами. Когда вечеромъ я возвращался домой, сестра Ольга встрѣчала меня со смѣхомъ, и на вопросъ мой: «чему ты смѣешься, Oline?» отвѣчала: «вы пришли, значить смѣхъ будетъ». Дѣйствительно, не проходило четверти часа, чтобы я не разсмѣшилъ сестры и матушки.

10-го августа была первая квартетная проба новой моей оперы у матушки на квартирѣ. Участвовали 1-я скрипки Месъ и Альбрехтъ, замѣнившій старика Кавоса, который умеръ, 2-я скрипка Вейцманнъ, альтъ—[1]), віолончель — Шубертъ и контрбасъ Мемель. Присутство-

---

[1]) Такъ написано у Глинки.

вали Гунке и Раль, этому послѣднему поручено было мною оркестровать написанное мною для военной музыки; во время этой репетиціи я на фортепьяно игралъ партіи духовыхъ инструментовъ, голосовъ не было. Репетиція была очень удачна; окончивъ ее, матушка угостила моихъ сотрудниковъ на славу. Мы дружно бесѣдовали и смѣялись; Вейцманнъ потѣшалъ насъ различными фарсами. Осенью начались пробы, сперва въ залахъ, а потомъ на сценѣ. Тогда оказалось, что многіе №№ оперы нужно было сократить, а именно: изъ интродукціи надлежало исключить вторую пѣснь Баяна: Есть пустынный край. Равнымъ образомъ все окончательное развитіе (développement et péroraison) главной темы:

Лейся полнѣе, кубокъ златой, впослѣдствіи нужно было исключить. Въ финалѣ перваго акта сокращенъ хоръ Лелю H-dur въ $^{5}/_{4}$.

Во второмъ актѣ: Баллада Финна оказалась нѣсколько длинною; но я не сократилъ ее и публика впослѣдствіи привыкла ее слушать, какъ она мною первоначально написана.

Хоръ головы, т. е. финалъ 2-го акта, на который я очень разсчитывалъ, рѣшительно не удался и пѣли его такъ невѣрно, что мнѣ самому было не въ силу слышать его. Въ III-мъ актѣ, вмѣсто написаннаго мною чрезвычайно труднаго антракта, надлежало начать прямо съ хора: Ложится въ полѣ мракъ ночной, котораго первые куплеты поются за кулисами. Въ финалѣ терцетъ: Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать, надлежало исключить потому, что онъ замедлялъ ходъ драмы.

Въ 4-мъ актѣ сцена Людмилы, за которую во время репетицій въ залахъ благодарила меня Степанова, на сценѣ совсѣмъ не вышла, и та же Степанова упрекала меня, что я не хорошо разсчелъ сценическій эффектъ.

Въ финалѣ этого и послѣдняго акта надлежало также многое сократить. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, режиссёръ М. С. Лебедевъ ручался за то, что опера пойдетъ хорошо. Увертюру прямо на оркестръ я писалъ нерѣдко во время репетицій въ комнатѣ режиссера.

Гедеоновъ, возвратясь изъ Москвы, какъ-то повздорилъ съ Роллеромъ. Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу моей оперы. Декораціи первыхъ трехъ актовъ были хороши, хотя не совсѣмъ въ сказочномъ русскомъ характерѣ. Я разсчитывалъ болѣе всего на эффектъ 4-го дѣйствія въ садахъ Черномора. Изъ волшебно-прекрасной, затѣйливой декораціи, которая бы могла занять публику и заставить ее забыть недостатокъ драматическаго дѣйствія оперы, Роллеръ (вѣроятно отъ досады) сдѣлалъ самую пошлую изъ всѣхъ декорацій оперы. Замокъ похожъ былъ на казармы, фантастическіе цвѣты на бокахъ авансцены были безобразны и гадко размалеваны самыми простыми красками и испещрены сусальнымъ золотомъ, сюрпризы были гадкіе. Вмѣсто стола съ различными яствами для Людмилы выходило изъ земли нѣчто въ родѣ налоя съ какимъ-то позолоченнымъ шевелившимся деревцомъ. Однимъ словомъ, это была не декорація, а западня (attrappe) для актеровъ и публики; не только Степанова, но и самая первоклассная актриса не могла бы эффектно выполнить этой сцены. Когда же являлся неуклюжій Черноморъ съ свитою своей и полковой музыкой, тогда не было мѣста ни для музыкантовъ, ни для танцоровъ.

Декорація послѣдняя 5-го акта не лучше была.

Новое обстоятельство умножило весьма значительно мои хлопоты и непріятности. Около 1840 или 1841 г. Булгаринъ бывалъ часто у Нестора Кукольника и я былъ съ нимъ на дружеской ногѣ и даже на ты. Изъ-за пустяковъ мы разсорились. Не вижу надобности скрывать причину ссоры моей съ Булгаринымъ. Однажды въ Павловскѣ Булгаринъ что-то долго шепталъ на ухо Герману [1]), между тѣмъ публика ожидала одной изъ любимыхъ пьесъ; я въ полголоса сказалъ шутливо Герману: «не слушайте его, онъ ничего въ музыкѣ не разумѣетъ». За эту шутку Булгаринъ взбѣсился. Мы были на кіоскѣ, гдѣ оркестръ. Булгаринъ завязалъ споръ, и такъ какъ дѣло шло о музыкѣ, то естественно, что мнѣ легко было объяснить и доказать, что онъ нашего искусства не разумѣетъ.

Этотъ споръ продолжался долго, въ присутствіи многочисленной толпы.

Сеньковскій, съ которымъ въ то время я былъ очень друженъ, желая отклонить отъ меня новыя непріятности, старался примирить меня съ Булгаринымъ.

Онъ позвалъ къ Coulon[2]) на обѣдъ бельгійскую пѣвицу Мерти съ ея матерью (Мерти впослѣдствіи вышла за кларнетиста Блаза, который былъ долгое время у насъ и былъ любимъ), меня и Булгарина. Мы подали другъ другу руку въ знакъ примиренія, но я однако не хотѣлъ просить его о покровительствѣ. Когда же зашла рѣчь о моей оперѣ, Булгаринъ съ притворнымъ видомъ сожалѣнія сказалъ: «досадно, что такое превосходное произведеніе должно быть ввѣрено артистамъ, которые не въ состояніи исполнить его надлежащимъ образомъ». На это я от-

[1]) Германъ управлялъ тогда оркестромъ, игравшимъ въ Павловскомъ воксалѣ.

[2]) Тогдашній содержатель павловскаго ресторана.

вѣчалъ ему, что я писалъ мою оперу, зная уже тѣхъ артистовъ, которые должны будутъ исполнить ее, что я сообразовался съ ихъ средствами и вполнѣ ими доволенъ.

Нѣсколько дней послѣ того, когда я пришелъ на репетицію, Леоновъ взялъ меня въ сторону и таинственно сообщилъ, что актеры сердятся на меня. Въ самомъ дѣлѣ, когда взошелъ на сцену, то ясно увидѣлъ, что меня принимаютъ сухо и на всѣхъ лицахъ недовольную мину. Петрова же вскинулась на меня въ гнѣвѣ и разразилась упреками, изъ которыхъ я узналъ, что вышла въ «Сѣверной Пчелѣ» статья объ артистахъ, которая ихъ обидѣла и которую они мнѣ приписывали[1]). Я объяснилъ Петровой, что я никакой статьи не читалъ и не знаю, а что Булгаринъ въ статьѣ, на которую она ссылается, напечаталъ собственно слова свои, сказанныя мнѣ во время обѣда у Coulon. Видя однакожъ, что мои убѣжденія ни къ чему не служатъ, я отвернулся.... и предоставилъ режиссеру вести репетицію.

Музыканты также (кромѣ почтенныхъ изъ нихъ, какъ Меса, Альбрехта, Шуберта, Мемеля и другихъ) разозлились на меня за статью Булгарина и начали играть весьма небрежно, что въ особенности замѣтно было въ увертюрѣ и въ финалѣ 5-го дѣйствія. Видя это, я попросилъ старшихъ музыкантовъ, а именно капельмейстера Альбрехта, Меса и Мейнгарта уговорить молодыхъ музыкантовъ быть исправными, въ противномъ случаѣ, прибавилъ я, «доносчикомъ я не буду, а найдутся другіе, которые охотно доведутъ до свѣдѣнія директору, что такіе-то изъ музыкантовъ пренебрегаютъ своимъ дѣломъ, а директоръ, какъ вы знаете,

---

[1]) Эта статья напечатана въ № 250 (7 ноября, суббота) Сѣверной Пчелы 1842 года. Послѣ того Булгаринъ два раза (№№ 261 и 273) оправдывался въ своихъ словахъ передъ оскорбленными артистами.

радъ случаю прогнать музыканта. Мнѣ же, заключилъ я, прискорбно бы было, чтобы кто-нибудь пострадалъ изъ-за моей оперы».

На одной изъ послѣднихъ репетицій графъ М. Юр. Віельгорскій, прослушавъ первую половину 5-го акта, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Mon cher, c'est mauvais!» — «Retirez vos paroles, M-r le comte, отвѣчалъ я ему; il est possible que cela ne fasse pas de l'effet, mais pour mauvais, certes, que ma musique ne l'est pas».

Всю эту часть 5-го акта впослѣдствіи выпустили. Сокращенія (coupures) я предоставилъ графу Віельгорскому, который нещадно выкраивалъ, и часто лучшія мѣста, приговаривая съ самодовольнымъ видомъ: «не правда ли, что я мастеръ дѣлать купюры?»

Назначено было 27 ноября 1842 г. для перваго представленія «Руслана и Людмилы». Петрова была нездорова, а роль Ратмира должна была исполнять Петрова воспитанница, которая была талантливая, но еще слабая и неопытная артистка. Перемѣнить было невозможно, въ особенности потому, что директоръ не любилъ старшую Петрову.

Несмотря на мучительное чувство, овладѣвавшее мною всякій разъ во время перваго представленія моихъ драматическихъ произведеній, я еще не терялъ надежды на успѣхъ. Первый актъ прошелъ довольно благополучно.

Второй актъ прошелъ также не дурно, за исключеніемъ хора въ головѣ.

Въ третьемъ актѣ, въ сценѣ: И зной, и жаръ, Петрова воспитанница оказалась весьма слабою и публика замѣтно охладилась. Четвертый актъ не произвелъ эффекта, котораго ожидали. Въ концѣ же 5-го дѣйствія императорская фамилія уѣхала изъ театра. Когда опустили

занавѣсъ, начали меня вызывать, но апплодировали очень недружно, между тѣмъ усердно шикали и преимущественно со сцены и оркестра. Я обратился къ бывшему тогда въ директорской ложѣ генералу Дубельту съ вопросомъ: «кажется, что шикаютъ, идти ли мнѣ на вызовъ?» — «Иди, отвѣчалъ генералъ, Христосъ страдалъ болѣе тебя».

Возвратясь изъ театра, мы съ матушкой скрыли нашу досаду, ласково приняли моихъ пріятелей, пріѣхавшихъ къ намъ ужинать. Матушка за мой трудъ подарила мнѣ столоваго серебра на 12 кувертовъ.

Второе представленіе прошло не лучше перваго. На третье представленіе явилась старшая Петрова, она исполнила сцену III-го дѣйствія съ такимъ увлеченіемъ, что привела въ восторгъ публику. Раздались звонкія и продолжительныя рукоплесканія, торжественно вызывали сперва меня, потомъ Петрову. Эти вызовы продолжались въ продолженіи 17-ти представленій. По сему поводу нерѣдко сердилась на меня Петрова. Во время ея сцены, я ее не слушалъ, а въ одной изъ отдаленныхъ кулисъ шушукалъ съ одной изъ миловидныхъ воспитанницъ и часто опаздывалъ на вызовъ.

Въ теченіе зимы, или лучше, отъ 27 ноября до великаго поста опера выдержала 32 представленія. Всѣхъ впослѣдствіи опера выдержала 53 представленія въ С.-Петербургѣ.

Булгаринъ не ограничился статьей, написанной имъ до перваго представленія; онъ со всевозможной злобой критиковалъ музыку, и слова и, что было презабавно, строго разбиралъ преимущественно слова, мною написанныя [1]).

---

[1]) Разборъ «Руслана и Людмилы» помѣщенъ въ №№ 275 (вторникъ 8 декабря) и 277 (четвергъ 10 декабря) «Сѣверной Пчелы»

Сеньковскій постоянно защищалъ меня и, какъ извѣстно, очень умно и ловко. Князь Одоевскій написалъ также объ моей оперѣ премилую статью. Графъ же Віельгорскій, когда заходила рѣчь о моей оперѣ, всегда говорилъ: C'est un opéra manqué. Другой критикъ, обратясь къ директору Гедеонову, сказалъ однажды: «Какъ жаль, что вы издержали такъ много на постановку оперы Глинки, вѣдь она не пойдетъ».—«Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Гедеоновъ, я не жалѣю и увѣренъ, что она прекрасно пойдетъ, а вы напишите лучше». Гедеоновъ въ глаза трунилъ надо мною, говорилъ, что я порчу музыкантовъ, ибо по временамъ нѣкоторые изъ нихъ ничего не играютъ, что не слѣдуетъ писать такъ учено и т. п., за глаза же постоянно и ревностно защищалъ меня. Великимъ постомъ я получилъ до 3 тысячъ рубл. сер. разовыхъ изъ театральной конторы и отдалъ ихъ матушкѣ на сохраненіе.

ПЕРІОДЪ X.

Отъ первыхъ представленій оперы „Русланъ и Людмила" до поѣздки въ Парижъ.

Пріѣхалъ во второй разъ Листъ въ Петербургъ и нерѣдко кутилъ съ нами въ обществѣ Гедеоновыхъ (Мишѣ я посвятилъ мою оперу «Русланъ и Людмила») и графа Аркадія Павловича Кутузова, чрезвычайно пріятнаго и любезнаго собесѣдника.

Листъ слышалъ мою оперу, онъ вѣрно чувствовалъ всѣ замѣчательныя мѣста. Несмотря на многіе недостатки «Рус-

---

1842 года. Но Глинка ошибался, приписывая этотъ разборъ самому Булгарину; статьи подписаны буквами Р. З. Впрочемъ буквальное сходство нѣкоторыхъ выраженій съ субботничкомъ Булгарина ясно показываетъ, что булгаринскій сотрудникъ писалъ не безъ вдохновенія со стороны своего патрона.

лана», онъ успокоилъ меня насчетъ успѣха. Не только въ Петербургѣ, но и въ Парижѣ, по словамъ его, моя опера выдержа только въ теченіе одной зимы 32 представленія, могла бы считаться удачною. «Вильгельмъ Телль» Россини въ первую зиму выдержалъ только 16 представленій.

Я ему высказалъ откровенно мои взгляды на искусство и на композиторовъ. По моему мнѣнію, Карлъ-Марія Веберъ былъ для меня очень неудовлетворителенъ (даже во «Фрейшюцѣ»), отъ излишняго употребленія доминантъ-септимъ аккорда въ первой его позиціи. На это Листъ сказалъ мнѣ: «Vous êtes avec Weber, comme deux rivaux, qui courtisez la même femme».

День отъѣзда Листа мнѣ очень памятенъ, мы ужинали (кажется) у графа Кутузова. Зашла рѣчь о моей оперѣ, и графъ М. Ю. Віельгорскій сказалъ опять: Mon cher, c'est un opéra manqué. Наскучивъ слышать одно и тоже, я попросилъ минуту вниманія у присутствовавшихъ на ужинѣ: «Господа, сказалъ я обратясь къ нимъ, я считаю графа однимъ изъ наилучшихъ музыкантовъ, какихъ я только встрѣчалъ — всѣ единодушно согласились на это предложеніе — теперь, положа руку на сердце, скажите мнѣ, графъ, подписали-ль бы имя ваше подъ этой оперой, если бы ее написали?» — Конечно, охотно, отвѣчалъ онъ. «Такъ, позвольте-жъ и мнѣ быть довольнымъ трудомъ моимъ».

Несмотря на эти выходки противъ меня, внушенныя нѣсколько jalousie de métier (графъ писалъ въ то время оперу: «Цыгане), онъ любилъ меня. Вообще и теперь еще онъ крайне любезенъ въ обществѣ и увлекается, какъ юноша, новыми впечатлѣніями. Когда пріѣхалъ къ намъ Рубини (въ мартѣ 1843 г.), графъ, опустивъ подбородокъ

въ огромный свой галстукъ, сказалъ: Mon cher, c'est Jupiter Olympien!

Иванъ Ивановичъ Рубини, какъ мы называли его, несмотря на обработанность голоса и увѣренность (aplomb), былъ не Юпитеромъ, а развалиной. Голосъ его еще въ Италіи въ 1830 г. не удовлетворялъ меня, въ первые раза въ особенности онъ мнѣ отдавался въ ушахъ болѣе стекляннымъ, нежели металлическимъ. Образъ его пѣнія еще въ Италіи я находилъ изысканнымъ, въ 1843 г. преувеличеніе (exagération) дошло до нелѣпой степени. Онъ пѣлъ или чрезвычайно усиленно, или же такъ, что рѣшительно ничего не было слышно; онъ, можно сказать, отворялъ только ротъ, а публика пѣла его р р р, что естественно льстило самолюбію слушателей и ему ревностно апплодировали. Онъ далъ нѣсколько концертовъ въ залѣ собранія. Вечера у Миши Гедеонова становились болѣе и болѣе оживленны и занимательны.

Кромѣ Гедеоновыхъ, постоянными посѣтителями на нихъ были: графъ Кутузовъ, Варламовъ, К. Булгаковъ, П. Т. Каменскій, Гороновичъ (Алиса), секретарь директора Александръ Львовичъ Неваховичъ, Гейденрейхъ, докторъ Берсъ и мой пансіонскій товарищъ Самаринъ. Мы жили душа въ душу и нерѣдко ужинали, довольствуясь остатками директорскаго обѣда, а если онаго было недостаточно, то дѣлали складчину и каждый давалъ для этого, сколько случалось. Расходились очень поздно, такъ что отъ Гедеоновыхъ я рѣдко приходилъ ранѣе 5 часовъ утра.

Самаринъ написалъ романсъ: Люблю тебя, милая роза, который я положилъ у К. Булгакова на музыку и, какъ помнится, ночью, послѣ театра. Около того же времени написалъ для фортепьяно Тарантеллу A-moll въ $^{2}/_{4}$.

Въ томъ же 1843 г., если не ошибаюсь, я написалъ

романсъ къ Ней, переведенный изъ Мицкевича княземъ С. Голицынымъ.

Хлопоты и непріятности въ театрѣ, равно какъ и бракоразводное дѣло мнѣ опротивѣли и я впалъ въ какое-то ко всему равнодушіе. Хотя я узналъ, что Марья Петровна со вторымъ мужемъ своимъ прижила дочку, я никакъ не хотѣлъ ее за то преслѣдовать, справедливо опасаясь новыхъ хлопотъ и непріятностей, несмотря на желаніе матушки моей, чтобы я занялся этимъ дѣломъ.

Весною матушка съ сестрою Ольгою Ивановною отправились въ деревню, а сестра Елизавета Ивановна съ племянникомъ на дачу у Лѣсного института. Я, оставшись въ домѣ Давыдова, ходилъ обыкновенно обѣдать и ужинать къ Legrand, тамъ отъ скуки нерѣдко пировалъ съ друзьями. По пословицѣ: ce qui vient par la flûte s'en va par le tambour, пріобрѣтенныя за оперу деньги недолго пролежали.

Е. К. еще въ 1842 г. возвратилась въ Петербургъ; я съ ней видался часто дружески, но уже не было прежней поэзіи и прежняго увлеченія. Она познакомилась съ Марьей Степановной К...... [1]), бывшей тогда въ Петербургѣ съ мужемъ. Въ то время Марья Степановна была хорошенькая, веселая и привѣтливая барынька. Черезъ нее или случайно я очень сблизился съ родственниками ея Тарновскими. Анна Николаевна Тарновская была молодая, миловидная и крайне привѣтливая женщина, она подружилась съ Е. К. и лѣтомъ я очень пріятно проводилъ время съ Анною Николаевною, Марьей Степановной и Е. К. Маленькой сынокъ Тарновскихъ называлъ меня: «Дядя Мися, тра та та». Въ 1843 г. Улыбышевъ прислалъ мнѣ свое

[1]) Кршижевичъ.

сочиненіе о Моцартѣ. Я прочелъ часть этого сочиненія и изучилъ вновь всѣ оперы Моцарта въ оркестровыхъ партитурахъ. Замѣчанія и критика графа Віельгорскаго и эти упражненія возбудили во мнѣ критическій духъ, который еще болѣе развился впослѣдствіи.

Лѣтомъ того же года пріѣхалъ изъ Москвы знаменитый арфистъ Девите, ѣхавшій въ Англію, гдѣ онъ скончался въ слѣдующемъ году. Онъ игралъ очень отчетливо и его сочиненія были недурны. Я безпрестанно видѣлся съ нимъ, то у него, то у Владиславлевыхъ; наконецъ онъ провелъ вечеръ у Тарновскихъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ его я захворалъ, страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ ввѣрилъ себя Гейденрейху, который вылечилъ меня.

Зимою пріѣхали къ намъ Рубини, Тамбурини, Віардо-Гарсіа. Завелся итальянскій театръ: Віардо была превосходна, Тамбурини довольно еще хорошъ, Рубини пѣлъ иногда сносно, иногда же голосъ ему измѣнялъ, что доводило его даже до слезъ.

Между прочимъ дали Don Juan Моцарта; всѣ главныя роли были убиты, только Zerlina (Віардо) и Mazetto (Артемовскій) прошли отлично. Don Juan (Тамбурини) былъ вялъ и невыносимо оттягивалъ темпъ. Рубини тщился быть громовержцемъ и сладенькую каватину il mio tesoro пѣлъ, какъ Пирата, грозя публикѣ и потрясая правой рукой. О другихъ умалчиваю, скажу только, что и капельмейстеръ нѣмецъ, а именно Ромбергъ (сынъ знаменитаго Андрея Ромберга), казалось, былъ въ заговорѣ противу Моцарта, котораго мастерское (хотя не образцовое) произведеніе заставилъ оркестръ играть вычурно и безъ энергіи. Публика и даже журналы вооружились противу геніальнаго maestro; ему, а не бездарности и не-

вѣжеству въ музыкѣ большей части артистовъ, приписывали они неудачу представленія Don Juan. Я плакалъ отъ досады и тогда же возненавидѣлъ итальянскихъ пѣвуновъ и модную итальянскую музыку.

На вечера у Миши Гедеонова прикомандировался Карлъ Брюловъ, а потомъ и Яненко. Брюловъ провелъ молодость въ Италіи и по привычкѣ любилъ итальянскую музыку. Онъ пользовался ложею Гедеонова, что ему было очень понутру: онъ былъ очень скупъ. Наши сходки значительно оживились отъ его посѣщеній, онъ говорилъ умно и оригинально. Бывалъ также у Миши и Несторъ. Въ это же время развилась у Гедеоновыхъ, у Степана въ особенности, страсть подражать Рубини, въ чемъ не отставали и мы съ Булгаковымъ. Самаринъ и я въ свою очередь познакомили нашу публику съ выходками Колмыкова, и Огинскаго. Можно сказать, что у насъ былъ собственный театръ; однажды даже Булгаковъ и Неваховичъ представляли намъ живыя картины, и очень мило и забавно.

Зимою пріѣхала матушка съ сестрою Ольгой къ свадьбѣ сестры Елизаветы Ивановны, которая вышла замужъ за директора училища глухо-нѣмыхъ, Виктора Ивановича Флёри. Во время свадьбы, матушка чувствовала себя не хорошо, но перемогалась. Нѣсколько дней послѣ того, я былъ дома (въ домѣ Давыдова; матушка съ сестрой Ольгой жила особо) и наслаждался пѣніемъ моего соловья: онъ вылеталъ изъ клѣтки, которая не запиралась, и садился на ёлкѣ, стоявшей посреди моей гостиной, гдѣ пѣлъ, не только не боясь меня и посѣтителей, но еще заливался тѣмъ громче, чѣмъ громче говорили и шумѣли. Позвонили, вошелъ Гейденрейхъ, я повелъ его любоваться моимъ соловьемъ; но онъ тутъ же объявилъ мнѣ, что

матушка въ опасности, что у нея карбункулъ и что къ завтрашнему дню непремѣнно нуженъ операторъ. Втайнѣ я съ Флёри распорядились какъ нужно было, и на другой день Гейденрейхъ съ операторомъ Саломономъ въ 12 ч. утра явились къ матушкѣ. Операцію произвели удачно, ни матушка, ни сестра не знали объ угрожавшей ей опасности. Первое время матушка нѣсколько страдала отъ боли, но я, оставаясь при ней, занималъ ее разговорами и разспросами о ея молодости, въ особенности о томъ, какъ она выходила замужъ. Сестры ѣздили по вечерамъ и веселились. Гейденрейху помощницей была та самая дѣвушка, которая жила у сестры Lisette, когда я писалъ «Руслана».

Въ мартѣ матушка отправилась въ деревню, сестра Ольга осталась у Флёри. Я провожалъ матушку, былъ сильный морозъ и вѣроятно меня прохватило, потому что сейчасъ послѣ того у меня образовались ревматизмы. По отъѣздѣ матушки я до обѣда отъ скуки игралъ на скрипкѣ, чтобы раззадорить моихъ птицъ. Ихъ было до 16-ти, каждая знала свою клѣтку, а по утрамъ онѣ летали и пѣли. Послѣ обѣда я нерѣдко бывалъ у Флёри; тамъ для меня топили каминъ и обогрѣвшись я принимался играть въ карты съ дѣтьми Виктора Ивановича (отъ первой жены). Старшая его дочь по имени, Анюта, дѣвушка лѣтъ 10-ти, безпрестанно плутовала и я сердился за то.

Матушка еще до отъѣзда рѣшилась отпустить меня за границу, а именно въ Парижъ, гдѣ я еще не былъ. Весна разсѣяла мои ревматизмы и я началъ приготовляться къ пути. Не желая однакожъ ѣхать одинъ, потому что я былъ еще тогда весьма нераспорядителенъ, я упросилъ ѣхать со мною Ѳедора Дмитріевича Гедеонова, который долго передъ тѣмъ жилъ въ Парижѣ. Различныя

хлопоты замедлили нашъ выѣздъ. Между тѣмъ настало лѣто, почти всѣ знакомые разъѣхались по дачамъ, а я, чтобы не соскучиться, ежедневно ходилъ къ Яненкѣ. Мой пансіонскій товарищъ, генералъ Астафьевъ, пристроилъ Яненку съ семействомъ въ банѣ, принадлежавшей къ дому отца жены своей, Пономарева. Въ этой банѣ было достаточно мѣста для удобнаго помѣщенія семейства Яненки, и такъ какъ съ одной стороны баня эта примыкала къ саду довольно большому, то лѣтомъ тамъ было хорошо. Я послѣ чаю утромъ отправлялся бывало къ Яненкѣ, тамъ былъ уже К. Брюловъ, позже пріѣзжали и другіе пріятели. Обѣдали и ужинали складчиной. Тогда сняли съ меня маску. Вообще время шло не дурно. Въ іюнѣ все было готово; съ Гедеоновымъ отправлялась въ Парижъ молодая дѣвушка француженка, по имени Adèle Rossignol. Я былъ у Тарновскихъ, гдѣ были Е. К. и Марья Степановна; моя коляска подъѣхала за мною, я распростился съ барынями, заѣхалъ за Гедеоновымъ и Аделью и мы отправились въ путь.

Незадолго до отъѣзда, а именно въ день моего ангела, 21 мая, дочь министра Блудова прислала мнѣ статью Henry Mérimée (двоюроднаго брата Проспера Mérimée). Эта статья меня обрадовала; ни одинъ изъ моихъ соотечественниковъ не отзывался до тѣхъ поръ обо мнѣ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ[1]).

Вотъ главное содержаніе этой статьи:

«La vie pour le Tzar de M-r Glinka est d'une originalité précieuse, leur première oeuvre d'art qui n'ait rien imité. La science y revet une forme si naïve et

---

[1]) «Это—magnifique. Ты не такъ выразился: это не лесть, а сущая правда». *Примѣчаніе Кукольника.*

si populaire. C'est comme poëme et musique, un résumé si fidèle de tout ce que la Russie a souffert et chanté, elle y retrouve si bien ses haines et ses amours, ses larmes et ses joies, sa nuit profonde et son aurore radieuse, c'est d'abord une si douloureuse plainte, puis une hymne de redemption si fière et si triomphante, que le dernier paysan transporté de son Izba au théâtre serait touché jusqu'au fond du coeur. C'est plus qu'un opéra, c'est une épopée nationale, c'est le drame lyrique rendu à la noblesse de sa destination primitive, alors qu'il n'était pas un amusement frivole, mais une solemnité patriotique et religieuse. Bien qu'étranger, je n'ai jamais assisté à ce spectacle sans une vive et sympathique émotion».

(Une année en Russie, lettres de Moscou en 1840, publiées par la Revue de Paris en Mars 1844 [1]).

[1]) Внизу страницы рукою Глинки отмѣчено: «Кончено 10 декабря 1854 года».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ іюня 1844 до мая 1854 года.

ПЕРІОДЪ XI.

Путешествіе и пребываніе въ Парижѣ.

Мы заѣхали на короткое время въ деревню, я пробылъ нѣсколько дней съ матушкой въ Новоспасскомъ, заѣхалъ въ Беззаботье къ Николаю Дмитріевичу Гедеонову, оттуда чрезъ Смоленскъ въ Варшаву. Ѣхали мы на почтовыхъ, въ коляскѣ, купленной мною въ 1840 г. Изъ Варшавы черезъ Познань въ Берлинъ. Тамъ я провелъ нѣсколько дней съ З. Деномъ (бывшимъ моимъ учителемъ контрапункта). Со мною были партитуры моихъ оперъ. Денъ остался чрезвычайно доволенъ моимъ терцетомъ изъ Жизни за Царя: Не томи, родимый.

Изъ Берлина на почтовыхъ же отправились мы въ Кёльнъ, гдѣ оставили коляску.

Желѣзной дорогой домчались до Ахена, гдѣ пробыли нѣсколько дней; — изъ Ахена въ Брюссель. Въ Брюсселѣ были праздники kermes; — Блазъ (кларнетистъ) часто бывалъ со мной и въ саду я слышалъ необыкновенно строй-

ный оркестръ духовыхъ инструментовъ, состоящій изъ ремесленниковъ. Подобные оркестры были въ Люттихѣ, Антверпенѣ и Гентѣ. Къ сожалѣнію, это общество уже не существуетъ. Оттуда по желѣзной дорогѣ до города Mons, а потомъ въ дилижансѣ въ Парижъ.

Мы въѣхали улицами Faubourg Montmartre и rue Montmartre.

Огромность семи-этажныхъ домовъ и необыкновенное движеніе на улицахъ поразили меня самымъ пріятнымъ образомъ. Théodore (Гедеоновъ), оставя меня, Адель и наши вещи въ конторѣ дилижанса, сейчасъ же отыскалъ намъ квартиру и мы переѣхали въ Passage de l'opéra (de l'Horloge), на 6-ой этажъ, въ маленькую, но опрятную квартиру. Это было около второй половины іюля; время было жаркое; изъ оконъ нашихъ видна была лучшая часть бульвара. Обѣдать ходили мы въ ресторацію.

Въ это время между нашими соотечественниками были М. Л. Неваховичъ (издававшій впослѣдствіи «Ералашъ») и И. Д. Норовъ, привезшій съ собой хорошій запасъ денегъ (до 80,000 фр.). Первый забавлялъ меня своими шутками и каррикатурами, а второй требовалъ, чтобы я всегда принималъ участіе во всѣхъ parties de plaisir, которыя онъ затѣвалъ.

Въ концѣ іюля были праздники въ память іюльскихъ дней (journées de Juillet), жуты (joutes) на Сенѣ и иллюминаціи, куда по незнанію отправясь вмѣстѣ съ толпою, едва не были мы раздавлены. Насъ спасъ французъ изъ Петербурга, по имени m-r Edouard; онъ же носилъ меня меня на плечахъ по большой аллеѣ Елисейскихъ полей, чтобы мнѣ виднѣе была иллюминація.

Въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Парижъ князь Элимъ Мещерскій; онъ началъ переводить на французскій языкъ

нѣкоторые изъ моихъ романсовъ. Это трудное предпріятіе однако не удалось; болѣзнь, а потомъ преждевременная кончина князя (въ ноябрѣ того же года) не допустила привести въ исполненіе этого труда.

Я тщательно осматривалъ достопримѣчательности Парижа. Въ Версали былъ съ княземъ Элимомъ и графомъ Михаилóмъ Юр. Віельгорскимъ, который провелъ нѣсколько дней въ Парижѣ.

Около того же времени (въ сентябрѣ) узналъ я, что Листъ отправился въ Испанію. Это обстоятельство возбудило мое давнишнее желаніе побывать въ Испаніи такъ сильно, что не откладывая я написалъ объ этомъ матушкѣ, которая не вдругъ и даже не скоро согласилась на это мое предпріятіе, опасаясь за меня.

Не теряя времени я принялся за дѣло. Князь Элимъ Мещерскій познакомилъ меня съ испанцемъ Souza: онъ принадлежалъ къ испанскому посольству, былъ прежде того въ Петербургѣ, зналъ хорошо музыку, которой учился у извѣстнаго композитора Шуберта, и вообще былъ человѣкъ образованный и пріятный въ обществѣ. Онъ отрекомендовалъ мнѣ учителемъ испанскаго языка испанца, по имени Biesma Guerrero (онъ впослѣдствіи былъ учителемъ дѣтей Людвига Филиппа). Въ самую первую лекцію онъ объяснилъ мнѣ характеристическія черты испанскаго языка; сейчасъ послѣ того я переводилъ «Хилблаза» съ французскаго на испанскій языкъ; къ слѣдующей лекціи я записывалъ переводъ, онъ исправлялъ его, я его переписывалъ на чисто, прочитывалъ нѣсколько разъ вслухъ и такимъ образомъ упражнялся въ произношеніи; привыкалъ къ испанскимъ оборотамъ и почти помнилъ все переведенное мною наизусть.

Въ то же время читалъ испанскую комедію El si de

las niñas, разные литературные отрывки изъ христоматіи, въ томъ числѣ отрывки изъ Донъ-Кихота Сервантеса. Слѣдуя этой превосходной системѣ, я въ короткое время началъ понимать испанскій языкъ и даже нѣсколько говорить на немъ.

Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ мы съ Théodore и Adèle переѣхали въ rue de Provence № 5. У насъ была довольно большая зала; кушанье готовили дома и всегда у насъ былъ лишній приборъ для пріятеля.

Я попробовалъ было лечиться іодомъ у доктора Шустера, но безъ малѣйшаго успѣха.

Я жилъ разнообразно, и искренно веселился съ пріятелями до ноября мѣсяца. Стало очень свѣжо и туманно[1]), не приходилось проводить большую часть дня на улицѣ, какъ то бывало прежде. Нѣкоторые изъ пріятелей уѣхали, другіе завелись барынями и стали жить домосѣднѣе. Мнѣ самому запала мысль обзавестись подругою; для того я началъ посѣщать маленькіе театры, въ особенности бывшій въ то время въ улицѣ de la Victoire противу дома піаниста Гейнриха Герца, театръ Chantereine. На этомъ театрѣ упражнялись молодые артисты и артистки, играли также и любительницы драматическаго искусства.

Нѣкоторыя пьесы шли очень недурно. Я подмѣтилъ нѣсколько миловидныхъ артистокъ, и мы съ Теодоромъ пригласили ихъ къ себѣ. Чтобы насъ посѣщали еще охотнѣе, мы затѣяли вечера. Собирались около 8 часовъ вечера нѣсколько молоденькихъ актрисъ, а также нѣсколько соотечественниковъ и иностранцевъ. Общество было пріятное: пѣли, танцовали, потомъ подавали чай, пуншъ (лег-

---

[1]) На полѣ копіи рукой Глинки карандашомъ написано: «чего-то нѣтъ».

кій, разумѣется) и въ заключеніе большой сладкій пирогъ [1]). Все это было Теодоромъ ловко устроено, веселились мило, а вечера стоили немного. Все должно было оканчиваться въ 11 часовъ. Если же танцы иногда продолжались позже, то ненадолго, со всѣхъ этажей являлись кухарки (les bonnes) и жаловались, что безпокоятъ ихъ госпожъ которыя почти всегда ссылались одна на головную боль, другая на мигрень и т. п.

На одномъ изъ этихъ вечеровъ, послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса съ одною изъ молодыхъ актрисъ, я почувствовалъ къ ней особенное влеченіе. Я сейчасъ началъ ухаживать за нею, бывалъ въ театрѣ Chantereine всякій разъ, когда играла Аделина, провожалъ ее до дому. Долгое время Аделина упорствовала, и до такой степени, что я потерялъ надежду. Однако же около послѣднихъ чиселъ декабря дѣло уладилось.

Аделина была не красавица, но въ неопредѣленномъ выраженіи глазъ и въ улыбкѣ ея (особенное преимущество француженокъ) было много прелести. Она была хорошаго роста, имѣла талію прекрасную, одѣвалась со вкусомъ, а въ пріемахъ и обращеніи ея было много достоинства. Ей было тогда около 22 лѣтъ, она жила съ малолѣтнею дочерью и матерью. Я переѣхалъ въ rue de Provence № 22, и скоро послѣ того приладился такъ, что постоянно обѣдалъ у Аделины, склонность къ которой не измѣнялась.

По утрамъ обыкновенно я занимался испанскимъ языкомъ, писалъ письма и пр., потомъ прогуливался, навѣщалъ знакомыхъ, послѣ чего обѣдалъ у Аделины. Послѣ

[1]) Въ копіи это слово, приписанное и въ оригиналѣ карандашомъ, пропущено. Рукою Кукольника написано: «Пирогъ, что-ли?» А рукою Глинки: «Дѣйствительно пирогъ».

обѣда бывали мы въ театрѣ, или же я оставался у нея; топили каминъ и мы играли въ маленькую игру въ карты съ матерью ея и братьями.

Аделина продолжала упражняться въ драматическомъ искусствѣ и довольно успѣшно дебютировала въ театрѣ Montmartre. Я иногда училъ ее пѣнію; но наши занятія шли плохо, хотя она прежде того училась музыкѣ у хорошаго maestro. Когда Аделина дебютировала въ театрѣ des Variétés, я былъ въ одной изъ ложъ театра вмѣстѣ съ ея матерью и братьями. Отъ робости ли, или такъ, по привычкѣ, она пѣла такъ невѣрно, что сосѣди наши поминутно восклицали: «Ah mon Dieu, qu'est ce qu'elle a donc cette femme!» Мы краснѣли, но дѣлать было нечего.

Зимою пріѣхало много моихъ знакомыхъ соотечественниковъ. Между ними князь Василій Петровичъ Голицынъ (тотъ, у котораго я живалъ на Черной рѣчкѣ). Онъ и другіе пріятели и русскія барыни уговорили меня познакомить Парижъ съ моей музыкой, и я по глупости [1]) согласился на то. Souza, у котораго я бывалъ часто, узнавъ объ этомъ намѣреніи, предложилъ мнѣ свои услуги. Онъ познакомилъ меня съ Гекторомъ Берліозомъ, который въ то время помышлялъ о путешествіи въ Россію, надѣясь на обильную жатву не однихъ рукоплесканій, но и денегъ. Онъ обошелся со мною чрезвычайно ласково (чего не добьешься отъ большой части парижскихъ артистовъ, которые невыносимо надменны); я посѣщалъ его раза по три въ недѣлю, откровенно бесѣдуя съ нимъ о музыкѣ и особенно объ его сочиненіяхъ, кои мнѣ нравились, въ особенности въ фантастическомъ родѣ, какъ-то: Scherzo la

---

[1]) Кукольникъ поправилъ: «сдѣлалъ глупость», съ такимъ комментаріемъ: «ты, братъ, не глупъ, а глупость сдѣлать можетъ и мудрецъ».

reine Mab изъ «Ромео и Юліи», la marche des Pélerins изъ «Harold», Dies irae и Tuba mirum spargens sonum изъ его «Requiem».

Я часто бывалъ у Souza; однажды я засталъ у него испанца лѣтъ 50-ти, по имени Don Santiago. Souza отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ и расторопномъ. Получивъ позволеніе отъ матушки ѣхать въ Испанію, я попросилъ Don Santiago сопутствовать мнѣ, до времени же нашего отъѣзда онъ состоялъ у меня въ качествѣ мажордома, живя особо; я платилъ ему за то 100 франковъ въ мѣсяцъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Берліозъ далъ два концерта-monstres въ циркѣ на Елисейскихъ поляхъ. Ему понравилась моя Лезгинка, которую я передѣлалъ на одинъ оркестръ. Сверхъ того, я съ Берліозомъ попросили г-жу Соловьеву (урожденную Verteuil, вышедшую замужъ за г-на Melchior), находившуюся тогда въ Парижѣ, спѣть каватину изъ оперы «Жизнь за Царя»: Въ поле чистое гляжу, на что она охотно согласилась.

Пошли репетиціи—тогда убѣдился я, что французы не могутъ похвалиться вниманіемъ и любятъ поболтать съ сосѣдями. Подмѣтилъ также, что иногда, особенно въ трудныхъ пассажахъ, прибѣгаютъ къ табакеркамъ и носовымъ платкамъ.

Въ этой невнимательности не менѣе того я убѣдился и въ одномъ изъ концертовъ парижской консерваторіи. Играли 6-ую симфонію Бетховена (Symphonie pastorale), исполненіе было превычурное, такъ что я симфоніи Бетховена не узналъ и тогда же сказалъ: «On m'a escamoté la symphonie». Кромѣ того духовые иногда срывались, въ особенности валторны и кларнеты. Во время концерта Берліоза въ циркѣ, Лезгинка моя не произвела желаннаго

успѣха, ибо большая часть эффектовъ были разсчитаны мною на игру между двумя оркестрами, однимъ на сценѣ, состоявшимъ изъ духовыхъ, а другимъ ниже сцены (въ оркестрѣ), гдѣ преобладаютъ смычковые инструменты. У Берліоза всѣхъ музыкантовъ было до 150 — слѣдственно они были растянуты, отчего слушатель не могъ обнять цѣлаго, а до него доходили только звуки тѣхъ инструментовъ, которые находились поближе.

Соловьева струсила, запнулась и растерялась; я же далъ знакъ, чтобы начали сначала; услышавъ ритурнельку, Соловьева оправилась и хорошо пропѣла арію. Несмотря на это, арія также не произвела эффекта. Между прочимъ въ журналѣ Charivari сказано было объ этой каватинѣ, что въ ней слышна безпрестанно одна и та же нота (on entend toujours la même note). Тогда я очень негодовалъ на это, но теперь вижу, что критикъ совершенно правъ: въ Allegro каватины «Тамъ за рѣчкой во слободкѣ», слишкомъ часто и рѣзко обозначается квинта главнаго тона, что очень національно, но утомительно единообразно.

Наступило время приготовленій къ концерту. Хлопотъ было множество; желая угодить на всѣ вкусы, я хотѣлъ, кромѣ пьесъ своего сочиненія, пригласить и другихъ артистовъ, изъ коихъ нѣкоторые и согласились принять участіе. Вышла афишка самая пестрая. Тутъ была и увертюра «Семирамиды» Россини, и варьяціи на русскія темы, исполненныя на скрипкѣ Гауманомъ, и еще какая-то пьеса для скрипки, имъ же исполненная; котлетнѣйшимъ образомъ—игралъ двѣ пьесы собственнаго издѣлія мощный піанистъ Леопольдъ Мейеръ. Изъ моей музыки исполнили Краковьякъ изъ «Жизни за Царя», Маршъ Черномора и вальсъ (valse Fantaisie H-moll), названный Scherzo.

Соловьева должна была исполнить каватину Людмилы и «Сомнѣніе»; но она занемогла, и ее замѣнилъ очень опрятный теноръ Marras, который спѣлъ итальянскій мой романсъ: Il desiderio (ah se tu fossi meco) и una furtiva lagrima изъ «Elisir d'amore» Донидзетти.

Концертъ этотъ произведенъ былъ въ залѣ Герца въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (числа не упомню). Расходы были значительные, и я занялъ 1,500 фр. у князя Василія Петр. Голицына. Хотя концертъ этотъ данъ былъ въ пользу какого-то общества, но расходы были велики и впослѣдствіи мнѣ довелось заплатить кн. Голицыну взятыя у него въ заемъ деньги. Несмотря на это, во время концерта залъ былъ полонъ. Русскія дамы какъ будто сговорились украсить концертъ соотечественника; онѣ явились въ великолѣпномъ убранствѣ, такъ что въ одномъ изъ журналовъ сказано было, говоря о моемъ концертѣ: que c'était un parterre de fleurs.

Аделина сидѣла въ 3-мъ ряду и, когда я приходилъ на сцену, чтобы аккомпанировать пѣвцу Маррасъ, она краснѣла отъ участія.

Естественно, что парижской публикѣ нельзя было познакомиться съ моимъ музыкальнымъ талантомъ по немногимъ пьесамъ, и къ тому не самымъ лучшимъ моего сочиненія, даннымъ въ концертѣ моемъ. Несмотря на это, я имѣлъ успѣхъ (succès d'estime). Во многихъ журналахъ писали обо мнѣ: редакторъ Revue Britannique написалъ обо мнѣ чрезвычайно милую статью, писалъ также Maurice Bourge, и наконецъ Берліозъ написалъ огромную статью съ краткой біографіей моей подъ названіемъ: Michel Glinka въ фельетонѣ «Journal des Débats». Мельгуновъ доставилъ Берліозу нужныя свѣдѣнія для этой статьи. Она мною утрачена; желающіе прочесть могутъ ее отыскать

въ фельетонѣ Journal des Débats въ апрѣлѣ или маѣ 1845 г.

Я часто навѣщалъ Берліоза; его бесѣда была весьма занимательна, онъ говорилъ остро и даже зло (mordant); по возможности я содѣйствовалъ успѣшному его путешествію въ Россію.

ПЕРІОДЪ XII.

Путешествіе въ Испанію, пребываніе въ Испаніи и возвращеніе въ Россію.

1845 г. въ половинѣ мая по нашему стилю, я отправился въ Испанію съ Don Santiago и его девяти-лѣтнею дочкою, по имени Rosario [1]). Пообѣдавъ у Аделины, я распростился съ нею со слезами, и въ нанятой коляскѣ отправился на желѣзную Орлеанскую дорогу. Изъ Орлеана на почтовыхъ въ 3-е сутокъ примчались мы въ По, гдѣ остались нѣсколько дней. Во время пути затерялся мой паспортъ, Don Santiago потерялъ голову, но я никакъ не хотѣлъ отстать отъ своего намѣренія быть въ Испаніи. Обратились мы съ Santiago къ меру тамошняго департамента; письма, писанныя ко мнѣ, печать моя, статья Берліоза и наконецъ свидѣтельство случайно находившагося въ По актера, бывшаго въ Россіи, послужили основаніемъ для выдачи мнѣ временного паспорта. Въ то самое время, когда мнѣ начали изготовлять паспортъ и я уже заплатилъ по тамошнему узаконенію 10 фр. пошлины, вслѣдствіе сдѣланной Don Santiago публикаціи, мой паспортъ отыскался. Не медля, мы отправились изъ По въ дилижансѣ въ пограничной городокъ St. Jean pied de port, доѣхали до пограничной деревеньки, а оттуда дошли пѣшкомъ до испанской таможни Val Carlos.

[1]) Notre-Dame du rosaire.

Я вступилъ въ Испанію 20-го мая, въ самый день моего рожденія, и былъ въ совершенномъ восторгѣ. Черезъ Пиренеи ѣхали мы на трехъ мулахъ, навьюченныхъ нашими вещами. Первую ночь провели въ Ronces valles, на другой день буря и гроза настигла насъ верстахъ въ 6-ти отъ Памплоны, куда мы прибыли въ слѣдующій день по утру. Видъ Пиренеей въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нихъ проѣзжали, не столь живописенъ, какъ швейцарскіе Альпы. Въ Памплонѣ я видѣлъ въ первый разъ испанскую пляску, второстепенными артистами исполненную. Изъ Памплоны въ дилижансѣ отправились мы въ Vittoria, оттуда переѣхавъ Эбро въ Miranda de Ebro, очутились мы въ ущеліи Pancorvo, это ущеліе носитъ чисто африканскій характеръ. Въ Бургосѣ осмотрѣли мы соборъ. Прибывъ въ Вальядолидъ, гдѣ рѣшились провести лѣто, мы поселились у сестры Don Santiago. Мнѣ отвели двѣ опрятныя комнаты. Я началъ продолжать изученіе испанскаго языка, и въ короткое время началъ говорить свободно по-испански. Завелся лошадью, и съ зятемъ Don Santiago ѣздилъ ежедневно верхомъ по окрестностямъ Вальядолида, которыя недурны. Возлѣ самаго города мѣсто, называемое Espolon viejo, очень живописно; вдоль рѣки Pisuerga тянется роща изъ серебристыхъ тополей. На горахъ (collines), окружающихъ Вальядолидъ, вершины совершенно плоски (páramos) и покрыты ароматическими травами и растеніями, какъ-то: шалфеемъ, лавандой, tomino и пр.

По вечерамъ собирались у насъ сосѣди, сосѣдки и знакомые; пѣли, плясали и бесѣдовали. Между знакомыми сынъ одного тамошняго негоціанта, по имени Felix Castilla, бойко игралъ на гитарѣ, въ особенности аррагонскую хоту, которую съ его варіаціями я удержалъ въ па-

мяти, и потомъ въ Мадритѣ въ сентябрѣ или октябрѣ того же года сдѣлалъ изъ нихъ пьесу подъ именемъ Capricio brillante, которое впослѣдствіи, по совѣту князя Одоевскаго, назвалъ испанской увертюрой.

Въ августѣ я съ семействомъ Don Santiago отправился въ Сеговію, городъ примѣчательный по древнему водопроводу (aqueduc) и по дворцу Alcazar, въ которомъ кромѣ наружнаго вида примѣчательны плафоны. Alcazar служилъ прежде тюрьмою для государственныхъ преступниковъ, теперь же обращенъ въ артиллерійское училище. Возвратясь въ Вальядолидъ, мы пробыли тамъ недолго. Въ первой половинѣ сентября отправились въ Мадритъ. Были мы также въ S. Ildefonso или La Granja, видѣли тамъ садъ, оранжереи, и въ особенности фонтаны, кои превосходны и вода кристально-чистая. Общаго же вида, какъ въ Петергофѣ, нѣтъ, а бьютъ фонтаны одинъ за другимъ.

Don Santiago взялъ съ собою дочку Rosario и племянницу Mariquita.

Нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Мадритъ, наняли мы маленькую, но уютную квартиру, купили опрятную мебель и поселились такъ, что и мнѣ и семейству Don Santiago было недурно.

Квартира эта находилась въ самомъ центрѣ города, называемомъ Puerta del sol; это маленькая площадка, къ которой примыкаетъ 6 главныхъ улицъ.

Мадритъ съ перваго раза мнѣ не понравился; узнавъ его впослѣдствіи, я вѣрнѣе оцѣнилъ его. По прежнему я продолжалъ изучать испанскій языкъ и испанскую музыку. Для достиженія этой цѣли я началъ посѣщать драматическій театръ del Principe, на которомъ Romea и жена его Mathilde превосходно исполняли первыя роли въ трагическомъ и комическомъ родѣ. Давали даже иногда драмы

классическихъ авторовъ. Вскорѣ по прiѣздѣ въ Мадритъ, я принялся за Хоту. Потомъ, окончивъ ее, внимательно изучалъ испанскую музыку, а именно напѣвы простолюдиновъ. Хаживалъ ко мнѣ одинъ Zagal (погонщикъ муловъ при дилижансѣ)[1]), пѣлъ народныя пѣсни, которыя я старался уловить и положить на ноты. Двѣ Seguidillas manchega (airs de la Mancha) мнѣ особенно понравились и впослѣдствiи послужили мнѣ для второй испанской увертюры. Пользуясь прiятною осеннею погодою, мы вдвоемъ съ Don Santiago отправились въ Aranjuez, гдѣ меня поразили аллеи изъ огромнѣйшихъ платановъ и пирамидальныхъ тополей, понравился мнѣ также маленькiй дворецъ (Casa del labrador). Въ большомъ же дворцѣ фарфоровая и зеркальная залы произвели на меня не столько прiятныя впечатлѣнiя.

Толедо едва ли не самый живописный городъ въ Испанiи; онъ весь почти сохранился, какъ былъ въ среднихъ вѣкахъ. Кромѣ собора (гдѣ я игралъ на органѣ) и другихъ архитектурныхъ монументовъ, самое мѣстоположенiе города весьма живописно.

Мы съ Don Santiago навѣстили также Escorial, который также въ первый разъ мнѣ не понравился.

Я усердно осматривалъ главныя примѣчательности Мадрита. Былъ на травлѣ быковъ; первое впечатлѣнiе было какое-то дико-странное, но потомъ я привыкъ, и впослѣдствiи находилъ занимательность въ этой кровавой драмѣ, гдѣ каждый участвующiй находится въ безпрерывной опасности.

Музеумъ, т. е. картинную галлерею, посѣтилъ я съ

---

[1]) Испанскiй дилижансъ отлично описанъ А. Дюма въ письмахъ его «De Paris à Cadix». *Прим. М. И. Глинки.*

талантливымъ русскимъ архитекторомъ Бейне. Онъ путешествовалъ по Испаніи съ молодымъ англичаниномъ, также архитекторомъ. Бейне однажды, въ бенефисъ тенора Guasco, затащилъ меня въ театръ de la Cruz, гдѣ давали на мое горе «Ernani»—Verdi, и насильно продержалъ меня во все время представленія.

Въ театрѣ Circo давали балеты. Тамъ танцовщица Gui-Stefani отлично (хотя вычурно) танцовала Olé и Jaleo de Xeres (Халео де-хересъ); музыка этой послѣдней пляски, хотя сочиненная дирижёромъ балетнаго оркестра (Скордополемъ, чехомъ) мнѣ понравилась и я сохранилъ ее въ памяти.

Gui-Stefani превосходно танцовала также Seguidillas manchegas въ костюмѣ испанскаго студента.

Послѣднюю часть осени я жилъ домосѣдомъ. Знакомая племянница Don Santiago, Ramona Gonzales, довольно миловидная дѣвушка, часто бывала у насъ и я за ней волочился. Она познакомила меня съ молодымъ человѣкомъ Don José Alvares, игравшимъ хорошо на флейтѣ и страстно любившимъ музыку.

Я сдѣлалъ въ Мадритѣ нѣсколько знакомствъ: упомяну теперь о перчаточномъ фабрикантѣ Lafin, который поселился въ Мадритѣ. Сестра его madame Génissieux, у которой я постоянно покупалъ перчатки въ Парижѣ, дала мнѣ къ нему письмо. Письма рекомендательныя чрезвычайно уважаются въ Испаніи. Lafin во все время пребыванія моего въ Испаніи не переставалъ оказывать мнѣ услуги, и ему я обязанъ многими пріятными минутами.

Въ концѣ ноября я съ семействомъ Don Santiago отправился въ Гранаду. Въ Мадритѣ было холодно, а во все время пути до самой Sierra morena шелъ дождь. Самую живописную часть горъ, извѣстныхъ подъ назва-

ніемъ Despina perros, проѣхали мы ночью. Когда мы достигли вершины хребта въ Santa Elena, мы были уже въ Андалузіи. Въ концѣ ноября тамъ было нѣсколько свѣжо, трава была совершенно зелена и вѣчно зеленые дубы заставляли забывать, что мы были въ зимнее время. По мѣрѣ того какъ мы спускались съ Sierra morena, климатъ чувствительно становился мягче, а видъ природы пріятнѣе, и вскорѣ мы были со всѣхъ сторонъ окружены оливковыми рощами; кое-гдѣ мелькали агавы, которыя тамъ употребляютъ, чтобы огораживать участки земель.

Въ Carolina (швейцарской колоніи, основанной Карломъ III), мы отлично позавтракали, ночью пріѣхали въ Jaen (Хаéнъ), гдѣ насъ накормили плохо. Ночью и на другой день мы ѣхали чрезъ пустынныя живописныя горы, потомъ въѣхали въ узкую долину, которая примыкала къ большой долинѣ называемой Vega di Granada.

Мы остановились въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, гдѣ квартира намъ уже была приготовлена докторомъ Jedor, къ которому знакомые Don Santiago писали изъ Мадрита. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Гранаду явился къ намъ, по рекомендаціи мадритскаго перчаточнаго фабриканта Lafin, нѣсколько пожилой, но еще очень бодрый человѣкъ Don Francisco Bueno y Moreno. Онъ сначала былъ контрабандистомъ, но нажилъ состояніе и рѣшился сдѣлаться честнымъ гражданиномъ. Онъ завелъ перчаточную фабрику и сверхъ того торговалъ кожами.

На другой или третій день онъ познакомилъ меня съ лучшимъ гитаристомъ въ Гранадѣ, по имени Murciano. Этотъ Murciano былъ простой безграмотный человѣкъ, онъ торговалъ виномъ въ собственномъ шинкѣ. Игралъ же необыкновенно ловко и отчетливо; варьяціи на національный тамошній танецъ Fandango, имъ сочиненныя и сыномъ

его положенныя на ноты, свидѣтельствовали о его музыкальномъ дарованіи.

Пробывъ нѣсколько дней въ гостинницѣ, мы переѣхали на квартиру; но она оказалась слишкомъ неудобною. Между тѣмъ мы узнали, что недалеко отъ Алгамбры можно на горѣ найти опрятный домикъ съ садикомъ, и я рѣшился жить, такъ сказать, на дачѣ.

За 50 р. асс. въ мѣсяцъ мы наняли опрятный двухъэтажный домикъ съ бельведеромъ; въ саду, расположенномъ террасами, было нѣсколько маленькихъ фонтановъ и бассейнъ въ видѣ огромной ванны. Были плодоносныя деревья, огромное апельсинное дерево и цвѣты въ продолженіе всей зимы, которая съ 1845 на 1846 г. была такъ хороша и тепла, что, за исключеніемъ трехъ недѣль, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ мы ежедневно обѣдали въ саду и нерѣдко въ лѣтнихъ сюртукахъ. Don Santiago завелъ гусей, утокъ и другихъ домашнихъ животныхъ, которыя во время обѣда приходили къ намъ и ѣли изъ рукъ нашихъ.

Не стану описывать Гранаду-Алгамбру — все это уже извѣстно.

По вечерамъ я спускался въ городъ, гдѣ проводилъ время пріятно у знакомыхъ Don Francisco. Пѣли, плясали и забавлялись различнымъ образомъ. Don Francisco познакомилъ меня съ барынями, гдѣ я завелъ пропажу или пристанище. Пріѣхали Бейне съ англичаниномъ Робинсономъ (если не ошибаюсь). Мы весело проводили время въ пропажѣ. Я ходилъ въ Алгамбру, когда они рисовали, а они, въ свою очередь, навѣщали меня, а иногда завтракали и обѣдали у меня.

Don Francisco, по моему желанію, отыскалъ миловидную андалузку, которая славилась пѣніемъ народныхъ

пѣсенъ. Ей было лѣтъ 20; она была небольшого роста, интересной физіономіи, сложенія крѣпкаго. Ножка же ея была дѣтская, голосъ очень пріятный.

Не безъ хлопотъ и опасностей поладилъ я съ нею; наконецъ рѣшился вывезти ее въ Мадритъ, что также обошлось не безъ затрудненій. Во время пребыванія моего въ Гранадѣ, съ помощію Don Francisco bueno y moreno, также съ содѣйствіемъ Murciano и его сына, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ бывшихъ въ то время праздниковъ и домашнихъ увеселеній и обычаевъ. По ночамъ они мнѣ сопутствовали, потому что въ Гранадѣ въ то время было не совсѣмъ безопасно.

Встрѣтивъ однажды миловидную цыганку (Gitana), я спросилъ у нея, умѣетъ ли она пѣть и плясать? Я получилъ утвердительный отвѣтъ, и вслѣдствіи такового пригласилъ къ себѣ цыганку съ товарищами на вечеръ. Распоряжался Murciano, онъ же игралъ на гитарѣ. Плясали двѣ молодыя цыганки и старый смуглый цыганъ, похожій на африканца — онъ плясалъ ловко, но слишкомъ непристойно.

Пробовалъ я самъ учиться танцовать у тамошняго танцовщика Pello; ноги повиновались, но съ кастаньетками я не могъ справиться.

Путешествіе изъ Гранады въ Мадритъ всегда останется въ памяти моей. Don Santiago съ семействомъ отправился особо, я же въ половинѣ марта съ Dolores Garcia, моей пѣвуньей, поѣхали въ галерѣ. Этотъ экипажъ недаромъ названъ галерой; онъ въ родѣ большой жидовской фуры съ навѣсомъ, не помню, изъ кожи или холста; онъ весь наваленъ клажей, сверху которой полагаются матрацы пассажировъ, на которыхъ они сидятъ другъ противъ друга. Тѣснота такая, что нельзя поше-

вельнуться; противъ меня сидѣла огромная тучная баба, отъ которой въ короткое время ноги мои почувствовали невыносимую пытку. Ѣхали шагомъ по 4 версты въ часъ, останавливались два раза въ сутки, по 3 или 4 часа; ѣхали, или правильнѣе тащились, по 7 и 8 часовъ безостановочно.

Я значительную часть пути прошелъ пѣшкомъ. По пріѣздѣ въ Мадритъ вскорѣ отыскалась та же самая квартира, которую мы прежде занимали съ Don Santiago, я въ ней поселился съ Лолей (сокращеніе слова Dolores). Трудно мнѣ было съ моей подругой первое время; она часто бывала со мной у своихъ пріятельницъ гранадинокъ, и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ ее сбивали съ толку. Къ счастію, всѣ онѣ выѣхали изъ Мадрита, тогда Лоля видимо измѣнилась и послѣднее время мы жили съ нею душа въ душу. Несмотря на это, однакоже, я видѣлъ ясно, что изъ нея артистки никогда не выйдетъ, и потому рѣшился отправить ее обратно къ матери, что и исполнилъ въ іюлѣ 1846 года.

Въ маѣ того же года Don José Alvarez познакомилъ меня съ землякомъ своимъ Don Pedro Fernandes, который пріѣхалъ изъ Паленсіи для усовершенствованія себя въ музыкѣ. Don Pedro изрѣдка навѣщалъ меня, когда еще была со мною Лоля. Когда же она уѣхала и онъ замѣтилъ, что я грустилъ, онъ сталъ ежедневно навѣщать меня и сопутствовалъ мнѣ въ моихъ прогулкахъ; преимущественно ходили мы гулять въ Retiro (Retraite), королевскій садъ. Въ концѣ іюня я съ Don Santiago отправился въ La Granja [1]) и Сеговію; я желалъ тамъ остаться на лѣто, но это оказалось неудобнымъ.

По возвращеніи въ Мадритъ я написалъ Don Pedro:

---

[1]) Въ копіи: «La Granja, по-русски Ля-Гранха».

онъ пришелъ ко мнѣ и, узнавъ, что я желалъ поселиться вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами, совѣстился, говоря, что они живутъ скудно. Я же настоялъ на своемъ и тотчасъ переѣхалъ къ доктору Don Pedro, который отдавалъ комнатки со столомъ и прислугою студентамъ и молодымъ чиновникамъ.

Всѣ они милые и образованные люди. Don Pedro твердилъ этюды Крамера подъ моимъ руководствомъ. Съ хозяиномъ нашимъ, другимъ Don Pedro, я читалъ Кальдерона, но не съ большимъ успѣхомъ; языкъ автора казался мнѣ очень труднымъ.

Музеумъ я зналъ наизусть; послѣ обѣда я вмѣстѣ съ товарищами ходилъ въ Прадо, по вечерамъ къ намъ собирались знакомые и сидѣли долго за полночь; до утренней зари я нерѣдко хаживалъ гулять; возвратясь около 8 часовъ утра, пилъ чай и ложился спать.

Въ августѣ я отправился въ Эскоріалъ, а чтобы не скучать тамъ, пригласилъ съ собою молодую, рослую и красивую толеданку,—по имени Зефирина (Céferina) съ спутницей. Несмотря на то, что дамы иногда ссорились, я пріятно провелъ время въ Эскоріалѣ. Во время каникулъ тамъ мы дышали чистымъ, свѣжимъ воздухомъ; прогулки пѣшкомъ и на ослахъ, театръ, а болѣе всего сокровища искусства, заключающіяся въ монастырѣ, очень пріятно занимали насъ во время нашего тамъ пребыванія.

Вскорѣ по возвращеніи въ Мадритъ, мы съ Don Pedro получили приглашеніе отъ старшаго брата Don José Alvarez, навѣстить его въ Мурсіи, гдѣ въ сентябрѣ бываетъ ярмарка и затѣвался дѣтскій театръ.

Выѣхавъ изъ Мадрита въ послѣднихъ числахъ августа, на другой день въ дилижансѣ мы прибыли въ Albacete, оттуда мы наняли тартану (экипажъ на двухъ ко-

лесахъ, безъ рессоръ, съ навѣсомъ изъ холста) съ одной мулой и извощикомъ. Мы тащились медленно: первую ночь провели въ городкѣ Hellin (Эльинъ), вторую въ Cieza, гдѣ уже появились пальмы. На третій день, вскорѣ по выѣздѣ изъ Cieza, одинъ контрабандистъ попросилъ насъ довезти дѣвочку лѣтъ 10 до половины пути, на что мы согласились и хорошо сдѣлали. Мурсіа страна очень живописная, но дороги въ то время были хуже нашихъ проселочныхъ, а такъ какъ долгое время шли проливные дожди, то дорога значительно испортилась. Въ одномъ мѣстѣ, не доѣзжая Molina, накопилось воды въ болотномъ мѣстѣ столько, что тамъ вязли фуры съ товарами. Контрабандистъ нашъ былъ изъ Molina, онъ зналъ мѣстность; осмотрѣвъ хорошенько и выбравъ лучшее для переправы мѣсто, перенесъ насъ черезъ воду на своихъ плечахъ, а потомъ помогъ извощику перетащить тартану.

Пообѣдавъ въ Molina, мы продолжали путь, и вечеромъ того же дня прибыли въ Мурсію.

Don José Alvarez уже велѣлъ приготовить намъ квартиру у одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. У насъ была огромная зала и по спальнѣ у каждаго. Нашелся фортепьянъ, а такъ какъ чиновникъ, у котораго мы жили, былъ человѣкъ семейный, то были у него дочери, родственницы, а къ нимъ приходили ихъ знакомые. У насъ въ залѣ образовались сходки, каждый вечеръ пѣли, играли на гитарѣ и плясали. Иногда плясали и въ наше отсутствіе. Не менѣе пріятно проводили мы время въ семействѣ Don José Alvarez, съ нимъ ѣздили почти ежедневно въ большой тартанѣ по окрестностямъ. Близьлежащія горы и Monte agudo красивой формы, покрытая кактусами, весьма живописна.

Мурсіа славится долиною (huerta); она имѣетъ до 3-хъ

или четырехъ верстъ въ ширину и до 60 или болѣе въ длину. Главное произведеніе—шелковичное дерево; кое-гдѣ группы финиковыхъ пальмъ, кои растутъ превосходно, лимонныя деревья и другія фруктовыя; по долинѣ разсыпаны живописныя хижины. Яркая зелень составляетъ пріятную противоположность съ близьлежащими горами изъ розоваго гранита.

Дѣтскій театръ состоялъ въ томъ, что готовилась для потѣхи родителей «Норма» Беллини, долженствовавшая быть исполнена дѣтьми. Мы были на пробѣ, и дѣйствительно дѣти пѣли недурно, а Норма 11-ти лѣтъ пѣла хотя не совсѣмъ удовлетворительно, но съ увлеченіемъ и превосходно играла. Во время ярмарки многія барыни и барышни носили живописныя національныя платья. Тамошніе цыгане красивѣе и богаче, нежели въ Гранадѣ—они три раза плясали для насъ; одна 9-ти-лѣтняя цыганка плясала особенно хорошо.

1-го октября мы отправились изъ Мурсіи обратно въ Мадридъ въ тартанѣ, запряженной огромной мулою. Заѣхали въ Orihuela, потомъ Elche, окруженный пальмовыми рощами; оттуда чрезъ Aspe, Novelda, Elda Villina въ Almansa. Эти мѣста принадлежатъ королевству Валенціи (regno di Valencia) и очень живописно разнообразны.

Тартана меня измучила и я хотѣлъ отпустить извощика съ мулой; но не могъ найдти удобнаго мѣста въ дилижансѣ, потому что со всѣхъ сторонъ Испаніи публика стремилась въ Мадридъ по случаю бракосочетанія королевы и сестры ея. Надлежало продолжать путь въ тартанѣ; измученный я доѣхалъ въ Мадридъ вò-время. Тамъ поселились мы у одной андалузки изъ Севильи; она была женщина пожилая, но ласковая и привѣтливая, у ней

была миловидная дочка лѣтъ 19 и сынъ лѣтъ 20. Кромѣ насъ былъ еще жилецъ, адвокатъ изъ Тарифа.

Мы видѣли празднества по случаю бракосочетанія королевы и сестры ея, а именно: поѣздъ изъ дворца въ Аточу (монастырь), гдѣ происходило вѣнчаніе и куда намъ попасть было невозможно; танцы на площадяхъ на устроенныхъ для того подмосткахъ; травлю быковъ на plaza mayor; наконецъ фейерверкъ и иллюминованный Prado разноцвѣтными шкаликами.

Осень была холодная и въ ноябрѣ я переѣхалъ въ Parador de las diligencias въ улицу Alcalà, оттуда въ концѣ того же ноября отправился я съ Don Pedro въ Севилью. Мы остались въ Кордовѣ слишкомъ сутки, осмотрѣли Мескиту, обращенную въ Catedral и сдѣлали нѣсколько знакомствъ; отъ одного изъ нихъ получили рекомендательное письмо въ Севилью. Прибывъ въ Севилью, мы сперва пристали въ Fonda de Europa, потомъ попробовали жить въ casa de huespedes (en pension), что однакоже оказалось неудобнымъ и мы современемъ наняли цѣлый домикъ для насъ однихъ въ Calle de la ravetta.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашлись старые знакомые Don Pedro, и мы, по рекомендательному письму и по случаю, пріобрѣли нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Сейчасъ доставили намъ случай видѣть пляску, исполненную лучшими танцовщицами. Между ними Анита была необыкновенно хороша и увлекательна, въ особенности въ цыганскихъ танцахъ, равно какъ и въ Olé. Мы пріятно провели зиму съ 1846 на 1847 г., посѣщали танцовальные вечера у Феликса и Мигеля, гдѣ во время танцевъ лучшіе тамошніе національные пѣвцы заливались въ восточномъ родѣ, между тѣмъ танцовщицы ловко выплясывали, и казалось, что слышались 3 разныхъ ритма: пѣніе шло

само по себѣ, гитара отдѣльно, а танцовщица ударяла въ ладоши и пристукивала ногой, казалось, совсѣмъ отдѣльно отъ музыки.

Знаменитый, хотя устарѣвшій національній пѣвецъ, Planeta, былъ и пѣлъ у насъ; его же племянникъ Lazaro бывалъ у насъ часто. Почти каждый вечеръ собирались у насъ знакомые и барышни. Одна мнѣ приглянулась и я попробовалъ было съ нею то, что называютъ въ Севильи pelar la pava (бесѣдовать по ночамъ чрезъ рѣшотку окна), но безъ успѣха; я вознаграждалъ неудачи съ неутѣшной вдовой изъ Кордовы.

Весною я завелъ птицъ; ихъ было до четырнадцати; онѣ летали въ нарочно отведенной имъ комнатѣ.

Вдоль Гвадалквивира, отъ дворца Sant Elmo, тянутся сады апельсинные; въ февралѣ, когда плоды созрѣваютъ, видъ превосходный; впрочемъ эти тонкокожіе апельсины и чрезвычайно вкусны. Весною пріѣхалъ въ Севилью извѣстный скрипачъ Олебуль; онъ дѣйствительно игралъ сильно и чрезвычайно отчетливо; но какъ бóльшая часть виртуозовъ, не слишкомъ былъ силенъ въ музыкѣ. Онъ пробылъ въ Севильѣ около шести недѣль; я съ нимъ сблизился до нѣкоторой степени и онъ часто бывалъ у меня.

Весною же Don Pedro и еще другой пріятель, Pepe Alebes (labrador), устроили вечеръ съ цыганками, которыя хотя были безобразны, но плясали отлично.

Въ началѣ мая мы выѣхали изъ Севильи съ сожалѣніемъ. Пріятели были очень огорчены нашимъ отъѣздомъ, кухарка наша, старушка 55 лѣтъ, добрая Mariquita, разсталась съ нами со слезами. Время было жаркое; первые перегоны часто, по бокамъ дороги, мелькали ряды agaves; многія изъ нихъ должны были цвѣсти въ теченіе лѣта и уже видны были зеленые штамбы въ сажень и болѣе.

Въ Мадридѣ мы поселились въ Parador de las diligencias. Пробывъ тамъ недѣли три, отправились мы въ обратный путь.

Между знакомыми въ Мадридѣ упомяну я о фортепьянистѣ Маріи Кристины Don Juan Guelbenza, его пріятелѣ Zabalburu и его ученицѣ Sofia Vela; она владѣла отличнымъ контральто и была весьма хорошая музыкантша.

Мы пробыли нѣсколько дней въ Zaragoza, оттуда чрезъ Tudela въ Пампелону. Переѣхавъ чрезъ Пиринеи на лошадяхъ верхомъ, мы на По и Тулузу отправились въ Парижъ, гдѣ пробыли около трехъ недѣль. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда пришелъ ко мнѣ путей сообщенія полковникъ Комаровъ съ поклонамъ отъ Петра Степанова, который былъ тогда въ Киссингенѣ и желалъ видѣться со мною.

Мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ и отправились втроемъ въ Кёльнъ, оттуда по Рейну до Бибериха, потомъ во Франкфуртъ, а изъ Франкфурта въ Киссингенъ. Степановъ мнѣ былъ очень радъ и сообщилъ мнѣ, что бывшая жена моя (о расторженіи моего брака съ Марьей Петровной увѣдомили меня въ Севильѣ) по смерти Васильчикова получила богатое наслѣдство; это извѣстіе меня порадовало. Хотя я не любилъ Марью Петровну, но признаюсь, мнѣ бы больно было видѣть ее въ нищетѣ.

Въ бытность мою въ Киссингенѣ въ іюлѣ 1847 г., я имѣлъ счастіе представляться государю цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему государю императору Александру Николаевичу, который обошелся со мною очень ласково и представилъ меня супругѣ своей.

Изъ Киссингена отправился я съ Don Pedro въ Регенсбургъ, а оттуда по Дунаю въ Вѣну, гдѣ совѣтникъ нашего посольства, Фонтонъ, и секретарь Убри насъ уго-

щали радушно. По совѣту Фонтона мы отправились въ Варшаву, гдѣ мы нашли старую карету для путешествія, по распоряженію Фонтона же.

Въ Варшавѣ мы пробыли дней 6, которые я провелъ очень весело, благодаря обязательному расположенію Н. А. Новосельскаго. Предъ отъѣздомъ я представлялся князю Варшавскому и у него обѣдалъ.

ПЕРІОДЪ XIII.

Пребываніе въ деревнѣ, Смоленскѣ, Варшавѣ и Петербургѣ.

Я съ Don Pedro пріѣхалъ въ Новоспасское въ концѣ іюля. Младшая сестра моя, Ольга Ивановна, была помолвлена за молодого лейбъ-гвардіи уланскаго полка, ротмистра Измайлова.

Матушка была здорова, но видѣла очень плохо; несмотря на то, жилось сначала весело. Собирались ближайшіе родственницы и родственники, мы ѣздили верхомъ и въ экипажахъ, гуляли и забавлялись.

Я прибылъ въ Новоспасское въ добромъ здоровьѣ, но скоро началъ чувствовать, что аппетитъ и сонъ начали исчезать. Желая поддержать себя, я для гимнастики началъ маленькимъ топоромъ рубить лишнія липы, коихъ было множество, чтобы дать просторъ дубамъ, вязамъ и другимъ деревьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я надсадилъ себя; я началъ чувствовать болѣзненное ощущеніе въ брюхѣ. 1-го сентября у меня сдѣлалось сильное нервное раздраженіе. Несмотря на это, въ началѣ сентября я навѣстилъ ближайшихъ моихъ родственниковъ. На обратномъ пути это нервное раздраженіе желудка усилилось, невыносимо мучительное замираніе въ брюхѣ съ страхомъ смерти терзало меня, какъ въ Венеціи въ 1833 году. Я рѣшился,

не дожидаясь свадьбы сестры Ольги, отправиться въ Петербургъ и ввѣрить себя доктору Гейденрейху.

Когда изъ Смоленска я уѣзжалъ, снова раздражились нервы, и такъ сильно, что я принужденъ былъ возвратиться и потомъ остаться въ Смоленскѣ. Я не могъ быть на свадьбѣ сестры. Въ октябрѣ матушка и новобрачные пріѣхали на время въ Смоленскъ. Съ самаго того времени, какъ я рѣшился остаться въ Смоленскѣ, тамошній жандармскій полковникъ Романусъ далъ мнѣ на время свой рояль. Я, въ знакъ признательности, посвятилъ ему двѣ фортепьянныя, въ то время написанныя, пьесы: Souvenir d'une mazurka и La Barcarole, изданныя впослѣдствіи подъ названіемъ: Привѣтъ отчизнѣ. Тогда же, въ отсутствіе Pedro, оставшись одинъ въ сумерки, я почувствовалъ такую глубочайшую тоску, что, рыдая, молился умственно и вымпровизировалъ «Молитву», безъ словъ, для фортепьяно, которую посвятилъ Don Pedro. Къ этой молитвѣ подошли слова Лермонтова: Въ минуту жизни трудную.

Мы жили въ домѣ родственниковъ Ушакова, и для дочери его я написалъ варьяціи на Шотландскую тему. Для сестры Людмилы романсъ Милочка, котораго мелодія взята мною изъ Хоты, которую я часто слышалъ въ Вальядолидѣ.

Въ ноябрѣ матушка отправилась въ Петербургъ; сестра Людмила, по искренней своей дружбѣ ко мнѣ, рѣшилась провести со мною въ Смоленскѣ часть зимы. Въ ноябрѣ, она, я и Don Pedro переѣхали въ домъ Соколова у Никольскихъ воротъ. Мы жили съ сестрой душа въ душу и, несмотря на мои страданія, намъ было хорошо вмѣстѣ.

Я сидѣлъ безвыходно дома; утромъ сочинялъ; кромѣ означенныхъ уже пьесъ написалъ романсъ: Ты скоро меня позабудешь. Pedro игралъ и твердилъ Gradus

ad Parnassum Clementi, подъ моимъ руководствомъ. Сестра читала мнѣ по-русски и по-французки, а Pedro по-испански; по вечерамъ приходило нѣсколько знакомыхъ и составлялся кружокъ милыхъ и искренно любившихъ насъ пріятелей. Упомяну о докторѣ Строгоновѣ, лечившемъ меня, и о старомъ пріятелѣ аптекарѣ Мего. Они часто играли съ сестрою въ преферансъ, который забавлялъ меня нерѣдко. Сестра играла скоро, Строгоновъ ловко, а Мего съ неподражаемымъ флегматическимъ тономъ, весьма часто долго, долго соображалъ, прикупать ли ему или нѣтъ, и по большей части послѣ долгаго размышленія оканчивалъ словами: пасъ.

Кромѣ этихъ постоянныхъ посѣтителей бывали и другіе посѣтители; назову здѣсь родственниковъ мужа сестры Людмилы, Шестаковыхъ, съ коими мы видѣлись не рѣдко. Молодая, миловидная и веселенькая барынька, дальняя намъ родственница, Е. П. Забѣлла, охотно навѣщала меня.

Наша тихая и домосѣдная жизнь продолжалась до 23-го января 1848 г. Дядя зятя моего Измайлова захотѣлъ непремѣнно дать мнѣ обѣдъ, безъ всякаго сомнѣнія для того, чтобы поважничать и выставить себя моимъ покровителемъ. Несмотря на мое сопротивленіе, обѣдъ состоялся. Распорядителями были комендантъ Липарскій и Гольцевъ, дядя Измайлова. Меня встрѣтили въ залѣ дворянскаго смоленскаго собранія смоленскіе сановники, предводитель и главные старшіе чиновники подъ звуки оркестра, игравшаго польскій изъ «Жизни за Царя». За обѣдомъ посадили меня на главное мѣсто между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ. Обѣдъ былъ дѣйствительно великолѣпный. Онъ подробно описанъ полковникомъ Романусомъ въ «Сѣверной Пчелѣ» того же года [1]).

[1]) «Сѣверная Пчела» 1848 г. 12-го февраля. Четвергъ. № 34.

Чтобы отблагодарить за честь вслѣдствіе этого обѣда, я былъ вынужденъ отказаться отъ тихой домашней жизни. Всякій день я былъ на балахъ и вечерахъ, и неоднократно долженъ былъ потѣшать публику пѣніемъ и игрою на фортепьяно. Эта суматошная жизнь еще болѣе раздражила мои нервы, я впалъ въ дикое отчаяніе и упросилъ сестру выпроводить меня въ Варшаву. Сестра увѣдомила матушку о моемъ намѣреніи; когда матушка возвратилась, несмотря на февральскія событія въ Парижѣ, я хотѣлъ ѣхать за границу и подалъ прошеніе о паспортѣ. Въ началѣ марта я отправился въ Варшаву съ Don Pedro и зятемъ моимъ Василіемъ Илларіоновичемъ Шестаковымъ, который по дружбѣ своей взялся мнѣ сопутствовать. Мы пріѣхали въ Варшаву благополучно. Братецъ Василій Илларіоновичъ уѣхалъ, мнѣ въ паспортѣ отказали. Однажды, ища квартиры, я и Pedro повстрѣчали князя Паскевича, который ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи казаковъ. Увидя его, я снялъ шляпу, Pedro же, незнавшій князя, смотрѣлъ на него и остался въ фуражкѣ, что́ замѣтя, свѣтлѣйшій наскакалъ на насъ съ бѣшенствомъ и едва не сшибъ меня съ ногъ. Это меня взбѣсило и я, помнится, хотѣлъ уѣхать изъ Варшавы, но какъ-то дѣло обошлось, притомъ же я занемогъ. Бывшій въ то время добрый мой знакомый Кастріото-Скандербегъ, хорошій музыкантъ, познакомилъ меня съ докторомъ Морицомъ Вольфомъ, съ которымъ я очень сблизился впослѣдствіи и который постоянно былъ моимъ докторомъ въ Варшавѣ.

Кастріото былъ женатъ на дочери банкира Коньяръ, онъ познакомилъ меня съ семействомъ жены своей. Дѣвица Екатерина М. Коньяръ пѣла съ большимъ увлеченіемъ, и я нерѣдко въ началѣ весны проводилъ у нихъ пріятные вечера.

Мы наняли квартиру на Рымарской улицѣ; половину лишней комнаты отдѣлили перегородкой съ сѣткой, гдѣ завели птицъ. Были соловьи, варакушка, горлохвостка и другія, до 16 [1]).

Хотя весна была ранняя, но недугъ взялъ свое, и я оправился, и то несовершенно, въ исходѣ мая.

Между тѣмъ, еще весною, князь Паскевичъ, узнавъ, что онъ наскакалъ на меня, и желая загладить это, нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ и принималъ меня необыкновенно ласково, сажалъ за столомъ подлѣ себя и самъ угощалъ меня виномъ, особенно кахетинскимъ, которое я очень люблю.

По просьбѣ князя я иногда занимался его оркестромъ; онъ былъ не совсѣмъ хорошъ, но для меня это было все-таки полезно. Я далъ Паленсу капельмейстеру Jaleo (Халео), музыка эта очень нравилась свѣтлѣйшему, и онъ приказывалъ часто ее играть въ присутствіи гостей, и потомъ по приказанію князя танецъ Jaleo [2]) подъ эту музыку поставили на варшавскомъ театрѣ. Для этого же оркестра Паленсъ сократилъ Хоту, наинструментовалъ по моему указанію «Молитву» съ тромбономъ obligato, и она была не безъ-эффектна. Разучили польскій изъ «Жизни за Царя» съ хоромъ, а также знаменитый хоръ изъ «Ифигеніи» въ Тавридѣ Глюка: «Les fureurs d'Oreste» [3]). Такимъ образомъ музыку Глюка въ исполненіи я услышалъ первый разъ въ Варшавѣ, и съ тѣхъ поръ началъ

---

[1]) Въ копіи рукою Глинки: юлка также, «по-французски alouette lulu—милая птичка».

[2]) На полѣ рукою Глинки карандашомъ: «Jaleo de Xeres—по-русски Халео де-Хересъ».

[3]) Въ копіи рукою Глинки карандашомъ: «Вотъ образцовое произведеніе!»

изучать его музыку. Тогда же я написалъ изъ 4-хъ испанскихъ мелодій Potpourri на оркестръ, названный мною тогда Recuerdos de Castilla (воспоминаніе о Кастиліи). Оркестръ князя исполнялъ недурно эту пьесу. Неоднократныя мои покушенія сдѣлать что-нибудь изъ андалузскихъ мелодій остались безъ всякаго успѣха — большая часть изъ нихъ основана на восточной гаммѣ, вовсе не похожей на нашу.
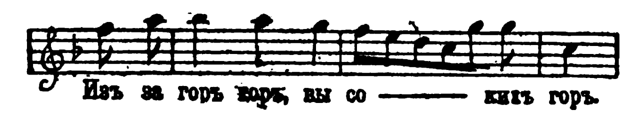
Н. А. Новосельскій, постоянно окружавшій меня вниманіемъ, старался по возможности сдѣлать пріятнымъ для меня пребываніе въ Варшавѣ. По его просьбѣ я началъ учить пѣнію П. Конарскую. Она приходила ко мнѣ три раза въ недѣлю и начала пѣть недурно; ея голосъ (soprano) былъ пріятенъ, но нѣсколько утомленъ и иногда срывался.

Когда я уже нѣсколько оправился, въ іюнѣ 1848 г. мнѣ приглянулась въ одной кавярнѣ (Kawiarnia, café) статная и довольно миловидная дѣвушка, по имени Аньеля (Angélique). Я сманилъ ее къ себѣ, и она жила у меня въ качествѣ хозяйки. Такъ какъ она была ловка, весела и расторопна, то жилось очень хорошо.

Осенью, въ сентябрѣ, появилась холера въ Варшавѣ; изъ предосторожности я не выходилъ изъ комнаты, тѣмъ болѣе, что мимо нашего дома на Рымарской улицѣ ежедневно провожали много похоронъ. Сидя дома, я принялся за дѣло, написалъ романсы: Слышу ли голосъ твой, слова Лермонтова; Заздравный кубокъ Пушкина, который посвятилъ вдовѣ Клико, и Маргериту изъ «Фауста» Гёте, переведенный Губеромъ. Стихи для этихъ романсовъ указалъ мнѣ, бывшій тогда цензоромъ въ Варшавѣ, П. П. Дубровскій. Я познакомился съ нимъ еще въ 1847 году, въ проѣздъ мой чрезъ Варшаву. Въ 1848 г. онъ постоянно

навѣщалъ меня, и съ свойственною ему услужливостью сопутствовалъ мнѣ часто въ прогулкахъ; очень часто онъ читалъ мнѣ, и мы прочли съ нимъ большую часть русскихъ писателей и другихъ авторовъ, въ особенности Шекспира.

Въ то время случайно я нашелъ сближеніе между свадебною пѣснію: «Изъ-за горъ, горъ, высокихъ горъ»,

которую я слышалъ, и деревенскою и плясовою камаринскою, всѣмъ извѣстною. И вдругъ фантазія моя разыгралась, и я вмѣсто фортепьяно написалъ эту пьесу на оркестръ, подъ именемъ: «Свадебная и плясовая». Могу увѣрить, что я руководствовался при сочиненіи этой пьесы единственно внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ, не думая ни о томъ, что происходитъ на свадьбахъ, какъ гуляетъ нашъ православный народъ и какъ можетъ запоздалый пьяный стучать въ дверь, чтобы ему отворили. Не смотря на это, Ѳ. М. Толстой (Ростиславъ) на репетиціи Камаринской (какъ я впослѣдствіи, по совѣту князя Одоевскаго, назвалъ эту пьесу) самъ говорилъ мнѣ, что онъ, объясняя государынѣ императрицѣ (нынѣ вдовствующей) Александрѣ Ѳеодоровнѣ мою Камаринскую, въ послѣдней части этой пьесы, а именно, гдѣ сперва валторны держатъ педаль на Fis, а потомъ трубы на C, сказалъ ея величеству, что это мѣсто изображаетъ, какъ пьяный стучится въ дверь избы. Это соображеніе мнѣ кажется пріятельскимъ угощеніемъ, которымъ не разъ потчуютъ въ жизни.

По вечерамъ приходили знакомые,—съ чаемъ подавали гостямъ пуншъ, чтобы согрѣвать желудокъ; я ограничивался теплымъ краснымъ виномъ съ лимонной коркой и сахаромъ; для той же цѣли (т. е. чтобы согрѣть желудокъ) затѣвались танцы. Аньеля танцовала превосходно, а если нужны были другія пары, то двѣ довольно молодыя польки, кухарка и горничная (młodsza), плясали также. Кромѣ птицъ, летавшихъ въ ближней комнатѣ за сѣткой, въ залѣ бѣгали два ручныхъ зайца и барабанили иногда по ногамъ гостей.

Это пріятное житье продолжалось до конца октября. Аньеля начала важничать и мы потомъ поссорились. Тогда, чтобы не скучать дома, Новосельскій доставилъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Назову семейство доктора Грюнбергъ; его дочери были очень любезны и талантливы; старшая, по имени Юлія, играла весьма хорошо на фортепьяно; она училась у Гензельта на иждивеніе великой княгини Елены Павловны. Младшая, Изабелла, пѣла съ увлеченіемъ и смысломъ (intelligence). У нихъ я проводилъ пріятные вечера, равно какъ у знакомыхъ ихъ Александровичей.

Въ ноябрѣ погода стояла еще пріятная, и узнавъ, что матушка была въ Петербургѣ, я рѣшился туда ѣхать для свиданія съ нею.

Новосельскій съ свойственною ему услужливостью досталъ мнѣ карету. Не смотря ни на то, что Двина была уже покрыта шедшимъ льдомъ, ни на снѣгъ, выпавшій на разстояніи 300 верстъ отъ Петербурга, мы съ Don Pedro доѣхали благополучно въ половинѣ ноября, по нашему стилю.

Отдохнувъ нѣсколько дней, я навѣстилъ моихъ знакомыхъ и былъ на имянинахъ Екатерины М. Коньяръ,

семейство коихъ и Кастріота были тогда въ Петербургѣ. Въ концѣ ноября я захворалъ, и поселился на время болѣзни, чтобы не разлучаться съ матушкой, у зятя моего В. И. Флёри, у Краснаго моста, въ училищѣ глухонѣмыхъ. Тамъ была сестра Ольга съ мужемъ и Марія съ дѣтьми. Жили въ тѣснотѣ, но мнѣ было пріятно, не смотря на недугъ. Во время выздоровленія, въ началѣ 1849 г., я былъ на вечерѣ, устроенномъ княземъ П. А. Вяземскимъ по случаю 50-лѣтней дѣятельности В. А. Жуковскаго на его литературномъ поприщѣ. Блудовъ читалъ стихи князя Вяземскаго по этому случаю, мы пѣли также хоръ въ честь Жуковскаго, сочиненный графомъ Мих. Юр. Віельгорскимъ. На этомъ вечерѣ присутствовалъ также государь императоръ Александръ Николаевичъ (бывшій тогда цесаревичемъ), и я имѣлъ счастіе быть имъ замѣченнымъ и почтеннымъ ласковыми разспросами обо мнѣ.

Зимою съ 1848 на 1849 г. Фреццолини желала взять мою оперу: Жизнь за Царя въ свой бенефисъ. Она сама сдѣлала мнѣ первый визитъ и привезла билетъ на свой бенефисъ. Опера моя не была дана итальянцами, потому что публика была недовольна отъ неудачныхъ попытокъ русскихъ композиторовъ, и жестоко раздражена послѣ великолѣпной неудачи (fiasco) оперы il Birrichino di Parigi......... Вышло высочайшее повелѣніе не принимать на итальянскій театръ произведеній русскихъ композиторовъ. Gloire à M-r Tolstoy!

Князь Одоевскій пригласилъ къ себѣ на вечеръ меня и многихъ общихъ знакомыхъ — на этомъ вечерѣ, по совѣту князя, я назвалъ Хоту испанской увертюрой, а Свадебную и плясовую — Камаринской.

Весною я познакомился съ Владиміромъ Васильевичемъ Стасовымъ, весьма основательнымъ музыкантомъ, люби-

телемъ изящныхъ искусствъ и весьма образованнымъ человѣкомъ. При немъ я пробовалъ сдѣлать музыку на слова Ободовскаго: Палермо (написанныя въ воспоминаніе пребыванія императрицы Александры Θеодоровны въ Палермо), но не успѣлъ, и взялъ слова съ собою въ Варшаву.

Гейденрейхъ отлично меня поставилъ на ноги, и очень ранней весной я началъ выѣзжать, и большею частію съ Новосельскимъ, возвратившимся изъ Варшавы зимою. Онъ познакомилъ меня съ молодыми людьми и литераторами юнаго поколѣнія — къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ довели себя до бѣды въ теченіе того же 1849 года.

Весною я рѣшился отправиться снова въ Варшаву, тѣмъ болѣе, что получилъ письма, на основаніи которыхъ могъ ожидать много пріятнаго. Выѣхавъ изъ Петербурга 9 мая по нашему стилю, мы путешествовали на почтовыхъ въ каретѣ самымъ пріятнымъ образомъ; погода была превосходная; нѣжная весенняя зелень, пѣніе птицъ, все располагало душу къ радости; переѣхавъ же Нѣманъ, въ Ковно видъ природы сдѣлался совершенно праздничнымъ.

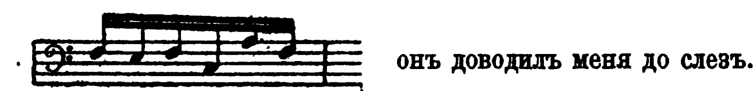
ПЕРІОДЪ XIV.

Вторичное пребываніе въ Варшавѣ и въ Петербургѣ.

По пріѣздѣ въ Варшаву, вскорѣ увидѣлъ я, что ошибся въ разсчетѣ. Занявъ квартиру въ Нецалой улицѣ одного отсутствовавшаго полковника, я мало-по-малу началъ чувствовать нападеніе хандры. Одною стороною въ квартирѣ нашей окошки выходили на Саксонскій садъ; густые тополи (не пирамидальные) въ дурную погоду заслоняли свѣтъ, и шумомъ вѣтвей и листьевъ во время вѣтра наводили уныніе на душу. Въ свитѣ е. и. величества, на-

ходившейся въ то время въ Варшавѣ, было нѣсколько коротких моихъ знакомыхъ и однокашниковъ; иногда я кутилъ съ ними [1]) и другими знакомыми. Главныя сборища были у меня и у пансіоннаго моего товарища, генерала А. Н. Астафьева. Видался я также иногда и съ княземъ Мих. Д. Волконскимъ.

Несмотря на то, что иногда удавалось мнѣ проводить время пріятно, эта разсѣянная жизнь меня искренно не радовала и не наводила меня на музыкальныя вдохновенія. Музыкальныя глубокія наслажденія въ теченіе лѣта 1849 г. ощущалъ отъ игры на органѣ въ евангелической церкви, органиста Фрейера. Онъ превосходно исполнялъ пьесы Баха, отчетливо дѣйствовалъ ногами, и органъ его былъ такъ хорошо настроенъ, что въ нѣкоторыхъ пьесахъ, а именно въ фугѣ B. A. C. H и токкатѣ F-Dur

онъ доводилъ меня до слезъ.

Наконецъ хандра въ концѣ лѣта довела меня до жесточайшей апатіи, и большую часть дня я проводилъ дома, лежа на диванѣ. Въ то время возлѣ самой Варшавы стоялъ гусарскій полкъ его и. высочества в. к. Михаила Павловича. Одинъ изъ полковниковъ этого полка, землякъ мой и тёзка, Михаилъ Ивановичъ Кубаровскій, съ которымъ я иногда встрѣчался въ обществѣ, заѣхавъ ко мнѣ, уговорилъ меня навѣстить его. Не знаю какъ, вопреки апатіи, онъ увезъ меня; сперва посѣтили мы нѣсколькихъ нашихъ общихъ знакомыхъ, а потомъ въ 1-мъ часу ночи постучали въ заведеніе Ома (оно всѣмъ бывшимъ въ Варшавѣ очень извѣстно), и такъ какъ намъ не отпирали, то

[1]) «Что весьма не умно!» — рукою Глинки въ копіи карандашомъ.

мы перелѣзли черезъ заборъ, и, выпивъ тамъ шампанскаго, отправились на квартиру Кубаровскаго. Онъ квартировалъ вмѣстѣ съ полкомъ и товарищами въ домикахъ съ садиками, отстоявшихъ въ полу-верстѣ отъ заведенія Ома (Ohm).

Кубаровскій отвелъ мнѣ на своей квартирѣ комнатку, и на другой день, напившись чаю и одѣвшись, мы отправились пѣшкомъ съ нѣсколькими товарищами Кубаровскаго къ Ому. Погода была превосходная (августъ и сентябрь въ Варшавѣ и Парижѣ безспорно лучшее время года), заведеніе Ома съ его довольно большимъ и довольно хорошимъ садомъ, прекрасной залой, гдѣ стоялъ не совсѣмъ дурной рояль и резонансъ былъ превосходный, опрятная кухня и хорошій погребъ, доставляли желающимъ всѣ способы для пріятнаго препровожденія времени. Сверхъ того въ заведеніи были двѣ дочки хозяина, старшая Розамунда, сокращенно Рузя, нравилась всѣмъ красивымъ личикомъ, а инымъ дородствомъ; за ней ухаживала большая часть посѣтителей. Вторая дочка (меньшая была въ пансіонѣ) по имени Эмилія, сокращенно Миця, была маленькая стройненькая, живая и вострая (віструха) дѣвочка. Мое пѣніе произвело фуроръ какъ на гусаровъ, такъ и на семейство хозяина заведенія. Большую часть всего времени, которое я пробылъ у Кубаровскаго, я часто бывалъ и иногда и обѣдалъ у Ома. Вглядываясь въ живую, миловидную Эмилію, невольно сближался съ нею. Въ это же пребываніе у Кубаровскаго, онъ предложилъ мнѣ романсъ Мицкевича Rozmowa; Миця презабавно учила меня читать и произносить его, а я училъ ее нѣсколько на фортепьянѣ и пѣнію. Возвратясь въ Варшаву, я недолго тамъ оставался и снова пріѣхалъ къ Кубаровскому. Мало-помалу мы съ Мицей подружились, и когда полкъ гусарскій,

въ которомъ служилъ Кубаровскій, вышелъ изъ Варшавы я почти ежедневно посѣщалъ Ома; въ моихъ похожденіяхъ сопутствовалъ мнѣ въ качествѣ адъютанта Розенбергъ, братъ г-жи Грюнбергъ, котораго мы называли Даніель. Кромѣ дружескихъ бесѣдъ и музыки, я участвовалъ съ Мицей при собираніи яблокъ, грушъ и другихъ плодовъ.

Въ октябрѣ мы переѣхали на Длугу (длинную) улицу, противъ арсенала.

Я съ Даніелемъ продолжалъ ежедневно посѣщать Ома. Когда плоды были собраны, дошло дѣло до овощей, а въ концѣ осени и въ началѣ зимы мы чистили маисъ, горохъ, макъ и пр. Эта эклога продолжалась до настоящей зимы— и поэтическое чувство къ милой Мици возбудило [1]) во мнѣ музыкальную дѣятельность: я написалъ въ теченіе осени романсъ: Rozmowa Мицкевича по-польски и посвятилъ его Эмиліи Омъ. Написалъ также Адель и Мери Пушкина, первую изъ нихъ посвятилъ сестрѣ Ольгѣ Измайловой, а вторую Марьѣ Степановнѣ. Въ теченіе этой осени я часто встрѣчался у Ома съ старикомъ Курпинскимъ, извѣстнымъ въ свое время польскимъ композиторомъ. Онъ былъ человѣкъ свѣдущій, и я съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ объ искусствѣ.

Зима 1849 на 1850 годъ была чрезвычайно сурова. Я захворалъ и долженъ былъ прекратить мои посѣщенія Ома. Весною я взялъ себѣ въ няни Теклу, еще молодую и довольно пріятной наружности дѣвушку. Она была добра и услужлива, но эти качества помрачалъ одинъ важный порокъ, къ сожалѣнію очень обыкновенный въ Варшавѣ: она періодически придерживалась водки и въ концѣ лѣта я вынужденъ былъ разстаться съ нею.

[1]) На полѣ рукою Глинки карандашомъ: «Хоръ для Смольнаго монастыря».

Въ теченіе лѣта я часто видался съ Дубровскимъ, Корсакомъ, Даніелемъ, Соболевскимъ (бывшимъ въ то время проѣздомъ въ Варшавѣ) и коммисаріатскимъ чиновникомъ А. П. Григоровскимъ.

Въ началѣ осени государыня императрица (нынѣ вдовствующая) пріѣхала въ Варшаву; на другой день пріѣзда ея величества я сочинилъ романсъ Ободовскаго Палермо, который посвятилъ государынѣ и который изданъ подъ именемъ Финскій заливъ.

Въ октябрѣ того же 1850 г. я былъ приглашенъ къ государынѣ императрицѣ на вечеръ. Это случилось по слѣдующему поводу: Ольга Николаевна, пріѣхавшая также въ Варшаву, объявила князю Паскевичу, что она не уѣдетъ изъ Варшавы, не услыша и не увидя Глинки.

Со мною приглашены были и Грюнберги: мать съ двумя дочерьми.

Государыня самымъ ласковымъ образомъ привѣтствовала меня почти въ слѣдующихъ словахъ, по-русски: «Здравствуй, Глинка! что ты тутъ дѣлаешь?» На мой отвѣтъ, что я нахожусь въ Варшавѣ по причинѣ климата менѣе суроваго, нежели въ Петербургѣ, ея величество изволила сказать: «разница не большая, но я рада, очень рада тебя видѣть». Я принужденъ былъ сбрить усы и бороду, такъ что когда я взошелъ въ залу, гдѣ находились гости, приглашенные на вечеръ, князь Паскевичъ, видѣвшій меня въ усахъ и бородѣ прежде того, поклонился мнѣ насмѣшливо; я ему отдалъ поклонъ важный, но также насмѣшливый въ противуположномъ родѣ, послѣ чего князь поклонился мнѣ естественно и я ему также. Послѣ этого мы съ княземъ болѣе не встрѣчались.

Вскорѣ меня посадили за рояль, а около меня стояли дѣвицы Грюнбергъ. Ольга Николаевна и Бартенева сѣли

у самаго рояля. Здѣсь нарушенъ мною хронологическій порядокъ. Еще весною 1849 г., въ бытность мою въ Петербургѣ, И. К. Кавосъ просилъ меня написать выпускной хоръ для дѣвицъ Смольнаго монастыря. Я съ трудомъ согласился на его просьбу, потому что не хотѣлъ вступать въ соперничество съ ...., съ Львовымъ и графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, которые писали, и не удачно, для дѣвицъ Смольнаго монастыря выпускные хоры.

Въ 1850 г., въ концѣ лѣта, Кавосъ прислалъ мнѣ стихи инспектора Смольнаго монастыря Тимаева; содержаніе ихъ было хорошо, но они были слишкомъ длинны. По разсчету времени, некогда было отослать ихъ въ Питеръ обратно для передѣлки, и я по возможности могъ только сократить ихъ. Сверхъ того, Кавосъ просилъ написать оркестръ какъ можно слабѣе, и предлагалъ мнѣ употребить фортепьяно, арфу и нѣсколько духовыхъ инструментовъ.

Зная по опыту, что отъ дудокъ (дураковъ, какъ ихъ называетъ дѣльно Кукольникъ) опрятнаго исполненія ожидать нельзя, съ фортепьяно и арфою я употребилъ весь оркестръ, наинструментовалъ пьесу такъ прозрачно и мягко, какъ только можно, съ тѣмъ, чтобы выказать голоса дѣвицъ какъ можно болѣе. Окончивъ трудъ, я отослалъ его Кавосу съ подробнымъ наставленіемъ, какъ размѣстить оркестръ и дѣвицъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Кавосъ, по свойственной ему разсѣянности, пренебрегъ моими замѣчаніями [1]). Хоръ не произвелъ надлежащаго эффекта, и я вслѣдствіе того получилъ забавное письмо отъ Кавоса. Въ этомъ письмѣ сказано между прочимъ: «Sa Majesté l'Em-

[1]) На полѣ копіи рукою Глинки карандашомъ написано: «Хоръ этотъ искаженъ отъ лѣности Кавоса, но у Д. В. Стасова желающіе могутъ найти вѣрный экземпляръ».

pereur a trouvé que l'instrumentation du choeur est faible et moi je partage parfaitement l'opinion de Sa Majesté». Cavos partage l'opinion de Sa Majesté [1])!

Въ началѣ октября 1850 мы переѣхали въ Налевки въ домъ Натансона. Квартира наша была очень опрятна и помѣстительна. Залъ былъ довольно большой, и въ теченіе зимы съ 1850 на 1851 г. часто приходили ко мнѣ молодыя гризетки, плясали у меня и очень веселились. Въ концѣ зимы мое здоровье начало очень разстраиваться, это происходило отчасти отъ куренія папиросокъ (что и прежде того мнѣ замѣчали нѣкоторыя знакомыя барышни), отчасти отъ венгерскаго вина, которое сильно бьетъ на нервы. Отъ того и другого я впослѣдствіи отсталъ совершенно.

Весною я также все какъ-то недомогалъ. Въ іюнѣ 1851 г., однажды послѣ обѣда, я игралъ на фортепьяно, у меня сидѣлъ А. Л. Неваховичъ (бывшій въ то время въ Варшавѣ), онъ привезъ съ собою католическаго ксендза и итальянскаго maestro Ricci. Don Pedro прервалъ мою игру на фортепьяно: принесли мнѣ два письма изъ деревни, я попросилъ гостей, чтобы позволили мнѣ прочесть ихъ, прибавя, что разомъ два письма предвѣщаютъ недоброе. Дѣйствительно, я получилъ извѣстіе о кончинѣ моей матушки; она, какъ праведница, угасла отъ старости.

Извѣстіе это поразило меня, но я не плакалъ. На другой день послѣ обѣда, въ большомъ и указательномъ пальцахъ правой руки, коими я взялъ роковыя письма изъ рукъ Pedro, въ то самое время, когда Pedro принесъ мнѣ ихъ наканунѣ, почувствовалъ я слабость и какъ бы ползаніе

---

[1]) «Bravo, bravissimo!» Здѣсь, рукою Глинки, нарисована ослиная голова.

мурашекъ, и чрезъ нѣсколько минутъ правая рука ослабѣла до того, что я не могъ почти владѣть ею. Докторъ мой, Морицъ Вольфъ, увѣрилъ меня однако же, что это было временное нервное раздраженіе—слова его впослѣдствіи оправдались.

Я первое время писать самъ не могъ, и съ величайшимъ затрудненіемъ подписывалъ свое имя. По моей просьбѣ, Don Pedro увѣдомилъ сестру Людмилу о бѣдствіи, меня постигшемъ; тогда же сестрѣ Людмилѣ съ ея мужемъ я далъ полную довѣренность на управленіе моихъ имѣній. Въ іюлѣ сестра Людмила пріѣхала ко мнѣ въ Варшаву; ея внимательная дружба нёсказанно утѣшила меня. Я нѣсколько ожилъ духомъ; мы распорядились по дѣламъ нашимъ сколько то было возможно. По отъѣздѣ сестры, въ августѣ я передѣлалъ Potpourri изъ испанскихъ мелодій: Recuerdos de Castilla, развилъ пьесу, и назвалъ ее испанской увертюрой № 2. Писать ноты мнѣ стоило менѣе труда, чѣмъ подписывать мое имя.

Въ то же время началъ хлопотать о паспортѣ за границу и послалъ докторское свидѣтельство въ С.-Петербургъ съ прошеніемъ. Не получая разрѣшенія о паспортѣ и видя изъ писемъ сестры Людмилы, что бумаги, сдѣланныя вслѣдствіе обдуманныхъ нами распоряженій, надобно было передѣлать, я рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ. Нанявъ почтовую карету (2-хъ-мѣстную) я, Don Pedro, Даніель и мой поваръ отправились изъ Варшавы въ началѣ сентября; погода была превосходная, и мы доѣхали благополучно. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, погода начала портиться, а съ нею и мое здоровье. Гейденрейхъ прислужился мнѣ слабительнымъ, отъ котораго нервы мои разыгрались, а такъ какъ болѣзнь усиливалась, то я и рѣшился прибѣгнуть къ гомеопатическому доктору Жалю

(Jal) [1]). Съ самаго начала леченія я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ рукѣ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я переѣхалъ въ домъ Мелихова. В. П. Энгельгардтъ часто навѣщалъ меня и познакомилъ меня съ меньшимъ братомъ Вл. Стасова, Дмитр. Вас. Стасовымъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ и хорошимъ музыкантомъ. У меня на квартирѣ былъ хорошій фортепьяно, Энгельгардтъ прислуживался нотами и скоро мы завели тамъ играніе въ 4 руки.

Въ октябрѣ пріѣхала въ Петербургъ сестра Людмила; послѣ совѣщанія съ добрымъ нашимъ родственникомъ А. В. Казадаевымъ, сдѣланныя въ Варшавѣ бумаги оказались ненужными. Пришлось мнѣ съ несказаннымъ трудомъ (въ началѣ ноября) подписывать другіе документы. Сестра Людмила, пріѣхавъ въ Петербургъ, поселилась у В. И. Флёри. 17-го ноября, въ день рожденія своего, она сдѣлала у себя вечеръ; на немъ объявила мнѣ, что она остается всю зиму со мною и что уже квартира ею нанята для насъ. Это дружеское участіе сестры тронуло меня до глубины души.

1-го декабря, мы съ сестрой переѣхали въ домъ Жукова на углу Невскаго проспекта и Владимірской улицы. Квартира была довольно удобна, залъ большой. Вскорѣ мы наняли 2 рояля у Мельцеля; впослѣдствіи Энгельгардтъ велѣлъ перенести къ намъ фортепьяно. Начали играть сперва въ 8, а потомъ и въ 12 рукъ. Сколько помнится, въ пятницу вечеромъ собирались участвовать въ этомъ дѣлѣ, а именно:

Дмитрій Стасовъ } 1 forte-piano.
А. Н. Сѣровъ }

[1]) «Жаль, что взялъ Жаля»—рукою Глинки.

В. П. Энгельгардтъ }
К. П. Вильбуа } 2 forte-piano.

Сверхъ того Добровскій, переведенный еще до моего пріѣзда, въ Петербургъ, въ качествѣ профессора польскаго языка въ Педагогическомъ институтѣ, познакомилъ насъ съ прекраснымъ пьянистомъ и очень милымъ человѣкомъ, по имени De Santis.

Для игры въ 12 рукъ Энгельгардтъ доставлялъ потребныхъ на то музыкантовъ, и самъ прилежно перекладывалъ на 12 рукъ, преимущественно изъ моихъ оперъ.

Вообще жилось довольно мило и пріятно, но здоровье шло хуже и хуже. Я совершенно лишился аппетита и почти въ теченіе декабря ничего не ѣлъ. Причиною этого жестокаго разстройства желудка полагаю, что, начавъ лечиться гомеопатически, мнѣ вздумалось (не знаю почему) пить воду, ѣсть холодныя кушанья и пр. Это болѣзненное состояніе продолжалось до 21 января 1852 г., и ночью разразилось жесточайшимъ и мучительнымъ разстройствомъ желудка (colique); рвота и жестокій (почти кровавый) поносъ терзали меня день и двѣ ночи.

Гейденрейхъ, призванный на помощь Жалю (котораго я оставилъ; съ тѣхъ поръ французскимъ докторамъ рѣшительно не довѣряю), въ недѣлю меня спасъ отъ опасности, которая мнѣ угрожала.

Когда я нѣсколько поправился, по просьбѣ Львова, я занялся приготовленіемъ пѣвчихъ (большихъ), которые должны были участвовать въ исполненіи его Молитвы у креста (Stabat mater). Въ тотъ годъ (1852) былъ 50-тилѣтній юбилей филармоническому обществу; нѣмцы хотѣли дать пьесу и моего сочиненія. Гр. Мих. Юр. Віельгорскій и Львовъ вытѣснили меня; негодованія съ моей

стороны не было и, какъ сказано выше, я училъ и кормилъ пѣвчихъ.

28 февраля былъ у насъ большой музыкальный вечеръ, производили въ особенности аріи Глюка съ гобоями и фаготомъ, оркестръ замѣняло фортепьяно. Глюкъ тогда еще больше произвелъ на меня впечатлѣніе — изъ его музыки слышанное мною въ Варшавѣ не могло еще мнѣ дать о немъ столь ясное понятіе.

Въ мартѣ, когда я началъ оправляться еще болѣе, посѣтилъ я, въ обществѣ Энгельгардта и Гейденрейха, оранжереи императорскія на Аптекарскомъ островѣ. Мое мнѣніе, что онѣ лучше устроены и богаче большими пальмами и другими тропическими растеніями, нежели парижскія оранжереи (serres) въ Jardin des plantes въ Парижѣ.

Въ апрѣлѣ сестра устроила (именно сестра, а не я) 2-ой концертъ для филармоническаго общества. Участвовала Шиловская и пѣла нѣсколько моихъ пьесъ. Оркестръ исполнилъ испанскую увертюру № 2 (A-dur) и Камаринскую, которую я тогда слышалъ въ первый разъ. Ѳ. М. Толстой (Ростиславъ) былъ на репетиціи, и именно на этой-то репетиціи была рѣчь о томъ, какъ онъ объяснилъ е. и. в. государынѣ императрицѣ (нынѣ вдовствующей), значеніе педалей на Fis и на Do въ заключеніи (Péroraison). Знаменитый нашъ критикъ по глубокому пластическому воззрѣнію не нашелъ ничего лучше и умнѣе, какъ только то, что пьяный-де толчется въ дверь.

Къ пасхѣ, по желанію сестры, я написалъ первоначальную польку (такъ она названа въ печати [1]). Эту польку я игралъ въ 4 руки съ 40-го года, написалъ же ее въ апрѣлѣ 1852 года.

[1]) «Изданіе прескверное и невѣрное!» *Пр. Глинки.*

На вечерѣ, который устроилъ для меня кн. Одоевскій въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ и гдѣ находились многіе изъ моихъ знакомыхъ, въ присутствіи ихъ графъ М. Ю. Віельгорскій началъ трунить надо мною, но я отъ него преловко отдѣлался.

Въ концѣ апрѣля былъ также (à mon intention) вечеръ у Новосельскаго (онъ былъ уже женатъ). На немъ повторили съ фаготомъ и гобоемъ часть пьесъ, исполненныхъ на нашемъ вечерѣ 28 февраля.

Въ маѣ былъ (à mon intention) вечеръ у кн. Мих. Волконскаго, играли квартеты; были на вечерѣ: Шубертъ, Шерингъ и Белингъ.

У насъ два раза былъ Шубертъ и играли квартеты.

Около половины мая (20 мая) сестра поѣхала со мною, Д. А. Шестаковымъ и А. Н. Сѣровымъ на биржу. Эль (которымъ, по нашему желанію, сестра угощала насъ) произвелъ совершенно различное дѣйствіе: я (противу обыкновенія) сохранилъ экилибръ (равновѣсіе), Д. А. сдѣлался чрезвычайно веселъ и разговорчивъ, у словоохотливаго же А. Н. Сѣрова языкъ прилипъ къ гортани. 21 мая (день моего ангела) я выпустилъ въ Лѣтній садъ 2 пѣночки и юлку, которыя потѣшали меня весною. Позавтракавъ у Donon, мы съ сестрою провели день въ Царскомъ Селѣ; къ ужину вечеромъ собрались пріятели, т. е. наша компанія.

ПЕРІОДЪ XV.

Третье путешествіе за границу и возвращеніе въ Россію.

23 мая, сестра и пріятели проводили меня за границу съ Don Pedro. Мы отправились въ почтовой каретѣ до Варшавы. На другой день путешествія мы взяли въ свою

карету довольно красивую барыню. Ея общество доставило мнѣ нѣсколько развлеченія во время путешествія, и я сочинилъ ей маленькую мазурку въ родѣ Chopin — эта мазурка понравилась въ Варшавѣ и Парижѣ.

Изъ Варшавы, гдѣ мы недолго оставались, мы отправились, на Ченстоховъ и Бреславль, въ Берлинъ. Въ день пріѣзда въ Römischen Hotel, утромъ былъ у меня Мейерберъ — между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «Comment se fait-il, M-r Glinka, que nous vous connaissons tous de réputation, mais nous ne connaissons pas vos oeuvres?» — «Cela est très naturel, lui ai-je répondu, je n'ai pas l'habitude de colporter mes productions». Впрочемъ, Мейерберъ чрезвычайно обходителенъ и любезенъ. Денъ показывалъ мнѣ все примѣчательное. Я хорошо осмотрѣлъ музеумъ и звѣринецъ. Денъ угощалъ меня также квартетами и мозельвейномъ.

Изъ Берлина, переночевавъ въ Ганноверѣ, на другой день пріѣхали мы въ Кёльнъ. Провели тамъ сутки и видѣли катедраль; — жаль, что его возобновляютъ и достраиваютъ: то же, да не то же. Изъ Кёльна ѣхали мы вверхъ по Рейну до Страсбурга. Милое путешествіе.

Оставшись нѣсколько дней въ Страсбургѣ, мы осмотрѣли катедраль и видѣли знаменитые часы. Желѣзная дорога между Парижемъ и Страсбургомъ не была еще окончена, и мы часть пути мучились въ дилижансѣ. Дилижансы во Франціи дѣйствительно мучительны, ихъ грузятъ ужасно, а сидѣть пассажирамъ тѣсно, притомъ же гг. кондукторы большіе невѣжи; пробывъ нѣсколько часовъ въ Nancy (весьма опрятненькомъ городѣ), по желѣзной дорогѣ рано, на другой день, прибыли въ Парижъ.

Не безъ удовольствія въѣхалъ я въ Парижъ; много, много прежняго, былого отозвалось въ душѣ моей. Я по-

селился въ Hôtel de la marine, гдѣ останавливался прежде и гдѣ нашелъ знакомыя лица.

Вскорѣ отыскались знакомые: Henry Mérimée (котораго статья о Жизни за Царя приведена мною въ концѣ 3-й части этихъ записокъ), съ которымъ, посредствомъ Мельгунова, по поводу этой статьи я познакомился еще въ 1845 г. зимою. Я уже тогда съ нимъ сблизился дружески, въ 1852 году лѣтомъ онъ былъ въ Парижѣ, и съ нимъ осматривали Hôtel de Cluny, музеумъ и также древнія улицы Парижа.

Пріѣхалъ на короткое время въ Парижъ Д. А. Шестаковъ, и мы съ нимъ въ теченіе 2-хъ дней были неразлучны, и съ дѣтскимъ веселіемъ беззаботно предавались разнообразнымъ парижскимъ удовольствіямъ.

Такъ какъ цѣль моей поѣздки была Андалузія, а именно: Севилья, то въ іюлѣ мы отправились въ Chalon sur Saône по желѣзной дорогѣ. Мы выѣхали вечеромъ; ночью, во время переѣзда, нѣсколько часовъ я мучился отъ нервнаго ощущенія заміранія со страхомъ, подобнаго тому, которое испыталъ въ 1847 году въ Новоспасскомъ и Смоленскѣ.

Къ утру страданія унялись, и мы по Сонѣ (Saône) на пароходѣ отправились въ Ліонъ, гдѣ переночевали. Не смотря на живописное мѣстоположеніе Ліона, послѣ мучительныхъ страданій прошедшей ночи, я былъ въ какомъ-то непріятномъ онѣмѣніи. Изъ Ліона по Ронѣ (Rhône) на пароходѣ же отправились въ Avignon, куда прибыли часовъ въ 5 пополудни. Берега Роны не столь живописны, какъ Рейна, а всѣ способы путешествія во Франціи въ то время были несравненно неудобнѣе, чѣмъ въ Германіи.

Въ Авиньонѣ осмотрѣли мы бывшій папскій дворецъ, обращенный теперь въ казармы; подлѣ дворца сдѣлано

между скалъ съ большимъ вкусомъ гулянье; насажены между голыхъ камней вѣчно зеленыя деревья. Это гулянье ведетъ къ террасѣ, съ которой представляется превосходная панорама: подъ ногами (à vol d'oiseau) большая часть города; Рона, раздѣленная на нѣсколько рукавовъ; вдали съ одной стороны чуть виднѣлись Альпы, съ другой Пиренеи.

Мы долго любовались этой панорамой. На другой день утромъ, въ Авиньонѣ, гдѣ мы переночевали, возобновилось нервное раздраженіе съ ужаснѣйшею силою. Я принялъ гомеопатическое Ignatia, и, успокоясь нѣсколько, послѣ завтрака, отправились мы по желѣзной дорогѣ въ Bocaire, гдѣ тогда была ярмарка; но мнѣ тогда было не до ярмарки, ни до Воклюза: я спѣшилъ въ Монпелье и Тулузу, чтобы скорѣе добраться до Испаніи. Судьба опредѣлила иначе.

Монпелье, который очень хвалятъ, мнѣ не понравился вовсе, равно какъ и гулянье, называемое Peyron. Въ дилижансѣ, изъ Montpellier въ 24 часа пріѣхали мы въ Тулузу, гдѣ остановились въ извѣстномъ уже намъ Hôtel Cosset tenu par Chaubart.

Мы пробыли тамъ около двухъ недѣль, въ продолженіе коихъ я страдалъ ежедневно. Въ Тулузѣ познакомились мы съ Emile Delille, съ которымъ часто видались въ Парижѣ. Онъ былъ образованъ, услужливъ, но гасконецъ.

Безпрерывное страданіе отвратило меня отъ намѣренія ѣхать въ Испанію, и я рѣшился возвратиться въ Парижъ, а чтобы путешествовать покойнѣе, я приказалъ нанять крытую коляску, и мы на почтовыхъ, безъ малаго въ двое сутокъ, доѣхали до Poitier, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Tour, на другой день въ Blois, на третій въ Orléans, на четвертый въ Парижъ. По причинѣ дурной погоды и

сквернаго расположенія духа я не видалъ зàмковъ: Chambord и Chenonceaux; берега Лоары показались мнѣ менѣе живописными, нежели берега Сены; за вѣрность этого мнѣнія не отвѣчаю.

Въ Парижъ мы возвратились 15 августа, день св. Наполеона; всѣ Hôtels были полны; въ Hôtel de la marine, гдѣ мы остановились, не было комнаты, и мы переночевали въ столовой, кто на диванѣ, кто на столѣ. Мы вскорѣ нашли удобную квартиру въ Rue Rossini подлѣ большой оперы (Académie de musique); эта квартира была на солнцѣ и слѣдственно веселенькая. Въ томъ же домѣ мы отыскали молодую женщину, m-me Jean, которая убирала наши комнаты и готовила намъ кушанье. Въ томъ же домѣ жила старушка m-me Beaucé: она была чрезвычайно живого и веселаго нрава, учила музыкѣ и весьма недурно. Дочь ея, m-me Идолде была первой пѣвицей въ opéra comique. Вскорѣ по переѣздѣ нашемъ въ Rue Rossini, мы познакомились съ m-me Beaucé, и она однажды вечеромъ собрала у насъ въ залѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ ученицъ, которыя впослѣдствіи осенью и зимою приходили постоянно заниматься со мною пѣніемъ, итальянскимъ въ особенности.

Сентябрь былъ превосходный, и я поправился до такой степени, что принялся за работу. Заказалъ себѣ партитурной бумаги огромнаго размѣра и началъ писать симфонію украинскую (Тарасъ Бульба) на оркестръ. Написалъ первую часть перваго Allegro (C-moll) и начало второй части, но, не будучи въ силахъ или расположеніи выбиться изъ нѣмецкой колеи въ развитіи, бросилъ начатый трудъ, который впослѣдствіи Don Pedro истребилъ [1]).

[1]) «Хорошъ былъ баринъ». *Прим. М. И. Глинки.*

Въ концѣ октября погода стала портиться, и, чтобы избѣгнуть скуки, съ содѣйствіемъ Don Pedro отыскалась молодая миловидная няня, по имени Léonie, сокращеннѣе Ninie.

Ей было лѣтъ 19 отъ роду, родомъ была она изъ департамента Jura (что нѣсколько часовъ отъ Женевы), была болѣе похожа на швейцарку и отличалась особенною свѣжестью лица. Она была смирна, но плоховата. Впрочемъ, зиму съ 1852 на 1853 г. я провелъ хорошо, домосѣдно, тихо и довольно пріятно. По утрамъ топили каминъ въ залѣ, и передъ завтракомъ у насъ было похоже на Cabinet de lecture: каждый сидѣлъ за своею книгою; послѣ завтрака почти ежедневно приходила одна изъ ученицъ m-me Beaucé. Въ 5-мъ часу мы обѣдали, иногда обѣдать приходили къ намъ пріятели, а вечеръ также не оставались мы одни.

Въ эту зиму прочелъ я, по указанію Henry Mérimée: Иліаду и Одиссею Гомера (переводъ прозою m-me Dacier); почти всего Овидія. Emile Delille (съ которымъ мы познакомились въ Тулузѣ) поселился въ Парижѣ и снабжалъ меня книгами изъ своей библіотеки. Онъ далъ мнѣ превосходное изданіе Овидія съ прекрасными гравюрами и Неистоваго Роланда Аріосто, который мнѣ очень понравился. Въ музыкальномъ отношеніи было не много примѣчательнаго. Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Парижъ, Henry Mérimée познакомилъ насъ въ семействѣ m-r Duport; тамъ собирались иногда по вечерамъ любители и любительницы музыки, и пѣли очень ловко разные morceaux d'ensemble.

Театръ посѣщалъ я рѣдко, по причинѣ той, что парижане нещадно душатся и въ театрахъ атмосфера невыносимая. Я слышалъ однакоже 2 раза въ opéra co-

mique Іосифа Мегюля, очень хорошо исполненнаго, т. е. безъ всякихъ вычуръ и такъ опрятно, что, несмотря на то, что Іосифъ и Симеонъ были плоховаты, исполненіе этой оперы тронуло меня до слезъ. Bussine въ роли Іакова былъ превосходенъ.

Волковъ прислужился Ninie и мнѣ ложею въ opéra comique на первое представленіе оперы Обера Marco Spada. Начало увертюры чрезвычайно мило и обѣщало много хорошаго; но Allegro увертюры и музыка оперы оказались весьма неудовлетворительными.

Волковъ былъ абонированъ на концерты въ парижской консерваторіи, ему было извѣстно невыгодное мое мнѣніе о вычурномъ способѣ исполненія въ этихъ концертахъ, въ особенности Бетховенской музыки. Онъ пожертвовалъ мнѣ однимъ концертомъ единственно для того, чтобы я повѣрилъ прежнее впечатлѣніе. Между прочимъ давали въ тотъ концертъ 5-ю симфонію Бетховена (C-moll); исполненіе нашелъ я совершенно такимъ же, какъ и прежде, т. е. очень вычурнымъ; р р доходили до нелѣпой Рубиневской степени, а гдѣ мало-мальски надлежало выходить духовымъ, они жеманно рисовались; однимъ словомъ, симфоніи Бетховена не было (elle a été complètement escamotée). Другія же пьесы, какъ хоръ дервишей изъ Аѳинскихъ развалинъ Бетховена и симфонія Моцарта, исполнены были отчетливо и весьма удовлетворительно.

Зимою съ 1852 на 1853 г. часто посѣщалъ меня Steiner, женатый на старшей дочери m-me Beaucé; нерѣдко бывалъ сынъ ея Henry Beaucé, весьма молодой мальчикъ, хорошій музыкантъ; онъ недурно пѣлъ, хотя нѣсколько въ носъ, высокимъ теноромъ. Steiner смѣшилъ насъ различными фарсами.

Въ началѣ весны Ninie уѣхала къ роднымъ, я также

собирался въ обратный путь, мало-по-малу здоровье мое снова начало портиться и мнѣ начало быть скучно въ Парижѣ. Возникъ восточный вопросъ; это обстоятельство еще болѣе увеличило желаніе возвратиться во-свояси, и нѣтъ сомнѣнія, что я бы уѣхалъ изъ Парижа, если бы нашелъ содѣйствіе въ этомъ намѣреніи со стороны моего товарища Don Pedro, который рѣшительно пристрастился къ Парижу и оказывалъ уже нѣкоторое сопротивленіе. Съ другой стороны, меня пугала желѣзная дорога, и я изыскивалъ другой способъ путешествовать; поручилъ мужу нашей кухарки, m-me Jean, опытному въ кучерскомъ дѣлѣ человѣку, развѣдать, нельзя ли дешево пріобрѣсть подержанную 2-хъ-мѣстную карету, и будутъ ли еще почтовыя лошади къ услугамъ ѣдущимъ въ собственныхъ экипажахъ. Пріобрѣтеніе кареты оказалось возможнымъ, но почтовыя лошади по всѣмъ направленіямъ желѣзной дороги уже не существовали. Это меня ввергло въ непріятное положеніе; съ разстроеннымъ желудкомъ и раздраженными нервами я не зналъ, на что рѣшиться. Между тѣмъ подвернулась мнѣ бойкая и веселонравная, довольно миловидная, молоденькая гризетка изъ Бордо. Мы перешли изъ rue Rossini въ концѣ апрѣля въ rue Richer № 43, въ квартиру чрезвычайно удобно расположенную и вновь очень опрятно меблированную. Нашлась подлѣ нашей квартиры маленькая квартирка и для Амаліи, такъ звали мою борделезку. По просьбѣ нашей, m-me Coupé (отдававшая намъ въ наемъ квартиру, жена d'un tapissier), женщина пріятныхъ свойствъ, отрекомендовала намъ для услуженія и какъ кухарку индіанку (Indienne) Zoé изъ Pondichéry. Зоѣ было подъ 40 лѣтъ, она была маленькая, очень смуглая, почти коричневаго цвѣта женщина, голосъ ея былъ совершенно дѣтскій. Она была чрезвычайно чистоплотна, готовила ку-

шать хорошо, а жарила на вертелѣ въ совершенствѣ. Хотя восточный вопросъ разгорался все болѣе и болѣе, и я тогда же предвидѣлъ, что онъ доведетъ до войны; несмотря также на то, что я часто страдалъ желудкомъ и нервами; не взирая, прибавлю, и на то, что это страданіе и печальныя размышленія довели меня до тоски по отчизнѣ (Nostalgie) — несмотря на то, я не бралъ доктора, по справедливости опасаясь шарлатановъ французскихъ и другихъ; не мало было и отрадно-разнообразныхъ минутъ.

Раннею весною пріѣхалъ кн. Алексѣй Дм. Салтыковъ изъ Египта въ Парижъ. Я съ нимъ былъ давно знакомъ, а въ теченіе 1853 г. мы съ нимъ часто дружески видались. Нерѣдко въ началѣ весны, когда еще почти не было зелени, ѣзжали мы въ Bois de Boulogne и позже лѣтомъ нерѣдко обѣдали и проводили время вмѣстѣ. Онъ художникъ въ душѣ, дипломатъ черезъ-чуръ вѣжливый по наружности. Садъ des Tuilleries превосходенъ весною: яркая зелень дикихъ каштановъ (marroniers), сирени въ полномъ цвѣту — но въ особенности рой миловидныхъ, уже ловкихъ и мило одѣтыхъ дѣтей, дѣвочекъ въ особенности, нравится и привлекаетъ.

Амалія иногда веселила, но чаще докучала мнѣ своею излишнею живостію. Она уѣхала въ Бордо около начала іюня. До ея отъѣзда случайно отыскалась одна наша знакомая испанка, по обратному путешествію нашему изъ Севильи въ Мадридъ въ 1847 г. Антонія была очень хорошенькая, рѣзвая и веселая андалузка; къ сожалѣнію, она скоро уѣхала обратно въ Испанію.

Adeline H., изрѣдка навѣщавшая Амалію модистка, по моему приглашенію посѣщала меня часто, а лѣтомъ переѣхала ко мнѣ въ качествѣ няни. Ей было подъ 30 лѣтъ,

она была пріятная, довольно благовоспитанная и очень грамотная барышня.

Однажды, въ исходѣ лѣта, возвратясь изъ утренней прогулки, я засталъ Мейербера въ нашей гостиной съ Don Pedro. Съ свойственной ему любезностію, Мейерберъ говорилъ о разныхъ предметахъ; спросилъ объ изданіи моихъ оперъ; я показалъ ему печатные экземпляры, бывшіе со мною, «Жизни за Царя» и «Руслана». Рѣчь зашла о Глюкѣ, и на вопросъ мой, производитъ ли музыка его эффектъ на сценѣ? Мейерберъ отвѣчалъ мнѣ, что именно на сценѣ только Глюкъ становится великимъ (grandiose). Онъ обѣщалъ мнѣ при моемъ отъѣздѣ дать знать въ Берлинъ заблаговременно и похлопотать о томъ, чтобы одну изъ Глюковыхъ оперъ дали для меня. Въ Берлинѣ въ то время были на сценѣ 4 оперы Глюка: двѣ Ифигеніи, Армида и Альцеста. Отъ Глюка перешли мы къ другимъ классическимъ композиторамъ, при чемъ я высказалъ мой взглядъ на искусство. «Mais vous êtes très difficile!» сказалъ мнѣ Мейерберъ. J'en ai complètement le droit, отвѣчалъ я ему, je commence par mes propres œuvres, dont je suis rarement content».

Послѣ этого раза я не встрѣчался съ Мейерберомъ; зимою или къ веснѣ онъ поставилъ въ Opéra comique оперу: l'Etoile du Nord; я ея не слыхалъ, и негодовалъ за то, что въ ней выведенъ Петръ I-й весьма непочтительно.

Въ концѣ лѣта 1853 г. египетскій паша прислалъ императору французовъ молодого бегемота (Hippopotame); стеченіе въ Jardin des plantes было такое, что мы съ Pedro долго не могли увидѣть этого любопытнаго звѣря. Былъ также привезенъ троглодитъ (Chimpanze), хотя не большой, но настоящей породы. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ

сидѣлъ въ большой клѣткѣ, гдѣ оставили немного обезьянъ, съ которыми онъ выдѣлывалъ удивительнѣйшія проказы.

Кромѣ посѣщенія Jardin des plantes и прогулокъ по окрестностямъ, я любилъ иногда угощать соотечественниковъ обѣдомъ у себя. Каждый новопріѣзжій пріятель непремѣнно, по моему настоятельному требованію, являлся ко мнѣ на обѣдъ. Я самъ съ Зоею ходилъ выбирать плоды и умѣлъ очень ловко распоряжаться.

Въ глубокую осень поставили въ моей спальнѣ калориферъ, который былъ такъ хорошъ, что въ зимнее время, когда морозило, не смотря на то, что не было двойныхъ оконъ, мнѣ было тепло; нѣкоторые знакомые снимали даже сюртуки и галстухи въ моей спальнѣ.

Не смотря на это, я хворалъ всю зиму, вѣроятно отчасти отъ того, что курилъ папиросы, не смотря на неоднократныя предостереженія Аделины, справедливо замѣчавшей, что куреніе табаку мнѣ вредило. Зиму всю я сидѣлъ дома и хандрилъ. Аделина читала бойко и отчетливо. Она прочла мнѣ почти всего Paul de Kock, Тысяча одну ночь (жаль, что я не читалъ этихъ сказокъ до сочиненія моей оперы Русланъ!) и Décameron Боккачіо. Серьезнымъ чтеніемъ и дѣломъ я не былъ расположенъ заниматься.

Вскорѣ по объявленіи войны Россіи съ Франціею, я съ Pedro уѣхалъ изъ Парижа, навѣстивъ передъ отъѣздомъ Jardin des plantes, какъ любимое мною мѣсто. Какъ было тепло и пріятно въ этомъ чудесномъ саду — цвѣли плодоносныя деревья и магноліи. Въ ночь передъ самымъ выѣздомъ у меня сдѣлалось сильное разстройство желудка, не смотря на это утромъ на другой день я выѣхалъ по сѣверной желѣзной дорогѣ.

Это было въ началѣ апрѣля 1854 г. по новому стилю.

Аделина провожала меня до желѣзной дороги. Вечеромъ въ 10 часовъ мы прибыли благополучно въ Брюссель и остановились въ Hôtel de Suède.

Намъ подали ужинать, но, послѣ бывшаго со мною разстройства желудка, я не могъ рѣшительно ѣсть, притомъ же трактирная пища мнѣ показалась очень нехорошею.

На другой день, братъ Henry Beaucé пригласилъ меня съ Pedro обѣдать; я ничего не ѣлъ, но не отказался отъ превосходныхъ винъ, которыми онъ угощалъ насъ. Вечеромъ мы были въ театрѣ и порядкомъ посмѣялись— давали пьесу, которая относилась къ тогдашнему политическому вопросу. На третій день пріѣзда въ Брюссель я посѣтилъ семейство Фейгинъ. Одна изъ барышень была невѣстой Дамке, съ которымъ я тогда познакомился. Мы были въ мастерской очень талантливаго, но крайне сумасброднаго живописца, имени не упомню. Его картины произвели на меня крайне непріятное впечатлѣніе. Вечеромъ того дня съ семействомъ Фейгинъ мы отправились къ одному бельгійскому любителю музыки. На вечерѣ были тамъ скрипачъ Léonard съ женою и Серве. По моей просьбѣ исполнили тріо D-dur Бетховена; на фортепьяно игралъ очень хорошо, т. е. просто (не вычурно) и отчетливо, самъ хозяинъ, на скрипкѣ Léonard, на віолончелѣ не знаю кто, только не Серве, который не игралъ вовсе, а важничалъ и между прочимъ.пригласилъ меня къ себѣ въ помѣстье поохотиться.

Когда я по окончаніи тріо сталъ благодарить хозяина, онъ, указывая на Серве и на другихъ находившихся тамъ виртуозовъ, сказалъ мнѣ: «Ce sont tous mes amis, mais je ne les aime pas».

На Кёльнъ и Ганноверъ, по желѣзной дорогѣ, мы про-

ѣхали въ Берлинъ. Меня до крайности размололо, мы ѣхали avec la grande vitesse.

Съ радостію я увидѣлъ Дена, который угощалъ меня квартетами, Гайдна въ особенности. Не былъ забытъ и мозельвейнъ. Здоровье мое было разстроено; погода сдѣлалась очень сурова; но я перемогался, вспомнилъ, что даютъ Глюка на театрѣ, и рѣшился, несмотря на недугъ, услышать одну изъ его оперъ. По совѣту Дена, я обратился къ издателю Шлезингеру, который съ израильскою услужливостью представилъ меня директору театровъ, который принялъ меня ласково и обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе. Кромѣ меня былъ въ Берлинѣ пріѣзжій композиторъ изъ нѣмцевъ (имени не упомню), который также, какъ и я, желалъ слышать одну изъ оперъ Глюка. По совѣту Шлезингера я былъ у первой пѣвицы г-жи Кёстеръ. Съ разрѣшенія короля дали наконецъ Армиду. Эффектъ на сценѣ этой музыки превзошелъ мои ожиданія; сцена въ очарованномъ лѣсу, D-dur съ сурдинами, очаровательна. Сцена 3-го дѣйствія съ Ненавистью (большая сцена, какъ ее называютъ нѣмцы) необыкновенно величественна. Г-жа Кёстеръ по-моему была хороша, пѣла вѣрно, играла умно; стройный ея станъ чрезвычайно хорошо шелъ къ ролѣ. Оркестръ по-моему лучше несравненно, чѣмъ въ парижской консерваторіи — играли безъ вычуръ, но отчетливо — полнота этого оркестра была болѣе чѣмъ удовлетворительна: двѣнадцать 1-хъ, двѣнадцать 2-хъ скрипокъ, 8 альтовъ, 7 віолончелей и столько же контрбасовъ, духовыхъ по два инструмента. Обстановка очень хорошая (zwekmässig), сады изъ ландшафтовъ Клодъ Лорена, балетъ и прочее. Это было 74-е представленіе Армиды и театръ былъ полонъ.

Я былъ также въ Singverein въ страстную пятницу;

давали Tod Jesu Грауна, пѣли недурно—оркестръ былъ слабъ, а музыка еще слабѣе.

Въ Варшаву я пріѣхалъ благополучно, и остался тамъ лишнюю недѣлю, по причинѣ опухоли правой ноги (вѣроятно отъ тѣсныхъ парижскихъ сапогъ). Корсакъ, поэтъ Вольскій и Н. Волковъ, который былъ сдѣланъ директоромъ Штукъ-пенкныхъ, часто навѣщали меня; послѣдній далъ мнѣ на время свой pianino.

Вольфъ успокоилъ меня на счетъ ноги; благодаря кн. А. М. Голицына (директора почтъ въ Варшавѣ) 11 мая въ почтовой каретѣ мы отправились въ С.-Петербургъ, куда прибыли благополучно 16 мая 1854 г., рано по утру; я вздремнулъ, а Pedro, узнавши адресъ сестры въ Царскомъ Селѣ, полусоннаго перевезъ меня въ Царское, гдѣ я нашелъ сестру Людмилу Ивановну и маленькую крестницу, племянницу Оленьку, въ вожделѣнномъ здравіи.

М. И. ГЛИНКА.

Съ акварели, рисованной В. В. Самойловымъ въ Парижѣ, въ 1854 г.

Оригиналъ принадлежитъ Л. И. Шестаковой.

дозв. ценз. спб., 26 ноября 1886 г. типографія А. С. Суворина.

II

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И КОНЧИНА

МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ

(ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ ЕГО, Л. И. ШЕСТАКОВОЙ)

1854—1857

I.

Жизнь въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1854 г. — Друзья и знакомые. — Зима въ Петербургѣ.—Заботы о крестницѣ.—„Дѣтская полька“.— „Торжественный польскій“.—А. С. Даргомыжскій.—Глинка на представленіи оперы: „Жизнь за Царя“.—Церковная музыка.—Новая опера: „Двумужница“.—Характеръ Глинки.—Послѣдній отъѣздъ за границу.

1854—1856 гг.

Братъ окончилъ свои «Записки» 1854 годомъ, пріѣздомъ своимъ въ Царское, а умеръ онъ въ 1857 г. Я хочу, насколько память моя и письма брата позволятъ, пополнить этотъ пробѣлъ и сообщить о немъ все, что я знаю, не только какъ о композиторѣ, но и какъ о человѣкѣ.

Жилось намъ въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ въ 1854 г. хорошо; братъ былъ здоровъ, доволенъ. Обыкновенно день его былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: вставалъ онъ довольно рано и исписывалъ мелкимъ шрифтомъ цѣлый листъ своихъ «Записокъ»; часовъ въ 10 приходилъ къ чаю и прочитывалъ мнѣ написанное имъ въ то утро; поговоря немного, мы уходили на балконъ. Иногда онъ писалъ что-нибудь (все лѣто онъ рѣшительно ничего не сочинилъ, но наоркестровалъ нѣсколько пьесъ), а чаще читалъ одинъ, или я ему читала громко. Для отдыха онъ валялся или занимался съ дѣвочкою моею, его крестни-

цею (которую онъ очень любилъ), на коврӗ, разостланномъ тутъ же на балконӗ, и когда бывало-принесутъ имъ еще котенка, то онъ оставался очень доволенъ. Въ 1-мъ часу мы завтракали, потомъ обыкновенно пріѣзжали знакомые изъ Петербурга; вечеромъ ходили гулять въ паркъ или въ оранжереи.

Такъ шли день за днемъ, тихо, покойно; исключенія были рѣдки. 21-го мая, въ день ангела брата, собралось у насъ большое общество и братъ былъ веселъ. Чаще всѣхъ посѣщали насъ въ это время: А. Ѳ. Львовъ, В. П. Энгельгардтъ, И. А. Шестаковъ, А. Н. Сѣровъ, Д. В. Стасовъ, К. П. Вильбоа и П. П. Рындинъ съ женою.

Василій Павловичъ Энгельгардтъ чрезвычайно любилъ брата, постоянно доставлялъ ему всевозможныя музыкальныя наслажденія, даже въ Царскомъ устроилъ музыкальный квартетный вечеръ съ Пиккелемъ и другими; между прочими пьесами исполняли одно изъ юношескихъ произведеній брата, и братъ не узналъ своего квартета. Помню, какъ будто бы теперь вижу, довольное лицо брата, когда онъ слушалъ прелестное исполненіе артистовъ. Онъ глубоко цѣнилъ расположеніе къ нему Энгельгардта, да и понятно: съ его душой не дорожить такою постоянною привязанностію было невозможно. И. А. Шестаковъ и Александръ Николаевичъ Сѣровъ гащивали у насъ. Часто у А. Н. Сѣрова съ братомъ шли толки о музыкѣ и продолжительные; тогда, насколько я помню, Александръ Николаевичъ любилъ «Руслана»; не разъ слыхала я, какъ онъ исчислялъ красоты этой оперы самому брату. Еще изъ посѣтителей былъ П. П. Дубровскій, профессоръ польскаго языка, академикъ; онъ былъ переведенъ изъ Варшавы, гдѣ имѣлъ случай оказать брату нѣсколько услугъ. Братъ никогда не забывалъ малѣйшаго добра,

сдѣланнаго ему; къ тому же Дубровскій былъ человѣкъ добрый, но имѣлъ такую страсть спорить, что иногда выводилъ брата изъ терпѣнія. Помню, однажды страсть Дубровскаго была въ полномъ разгарѣ; братъ долго слушалъ его, потомъ, не отвѣчая ему, подошелъ къ портрету покойнаго государя императора Николая Павловича, сталъ передъ нимъ на колѣни, съ словами: «Ваше императорское величество! уничтожили вы виленскій университетъ, уничтожьте и московскій (Дубровскій воспитывался въ московскомъ университетѣ), чтобы подобныхъ сему господину меньше было на свѣтѣ». Конечно, эту выходку сопровождалъ всеобщій смѣхъ присутствовавшихъ лицъ.

Такъ шло время до августа; мы никуда не ѣздили — братъ не любилъ; одинъ разъ всего были въ Павловскѣ на музыкѣ, и то по моему желанію. Въ началѣ августа Энгельгардтъ уѣхалъ за границу; я замѣтила, что отъѣздъ его грустно отозвался на братѣ; къ тому же приближалась осень: братъ началъ спѣшить переѣздомъ въ городъ. Квартира была отыскана и нанята мною въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой, и 26-го августа мы переѣхали въ Петербургъ. Квартира наша была хорошая, а зала для музыки чрезвычайно обширная и съ хорошимъ резонансомъ. Скоро по переѣздѣ въ городъ дѣвочка моя занемогла опасно; братъ прервалъ всѣ свои занятія и совершенно посвятилъ себя заботамъ о насъ. Надо было видѣть, съ какимъ горячимъ участіемъ онъ помогалъ мнѣ ухаживать за дѣвочкою; онъ иногда ночами приходилъ сидѣть со мною, ходилъ чуть слышно и на это время совершенно отказывалъ себѣ въ музыкальныхъ, и всякихъ удовольствіяхъ. Съ какою деликатностью, мягкостью онъ обращался съ нами всегда, а особливо въ это время!.. Онъ превзошелъ себя, и когда моя дѣвочка совершенно опра-

вилась, первое, что онъ сочинилъ, была «Дѣтская полька», ей къ ёлкѣ.

Въ концѣ этой зимы или весною онъ сочинилъ «Торжественный польскій» для коронаціи императора Александра II, который, по приказанію императора, и игрался. Помню, что въ продолженіе этой зимы, съ 1854 на 1855 г., братъ выѣзжалъ очень мало. Онъ вообще былъ домосѣдомъ, занимался и проводилъ свой день по прежнему, съ тою разницею, что у насъ собиралось очень много и часто пѣли, играли; иногда игра доходила до 12-ти рукъ. Въ это время бывали у насъ: П. А. Бартеньева, М. В. Шиловская, А. А. Билибина и много другихъ. А. С. Даргомыжскій бывалъ у брата довольно часто и обыкновенно братъ бывалъ ему очень радъ, но не обходилось дѣло безъ разныхъ выходокъ со стороны брата. Въ то время Даргомыжскій писалъ свою «Русалку», и приносилъ брату прослушать написанное. Братъ восхищался многимъ въ этой оперѣ, но когда Даргомыжскій пропѣлъ ему арію княгини въ 3-мъ актѣ «Дней минувшихъ наслажденья», братъ сказалъ: «Это что-то очень смахиваетъ на арію Гориславы изъ «Руслана» въ 3-мъ актѣ». Даргомыжскій не захотѣлъ вѣрно спорить съ братомъ и отшутился очень мило: «Э, братъ, сказалъ онъ, тебя всѣ чужіе обкрадываютъ, отчего же своему не пощипать немножко?»

Въ другой разъ, когда А. С. Даргомыжскій былъ не въ духѣ, то на замѣчаніе брата, что одинъ изъ мотивовъ «Русалки» отзывается другимъ сочинителемъ, Даргомыжскій съ сердцемъ отвѣчалъ: «Это ты воображаешь или просто выдумываешь». Тогда же братъ уговаривалъ Даргомыжскаго, конча эту оперу, непремѣнно начать комическую, говоря, что онъ заранѣе увѣренъ, что это выйдетъ un chef d'oeuvre. Но, странно, Даргомыжскій всегда какъ

будто обижался этимъ и даже одинъ разъ сказалъ ему: «Неужели ты думаешь, что я, кромѣ комическихъ вещей, ничего не могу сдѣлать?» Братъ говорилъ ему, что, конечно, онъ самъ видитъ и знаетъ, что въ «Русалкѣ» и не комическія вещи превосходны, но что, по его мнѣнію, написать комическую оперу нисколько не легче, и что для этого нуженъ особенный талантъ, который онъ и встрѣтилъ только въ немъ одномъ.

Помню еще одну сцену брата съ Даргомыжскимъ. Братъ любилъ совѣтовать писать другимъ, но когда уговаривали писать его самого, онъ обыкновенно, ежели бывалъ въ дурномъ настроеніи, оставался очень недоволенъ и сердился; если же бывалъ въ духѣ, то обращалъ эти уговоры въ смѣшную сторону. Такъ однажды, когда Даргомыжскій началъ говорить ему, что стыдно ему съ такимъ талантомъ ничего не сочинять, братъ, вмѣсто отвѣта, запѣлъ ему его романсъ: «Каюсь, дядя, чортъ попуталъ», и его же пискливымъ дискантомъ; въ первую минуту А. С. былъ пораженъ, но продолжалъ свои увѣщеванія; чѣмъ болѣе А. С. уговаривалъ брата, тѣмъ тотъ сильнѣе старался выпискивать «Дядю», и кончилось тѣмъ, что А. С. сказалъ: «Какой ты, братъ, школьникъ!» и заговорили о другомъ.

Въ эту зиму братъ бывалъ у князя Одоевскаго и Волконскаго на музыкальныхъ вечерахъ и былъ очень доволенъ, слыша тамъ хорошую музыку и превосходное исполненіе. Еще онъ бывалъ у Ломакина, слушалъ пѣвчихъ Шереметева, исполнявшихъ пьесы древнихъ итальянскихъ и нѣмецкихъ сочинителей.

Братъ всегда сильно любилъ музыку Бетховена, Баха, Генделя, но въ эту эпоху болѣе всего восхищался Глукомъ. Онъ не разъ разсказывалъ мнѣ о восторгѣ, довед-

шемъ его до слезъ, когда, проѣздомъ чрезъ Берлинъ, онъ слышалъ на сценѣ «Армиду» Глука, наигрывалъ мнѣ мѣста, которыя болѣе подѣйствовали на него, и, можно сказать, упивался этою музыкою.

Въ эту же зиму я упросила его быть со мною въ театрѣ, и мы были два раза. Видѣли Лябляша въ «Barbier de Séville», потомъ мнѣ непремѣнно хотѣлось вмѣстѣ съ братомъ видѣть «Жизнь за Царя», онъ согласился. Но при поднятіи занавѣса онъ былъ непріятно пораженъ, увидя, какъ небрежно давалась эта опера.

Послѣ первыхъ представленій въ 1836 г. онъ не видалъ свою старуху, какъ онъ называлъ «Жизнь за Царя», и въ девятнадцать лѣтъ не было подновлено ничего; тѣ же самые костюмы, тѣ же декораціи, и польскій балъ освѣщался 4-мя свѣчами; братъ на это замѣтилъ мнѣ, что скоро будутъ освѣщать его двумя сальными огарками. Но что выдѣлывалъ оркестръ, какіе брались темпы, ужасъ! Я понимаю, какая была большая жертва со стороны брата для меня, что онъ немедленно не оставилъ театръ. Но онъ восхищался Петровымъ, и тутъ же въ роли Вани замѣтилъ голосъ Леоновой (впослѣдствіи она сдѣлалась его ученицей). Въ одинъ изъ антрактовъ вошелъ съ нами въ ложу князь Одоевскій и шепнулъ мнѣ, что брата хотятъ вызывать, и шепнулъ такъ громко, что братъ, услыхавъ это, всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ ложи, сказавъ мнѣ: «Подъѣзжай, пожалуйста, къ квартирѣ директора и пришли за мной человѣка». Останавливать брата не было никакой возможности, я знала хорошо его характеръ. Точно, его вызывали, но тутъ же со сцены было объявлено, что онъ уѣхалъ. Болѣе я его никогда не звала въ театръ и ужасно досадовала на себя, что и въ этотъ разъ попросила его быть со мною въ «Жизни за Царя»,

потому что онъ на другой же день занемогъ сильнымъ разстройствомъ нервъ. Гейденрейхъ зналъ хорошо его мягкую натуру, и, съ свойственною ему деликатностью, успокоилъ его нервы; недѣли черезъ двѣ онъ оправился.

Вскорѣ послѣ этого, Дарья Мих. Леонова пріѣхала къ намъ и братъ началъ заниматься пѣніемъ съ нею; голосъ ея ему нравился, и онъ началъ инструментовать разные романсы и пр. для ея предполагаемаго концерта. Какъ теперь вижу его сидящимъ въ залѣ, въ своемъ любимомъ халатѣ, обыкновенно близь стола и усердно выписывающимъ партитуру... Вбѣгаетъ бывало неожиданно Оля, и прямо къ брату: «Мися, игляй», братъ съ улыбкой, доброй, хорошей улыбкой оставлялъ немедленно работу и садился играть; потомъ дѣвочка затѣвала пѣть, и братъ училъ ее, «Ходитъ вѣтеръ у воротъ», и радовался, когда она брала вѣрныя ноты. Иногда онъ самъ танцовалъ съ нею, а иногда, чтобъ посмѣшить Олю, танцовалъ мазурку съ 60-ти-лѣтнею старухою, нянею моей дѣвочки.

Въ томъ же 1855 г. великимъ постомъ братъ хотѣлъ слышать сочиненную имъ передъ этимъ церковную музыку: эктеніи на обѣдни въ три голоса и «Да исправится». Чрезъ князя Волконскаго устроилось такъ, что архимандритъ Сергіевской пустыни былъ самъ у насъ и пригласилъ брата и меня пріѣхать въ назначенный имъ день въ пустынь; братъ былъ не очень здоровъ и ѣхать не могъ, но отправилъ меня одну. Съ этого времени братъ началъ подумывать серьезно о церковной музыкѣ и началъ понемногу заниматься церковными тонами.

Но вскорѣ музыка другого рода отвлекла его отъ этихъ занятій: ему вдругъ пришла мысль написать еще небольшую оперу, «Двумужница». Начались хлопоты, толки о новой оперѣ. Приблизительно около этого времени брату

захотѣлось послать обѣ оперы свои и романсы въ Берлинъ Дену для публичной библіотеки. Партитуры оперъ онъ отдалъ переписывать, и потомъ самъ повѣрялъ ихъ, а отыскать и собрать романсы онъ возложилъ на меня; хлопотъ было довольно: братъ помнилъ, при комъ и въ которомъ году писалъ онъ каждый романсъ, но кому они были подарены, не помнилъ. Объ иныхъ изъ нихъ надо было писать къ разнымъ лицамъ, не только въ Петербургѣ, но даже во внутрь Россіи и за границу, спрашивая, гдѣ можно отыскать; другихъ же совсѣмъ не оказалось и онъ написалъ ихъ съизнова. Когда же, наконецъ, все было отыскано и я привезла ему ихъ, распредѣля по годамъ, братъ вздумалъ пересмотрѣть ихъ, и ему попался дуэтъ переложенный изъ баркаролы «Уснули голубыя сегодня,какъ вчера». Переложеніе было ужасное, и тутъ же было напечатано, что переложено Глинкою. Братъ вышелъ изъ себя и, взявъ этотъ дуэтъ, поѣхалъ жаловаться, но, пріѣхавъ къ квартирѣ Дубельта, замѣтилъ, что свертка уже не было; вѣрно, садясь въ экипажъ, онъ выронилъ его изъ рукъ, потому что изъ кареты свертокъ не могъ же выпасть. Братъ вернулся домой раздосадованный, но болѣе не жаловался, а только сдѣлалъ выговоръ фабриканту этой музыки.

Скажу здѣсь нѣсколько словъ о характерѣ брата. У брата была наивнодѣтская, мягкая, деликатная натура, и ничто не могло поколебать ее, ни семейныя дрязги, ни кружки, въ которые судьба забрасывала его; ровно ничто не могло повредить его таланту; доказательствомъ тому служатъ его послѣднія произведенія: «Русланъ», «Камаринская» и двѣ «Испанскихъ увертюры». Братъ никогда не могъ писать по заказу; онъ писалъ только тогда, когда что-нибудь сильно, пріятно дѣйствовало на него, будь это

женщина, природа, климатъ, превосходное произведеніе искусства; тогда онъ вдохновлялся. Но что въ Россіи ему было труднѣе писать чѣмъ гдѣ-нибудь, это очень понятно: климатомъ и природой онъ восхищаться, конечно, не могъ, а полное пренебреженіе къ его таланту со стороны русскаго общества парализировало въ немъ всякое вдохновеніе. Чтò бы написалъ братъ, ежели бы жилъ теперь, когда такъ горячо относится большая часть публики къ его произведеніямъ!

Онъ не былъ разсѣянъ, но неумѣнье вести дѣла было вообще сильно въ немъ: онъ не любилъ никакихъ дѣлъ и хозяйственныхъ дрязгъ. Но чтò въ немъ было развито до невѣроятныхъ размѣровъ, это мнительность, — онъ такъ боялся смерти, что до смѣшного ограждалъ себя отъ всякихъ малостей, которыя, по его мнѣнію, могли вліять на его здоровье. Онъ былъ иногда нездоровъ, какъ и всѣ бываютъ, но онъ себя считалъ всегда больнымъ и даже часто близкимъ къ смерти, и потому иногда выходили презабавныя штуки. Такъ, напримѣръ, въ томъ же 1855 г., въ первый день праздника Пасхи, утромъ вошелъ онъ въ мою комнату блѣдный и чуть слышнымъ голосомъ сказалъ: «мнѣ худо», и на вопросъ мой — чтò съ нимъ? онъ показалъ мнѣ, что на щекѣ у него показалась кровь. «Видишь, кровь уже выходитъ», сказалъ онъ. Я, зная, что онъ постоянно самъ брѣется, поняла, что онъ вѣрно порѣзалъ себя немного, и сообщила ему мое предположеніе. Онъ успокоился и даже повеселѣлъ, и мы пошли съ нимъ поздравить нашу добрую хозяйку, старуху Томилову, съ праздникомъ, — она жила въ томъ же домѣ. Поздоровавшись съ нею, я оглянулась, чтобы уступить мѣсто брату, но его уже не было въ комнатѣ. Я поняла въ чемъ дѣло, — у хозяйки на столѣ лежала суконная салфетка, пропитан-

ная камфорой и перцемъ. Пробывъ нѣсколько минутъ, я ушла, сказавъ, что вѣрно брату сдѣлалось дурно. Возвратясь къ себѣ, я нашла уже брата въ другомъ платьѣ, а то, въ которомъ онъ ходилъ къ Томиловой, было приказано выбросить изъ дому: по словамъ брата, въ немъ была отрава отъ камфоры. Дѣло въ томъ, что онъ самъ постоянно лечился гомеопатіей, у него была маленькая аптечка, и потому онъ никакихъ сильныхъ запаховъ выносить не могъ; духи для него были также антипатичны, какъ и камфора, и всѣ пряности вообще. Перецъ, лавровый листъ и всѣ остальныя пряности были изгнаны изъ нашей кухни, т. е. на словахъ, а на дѣлѣ бывало такъ, что ежели супъ ему по вкусу, и онъ замѣтитъ въ немъ лавровый листъ или перецъ, то и прикроетъ ихъ кускомъ говядины, а супъ кушаетъ на здоровье. Помню, разъ былъ онъ въ хорошемъ настроеніи и, замѣтя лавровый листъ въ супѣ, сказалъ мнѣ: «Не люблю я лавровъ ни на головѣ, ни въ супѣ...»

Прошли праздники, канва для оперы была уже готова, отысканъ либретистъ, нѣкто Василько—Петровъ, довольно неважный литераторъ и преподаватель декламаціи въ Театральной школѣ. Много, очень много мотивовъ были у брата уже готовы, другіе выработывались, однимъ словомъ, все шло какъ нельзя лучше. Въ половинѣ мая я должна была уѣхать по дѣламъ въ деревню. Братъ оставался въ Петербургѣ. Я простилась съ нимъ въ то время, когда онъ былъ совершенно здоровъ, веселъ и доволенъ. Онъ съ удовольствіемъ занимался пѣніемъ съ Леоновою, принялся соображать оперу горячо и съ любовью. Въ одной изъ комнатъ онъ сдѣлалъ рѣшотку у окна и завелъ болѣе 12 птицъ (которыхъ страстно любилъ); при немъ остались вѣрные, хорошіе люди: поваръ, человѣкъ и жен-

щина, на которую я возложила всю хозяйственную часть, чтобы ничѣмъ не безпокоить брата. Я уѣзжала совершенно покойная, зная, что Гейденрейхъ и другіе знакомые будутъ навѣщать его и беречь. Для него уходъ былъ необходимъ; онъ такъ привыкъ къ этому съ самаго дѣтства, что уже это превратилось у него не въ привычку, но въ необходимость. Въ деревню братъ писалъ мнѣ, какъ обыкновенно, разъ въ недѣлю. Описывалъ, что дѣлалъ въ прошлую недѣлю и что намѣренъ былъ дѣлать въ будущую. Нѣкоторыя выписки изъ этихъ писемъ находятся въ статьѣ В. В. Стасова подъ заглавіемъ: «М. И. Глинка», и потому я не привожу ихъ здѣсь. Въ іюнѣ письма брата были хорошія, веселыя, довольныя; въ іюлѣ онъ началъ жаловаться на жары, на В. В. Стасова, который назойливо требуетъ, чтобы братъ сочинялъ, тогда какъ онъ этого не можетъ; потомъ на либретиста; въ концѣ іюля онъ уже жаловался на все и всѣхъ, а въ началѣ августа я получила отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ меня поспѣшить пріѣздомъ, чтобы выпроводить его въ Варшаву, потому что онъ болѣе оставаться въ Петербургѣ не можетъ.

Я, конечно, не заставила брата повторить просьбу и немедля возвратилась къ нему. Онъ намъ очень обрадовался и сказалъ: «Ты мнѣ сдѣлала сюрпризъ; я не ждалъ тебя такъ рано». На мой отвѣтъ, что я поспѣшила исполнить его желаніе и привезла съ собою все, что нужно для его отъѣзда, онъ сказалъ мнѣ: «О дѣлахъ ни слова; три дня ты у меня гостья, а потомъ поговоримъ». Но не дождались мы трехъ дней, и на другой же день онъ уже рѣшилъ, что остается въ Петербургѣ до весны, что «Двумужницы» писать не будетъ, что она ему опротивѣла по многому и что либретистъ его надѣлалъ ему непріятностей

(объ этомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Энгельгардту). Чтó именно было, не знаю; братъ не сообщилъ мнѣ, сказавъ, что это меня огорчитъ.

Тутъ скоро мы познакомились съ Бѣленицыною, Екатериною Николаевною; старшая дочь ея, Любовь Ивановна (нынѣ Кармалина), была дѣвушка съ большимъ музыкальнымъ талантомъ, пѣла превосходно, прямо съ листа въ одно время музыку, голосъ и слова, какъ будто вещь была давно ей извѣстна. Братъ былъ въ восторгѣ отъ такого таланта, и она часто пѣвала у насъ подъ аккомпанементъ брата. Онъ въ эту зиму выѣзжалъ еще меньше; помню, раза два былъ у князя Одоевскаго и еще у кого-то на музыкальныхъ вечерахъ (въ театръ я ему не предлагала ѣхать). У насъ же въ эту зиму, какъ и въ прошлую, собирались, музыканили, и къ прежнимъ еще прибавились Бѣленицыны. Даргомыжскій бывалъ очень часто; онъ также, какъ и братъ, восхищался талантомъ Любовь Ивановны, былъ друженъ съ ними, и почти всегда вмѣстѣ съ ними бывалъ у насъ, и Любовь Ивановна часто пѣвала партію Наташи изъ «Русалки».

Въ началѣ этой зимы пришла фантазія брату задѣлать дверь изъ гостиной въ залу: «для того, говорилъ онъ, чтобы имѣть особую квартиру, и чтобы имѣть возможность принимать разныхъ лицъ, которыхъ при общей квартирѣ неудобно было принимать». Я не противилась, зная хорошо, что при настойчивомъ характерѣ брата это ни къ чему не поведетъ и онъ тѣмъ болѣе сдѣлаетъ посвоему. Вообще нужно было уступить ему и предоставить самому современемъ обдумать и разобрать дѣло, и тогда онъ самъ убѣждался, что ошибся, и поправлялъ дѣло, ежели его возможно было поправить. Такъ случилось и теперь: хотя я вполнѣ сознавала что это нелѣпость, но,

зная его, увѣрена была, что это ненадолго; дверь забили, оклеили шпалерами съ его стороны и не осталось слѣда двери; въ первые дни братъ былъ доволенъ, потомъ началъ находить неудобства и кончилось тѣмъ, что чрезъ двѣ недѣли пришлось опять отдирать шпалеры и отколачивать дверь, и опять все пошло по старому.

Къ празднику я сдѣлала ёлку своей дѣвочкѣ; на другой день братъ вздумалъ просить меня, чтобы я сдѣлала ему ёлку. Я думала, что онъ шутитъ, но оказалось, что ему на самомъ дѣлѣ пришла фантазія, чтобы у него въ залѣ была ёлка. Онъ сказалъ мнѣ: «Это будетъ моя ёлка и я приглашу на нее, кого захочу».

Онъ пригласилъ на ёлку къ себѣ семейство Бѣленицыныхъ, Даргомыжскаго, его сестру Софью Сергѣевну Степанову съ мужемъ, и больше никого. Зажгли ёлку, и ему вздумалось танцовать кругомъ дерева, меня засадили играть мазурку, и начались танцы. Даргомыжскій съ Люб. Ивановною въ первой парѣ, а братъ съ сестрою ея Софьею Ивановною во второй. Сначала все шло хорошо, выдѣлывали разныя фигуры и братъ справлялся по своимъ лѣтамъ и тучности хорошо, но Даргомыжскому вздумалось подтрунить надъ нимъ, и онъ, бывъ въ первой парѣ, затѣялъ фигуру, въ которой кавалеръ долженъ становиться на колѣни. Самъ онъ очень легко и ловко сдѣлалъ ее, но когда дошла очередь до брата, онъ съ трудомъ сталъ на колѣни, подняться же рѣшительно не могъ; всѣ дамы бросились поднимать его, смѣхъ былъ общій, а Даргомыжскій стоялъ въ сторонѣ и «злокачественно» улыбался; братъ въ шутку сказалъ ему: «Вѣдь ты надо мною съехидничалъ!..» Конечно, мазурка тѣмъ и кончилась, и ёлка съ нею. Началась музыка: братъ съ Даргомыжскимъ играли въ 4-ре руки, потомъ всѣ пѣли по очереди и вмѣ-

стѣ; благодаря выдумкѣ брата, всѣ мы провели вечеръ очень пріятно. Въ это время пріѣхалъ къ брату Улыбышевъ съ М. А. Балакиревымъ, и потомъ послѣдній бывалъ у насъ довольно часто. Братъ предсказывалъ Балакиреву блестящую музыкальную будущность.

Дѣвочка моя стала немного больше и братъ часами занимался съ нею, рисовалъ ей, разсказывалъ сказочки, иногда игралъ, пѣлъ съ нею. Видно было, что она даетъ ему развлеченіе, и онъ вообще дѣтей уже такого возраста очень любилъ, за то какъ искренно не терпѣлъ новорожденныхъ и вообще очень маленькихъ (своихъ дѣтей у него никогда не было). Послѣ праздниковъ онъ занемогъ, и до начала апрѣля не выходилъ изъ комнаты; тутъ-то онъ сочинилъ послѣдній романсъ свой, по неотступной просьбѣ Павлова, на слова его: «Не говори, что сердцу больно отъ ранъ чужихъ».

Брата посѣщали попрежнему; попрежнему же производили разныя музыки; кто именно посѣщалъ брата, всѣхъ не упомню, но знаю, что въ это же время Даргомыжскій представилъ брату В. Н, Кашперова, который былъ недолгое время въ Петербургѣ. Онъ приходилъ къ брату спрашивать совѣта на счетъ музыкальныхъ дѣлъ своихъ (онъ занимался музыкою). Братъ полюбилъ его, и потомъ въ Берлинѣ уже они видались ежедневно. Еще зимою братъ измѣнилъ свое намѣреніе ѣхать въ Варшаву и рѣшилъ поселиться въ Берлинѣ.

27-го апрѣля было назначено днемъ его отъѣзда. Алексѣй Прох. Чаруковскій выхлопоталъ брату казенную карету и почтальона, контрабасистъ филармоническаго общества, г. Мемель, охотно взялся проводить брата до Берлина, чтобы повидаться съ своими родными. Начались хлопоты по этому случаю. За день до отъѣзда пришелъ

В. В. Стасовъ, и сказалъ мнѣ, что не худо бы снять портретъ съ брата; потому что въ теченіе 14-ти лѣтъ, съ самаго 1842 года, когда былъ сдѣланъ литографическій портретъ, помѣщенный при «Русланѣ», мы не имѣли ни одного портрета брата. Я поблагодарила его за эту мысль и попросила предупредить г. Левицкаго, что мы будемъ завтра въ часъ. Я была увѣрена, что упрошу брата поѣхать со мною, и точно братъ, хотя не совсѣмъ охотно, но согласился; итакъ, ежели мы имѣемъ хорошій портретъ брата послѣднихъ лѣтъ его жизни, то этимъ обязаны В. В. Стасову; у меня столько было заботъ объ отъѣздѣ брата, что навѣрно мнѣ не пришло бы въ голову снять портретъ его.

Наступило и 27-е апрѣля 1856 г. Въ часъ пополудни братъ вмѣстѣ со мною и В. В. Стасовымъ сѣлъ въ карету, и мы проводили отъѣзжавшаго до заставы. У заставы братъ вышелъ изъ кареты, простился съ нами, потомъ плюнувъ, сказалъ: «Когда бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой страны не видать!»

На возвратномъ пути мы все говорили о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобы братъ къ зимѣ возвратился въ Петербургъ; я знала, что это невозможно, да даже, бывши свидѣтельницею всего тяжелаго, что братъ переиспыталъ, перестрадалъ и перечувствовалъ за эти два года, я бы и не рѣшилась просить его пріѣхать. Онъ сильно и глубоко чувствовалъ малѣйшія непріятности; несчастная семейная жизнь его развила въ немъ нервную чувствительность до высшей степени; музыка его была ему дорога, и послѣ се, мейной катастрофы стала еще дороже, а что же онъ видѣлъ въ Петербургѣ? «Жизнь за Царя» итальянцы вытѣснили съ Большого театра на Александринскій. Опера эта давалась съ полнымъ пренебреженіемъ во всѣхъ отно-

шеніяхъ, и когда давалась? или въ табельные дни, — не по музыкѣ, а по имени оперы, или когда по чему-нибудь нельзя было давать другихъ оперъ (неразучены были, или кто боленъ), а для «Жизни за Царя» не нужно было даже репетицій! Въ этомъ отношеніи она до сихъ поръ служитъ подставкой. Братъ не разъ говорилъ мнѣ, что изъ «Руслана» онъ можетъ сдѣлать десять такихъ оперъ, какъ «Жизнь за Царя», и всѣ дѣльно понимающіе музыку тоже ставятъ эту оперу несравненно выше «Жизни за Царя». Еще онъ говорилъ мнѣ: «Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а «Руслана» черезъ сто лѣтъ»; но предсказаніе его осуществилось раньше этого времени.

И такая опера была совершенно изгнана изъ репертуара, должно быть за негодностію! Этого мало: иные изъ пріятелей брата позволяли себѣ, для краснаго словца, конечно, на аристократическихъ вечерахъ, разсказывать про брата разныя некрасивыя вещи, а другіе считали обязанностію передавать это брату. Все это страшно его тревожило, и я увѣрена, что не только въ Берлинѣ, но даже въ Варшавѣ онъ былъ покойнѣе, потому что все непріятное было отдалено отъ него и онъ не видалъ и даже не слыхалъ ничего такого, что̀ бы могло раздражить его.

Иногда онъ въ письмахъ спрашивалъ меня, идутъ ли и какъ его оперы и пр., но я, не имѣя сообщить ему ничего пріятнаго, оставляла его вопросъ, какъ будто не замѣтила его. Надо было видѣть и слышать, какъ шла тогда «Жизнь за Царя», чтобы имѣть понятіе, до чего можно исказить хорошую музыку. Теперь дѣло другое: въ послѣдніе годы начали обращать вниманіе на русскую оперу, и благодаря Э. Ф. Направника, оперы исполняются добросовѣстно. Тутъ могу привести я изрѣченіе, слышанное мною года три тому назадъ. Въ разговорѣ о музыкальномъ дѣлѣ,

одно изъ тогдашнихъ высокопоставленныхъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на театръ, сказало мнѣ: «Намъ все равно, кто сочинилъ, что̀ сочинилъ; для насъ тогда только музыка хороша, когда она приноситъ доходъ». Что же и говорить, ежели искусство превращено въ товаръ!

Вспоминаю еще, какъ однажды во время представленія «Руслана» были въ моей ложѣ знакомые и ужасно смѣялись при видѣ костюмовъ, говоря: что вѣрно изъ всѣхъ кладовыхъ вытащили ихъ для просушки...

II.

Жизнь Глинки въ Берлинѣ.—Предсмертное его письмо.—Разсказъ Дена о послѣднихъ дняхъ жизни Глинки. — Кончина его. — Похороны въ Берлинѣ. — Перевозъ его тѣла въ С.-Петербургъ. — Изданія его сочиненій. — Надгробный памятникъ.

1856—1857.

Братъ, по пріѣздѣ въ Берлинъ, поселился недалеко отъ Дена. Вскорѣ пріѣхалъ туда В. Н. Кашперовъ съ женою, и нанялъ квартиру тоже близко отъ брата. Скоро по пріѣздѣ его, я ему писала и просила продолжать «Записки» (копія которыхъ была съ нимъ). Онъ мнѣ отвѣтилъ, что записокъ продолжать не будетъ, потому что нечего писать, что писавши аккуратно разъ въ недѣлю онъ мнѣ сообщаетъ все, что случается съ нимъ...

Въ самомъ дѣлѣ, онъ велъ жизнь чрезвычайно тихую, покойную и однообразную; часы его были распредѣлены, какъ и въ Петербургѣ: каждое утро онъ работалъ съ Деномъ, или готовилъ то, что Денъ задавалъ ему (онъ хотѣлъ непремѣнно пройти весь курсъ церковныхъ тоновъ съ Деномъ). У него были двѣ ученицы пѣнія и онъ занимался съ ними, равно и съ женою Кашперова, пѣніемъ;

съ самимъ Кашперовымъ занимался инструментовкой; гулялъ, бывалъ въ театрѣ, слышалъ Бетховена, Глука, и былъ въ восторгѣ отъ оркестра и хоровъ, также слыхалъ квартеты, словомъ недостатка въ музыкѣ не было. Но больше всего занимала его работа съ Деномъ: онъ отдался ей совершенно, и потомъ написалъ 2 фуги; радовался очень, что избавленъ отъ посѣтителей «съ каплей яда на языкѣ», какъ писалъ и говаривалъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень доволенъ и покоенъ въ Берлинѣ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ, которые прожилъ тамъ. Иногда онъ жаловался на погоду, на здоровье, но на людей никогда. Кромѣ обыкновенныхъ посѣтителей, Дена, Кашперовыхъ, двухъ учениць и доктора, его посѣщалъ Мейерберъ, и всѣ русскіе путешественники, которые проѣзжали черезъ Берлинъ. Его предположеніе было остаться въ Берлинѣ до мая 1857 г.; онъ надѣялся къ тому времени пройти съ Деномъ все, что ему было нужно; въ маѣ я должна была пріѣхать къ нему въ Берлинъ и тамъ уже рѣшить вмѣстѣ, гдѣ поселиться на житье. Предполагалось ѣхать или въ Италію, или въ южную Францію, туда, гдѣ нѣтъ моря; братъ моря не любилъ, думая, что оно ему вредно; равно не любилъ Швейцаріи, говоря, что горный вѣтеръ для него невыносимъ.

Планы наши судьба разрушила.

Вотъ послѣднее письмо, полученное отъ брата отъ $\frac{27}{15}$ января 1857 года:

«Спѣшу сообщить тебѣ двѣ пріятныя вѣсти. 1) На дняхъ уѣхалъ въ Петербургъ состоящій при здѣшнемъ посольствѣ, священникъ В. П. Полисадовъ и охотно взялся доставить тебѣ кипарисный ящичекъ, премило отдѣланный перламутромъ, съ двумя шелковыми платочками. Если получишь, то прибереги до дня рожденія на-

шей Оли, а въ день самаго ея рожденія отдай ей, поздравь отъ меня и скажи, что я ее помню и люблю, и если доживу до ея дѣтокъ, то и имъ буду добрый родной. 2) $\frac{21}{9}$ января исполнили въ Королевскомъ дворцѣ извѣстное Тріо изъ Жизни за Царя: Ахъ не мнѣ бѣдному сиротинушкѣ. Пѣла партію Петровой по справедливости любимая здѣшней публикой M-me Вагнеръ, она была въ ударѣ и пропѣла очень, очень удовлетворительно. Оркестромъ управлялъ Мейербееръ, и надо сознаться, что онъ отличнѣйшій капельмейстеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Я также былъ приглашенъ во дворецъ, гдѣ пробылъ болѣе четырехъ часовъ. Чтобы понять важность этого событія для меня, надобно знать, что это единственный концертъ въ году, tout en grand gala: публики было отъ 500 до 700 особъ, все залито золотомъ и сверкало брилліантами. Если не ошибаюсь, полагаю, что я первый изъ Русскихъ, достигшій подобной чести. Письма Мейербеера какъ доказательство, что я самъ не навязывался и статьи журналовъ доставлю въ самомъ непродолжительномъ времени. Фуги тоже скоро будутъ переписаны и высланы.

«Умоляю добрыхъ пріятелей не сѣтовать, что не пишу, у меня сильная простуда или гриппъ, а время мерзкое, просто ничего не видать отъ тумана и снѣга.

«Прилагаю при семъ программу концерта. Усердный поклонъ всѣмъ домашнимъ, цѣлую тебя и Олю.

«Твой вѣрный другъ и братъ Michel».

Послѣ этого письма я получила отъ В. Н. Кашперова, написанное по просьбѣ брата, письмо отъ $\frac{11 \text{ февраля}}{30 \text{ января}}$ съ извѣстіемъ, что братъ сильно простудился, сильно кашляетъ, даже до рвоты; что опаснаго ничего нѣтъ, но что братъ очень слабъ и писать самъ не можетъ, что ему однако хотѣлось дать мнѣ вѣсточку о себѣ; что онъ не разсчи-

тываетъ на скорую поправку, болѣзнь очень расходилась, но что они всѣ думаютъ, что брата Господь одарилъ такою сильною натурою, что жизнь возьметъ свое.

Потомъ долго я не имѣла извѣстій... почему они не присылали телеграммъ, не знаю... но уже 12 февраля, по нашему стилю, получено было извѣстіе, что братъ скончался 3 февраля въ 5-ть часовъ утра. Даже и о смерти его не увѣдомили телеграммою, а распорядились сами и похоронили въ Берлинѣ.

Первою мыслью моею было не оставить прахъ брата, дорогой для всѣхъ насъ, въ чужихъ рукахъ. Въ этомъ дѣлѣ помогъ мнѣ покойный Иванъ Матвѣевичъ Толстой; я отнеслась къ нему съ просьбою, испросить на это позволеніе государя императора.

Просьба увѣнчалась успѣхомъ, превзошедшимъ мои ожиданія. Государь императоръ не только разрѣшилъ это, но милостиво вникъ въ тогдашнее мое положеніе, и приказалъ, чтобы всѣ хлопоты по этому дѣлу правительство взяло на себя, а разсчетъ издержекъ былъ произведенъ послѣ.

Все это я считаю величайшею для себя милостію. Братъ былъ погребенъ и надо было вырывать его; по именному повелѣнію, это дѣлалось какъ слѣдуетъ безъ препятствій; но иначе не знаю, было ли бы мнѣ возможно перевезти его. — Немедленно послѣ смерти брата я написала Дену и Кашперову, прося ихъ изложить мнѣ всѣ послѣднія слова, дѣйствія и желанія брата. Вотъ выдержки изъ письма Дена, въ переводѣ съ нѣмецкаго:

...... «Въ ноябрѣ еще 1856 года началъ Глинка жаловаться на недугъ, хотя, собственно говоря, не былъ боленъ. Весьма спокойный, опытный и добросовѣстный докторъ, медицинскій совѣтникъ Буссе, къ которому Глинка

имѣлъ большое довѣріе, ничего не опускалъ изъ вниманія, и такъ какъ онъ не поддавался замѣчаніямъ и сужденіямъ самого Глинки, то скоро нашелъ средства возстановить его, такъ что почти черезъ восемь дней Глинка могъ уже приступить къ ревностнымъ занятіямъ фугами, что̀ ему доставляло особенное удовольствіе. Отнюдь не стѣсняя его, я снова началъ мои прежнія съ нимъ занятія, употребляя ежедневно отъ двухъ до трехъ часовъ, частію на упражненія, частію на чтеніе о церковныхъ тонахъ, которые я ему изъяснялъ по книгѣ Царлино Institutioni harmoniche. Годъ такимъ образомъ почти кончился, и Глинка успѣлъ сочинить 2 фуги и началъ пріобрѣтать критическій взглядъ на Clavecin bien tempéré С. Баха, это его очень радовало. Большое удовольствіе доставило ему и то обстоятельство, что, по старанію Мейербера, е. в. король приказалъ исполнить въ большомъ придворномъ концертѣ, который бываетъ только однажды въ годъ, сцены съ віолончелью изъ большой глинкиной оперы. Эта прекрасно задуманная и мастерски сочиненная сцена была принята высокою публикою, собравшеюся въ числѣ около 800 персонъ, со всеобщимъ сочувствіемъ, и быть можетъ даже и теперь, по смерти композитора, вызоветъ постановку всей его оперы. При выходѣ изъ жаркихъ комнатъ королевскаго за̀мка, въ которыхъ Глинка очень страдалъ отъ жары, онъ сильно простудился и уже раннимъ утромъ на слѣдующій день позвалъ меня къ себѣ и жаловался на свое состояніе. По дорогѣ я зашелъ къ доктору и попросилъ его придти къ Глинкѣ, но объяснить свое посѣщеніе такъ, какъ будто онъ зашелъ, проходя мимо, или затѣмъ, чтобы освѣдомиться объ успѣхѣ вчерашняго концерта. Докторъ тотчасъ же призналъ сильную простудную лихорадку и предписалъ горячую ванну. Теплая ванна вызвала обильный потъ и

Глинка тотчасъ же почувствовалъ себя хорошо, и только страдалъ отъ необыкновенно сильнаго насморка; черезъ нѣсколько дней мы уже сидѣли съ нимъ за письменнымъ столомъ или за фортепьяно, продолжая наши занятія фугами. Около этого времени, онъ должно быть получилъ, откуда не знаю, какія-то непріятныя извѣстія, потому что сдѣлался раздражителенъ, и я нерѣдко приходилъ къ нему по 4 и по 5 разъ въ день, чтобы его развлечь, такъ что я больше проводилъ время у него, чѣмъ у себя дома. Онъ все сбирался сообщить мнѣ что-то важное, но все отговаривался въ такихъ выраженіяхъ: «pour communiquer cette affaire, elle n'est pas encore assez mûre; donc plus tard, peut-être dans quelques jours». Хотя я ясно видѣлъ, что у него что-то лежитъ на сердцѣ, но не надоѣдалъ ему разспросами. Въ тѣлесномъ его состояніи я не замѣчалъ ничего опаснаго, потому что находилъ его всегда готовымъ къ работѣ и научнымъ разговорамъ, лишь только мнѣ удавалось анекдотами и т. п. разогнать его хандру (mürrische Laune). Между тѣмъ я постоянно просилъ врача обращать вниманіе на состояніе Глинки и вообще тщательно за нимъ наблюдать. Такъ прошла первая половина января, и въ это время произошло только то, что я выдавалъ Глинкѣ неоднократно большія суммы денегъ, которыя онъ, по его словамъ, отсылалъ [1]). Куда онъ отсылалъ эти деньги, я до сихъ поръ не знаю, и такъ какъ я считалъ нескромнымъ объ этомъ спрашивать, то и молчалъ. Къ началу второй половины января Глинка началъ жаловаться на сильную боль около печени и на совершенную потерю аппетита. Скоро онъ опять захандрилъ, такъ что мнѣ тяжело становилось занимать его по нѣ-

[1]) У Дена находились на сохраненіи всѣ деньги брата. *Л. Ш.*

скольку часовъ ежедневно; наконецъ, онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока я не отпущу лакея, что онъ имѣетъ свои причины, по которымъ онъ имъ недоволенъ; при этомъ впалъ въ гнѣвъ и даже ярость. Чтобы не увеличить этого возбужденнаго настроенія, я тотчасъ же отпустилъ человѣка, и когда снова вошелъ въ его комнату съ этимъ извѣстіемъ, онъ сдѣлался кротокъ, любезенъ и сталъ дурачиться съ самымъ прекраснѣйшимъ настроеніемъ духа. До поздней ночи проговорили мы съ нимъ и, уходя, я поручилъ его на эту ночь попеченію его хозяевъ. На слѣдующее утро весьма рано опять явился его хозяинъ и попросилъ меня отъ имени Глинки сейчасъ же къ нему придти, такъ какъ онъ нехорошо себя чувствуетъ. Пока я поспѣшно одѣвался, я отправилъ хозяина за докторомъ и когда пришелъ къ Глинкѣ, то уже засталъ доктора у постели, на которой лежалъ Глинка, крайне истощенный безсонной ночью, въ продолженіе которой его непрерывно рвало. Нѣсколько порошковъ привели его въ болѣе спокойное состояніе; старый опытный докторъ полагалъ, что ночное состояніе произошло отъ особаго страданія печени. Я оставилъ его только тогда, когда пришли сидѣлки; онѣ уложили Глинку въ постель, съ которой онъ, къ сожалѣнію, уже болѣе не всталъ. Скоро посѣтилъ его врачъ и выразилъ надежду, что больной скоро поправится, и что нѣтъ никакихъ признаковъ опасности. Между тѣмъ рвота не прекращалась и тѣлесная слабость увеличилась; духомъ же онъ былъ бодръ и веселъ, такъ что, уснувши нѣсколько, онъ говорилъ со мной о своихъ работахъ и опять дурачился (machte farçeur). Такое состояніе продолжалось безъ перемѣны до 13-го (1-го) февраля. Въ этотъ день я пробылъ у него до ночи. Глинка шутилъ и говорилъ о своихъ фугахъ. 14-го (2-го)

февраля, утромъ, я нашелъ его очень утомленнымъ и, къ сожалѣнію, совершенно безучастнымъ ко всему, о чемъ я съ нимъ ни заговаривалъ. Докторъ, который навѣщалъ его ежедневно по нѣскольку разъ, объявилъ, что болѣзнь внезапно приняла другое направленіе, что жизнь больного въ опасности, но что при своемъ необыкновенно сильномъ тѣлосложеніи больной умретъ не вдругъ. Онъ прописалъ еще лекарство, которое Глинка принялъ охотно, между тѣмъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ не бралъ ничего, кромѣ небольшого количества шампанскаго, то съ водой, то безъ воды. Своему достойному доктору наговорилъ онъ самыхъ непріятныхъ вещей, которыя тотъ выслушалъ молча, не прерывая ни своихъ наблюденій, ни попеченій о больномъ. 15-го (3-го) утромъ, около шести часовъ, хозяинъ Глинки поднялъ меня съ постели извѣстіемъ, что нашъ другъ около часу тому назадъ умеръ внезапно, но совершенно спокойно. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ умершему, сдѣлалъ необходимыя распоряженія: послалъ депешу въ Веймаръ за тамошнимъ русскимъ священникомъ (здѣшній уѣхалъ); представилъ подлежащимъ властямъ данное докторомъ свидѣтельство о смерти; написалъ вамъ нѣсколько строчекъ и затѣмъ устроилъ все, что нужно для погребенія. 17-го (5-го) тѣло, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, въ присутствіи врача анатомировано. Глинка часто и настойчиво этого требовалъ, поставивъ мнѣ это въ обязанность и взялъ съ меня въ томъ обѣщаніе. Диссекція указала, что Глинка умеръ вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія, такъ-называемаго ожирѣнія, печени и что при этихъ условіяхъ онъ, ни въ какомъ случаѣ, не могъ долго жить. Вотъ свѣдѣнія о послѣднихъ недѣляхъ жизни Глинки. Его разговоръ былъ ясенъ до послѣдней минуты; любимѣйшей его мечтой было

уѣхать осенью въ Италію и тамъ провести зиму въ окрестностяхъ Комо; онъ говорилъ объ этомъ даже наканунѣ своей смерти. За нѣсколько часовъ до смерти, такъ около полуночи, онъ потребовалъ подаренный ему матерью образокъ, поцѣловалъ его молча, горячо молился, сталъ кротокъ и спокоенъ и остался такъ до той минуты, когда смерть внезапно его поразила.

«18 (6-го) февраля было погребеніе, при которомъ присутствовали Мейерберъ, одинъ чиновникъ русскаго посольства, Бульшталь, Кашперовъ, скрипачъ Грюнвальдъ, который игралъ ему гайдновскіе квартеты, концертный дирижеръ Беeръ, хозяева и я; двѣ русскія дамы, которыхъ я не зналъ, были жены священниковъ, здѣшняго и веймарскаго.

«Сообразно съ вашимъ желаніемъ, я поставилъ временно простой памятникъ на его могилѣ изъ силезскаго мрамора, съ такою надписью: «Michail von Glinka. Kaiserlicher russischer Kapellmeister. Geb. 20 Mai 1804 zu Spasskoe, Guv. Smolensk. Gest. 15 Februar 1857 zu Berlin»......

...«Любопытную черту въ жизни Глинки составляло нерасположеніе къ политическимъ писателямъ, которые писали противъ Россіи. Если заходила рѣчь объ нихъ, то онъ раздражался до ярости, такъ что я не разъ опасался удара. Вечеромъ, когда это случалось, трудно было его успокоить. Чтобы избѣжать подобныхъ случаевъ, я не допускалъ никакихъ политическихъ разговоровъ и напоминалъ посѣтителямъ, что зонтики, калоши и политику они должны оставлять за дверями. Эта шутка удавалась, и Глинка тотчасъ же успокоивался. Если же онъ самъ начиналъ разговоръ о политикѣ, то обыкновенно съ нимъ соглашались и не противорѣчили ни въ чемъ. Въ началѣ

зимы часто случалось, что онъ по 8—12 дней не выходилъ изъ комнаты; тогда я устроивалъ ему квартеты, бралъ съ собой жену и свояченицу, и Глинка былъ въ такихъ случаяхъ любезенъ до-нельзя. Нерѣдко случалось, что мы должны были повторить сполна какой-нибудь неизвѣстный ему квартетъ; желая доставить ему удовольствіе, мы охотно это исполняли, а онъ каждый разъ благодарилъ насъ со слезами на глазахъ»......

Въ это время уѣзжалъ за границу В. П. Энгельгардтъ; онъ взялся напечатать тамъ нѣсколько партитуръ увертюръ Глинки, которыя и посвящены мною Мейерберу, Листу, Берліозу и Дену; отъ себя же Энгельгардтъ распорядился переводомъ текста 20-ти лучшихъ романсовъ брата на французскій, нѣмецкій и итальянскій языки; онъ напечаталъ и посвятилъ ихъ извѣстной пѣвицѣ Pauline Viardot. Энгельгардтъ присутствовалъ въ Берлинѣ при отрытіи тѣла брата; когда начали вырывать гробъ, онъ распался; Энгельгардтъ прислалъ мнѣ въ письмѣ нѣсколько цвѣтковъ, бывшихъ въ гробу моего брата.

Въ придворной Конюшенной церкви, съ соизволенія Государя Императора, была совершена панихида съ придворными пѣвчими. При этомъ от. Г. П. Полисадовъ, состоявшій долго въ Берлинѣ при русскомъ посольствѣ и бывавшій тамъ у брата, который любилъ его и дорожилъ его бесѣдами, случайно въ это время пріѣхавшій въ Петербургъ, сказалъ небольшую, но полную чувства рѣчь о Глинкѣ. Потомъ въ Филармоническомъ обществѣ данъ былъ концертъ, составленный изъ сочиненій брата; концертъ вышелъ очень удаченъ. Въ это же время я просила Дена прислать мнѣ вещи, бывшія самыми близкими брату: образокъ, портретъ Оли, фамильный перстень и, между прочимъ, шлафрокъ, который братъ очень любилъ

и въ которомъ умеръ. Черта любопытная: Денъ, присылая всѣ тѣ вещи, о которыхъ я просила, не прислалъ шлафрока. «Не посылаю халата потому», писалъ г. Денъ съ сообразительностью вполнѣ нѣмецкою, «что халатъ слишкомъ старъ и вы изъ него никакого употребленія не можете сдѣлать.»

1857 г. 21 мая, утромъ, я, на пароходѣ, въ сопровожденіи близкихъ брату людей, отправилась въ Кронштадтъ. 22 мая пришелъ пароходъ съ тѣломъ брата. Въ тотъ же день вечеромъ, безъ всякой торжественности, тѣло брата перевезено въ Невскій монастырь, въ церковь Лазаря. Тамъ сняли ящики и оказался темнодикій или черный высокій деревянный гробъ безъ всякихъ украшеній. Желалъ ли такъ братъ, или это обыкновеніе въ Берлинѣ, но только форма гроба была чрезвычайно высокая, да и цвѣтъ его усиливалъ еще болѣе тяжелое ощущеніе.

На слѣдующій день, рано утромъ я распорядилась обить гробъ золотымъ глазетомъ, а въ вечерню многіе изъ близкихъ брата принесли его въ Духовскую церковь, гдѣ 24 мая, послѣ литургіи, и совершено отпѣваніе. Братъ и въ церкви, равно какъ и на пристани, не оставался одинъ ни на минуту.

24 мая я раньше назначеннаго часа поѣхала въ Невскій, чтобы заранѣе убрать гробъ и могилу брата цвѣтами. Не успѣла я начать свое дѣло, какъ въ церковь вошелъ Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ навѣшивали гирлянды, и мнѣ было отрадно, что именно Осипъ Аѳанасьевичъ, котораго братъ мой такъ любилъ и уважалъ,—помогалъ мнѣ въ этомъ.

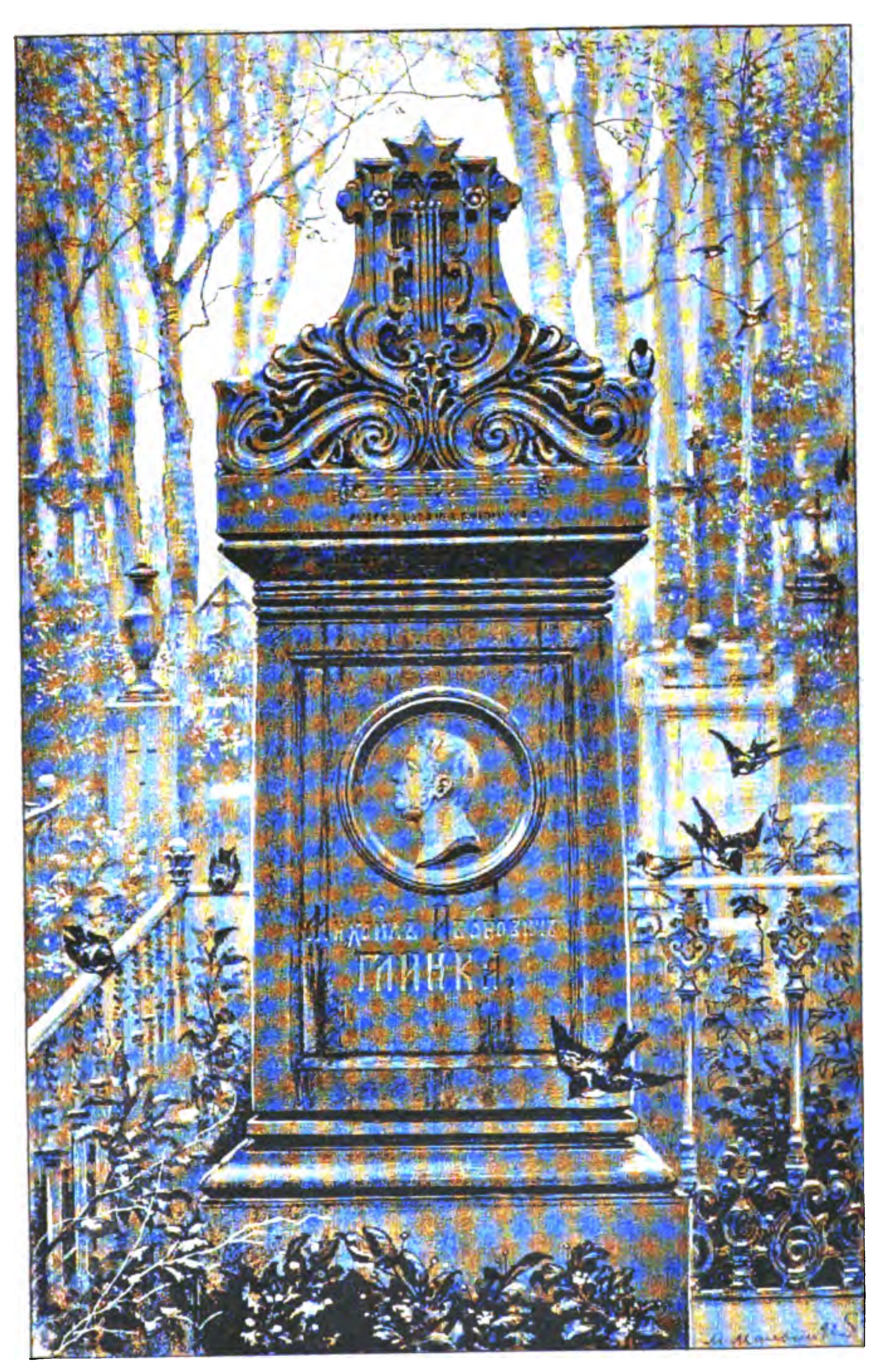
Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ изданіяхъ сочиненій брата, которыя переходили изъ рукъ въ руки.

Въ самомъ началѣ братъ продавалъ свои произведенія

Смирдину, потомъ г. Гурскалину, собственнику музыкальнаго магазина подъ фирмою «Одеонъ», отъ котораго они перешли къ г. Стелловскому, впрочемъ не всѣ; есть романсы проданные г. Бернарду и другимъ.

Цѣль моя послѣ смерти брата состояла всегда въ томъ, чтобы стараться распространить его музыку. Для этого сдѣлала я условіе съ г. Стелловскимъ, по которому передала ему всѣ непроданныя прежде братомъ и мною сочиненія за 25 руб. Цифра эта была назначена потому, что безъ оцѣнки я не могла сдѣлать формальнаго акта: всякій, кто хотя немного знаетъ дѣло, пойметъ это. Вслѣдъ за этими 25 р. въ условіи было сказано, что я обязана дать г. Стелловскому 1,000 рублей, по представленіи мнѣ въ назначенное время корректуръ, чтобы основательно исправить ихъ и не допускать въ печати искаженій или пропусковъ. Давала же я г. Стелловскому 1,000 р. потому, что очень хорошо знала, что печатанье партитуръ оперъ брата ему не могло принести большой выгоды, такъ какъ немногіе покупаютъ подобныя вещи. Видя, что прошелъ срокъ условія, а г. Стелловскій не исполняетъ его, я хотѣла ускорить это дѣло, но онъ, согласившись сначала поручить М. А. Балакиреву печатаніе оперъ за границею, на весьма выгодныхъ, мною ему предложенныхъ условіяхъ, вдругъ неожиданно вмѣсто того началъ со мною процессъ, который кончился не въ пользу г. Стелловскаго. Жаль, что изъ-за всѣхъ этихъ дрязгъ страдаетъ музыка брата. Но партитура «Руслана» должна быть напечатана, и будетъ. Эта лучшая и любимая опера брата.

Вскорѣ послѣ смерти брата надъ его могилою былъ поставленъ памятникъ, по рисунку академика И. И. Горностаева, монументнымъ мастеромъ Деннеисомъ. Медальонъ съ портретомъ брата въ профиль, помѣщенный

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ М. И. ГЛИНКИ

въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ Петербургѣ. 1858.

на монументѣ, сдѣланъ съ силуэта, снятаго въ 1842 году съ тѣни на бумагу. Этотъ медальонъ исполненъ молодымъ талантливымъ скульпторомъ Лаверецкимъ, и пройденъ, по просьбѣ В. В. Стасова, распоряжавшагося устройствомъ памятника, скульпторомъ Пименовымъ, учителемъ Лаверецкаго. Памятникъ вышелъ художественный по мысли и исполненію. Памятникъ, поставленный по моей просьбѣ въ Берлинѣ надъ могилою брата, и по моему же желанію оставленный на его бывшей могилѣ, былъ цѣлъ въ проѣздъ мой черезъ Берлинъ въ 1862 г.

1870 г. 13 сентября.

III

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ

КЪ РОДНЫМЪ И ДРУЗЬЯМЪ

1822 — 1856

ПИСЬМА.

I.

М. И. Глинка къ родителямъ.

1822 года, маія 2-го дня.

Дражайшіе Родители! Благодарю васъ за ваше милое письмо отъ 4-го апрѣля. Деньги за пансіонъ и 200 я получилъ. Реэстръ расходовъ я вамъ пришлю съ дядюшкой Афанасіемъ Андреевичемъ.

Вы мнѣ пишете, чтобы на щетъ круговъ[1]) я посовѣтовался съ хорошимъ докторомъ, я весьма признателенъ вамъ за сіе позволеніе, тѣмъ болѣе что для меня это необходимо. Теперь у насъ прелестное время, оно подѣйствовало, ибо съ самой послѣдней недѣли великаго поста я былъ здоровъ. Однако же временемъ круги мои все еще меня безпокоятъ, притомъ же при перемѣнѣ погоды я снова бываю подверженъ опасности быть нездоровымъ.

Вы мнѣ также пишете, милые родители! что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы надѣетесь меня видѣть. Ахъ! какъ былъ бы я счастливъ ежели бы это могло случиться! Но напрасно я льщу себя сею сладкою мечтою! Выпускъ, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ въ декабрѣ. Послѣ чего мнѣ должно будетъ опредѣлиться въ службу. А тамъ Богъ знаетъ когда я увижу васъ опять, неоцѣненные родители!

---

[1]) Золотушная сыпь или лишаи.

Конечно долгъ мой повиноваться вамъ во всемъ безусловно, и кто бы сего не сдѣлалъ, имѣя такихъ родителей! Ваше желаніе прошедшаго, милаго прошедшаго лѣта, было, чтобы я не пріѣзжалъ въ деревню лѣтомъ, ежели выпускъ будетъ въ декабрѣ...... Но такъ какъ вы мнѣ сами позволили во всѣхъ малѣйшихъ намѣреніяхъ относиться къ вамъ и совѣтоваться съ вами какъ съ друзьями, то позвольте мнѣ на сей разъ воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ. И такъ, милые родители! я васъ прошу, ежели только возможно, видѣть васъ это лѣто. Вы сами говорите, что мнѣ не должно запускать круговъ; гдѣ же лучше можно ихъ вылѣчить какъ не въ деревнѣ? Воздухъ, пища, свобода, и болѣе всего радость быть вмѣстѣ съ милыми сердцу, имѣютъ большее вліяніе на здоровье наше нежели самыя драгоцѣннѣйшія микстуры. Вы желаете, чтобы я не сдѣлалъ никакихъ упущеній на счетъ наукъ и я вамъ даю слово, что проведу время съ пользою. Прошедшее лѣто, конечно, не можетъ за меня поручиться— но, милые родители, человѣку свойственно ошибаться и сіи ошибки бываютъ извинительны, ежели онъ обращая на нихъ вниманіе и разсуждая о послѣдствіяхъ ихъ, пользуется ими, чтобы быть впредь благоразумнѣе. Въ пансіонѣ же ученье довольно плохо, и отсрочка на каникулярное время, и положимъ нѣсколько болѣе, не сдѣлаетъ ни малѣйшаго упущенія. Я не осмѣливаюсь порицать то заведеніе, въ которомъ по волѣ вашей, милые родители, я пріобрѣлъ тѣ малыя свѣдѣнія, кои могутъ проводить мнѣ путь къ большимъ познаніямъ; однако же, говоря правду, должно признаться, что теперь ученье у насъ въ совершенномъ упадкѣ. Сверхъ всего мнѣ очень нужно говорить съ вами на счетъ службы, это не можетъ имѣть посредника. Я уже просилъ взять на себя трудъ Аѳанасія Андреевича,

поговорить съ вами объ этомъ, однако же все самому лучше. Что касается до писемъ, то вы знаете, можно ли точно написать все то, что чувствуешь! Это не возможно! Самые величайшіе писатели, проведя всю жизнь въ чрезвычайныхъ трудахъ, не могутъ сказать, что они довольны своими твореніями — и мнѣ ли за ними гнаться! Каншалинскіе же при всей своей ко мнѣ привязанности въ этомъ отношеніи очень мало, или лучше сказать ничего не могутъ для меня сдѣлать. И такъ, дражайшіе родители, мнѣ непремѣнно должно видѣть васъ въ Іюлѣ. Не откажите мнѣ въ этомъ, прошу васъ!

Всѣ наши, какъ то Линдквисты, Ивановскій, слава Богу здоровы и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Я также прошу васъ всѣмъ отъ меня поклонъ и почтеніе засвидѣтельствовать. Карлъ Ѳедоровичъ конечно извинитъ меня, что я ему не отвѣчаю на сей почтѣ, но я сіе вознагражу въ скоромъ времени. Цѣлую ваши ручки и остаюсь покорнымъ и послушнымъ сыномъ Михайла Глинка.

NB. Permettez moi de venir cet été?

II.

Къ С. Т. [1]).

Берлинъ. 1833 — 4.

Любезный С.,

Ты напрасно жалуешься на мое молчаніе. Другъ не забылъ друга: ты не выходишь у меня изъ памяти, ты всегда близокъ моему сердцу.

Въ послѣдній разъ, я писалъ тебѣ изъ Италіи, откуда ты долженъ былъ получить нѣсколько моихъ писемъ. Я

[1]) Переводъ съ французскаго. См. предисловіе.

оставилъ эту милую страну безъ особаго сожалѣнія. Чтò дѣлать. Эта веселая, оживленная, шумная жизнь наконецъ надоѣла мнѣ. Въ этомъ виноватъ я самъ, я слишкомъ разборчивъ на счастье: по правдѣ тебѣ сказать, и отложивши скромность въ сторону, я встрѣтилъ тамъ людей, которыхъ очень люблю, и получалъ самые лестные знаки вниманія, какіе только артистъ можетъ получить.

Я помню «Норму», но теперь я охотно хожу въ королевскую оперу угощаться «Фрейшюцемъ». При томъ же я всякій день занимаюсь съ Деномъ; я большую часть времени пользуюсь его совѣтами.... Я долго здѣсь не останусь, и съ нетерпѣніемъ жду той минуты, когда обниму тебя. У меня есть проектъ въ головѣ, идея.... можетъ быть теперь не время признаться во всемъ; быть можетъ, еслибъ я тебѣ все разсказалъ, на твоемь лицѣ выразилось бы недовѣріе.

Но я долженъ сказать тебѣ, что ты найдешь во мнѣ перемѣну: ты, конечно, удивишься, увидавъ во мнѣ больше, чѣмъ ты могъ воображать во время пребыванія моего въ Петербургѣ.

Признаться ли тебѣ?.. Мнѣ кажется, что и я тоже могъ бы дать на нашемъ театрѣ сочиненіе большихъ размѣровъ. Это не будетъ chef d'oeuvre, я первый готовъ въ томъ согласиться, но все-таки это будетъ не такъ уже худо!..

Чтò ты на это скажешь?

Главное состоитъ въ выборѣ сюжета. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ совершенно національный. И не только сюжетъ, но и музыка: я хочу, чтобъ мои дорогіе соотечественники были тутъ какъ у себя дома, и чтобъ за границей меня не принимали за выскочку, за гордеца, рядящагося какъ ворона въ павлиньи перья.

Я замѣчаю, что могу надоѣсть тебѣ черезъ мѣру, продолжая описаніе того, что̀ еще покрыто мракомъ неизвѣстности. Кто знаетъ, найду ли я въ себѣ силы и талантъ, необходимые для выполненія обѣщанія, которое я далъ самому себѣ!...

Прощай. Твой
Мишель.

III.

Къ Н. В. Кукольнику.

Черниговъ. Мая 26 дня 1838 г.

Я жестоко ошибся, полагая, что настоящее путешествіе разгонитъ тоску мою — мнѣ никогда не было такъ грустно и скучно, какъ теперь. Малороссія, можетъ быть, и хороша (въ особенности для тѣхъ, кои не были въ Италіи) — но мнѣ, съ самаго въѣзда въ этотъ благословенный край, что-то нездоровится — нервы жестоко страдаютъ, не знаю, отъ воды ли, воздуха, или неразлучной съ труднымъ путешествіемъ усталости.

Съ отправленія моего въ Малороссію, я провелъ дней восемь дома, у матушки, въ полной радости — наше семейство многочисленно, но дружно, и эти восемь дней пролетѣли, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро. Здѣсь я одинъ въ самомъ сильномъ значеніи сего слова — не клеплю на товарищей, они добрые ребята, но къ несчастію я не могу раздѣлять вполнѣ ихъ веселости, и грустное мое сердце оживетъ только въ Петербургѣ.

Въ Новгородѣ Сѣверскомъ я не нашелъ ни одного голоса; а здѣсь нѣсколько довольно хорошихъ, коихъ на дняхъ я везу къ Тарновскому, но отличительныхъ и важнѣющихъ покамѣсть нѣтъ.

Въ свободное отъ хлопотъ, по порученію, время изучаю кругъ церковнаго пѣнія, и если мое здоровье совсѣмъ не разстроится (а идетъ дѣло плохо), то, по пріѣздѣ въ столицу, надѣюсь быть докой и по этой части. Что же касается до музыки вообще и въ особенности «Руслана», то знай, что голова моя заросла и заглохла, и я про музыку и знать не хочу, такъ допросилъ меня Гедеоновъ и великій постъ.

Въ скоромъ времени ты получишь романсъ, слова Корсака, — они не красивы, но хороши и ясно выражаютъ дѣло. Ты его доставишь по принадлежности. Вмѣстѣ съ симъ сообщи, что я все тотъ же. Если вздумаешь его печатать, то переложи въ C-dur для сопрано. Но лучше съ меня не печатать.

Пиши ко мнѣ о себѣ, о всемъ, я еще могу получить отвѣтъ на это письмо, потому что прежде начала августа нельзя мнѣ будетъ отправиться, хотя того и желалъ бы. Отъ роду не было такъ трудно и грустно, но что же дѣлать, судьбу не переломишь. Для меня отрадно думать, что есть существо, которое вполнѣ меня понимаетъ, и что Несторъ не измѣнитъ данному слову.

Твой Michel.

Брату и всѣмъ усерднѣйшій поклонъ.

IV.

Къ нему же.

Каченовка, 19 іюня 1838 г.

Негодяй Несторъ!

Ты вѣрно воображаешь, что учинилъ славнѣйшее изобрѣтеніе, напечатавъ мнѣ письмо въ «Пчелѣ»? За эту вы-

думку слѣдовало бы тебя возить не по желѣзной дорогѣ, а по монастырицкой греблѣ [1]), взадъ и впередъ въ дождливую погоду. Я написалъ къ тебѣ, какъ вѣрному другу, нѣсколько писемъ и сверхъ того послалъ ноты для извѣстнаго тебѣ назначенія — что съ ними сдѣлалось — достигли онѣ назначенія или нѣтъ? Однимъ словомъ, должно согласиться съ Григоріемъ Степановичемъ, что ты порядочный брехунъ, и если ты не исправишься, то приведешь меня въ отчаяніе. Неужели я, кромѣ печатнаго, не получу отъ тебя писемъ?

Я теперь у Тарновскаго; послѣдній наборъ въ Переславлѣ былъ весьма удаченъ — у насъ набрано уже 15 человѣкъ, остальныхъ надѣюсь найти въ Ромнахъ, Полтавѣ, Ахтыркѣ и Харьковѣ, куда отправляюсь 1 іюля. Изъ набранныхъ есть отличные дисканты, 5 изъ нихъ

ни одного, у коего слухъ не былъ столь хорошъ, что каждый изъ нихъ беретъ всевозможные интервалы (самые несообразные съ законами гармоніи), какъ напр.

няясь. Если остальные 5 будутъ столь же удачны, то надѣюсь, вполнѣ заслужить благоволеніе Императора, и признаюсь что тѣмъ болѣе его заслуживаю, что, кромѣ трудовъ и

[1]) Монастырицкая гребля старшая сестра гребли въ дорженкѣ— мы въ исходѣ мая черезъ нее переѣзжали на волахъ и, почти съ опасностію утонуть или завязнуть въ грязи, употребили на этотъ переѣздъ (всего на 1½ версты) цѣлехонькій день. *Прим. М. И. Глинки.*

скуки путешествія [1]), я часъ отъ часу болѣе и болѣе знакомлюсь съ церковнымъ нашимъ напѣвомъ, и главнѣйшее мое музыкальное занятіе состоитъ въ выправкѣ обѣдни и изученіи круга простаго пѣнія. А опера, ты спросишь! Опера... и ты воображаешь, я стану продолжать ее — не потому ли развѣ, что ты обѣщалъ публикѣ за меня? — разувѣрься, или лучше, публика сама знаетъ, какъ вѣрить твоимъ обѣщаніямъ. Я тебѣ скажу прямо — покамѣсть Гедеоновъ директоръ, я не буду въ самомалѣйшемъ сношеніи съ театромъ. Муза моя не докучлива, молчитъ—и слава Богу.

О подробностяхъ путешествія сообщу изустно, при свиданіи — вообще оно скучно и трудно, но встрѣчалось кое-что смѣшное и забавное, и нерѣдко приводило на память Гоголя. Въ Переяславлѣ я могъ бы съиграть роль Ревизора — тамъ ожидали генералъ-губернаторскаго чиновника, и меня приняли за него, самъ городничій явился ко мнѣ въ полномъ облаченіи — но я удовольствовался тѣмъ, что нещадно обобралъ архіерейскій хоръ.

Здѣшній климатъ мнѣ не понутру, я часто страдаю отъ нервъ и безпрестанно мечтаю о возвращеніи на Сѣверъ — 1-го августа надѣюсь отсюда отправиться и къ 20 августа быть съ вами.

Будешь ли ты отвѣчать на послѣднее письмо, получилъ ли его и ноты, посланныя изъ Чернигова, доставлены ли онѣ и что сказано? — Время нѣсколько успокоило, но ни на волосъ не перемѣнило чувствъ и намѣреній моихъ, и это да будетъ извѣстно кому слѣдуетъ.

Моя маменька уже въ Петербургѣ, — видѣлся ты съ

---

[1]) Малороссія, вопреки общему мнѣнію: грязна, вонюча, глупа и скучна. *Прим. М. И. Глинки.*

нею и получили вы съ братомъ должное вамъ? Извѣсти меня о всемъ, что до меня касается.

Не смотря на всѣ непріятности пути, я благословляю судьбу за это путешествіе, оно меня образумило — я теперь буду другой человѣкъ — не сумасшедшій [1]) авторъ музыки, а отличный и исправный чиновникъ. Каждый часъ я болѣе сдружаюсь съ своею должностью, и еще разъ повторяю, въ скоромъ времени буду знать все требуемое въ точности.

Всѣмъ мой усердный поклонъ. Если потерялъ мой адресъ, вотъ онъ: Полтавской губерніи, въ городъ Прилуки, въ село Каченовку, домъ Г. Тарновскаго.

Твой М. Глинка.

Пиши, сдѣлай милость, но только не печатно.

V.

Къ Н. А. Марковичу.

С.-Петербургъ, 20-го сентября 1838 г.

Вотъ уже болѣе двухъ недѣль какъ я въ нашей сѣверной столицѣ, добрый и милый Марковичъ! Здѣсь по возвращеніи нашелъ я матушку и жену въ лучшемъ положеніи нежели оставилъ, однако же она нѣсколько страдаетъ простудой и кашлемъ и этого довольно, чтобы тревожить меня.

Мое обратное путешествіе было далеко не столь пріятно, какъ послѣднія наши поѣздки къ тебѣ, Корбѣ и Скоропадскому. Хоть мы и не имѣли большихъ задержекъ, несмотря на то, что ѣхали всѣ вмѣстѣ, но болѣзнь дѣтей,

---

[1]) Самъ удивляюсь, какъ могъ столь долгое время сносить дерзости Гедеонова.

снова усилившаяся отъ пыли и движенія, безпокоила меня во все продолженіе пути, и я радъ радехонекъ, что сдалъ ихъ по командѣ нашему инспектору — до сихъ поръ нѣкоторые изъ нихъ еще въ больницѣ—но ко времени представленія ихъ императору надѣюсь, что будутъ здоровы.

Мое совѣщаніе съ матушкой не имѣло желаннаго успѣха; напротивъ, узнавъ подробнѣе состояніе дѣлъ нашихъ, я не только не смѣю помышлять о новомъ пріобрѣтеніи имѣнія въ милой Малороссіи, но еще принужденъ изобрѣтать средства для добыванія денегъ, чтобы мочь существовать въ нашемъ Петербургѣ—я теперь принимаюсь за альбомъ, о которомъ говорилъ тебѣ еще въ Малороссіи: въ немъ будетъ 12 пьесъ моего сочиненія, изъ нихъ готовы уже 10, надѣюсь, что и за остальными дѣло не станетъ. Между прочимъ, одинъ изъ вновь сочиненныхъ романсовъ, кажется, удался мнѣ; этотъ новый романсъ также нѣсколько въ испанскомъ родѣ, на слова Пушкина: «Ночной зефиръ, струитъ эфиръ». Если не пріѣдешь къ намъ, то получишь его въ Малороссіи. Эти мелкія, повидимому, безвредныя, произведенія, однакожъ мѣшаютъ мнѣ продолжать «Руслана», и не скрою отъ тебя, не рѣдко грущу и задумываюсь, помышляя, что принужденъ употреблять бѣдную музу средствомъ къ существованію.

У меня дома передѣлки, и я живу на бивуакахъ, что̀ немало мѣшаетъ мнѣ работать; къ тому же на рукахъ процессъ, Пѣвческій Корпусъ, гдѣ въ непродолжительномъ времени начну преподавать генералъ-басъ, и множество житейскихъ обязанностей, которыя не даютъ мнѣ вздохнуть. Посуди самъ, гдѣ при этихъ данныхъ взяться вдохновенію, и да что̀ съ нимъ дѣлать: здѣсь вѣчная суета и тревога, отъ которыхъ пустѣетъ голова и сердце.

Какъ ты во сто разъ счастливѣе въ Малороссіи, какъ я часто вспоминаю о безпечныхъ и мирныхъ дняхъ, мною тамъ проведенныхъ. Богъ знаетъ, возвратятся ли они когда, или нѣтъ! Ты вѣрно помнишь, что я далъ Тарновскому и вамъ всѣмъ, друзья мои! слово быть и на будущій годъ въ гостяхъ у васъ, если, разумѣется, ничего непредвидѣннаго не случится. Носятся здѣсь слухи, почти достовѣрные, отъ которыхъ вѣроятно измѣнятся мои предположенія, и я проведу можетъ быть будущее лѣто въ Петербургѣ. Впрочемъ, эти самыя обстоятельства могутъ способствовать къ исполненію нѣкоторыхъ надеждъ моихъ; и такъ нѣтъ худа безъ добра.

Письма Соболевскому еще не отдалъ, но не замедлю. По пріѣздѣ моемъ я только дня три какъ выѣзжаю: отъ дороги ли или даровъ Бахуса (не знаю отчего) у меня разболѣлись ноги, и весьма недавно я началъ ходить, да и то прихрамывая. Вообще же я здоровъ и невредимъ собою.

Писать болѣе нѣчего. Да, я забылъ, въ мое отсутствіе, матушка устроила мнѣ кабинетъ по моему желанію, и теперь передъ моими глазами веселый огонь блеститъ въ каминѣ — это наше сѣверное солнце — настоящее такъ блѣдно, что послѣ Малороссіи странное производитъ впечатлѣніе. Пиши чаще и подробнѣе, а я сдержу обѣщаніе, и до генваря еще получишь письмо.

Свидѣтельствую усерднѣйшій поклонъ милой и доброй твоей хозяюшкѣ, и дѣтокъ также цѣлую, и тебя отъ души обнимаю.

Твой

М. Глинка.

PS 1) Если ты заѣдешь въ Каченовку, усердно поклонись милымъ существамъ, тамъ обитающимъ.

PS 2) Мой поэтъ окончилъ первый актъ и началъ второй, вельми удачно. А декораторъ сдѣлалъ модели декорацій [1]), и нѣкоторыя превосходны.

VI.

Къ А. П. Кернъ [2]).

Смоленскъ, 17 августа (1840 г.).

Вы можете представить себѣ, какъ тягостно мнѣ было, разставшись съ вами, продолжать мое путешествіе. Когда ваша карета скрылась отъ моихъ взоровъ, я почувствовалъ себя какъ бы осиротѣлымъ и сѣлъ въ коляску въ самомъ грустномъ и мрачномъ расположеніи духа. Лошади тащили шагомъ по раскаленному песку, и на каждой станціи меня держали по 3 или четыре часа, такъ что едва уже къ вечеру я добрался до Порхова, сдѣлавъ менѣе 60 верстъ въ день. Отъ Порхова-же за то рѣшился ѣхать день и ночь, и, пріѣхавъ въ Смоленскъ днемъ ранѣе предположеннаго, хотя и чувствую усталость, однако-же слава Богу здоровъ и крѣпокъ.

Какъ вы поживаете въ Тригорскѣ? Сообщите мнѣ подробное описаніе вашего тамъ пребыванія, въ особенности о мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ Пушкина. Душевно сожалѣю, что обязанности къ матушкѣ не позволили мнѣ вамъ сопутствовать.

Теперь только августъ, а я уже терпѣлъ отъ холода и мороза. И такъ, не оставайтесь долго въъ псковской гу-

---

[1]) Зачеркнуты слова: «весьма удачно».

[2]) Адмиральша А. П. Кернъ, мать Ек. Ерм. Кернъ, о которой довольно много говорится въ «Запискахъ» Глинки.

борніи, а поскорѣй въ Малороссію, иначе пострадаете дорогой.

Вы у меня требовали маршрута, теперь сообщу вамъ его. Изъ Тригорска вамъ надобно отправиться на Великіе Луки, отъ этого города до Витебска около 160 верстъ. Въ Витебскѣ отдохните сутки, потомъ въ Могилевѣ, гдѣ рекомендую тоже сдѣлать, изъ Могилева въ Черниговъ, а тамъ уже сами знаете, какъ добраться до Лубенъ.

Прикажите въ Тригорскѣ и во всякомъ городѣ, гдѣ будете останавливаться, тщательно осматривать экипажъ.

Извините, что я наскучаю вамъ этими наставленіями, но полагаю, что это будетъ не излишнее, въ особенности принимая въ соображеніе неопытность вашего человѣка.

Сегодня утромъ я отправляюсь дальше, завтра надѣюсь быть у матушки—и постараюсь преодолѣть себя, чтобы быть ей въ утѣшеніе. Она съ нетерпѣніемъ меня ждетъ. Здоровье мое не пострадало отъ мучительнаго пути, и я надѣюсь, что Богъ поддержитъ меня въ моемъ намѣреніи успокоить рѣдкую мать, осыпавшую меня безчисленными благодѣяніями. Вы также, надѣюсь, будете ангеломъ-хранителемъ для вашей дочери, и, наблюдая за нею съ свойственной вамъ проницательностью, изгладите и послѣдніе остатки ея недуговъ.

Повѣряя себя въ ваше дружеское расположеніе, остаюсь съ чувствомъ искренней дружбы и признательности

вашимъ преданнѣйшимъ слугой

М. Глинка.

VII.

Къ ней же.

Le 30 Décembre 1840.

Si j'avais pu suivre l'impulsion de mon cœur, certes je vous aurais prévenu depuis bien longtemps, madame, mais quoique vous avancez qu'on n'écrit pas parcequ'on ne veut pas écrire, je puis vous certifier que ma situation morale est telle que je ne suis nullement le maitre de ma pauvre personne; mes souffrances nerveuses ayant établi leur siège principal à la tête et au coeur. Ayez donc, je vous supplie, un peu d'indulgence pour quelqu'un que vous traitiez autrefois en ami et agréez avec bienveillance mes félicitations avec la nouvelle année et les vœux ardents que je forme pour votre bonheur.

La nouvelle de la mort de M. Kern m'a causé un chagrin d'autant plus vif que je puis me représenter la peine que Mademoiselle votre fille en a ressentie. C'est un grand bonheur que vous étiez là pour sécher ses pleurs et partager son chagrin—les absents n'ont pas cette douce consolation, ils manquent au moment où leur présence serait de quelque utilité, et les consolations par écrit arrivent ordinairement trop tard.

Je suis bien fâché, Madame, d'avoir pu vous déplaire par des expressions que vous trouvez étranges—je n'ai pas besoin de beaucoup de phrases pour vous dire que l'inquiétude et le découragement sont de fort mauvais logiciens et qu'un cœur malade parle un langage étonnant pour quelqu'un qui a le bonheur de vivre heureux et tranquille. Tel est le cas avec ma personne. A la campagne je suis tombé dangereusement malade—cette maladie a bouleversé tout—je ne puis rien entreprendre, former aucun projet pour

l'avenir — ma maladie fantasque et capricieuse est toujours là pour tout anéantir. Ainsi donc toutes ces phrases que vous trouvez inexplicables ne sont au fait que l'expression de la même inquiétude sur le compte de la personne absente qu'on suppose toujours plus à plaindre qu'elle n'est peut-être effectivement. La campagne pour moi est un séjour tellement antipathique que je trouverais fort naturel que les autres aient les mêmes opinions à cet égard — les parents et les voisins (s'il y en a) faisaient d'un paradis un véritable enfer avec leur goût pour les commérages et les interprétations perfides.

Malgré cette aversion pour la campagne je bénirai le ciel s'il m'accorde le bonheur de passer quelques jours auprès de vous—et si effectivement vous me conservez encore un reste d'amitié d'autrefois.

Cette époque n'est pas si éloignée que vous voulez bien le supposer. Mon voyage avec ma sœur n'est pas encore décidé—et je m'y intéresse trop peu pour que j'emploie des instances auprès de ma mère—en cas, cependant, qu'il ait lieu il ne durera que quelques mois et à mon retour je prendrai avec joie le chemin de la Petite-Russie si cela pourra vous être agréable.

Je vous demande pardon de vous avoir incommodée au sujet de l'argent: je vous supposais riche, si vous ne l'êtes pas encore je ne suis nullement pressé.

Recevez, madame, l'assurance de la considération distinguée et (si vous le permettez encore) de l'amitié sincère de votre

tout dévoué serviteur

M. Glinka.

Embrassez votre petit ange[1]) bien tendrement de ma part.

[1]) Пріемышъ г-жи Кернъ.

Excusez le peu de suite et l'écriture de cette lettre, je suis très souffrant.

VIII.

Къ ней же.

(St.-Pétersbourg). Ce 1 de Mars 1841.

Veuillez bien croire, Madame, que malgré mon silence, je vous porte toujours la même affection et que mon coeur est incapable d'oublier les personnes qui lui étaient une fois chères et dont il a reçu tant de preuves d'amitié! Une existence à la fois monotone et fatiguante ne me permet pas de vous écrire aussi souvent que je voudrais. Et que pourrais-je vous dire? Le récit de la tristesse constante que je ne cesse d'éprouver, d'une existence dépourvue de poésie, n'est pas fait pour vous égayer dans votre solitude. Depuis que vous avez quitté Pétersbourg, le ciel ne m'a pas accordé un seul jour de bonheur. Et quoique je sois entouré d'amis et d'admirateurs, mon coeur n'a point d'asile, et c'est en vain qu'il soupire après les beaux jours qui ne peuvent plus revenir, ici au moins......

Въ концѣ апрѣля я оставляю Петербургъ. Не знаю еще навѣрно, куда занесетъ меня враждебная судьба моя. Сколько могу замѣтить изъ писемъ матушки, она желаетъ, чтобы я ѣхалъ съ сестрою и затѣмъ за границу, вѣроятно полагая, что путешествіе изгладитъ изъ моего сердца горестное воспоминаніе — съ другой же стороны она за отъѣздомъ сестры и зятя (самыхъ близкихъ ей людей, съ коими она привыкла жить почти неразлучно) останется въ печальномъ одиночествѣ, и я увѣренъ, что была бы обрадована и утѣшена моимъ присутствіемъ. Въ послѣднемъ

письмѣ я писалъ ей, что готовъ пріѣхать къ ней и что ожидаю на то ея приказаній. И такъ, если матушка рѣшитъ, что мнѣ остаться, я не премину лѣтомъ навѣстить васъ. Тогда снова возобновятся для меня счастливые дни — чтеніе, дружескія бесѣды, прогулки, однимъ словомъ, поэтическая жизнь, которою судьба подарила меня въ теченіе прошлаго лѣта въ вашемъ мирномъ убѣжищѣ, на Петербургской сторонѣ.

Въ теченіе шести почти мѣсяцевъ томительно единообразная жизня моя не измѣнилась — до половины зимы я еще находилъ отраду въ музыкѣ и писалъ довольно много. Но теперь силы мои, изнуренныя продолжительностью зимы, мнѣ измѣняютъ, и вдохновеніе отъ меня отлетѣло. Если судьба, сжалясь надо мною, подаритъ мнѣ еще хоть нѣсколько дней счастія, я увѣренъ, что мой бѣдный «Русланъ» быстро пойдетъ къ окончанію. Въ настоящемъ же положеніи я за него рѣшительно не принимаюсь.

Не смотря на удовольствіе бесѣдовать съ вами, я долженъ кончить. Спѣшу не опоздать на почту. Пожелавъ вамъ всего лучшаго, а себѣ счастіе скорѣе васъ видѣть, остаюсь

искреннѣйше преданный вамъ

М. Глинка.

IX.

Къ А. Ф. Гиделла.

(Парижъ). Воскресенье, 5 генваря 1845.

Я давно не былъ у васъ, безподобная Анна Өедоровна, потому что крѣпко захворалъ простудою, да и теперь, хотя мнѣ и легче, все еще не могу совершенно оправиться.

12 сего мѣсяца кажется у графини балъ и вы говорили мнѣ, что и меня приглашаютъ. Этотъ самый день я долженъ быть въ концертѣ Félicien David и сверхъ того не знаю, позволитъ ли мнѣ здоровье быть у васъ. Но на всякій случай прошу меня увѣдомить: 1) Въ какомъ видѣ будутъ приглашаемые кавалеры, т. е. въ какомъ галстукѣ, бѣломъ или черномъ и наконецъ въ башмакахъ или сапогахъ? 2-е) Въ которомъ часу начнется дивертисементъ? и 3-е) Въ чемъ именно таковой состоять будетъ?—Потрудитесь меня объ этомъ увѣдомить заблаговременно.

Présentez, je vous prie, mes respectueux hommages à madame la comtesse, et assurez-la de ma part que si ma santé me le permet je ne manquerai pas de me rendre à son aimable invitation. Agréez l'assurance de l'amitié sincère de votre très dévoué serviteur.

M. Glinka.

Dites je vous prie à Alexis de m'apporter 50 cigarettes le plutôt possible.

X.

Къ Н. В. Кукольнику.

Парижъ, 18/6 апрѣля 1845 г.

Хотя мнѣ извѣстно, что ты болѣе, чѣмъ когда либо, обремененъ дѣлами, любезный другъ Несторъ, но полагаю, что не прогнѣваешься на меня за эти строки. Въ непродолжительномъ времени я оставляю Парижъ, и поэтому считаю обязанностію дружбы дать тебѣ краткій отчетъ въ моемъ здѣсь пребываніи.

Я пріѣхалъ сюда въ концѣ іюля — видѣлъ іюльскіе

праздники, и первые мѣсяцы моего пребыванія, т. е. до наступленія глубокой и отвратительной здѣсь осени, жизнь моя могла называться жизнію путешественника. Новость впечатлѣній, уличная жизнь, bals champêtres, театры—живописныя окрестности и пр., наполняли все мое время. Ноябрь, декабрь и почти весь генварь нервы мои жестоко страдали, и скажу тебѣ, что здѣшній карнавалъ, съ шумными веселостями, мнѣ не по сердцу, тѣмъ болѣе, что не представляетъ живописной стороны итальянскихъ карнаваловъ и напоминаетъ суматоху нашей масляницы. Я ожилъ съ первыми лучами весенняго солнца и ожилъ не только тѣломъ, но и душою — случай свелъ меня съ нѣсколькими милыми людьми, и въ Парижѣ я нашелъ немногихъ, но искреннихъ и талантливыхъ пріятелей. Самая примѣчательная для меня встрѣча, это безъ сомнѣнія съ Берліозомъ — изучить его произведенія, столь порицаемыя одними и столь превозносимыя другими—было однимъ изъ моихъ музыкальныхъ предположеній въ Парижѣ—случай мнѣ вполнѣ благопріятствовалъ. Я не токмо слышалъ музыку Берліоза въ концертахъ и на репетиціяхъ, но сблизился съ этимъ первымъ, по моему мнѣнію, композиторомъ нашего вѣка (разумѣется въ его спеціальности), сколько можно сблизиться съ человѣкомъ, до крайности эксцентрическимъ. И вотъ мое мнѣніе: Въ фантастической области искусства, никто не приближался до этихъ колоссальныхъ и вмѣстѣ всегда новыхъ соображеній. Объемъ въ цѣломъ, развитіе подробностей, послѣдовательность, гармоническая ткань, наконецъ оркестръ могучій и всегда новый — вотъ характеръ музыки Берліоза. Въ драмѣ, увлекаясь фантастической стороной положенія, онъ не естествененъ и слѣдственно невѣренъ. Изъ слышанныхъ мною пьесъ: l'Ouverture des francs-

juges, la Marche des pélerins de la symphonie Harold et le Scherzo la reine Mab ou la fée des songes, также Dies irae и Tuba mirum изъ Requiem произвели на меня неописанное впечатлѣніе. У меня теперь нѣсколько неизданныхъ манускриптовъ Берліоза, кои изучаю съ невыразимымъ наслажденіемъ.

Мое мнѣніе о консерваторіи я сообщилъ Гейденрейху, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ тебѣ. Прибавлю, что я слышалъ оркестръ консерваторіи — играли la Symphonie pastorale—превосходно, но слишкомъ. Подробности исполняютъ съ такимъ утонченіемъ, такъ нарядно, что вредитъ цѣлому.

Афишки, посланныя тебѣ, и журналы, безъ сомнѣнія, уже тебя извѣстили о моихъ дебютахъ въ Парижѣ [1]).

---

[1]) Программа концерта была слѣдующая:

Salle de M. Herz, Rue de la Victoire.
Le Jeudi 10 Avril 1845 à 8 heures du soir,
M. de Glinka
donnera
Au profit de l'Association des Artistes musiciens,
un grand
Concert vocal et instrumental
Dans lequel on entendra plusieurs Morceaux de M. de Glinka, composés pour le Théatre Impérial de Saint-Pétersbourg.
On entendra aussi, pour la Partie vocale:
M-me Solovieva,
Première Cantatrice du Théatre Impérial de Saint-Pétersbourg
et M. Marras.
Pour la Partie instrumentale:
M. Hauman et M. Léopold de Meyer.
Programme du Concert
Première Partie.

1. Ouverture à grand orchestre.
2. Il desiderio, romance italienne, paroles de F. Romani, chantée par M. Marras..... Glinka.

Сообщу тебѣ нѣсколько подробностей. Въ 3-мъ концертѣ Берліоза арія Въ поле чистое произвела огромный эфектъ. Соловьева сначала немного сбилась, но потомъ поправилась и пропѣла превосходно. Лезгинка, передѣланная съ двухъ оркестровъ на одинъ, хотя огромный, утратила множество эфектовъ и, какъ отъ расположенія оркестра, такъ и отъ дурнаго исполненія, не произвела того впечатлѣнія, на которое я разсчитывалъ съ Берліозомъ, ибо онъ самъ выбралъ эту пьесу, ему весьма понравившуюся. Въ 4-мъ концертѣ Берліоза Соловьева пѣла гораздо хуже, а въ моемъ такъ оробѣла, въ дуэтѣ des

---

3. Andante et rondo russe pour Violon, exécuté par M. Hauman .... Bériot.
4. Scherzo (en forme de valse), à grand orchestre .. Glinka.
5. Duo des Puritains, chanté par M-me Solovieva et M. Marras .... Bellini.
6. Airs russes et } pour Piano, exécutés par L. de Meyer. L. de Meyer.
7. La marche triomphale d'Isly }

Seconde Partie.

8. La Cracovienne, grand air de danse de l'opéra La Vie pour le Tzar, à grand orchestre........ Glinka.
9. Romance dramatique, pour soprano, accompagnée de Harpe, par M. Tarcot, et du Violoncelle par M. Chevillard, chantée en russe par M-me Solovieva Glinka.
10. Introduction et variations de Bravoure, pour Piano, éxecutées par M. Hauman. . . . . . Hauman.
11. Grande Cavatine, pour Soprano, de l'ópéra Rouslan et Loudmila, chantée en russe par M-me Solovieva .... Glinka.
12. Marche fantastique de l'opéra Rouslan et Loudmila, à grand orchestre .... Glinka.

L'Orchestre du Théatre Royal Italien sera dirigé par M. Tilmant.

Le Piano sera tenu par M. de Glinka

Prix des Places: Stalles d'Orchestre, 10 Fr., Stalles de Parquet, 6 Fr.; Pourtour, 5 Fr.

S'adresser chez M. Herz, rue de la Victoire, 38 et ches les principaux Editeurs de Musique.

Puritains, что не могла продолжать остальныхъ нумеровъ. Marras поправилъ дѣло, вызвавшись пропѣть, сверхъ програмы, Cavatine изъ Elisir, которую исполнилъ превосходно. 52 музыканта Итальянскаго оркестра разыграли мои пьесы превосходно, и онѣ были приняты публикою очень, очень благосклонно, въ особенности Scherzo (мой Павловскій вальсъ) чрезвычайно понравился, и его издаютъ здѣсь, равно какъ и романсъ «Desiderio».

Опыты переводовъ не удались, и я былъ вынужденъ ограничить свои дебюты этими незначущими пьесами — въ концертахъ, гдѣ музыка должна быть понятна съ перваго раза, и здѣсь надобно исполнять пьесы несложныя, сверхъ того я не хотѣлъ иначе начать, какъ пьесами, написанными въ Россіи и для Россіи. Поэтому ce succès d'oiseau de passage для меня теперь достаточенъ, тѣмъ болѣе, что Берліозъ, Герцъ и нѣкоторые другіе читали мои партитуры, и огромная статья Берліоза обо мнѣ въ «Journal des Débats» убѣдитъ тебя въ томъ, что мое авторское самолюбіе вполнѣ удовлетворено. Гречь сообщитъ въ «Сѣверную Пчелу» краткое описаніе моего концерта съ переводомъ и подлинникомъ письма Берліоза, написаннаго мнѣ за двѣ недѣли до концерта, которое можетъ служить доказательствомъ искренности его мнѣнія обо мнѣ.

Я уже препроводилъ къ сестрѣ № «Journal des Débats»; по мѣрѣ появленія, сообщу и другія статьи. Тебя же прошу, по полученіи ихъ, распорядиться о переводѣ ихъ и о помѣщеніи въ «Сѣверную Пчелу» и другіе журналы, наиболѣе читаемые въ Россіи. Самъ не хлопочи, а поручи это сдѣлать кому и какъ знаешь.

Въ итогѣ я чрезвычайно доволенъ своимъ путешестві-

емъ. Парижъ городъ чудесный—разнообразіе умственныхъ наслажденій неистощимо, жить можно какъ хочешь, и я не помню эпохи въ своемъ существованіи, пріятнѣе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Въ художественномъ отношеніи изученіе музыки Берліоза и здѣшней публики привело меня къ чрезвычайно важнымъ результатамъ. Я рѣшился обогатить свой репертуаръ нѣсколькими (и если силы позволятъ) многими концертными пьесами для оркестра, подъ именемъ Fantaisies pittoresques. Доселѣ инструментальная музыка дѣлилась на два противоположныхъ отдѣла: квартеты и симфоніи, цѣнимые немногими, устрашаютъ массу слушателей своими глубокими и сложными соображеніями; а собственно такъ называемые концерты, варьяціи и пр. утомляютъ ухо несвязностью и трудностями. Мнѣ кажется, что можно соединить требованія искусства съ требованіями вѣка и, воспользовавшись усовершенствованіемъ инструментовъ и исполненія, писать пьесы, равно докладныя знатокамъ и простой публикѣ. Я уже принялся за дѣло — соображаю coda для марша Черномора — онъ очень здѣсь понравился, но безъ coda не можетъ удовлетворить слушателей. Въ Испаніи примусь за предположенныя Fantaisies — оригинальность тамошнихъ мелодій будетъ мнѣ значительною помощію, тѣмъ болѣе, что доселѣ это поприще еще никѣмъ не было проходимо, и, кромѣ оригинальности, для моей необузданной фантазіи, надобенъ текстъ или положительныя данныя. Увижу на мѣстѣ, можно ли затѣять оперу въ испанскомъ родѣ, во всякомъ случаѣ постараюсь передать въ звукахъ свои впечатлѣнія. А если ты можешь удѣлить для своего пріятеля нѣсколько минутъ свободнаго времени и отвѣтить на это письмо, обѣщаю отъ времени до времени сообщать тебѣ въ письмахъ все то, что ока-

жется достойнымъ вниманія въ любопытномъ путешествіи, которое предпринимаю въ самомъ непродолжительномъ времени. Матушка уже объявила мнѣ о высылкѣ, на подъемъ, денегъ, я надѣюсь получить ихъ дней черезъ пять, и тогда, дней черезъ десять, выѣду. Я ѣду не очертя голову, какъ говорится, выучился испанскому языку, достаточно, чтобы говорить и понимать почти все, буду имѣть множество рекомендательныхъ писемъ, а главное, вотъ уже два мѣсяца, какъ взялъ къ себѣ испанца въ услуженіе, и этотъ человѣкъ болѣе товарищъ, нежели слуга, я имъ чрезвычайно доволенъ. До осени, т. е. до сентября я останусь въ окрестностяхъ Мадрида, а въ сентябрѣ отправлюсь въ Гренаду, съ тѣмъ, чтобы провести осень и зиму въ Андалузіи. Мои нервы требуютъ тепла и солнца, однакожъ и Парижъ, не смотря на чрезвычайную сырость, былъ полезенъ для моего здоровья.

Извини, другъ Несторъ, что я такъ заболтался и, если можно, порадуй меня вѣсточкой; кланяйся братіи и сообщи прилагаемый при семъ адресъ, къ которому прибавь по французски: M. Michel de Glinka, Madrid en Espagne.

Усерднѣйшій поклонъ Амальѣ Ивановнѣ. Скажи Гейденрейху, что на дняхъ буду писать.

Весь твой М. Глинка.

XI.

Къ М. С. Кржижевичъ.

7 мая 1849. С.П.Бургъ.

Этими немногими строками спѣшу поблагодарить васъ, милая и несравненная Марья Степановна, за ваше ласковое и отрадное письмо. Я былъ съ визитомъ у Якова

Ивановича, когда принесли это восхитительное письмо, и съ жадностью прочелъ его. Да наградитъ васъ Всевышній за вашу добрую и глубокую дружбу. Если все васъ окружающее не можетъ не любить васъ, посудите сами, каковы должны быть чувства того, который (въ качествѣ артиста) считаетъ себя болѣе другихъ способнымъ вполнѣ постигать вашу высокую и благородную душу и другія милыя свойства, не всѣми оцѣненныя по достоинству. Вы собираетесь въ Петербургъ — ради Бога не ѣздите, меня уже здѣсь не будетъ: завтра отправляюсь въ Варшаву, тамъ мнѣ теплѣе и спокойнѣе, и можно будетъ снова приняться за работу, къ которой суматошная жизнь Петербурга меня не допускаетъ.

Умоляю васъ, отвѣчайте мнѣ на это письмо въ Варшаву, poste restante, М. И. Глинкѣ; напишите, когда вы предполагаете ѣхать, и по важному-ли дѣлу, или просто для развлеченія. И если большой необходимости нѣтъ, еще разъ прошу, не ѣздите въ Питеръ, я буду слишкомъ огорченъ этимъ. Не лучше-ли было намъ, списавшись, устроить такъ, чтобы мы могли встрѣтиться и пожить вмѣстѣ въ климатѣ болѣе благонадежномъ. Стòитъ (особенно женщинѣ) пожелать сильно и искренно, и повѣрьте, судьба уступитъ — такъ состоялось и мое путешествіе въ Испанію, не смотря на множество затрудненій.

Кстати о Испаніи, скажу вамъ, что я провелъ тамъ два года изъ лучшихъ въ моей жизни. Видѣлъ много любопытнаго и поэтическаго. Андалузки рѣзвы, забавны, недурны и славно пляшутъ и поютъ.

Но чтò вамъ можетъ быть покажется страннымъ — я нахожу сходство между Андалузіею и Малороссіею, не только въ отношеніи физической природы и обычаевъ, но и въ отношеніи къ характеру и нравамъ женщинъ. Вы-

разительность взора, роскошные волоса, живость, пылкость, дѣтская рѣзвость, съ доброй и благородной душою — все это встрѣтишь у васъ, и можетъ быть еще въ болѣе превосходномъ развитіи. Я увѣренъ, что если бы я могъ снова увидѣть васъ на берегахъ Ворсклы или Сейма, муза моя, давно уже дремлющая, снова бы пробудилась, и что съ избыткомъ-бы вознаградила меня за потерянное время. Отъ васъ, можетъ быть, зависитъ, чтобы я принялся за какой-либо большой трудъ, теперь-же ограничиваюсь отдѣльными пьесками.

По прибытіи на мѣсто, нетерпѣливо буду ждать вашего отвѣта. Пишите мнѣ — я отвѣчать буду непремѣнно. Еще разъ отъ души благодарю васъ за вашу отрадную дружбу. Господь да хранитъ васъ.

Искренне любящій и уважающій васъ другъ

Михаилъ Глинка.

XII.

Къ В. П. Энгельгардту.

Варшава, 17-го (5-го) октября 1849 г.

Не сомнѣваясь въ искреннемъ и дружескомъ расположеніи вашемъ, любезнѣйшій Василій Павловичъ, считаю не лишнимъ напомнить о себѣ этими немногими строками. Четыре мѣсяца тому назадъ я прибылъ сюда благополучно и въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Но не прошло и двухъ недѣль по пріѣздѣ, какъ нервы мои (Богъ знаетъ отъ чего) начали болѣе и болѣе раздражаться, и мною овладѣла столь сильная и глубокая хандра, что мнѣ самому передъ собой было совѣстно. Я прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ и существующимъ въ Варшавѣ средствамъ

къ развлеченію, доходилъ до неистовыхъ оргій, и все понапрасну.

Наконецъ, вполнѣ наскучивъ всѣми шумными и принужденными веселостями, я переѣхалъ въ уединенную часть города, рѣшившись жить дома и посѣщать вельми малое число искреннихъ знакомыхъ—эта перемѣна жизни послужила мнѣ въ пользу—я чувствую себя лучше, и кажется, муза моя становится ко мнѣ милостивѣе.

Нѣсколько разъ я порывался ѣхать къ вамъ въ Петербургъ, но видно не судьба—всякій разъ мнѣ что-нибудь препятствовало, теперь же и думать нельзя—поздно и ужъ взята зимняя квартира до апрѣля.

Общества въ Варшавѣ скучны и единообразны—тутъ однакоже есть нѣсколько примѣчательныхъ музыкальныхъ талантовъ: дѣвицы Гринбергъ, изъ коихъ старшая (ученица Гензельта) отлично играетъ на фортепіано и даже классическую музыку, меньшая хорошо поетъ, въ особенности мои романсы. Но, по моему, примѣчательнѣйшій артистъ въ Варшавѣ — органистъ Фрейеръ, у него руки и ноги равносильны, я безъ ужасно-восторженнаго напряженія нервъ не могъ слушать, когда онъ игралъ фуги и прелюды Баха, и увѣренъ, что вы бы получили полную порцію удовольствія, если бы вамъ довелось услышать ихъ.

О такихъ же вечерахъ, милыхъ и разнообразныхъ, какіе были и вѣроятно бываютъ у васъ, здѣсь и понятія не имѣютъ. Часто я мысленно переношусь въ ваше милое семейство, желалъ бы перелетѣть къ вамъ хоть на короткое время, но зима на дворѣ, и должно покориться судьбѣ.

Педро теперь хлопочетъ и устраиваетъ новую квартиру — онъ поручилъ мнѣ всѣмъ отъ него усердно кланяться. Я съ своей стороны прошу усердно, усердно по-

клониться всѣмъ, и сказать, что я еще надѣюсь пожить съ вами — если живъ буду мнѣ еще не миновать Петербурга. Надѣюсь, Василій Павловичъ, что вы отвѣтите на это письмо. Если вы уже распорядились на счетъ извѣстныхъ вамъ романсовъ, то увѣдомьте, и если получили деньги—вышлите ихъ, это не помѣшаетъ. Адресуйте письма и пр. на мое имя въ Варшаву poste restante.

Пожелавъ вамъ и вашему семейству всего лучшаго, остаюсь искренне преданнымъ слугою

Михаилъ Глинка.

XIII.

Къ М. С. Кржижевичь.

Варшава, 8 октября 1849 г.

Я кругомъ виноватъ передъ вами, милая и несравненная барыня — на ваше ласковое посланіе я не отвѣчалъ вамъ, а вы такъ добры, что наградили меня новымъ и столь же привѣтливымъ письмомъ. Впрочемъ обстоятельства если не могутъ вполнѣ оправдать меня передъ вами, по крайней мѣрѣ достаточно могутъ уменьшить вину мою. По пріѣздѣ моемъ въ Варшаву, не прошло и двухъ недѣль, какъ внезапно возобновились мои нервныя страданія, съ неразлучными спутницами — тоскою и жесточайшею хандрою. Писать къ вамъ, ожидая лучшаго расположенія духа, я откладывалъ со дня на день. Между тѣмъ мнѣ вздумалось завернуть въ Малороссію — что̀ мнѣ не удалось. Потомъ думалъ отправиться обратно въ Питеръ, но обстоятельства, вовсе не поэтическія, удерживаютъ меня въ Варшавѣ, гдѣ вѣроятно проведу зиму. Эти непоэтическія обстоятельства суть просто денежныя — однимъ сло-

вомъ, здѣсь жить дешевле, а мнѣ это важно въ нынѣшнемъ году. Прибавлю также, что климатъ несравненно лучше петербургскаго, и я могу жить какъ пожелаю. Теперь мнѣ пришелъ капризъ жить отшельникомъ, и меня никто не трогаетъ: вздумаю повеселиться—и на это есть охотники. Въ Петербургѣ я страшусь сколько климата, столько же и условій свѣта.

Сколь ни грустно мнѣ, безподобнѣйшая Марья Степановна, отказаться еще на нѣсколько времени отъ счастія видѣть васъ, но рѣшительно мнѣ невозможно иначе распорядиться. Петербурга (если тамъ буду) мнѣ не миновать, и сладостное предчувствіе увѣряетъ меня, что мы еще поживемъ вмѣстѣ, и, скажу болѣе, я убѣжденъ, что вы однѣ въ состояніи возбудить дремлющую музу мою къ продолжительной и удачной дѣятельности. Боюсь одного, чтобы свиданіе со мною не разочаровало васъ. Правда, руки и голосъ еще служатъ исправно—но вообще на видъ я жестоко постарѣлъ въ эти послѣдніе годы—между тѣмъ какъ нѣтъ сомнѣнія que vous serez entourée par un nombre infini d'admirateurs. Malheureusement, plus je viellis, plus je deviens jaloux dans mes affections. Il me vient même quelquefois dans l'idée que c'est un bonheur peut-être que d'être obligé de vivre ici pour quelque temps — il est possible que le ciel par là veut m'épargner de nouvelles souffrances.

Mais je ne veux point vous attrister, persuadé qu'il restera toujours dans votre coeur ne fusse qu'un petit coin pour votre ancien ami, quelque vieux et laid qu'il soit.

Si vous voyez les Tarnowsky et Dovgolewsky, saluez-les bien de ma part.

Пишите по прежнему въ Варшаву poste restante, на мое имя. Умоляю васъ, отвѣчайте какъ можно подроб-

нѣе, а вмѣстѣ крупнѣе: я довольно худо вижу и уже прибѣгаю къ очкамъ.

Adieu, mon incomparable amie, soyez heureuse, amusez vous, mais n'oubliez pas votre plus dévoué et sincère ami

Michel.

Генералъ Астафьевъ проѣздомъ здѣсь. Онъ поручилъ мнѣ усердно вамъ кланяться.

XIV.

Къ В. П. Энгельгардту.

Варшава, 26 марта (7 апрѣля) 1850 г.

Не лѣность, а упорный недугъ не допустилъ меня отвѣчать на письмо ваше и увѣдомить о полученіи посланныхъ вами денегъ за три романса. Искренно благодарю васъ, добрѣйшій Василій Павловичъ, за ваши заботы о моихъ музыкальныхъ дѣткахъ. Послѣднее письмо ваше отъ 18 марта исполнило сердце мое радостію (чувствомъ, давно уже мнѣ незнакомымъ отъ долговременныхъ, тяжкихъ, хотя неопасныхъ страданій). Или наша публика, доселѣ ненавидѣвшая инструментальную музыку, вполнѣ измѣнилась, или дѣйствительно эти пьесы, писанныя con amore, удались свыше моего ожиданія — какъ бы то ни было, но этотъ вовсе неожиданный успѣхъ чрезвычайно ободрилъ меня.

Поблагодарите отъ меня гг. артистовъ за ихъ ласковое вниманіе и честное содѣйствіе — увертюру Jota и Камаринскую съ удовольствіемъ предоставляю для концертовъ Филармоническаго общества и другихъ, по вашему усмотрѣнію. Что же касается до «Recuerdos de Castil-

la»—эта пьеса есть токмо опытъ, и я намѣренъ взять двѣ темы изъ оной для второй Испанской увертюры: «Souvenir d'une nuit d'été à Madrid»—поэтому прошу васъ этой послѣдней пьесы нигдѣ не исполнять и никому не давать. О напечатаніи увертюры «Jota» и «Камаринской» за границей поговоримъ при свиданіи съ вами.

Бернарда разрѣшаю на изданіе отдѣльно романса: «Ты скоро меня позабудешь», съ тѣмъ однакожъ, чтобы это было въ одинаковомъ форматѣ съ другими изданными имъ романсами.

Въ теченіе нынѣшняго 50 года совершится 25-лѣтіе моего посильнаго служенія на поприщѣ народной русской музыки. Многіе упрекаютъ меня въ лѣности—пусть эти господа займутъ мое мѣсто на время—тогда убѣдятся, что съ постояннымъ нервнымъ разстройствомъ и съ тѣмъ строгимъ воззрѣніемъ на искусство, которое всегда мною руководствовало, нельзя много писать. Тѣ ничтожные романсы сами собой вылились въ минуту вдохновенія, часто стоятъ мнѣ тяжкихъ усилій—не повторяться такъ трудно какъ вы и вообразить не можете—я рѣшился съ нынѣшняго года прекратить фабрику русскихъ романсовъ; а остатокъ силъ и зрѣнія посвятить болѣе важнымъ трудамъ.

Прошу васъ усердно поклониться всѣмъ вашимъ, и благодаря васъ еще разъ отъ души, прошу любить и помнить искренне преданнаго вамъ

М. Глинка.

Вчера вечеромъ получилъ ваше письмо, а сегодня утромъ отвѣтилъ.

XV.

Къ В. В. Стасову.

С.-Петербургъ, 13 (25) апрѣля 1851 г.

Собираюсь не въ продолжительномъ времени ѣхать за границу, спѣшу напомнить вамъ о себѣ, любезнѣйшій Владиміръ Васильевичъ! Не смотря на болѣзнь я не совсѣмъ дурно провелъ здѣсь зиму и милый братецъ вашъ не мало содѣйствовалъ въ этомъ.

Я намѣренъ пожить въ Испаніи до совершеннаго (буде возможно) излѣченія — и заранѣе радуюсь встрѣтить васъ на берегахъ Гвадалквивира. Братецъ вашъ по просьбѣ моей увѣдомитъ васъ о моемъ выѣздѣ отсюда.

Поручивъ себя еще разъ вашему дружескому расположенію, остаюсь искренно преданный слуга

Михаилъ Глинка.

XVI.

Къ В. П. Энгельгардту.

Варшава, 12 (24) мая 1851 г.

Любезнѣйшій Василій Павловичъ!

Письмо ваше отъ 9 февраля, не знаю по какимъ причинамъ, я получилъ въ концѣ апрѣля, и не могъ отвѣчать вамъ до сихъ поръ по болѣзни. Искренно благодарю васъ за ваши ласковыя строки, ваши дружескія чувства и попеченія о моихъ бѣдныхъ произведеніяхъ.

Вы спрашиваете, пишу ли я? — теперь вовсе нѣтъ. Послѣдній, написанный еще въ прошломъ году, романсъ: «Финскій заливъ». Вы знаете, предъ нимъ я написалъ хоръ для Смольнаго монастыря. — Кавосъ прислалъ мнѣ

слова слишкомъ поздно — слова нелѣпо-глупыя — нѣкогда было передѣлать, и, судя по письму, которое получилъ отъ Кавоса, кажется вещь не удалась. Впередъ буду умнѣе и рѣшительно отъ всевозможныхъ заказовъ отказываюсь. Не замедлю переслать вамъ оригинальный манускриптъ этого хора.

О будущемъ ничего не могу сказать — я невольникъ моего упорнаго недуга: въ прошломъ году собирался къ матушкѣ въ деревню, болѣзнь помѣшала, а нынѣшній едва ли буду въ состояніи порадовать пріѣздомъ мою добрую старушку.

Страданія печени совершенно меня измѣнили — нигдѣ не бываю, никого не вижу — иногда только сосѣдки гризетки заходятъ повеселить меня танцами и рѣзвостью.

Ежели однакожъ вдохновеніе снова посѣтитъ меня, охотно напишу для васъ чтò Богъ положитъ по сердцу — увѣренъ, что вы мое дѣтко прибережете лучше пріятеля Кавоса.

Всѣмъ добрымъ знакомымъ прошу усердно поклониться — пожелавъ вамъ всего лучшаго, остаюсь

Искренно васъ любящій

Мих. Глинка.

Если будете такъ добры, что напишете отвѣтъ, пишите просто: Varsovie. Poste restante.

NB. Д. Педро усердно кланяется и благодаритъ за память.

XVII.

Къ нему же.

Варшава, 21 іюля (2 августа) 1851 г.

(Письмо писано не рукой Глинки).

Любезнѣйшій Василій Павловичъ!

Хотя на письмо мое, адресованное къ вамъ въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ настоящаго года, я и не получилъ отвѣта, а слѣдственно не могу знать: гдѣ вы? и что съ вами? однакожъ рѣшился напомнить вамъ о себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить, что на дняхъ выслана на имя ваше собственноручная партитура «Прощальной пѣсни», написанной мною въ прошломъ году для Смольнаго монастыря. Если вы ее не получили, потрудитесь справиться въ канцеляріи статсъ-секретаря министра Туркула.

Я очень хворъ — правая рука не повинуется: на клавишахъ еще кое-какъ играю, а пишу съ такимъ, съ такимъ трудомъ, что вынужденъ диктовать мои письма. Недавно лишился матери, и ожидаю пріѣзда сестры для устройства дѣлъ; послѣ чего уѣду вѣроятно изъ Варшавы. Впрочемъ мнѣ придется пробыть здѣсь около мѣсяца, и вы успѣете, буде пожелаете, прислать мнѣ отвѣтъ на это письмо въ Варшаву. По истеченіи же мѣсяца, прошу васъ справляться о моемъ мѣстопребываніи у моего зятя, Виктора Ивановича Флёри, директора училища глухо-нѣмыхъ, чтó у Краснаго моста.

Въ теченіи нынѣшняго года распоряжусь, чтобы для укомплектованія вашей музыкальной библіотеки вамъ высланы были изъ деревни моей всѣ мои неизвѣстныя пьесы, конченныя и неконченныя и этюды. Васъ же прошу, при свиданіи съ Даргомыжскимъ (которому усердно кланяюсь),

допытаться отъ него о зеленой тетради, гдѣ находятся три фуги моего сочиненія для фортепіано и нѣчто въ родѣ Кантаты, написанной мною въ началѣ 26 года на кончину Императора Александра I-го и восшествіе на престолъ Императора Николая Павловича.

Такъ какъ вы любите моихъ дѣтей, сирѣчь мои музыкальныя произведенія, то долгомъ считаю увѣдомить васъ, что теперь предстоитъ удобный случай оказать имъ покровительство, а именно: недавно получилъ я дружескій поклонъ отъ Мейербéра, съ просьбой познакомить его съ моими операми—чего самъ исполнить не могу, ибо таковыхъ не имѣю—пошлю ему «Камаринскую». Вы же съ своей стороны потрудитесь доставить хотя на короткое время переведенную оперу «Жизнь за Царя» на нѣмецкій языкъ—Мейерберу, проживающему въ Берлинѣ. Адресъ считаю излишнимъ, онъ лицо слишкомъ извѣстное.

Прошу васъ усердно поклониться пріятельницамъ и пріятелямъ моимъ.

Пожелавъ вамъ всего лучшаго остаюсь васъ искренно любящій

М. Глинка.

XVIII.

Къ нему же.

Четвергъ, 8 ноября 1851 г.

Любезнѣйшій Василій Павловичъ!

Если предполагаемыя завтра музыки могутъ состояться, потрудитесь, умоляю васъ, прислать хорошаго, очень хорошаго настройщика. Я увѣдомилъ Кукольника по его просьбѣ, и вѣроятно онъ завернетъ завтра.

До свиданія. Весь вашъ

М. Глинка.

XIX.

Къ Д. В. Стасову.

16 февраля, суббота (1852 г.).

Безподобнѣйшій баринъ

Дмитрій Васильевичъ!

Отъ усталости и разсѣянности не пришлось мнѣ какъ-то окончательно переговорить съ вами вчера о перекладкѣ арій—не прогнѣвайтесь, если теперь еще разъ повторяю мою убѣдительнѣйшую просьбу: арію изъ «Армиды» потрудитесь переложить такъ: голосъ съ фортепьяно, а гобой и фаготъ отдѣльно. Въ аріи изъ «Ифигеніи въ Тавридѣ [1])» прошу незабыть хора на 2 голоса—гобой, сколько помнится, одинъ.

Предполагая, что вы слишкомъ дорожите вашимъ слухомъ, чтобы обрекать это благородное чувство всѣмъ тѣмъ ужаснымъ пыткамъ, кои подъ именемъ концертовъ, какъ зловредные пауки хитро изготовляютъ шарлатаны и даже (извините) солисты. Поэтому думаю, что вамъ можетъ быть встрѣтится свободный вечеръ—таковой прошу безъ церемоній провести съ нами по просту, или какъ говоритъ достопочтеннѣйшій молодой 80-лѣтній человѣкъ Иванъ сынъ Петровъ Бунинъ, въ чернѣ, посидимъ и помолчимъ кой о чемъ.

Въ ожиданіи благосклоннаго отвѣта остаюсь покорнѣйшій преданный вамъ слуга

Михаилъ Глинка.

---

[1]) «Армида» и «Ифигенія» оперы Глюка.

XX.

Къ нему же.

Суббота (26 апрѣля) 1852 г.

Любезнѣйшій

Дмитрій Васильевичъ!

Спѣшу васъ увѣдомить, что я просто изъ рукъ вонъ; нѣтъ сомнѣнія, что сильно простудился возвращаясь отъ Львова, не смотря на шубу и калоши. Не спалъ всю ночь и теперь голова не своя, а ноги едва служатъ отъ спазмъ въ желудкѣ.

Итакъ, не прогнѣвайтесь, что непридется сегодня быть въ Эрмитажѣ — до понедѣльника буду сидѣть дома безвыходно.

До пріятнаго свиданіе искренно преданный вамъ слуга

М. Глинка.

XXI.

Къ А. Н. Сѣрову.

Парижъ, 21-го августа (9-го сентября) 1852 г.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ! Посланную вамъ книгу: генералъ-басъ Дена (на нѣмецкомъ діалектѣ) вы вѣроятно уже получили. Авторъ желалъ бы, чтобы эта книга была переведена, хотя бы съ выпускомъ приложеній и объясненій, напечатанныхъ курсивомъ; соглашается также на переводъ написанныхъ имъ для меня тетрадокъ, но, какъ я замѣтилъ, не совсѣмъ охотно.

Вы вѣроятно спросите, отчего я въ Парижѣ, а не въ Испаніи? Въ концѣ іюня я собрался въ путь отсюда, видѣлъ Средиземное и Пиренеи—но хворалъ во время пути

столь часто, что мною овладѣлъ сплинъ и ностальгія по своихъ — повернулъ оглобли, и не раскаяваюсь до сихъ поръ.

Въ моемъ возрастѣ,—жить въ Парижѣ безспорно удовлетворительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, въ умственномъ въ особенности, нежели въ веселой Испаніи. Славный городъ, — хорошій городъ мѣстечко Парижъ. Сообщу главнѣйшее. Луврь чудо comme toiles et marbres. Изъ первыхъ 3 Веронеза непостижимой красоты—Les nôces de Cana по моему перла музеума—картина едва-ли не бóльшаго размѣра, чѣмъ Помпея и Змій[1]), которыя обѣ ею уничтожены въ прахъ. Еще съ Берлина я подружился съ Corregio.—Тамъ Юпитеръ и Іо просто невыносимо граціозны,—здѣсь онъ же громовержецъ, во образѣ Сатира, предъ спящей Антіопой — чудо! Рафаэлей, Тиціановъ[2]), Пуссеней и пр., однимъ словомъ, лучшихъ художниковъ всѣхъ школъ, превосходнѣйшіе экземпляры. Можно, не выходя изъ галлереи, изучить исторію живописи. Изъ статуй: Vénus de Milo, Polymnie и le Tibre весьма примѣчательны [3]).

Въ Jardin des plantes, какъ и въ Берлинѣ, улучшена участь затворниковъ, кромѣ хищныхъ звѣрей, кои какъ въ Берлинѣ, такъ и здѣсь, въ томъ же тѣсномъ заключеніи, какъ и были прежде. Здѣсь понравились мнѣ

---

[1]) Картины Брюлова и Бруни.

[2]) Въ Берлинѣ 2 Тиціана жестокихъ: портретъ его самого, въ преклонныхъ лѣтахъ, и его дочери Лавиніи, во всей роскоши юности—удивительнѣйшіе. *Прим. М. И. Г.*

[3]) Позабылъ о Conception Мурильо — я очень радъ, что Бруни не купилъ ее. Картина большая, но измятая (fatigué), написана въ родѣ рисунковъ на севрскомъ фарфорѣ. Восторгъ Мадонны въ родѣ гримасы après une bonne prise de tabac. *Прим. М. И. Г.*

Goura—они болѣе нашей дворовой курицы. Самка сидитъ на яйцахъ.

Въ Елисейскихъ поляхъ два звѣринца, гдѣ необыкновенной красоты экземпляры хищныхъ звѣрей, съ которыми нѣкоторые возятся какъ съ кошками. Въ одномъ изъ нихъ, какъ и въ Jardin des Plantes, риноцеросъ удивительнѣйшій.

Музеумы, библіотеки, курсы всѣхъ наукъ—все даромъ. Древностей историческихъ не изучить и въ годъ. Театры не посѣщаю—въ нихъ теперь душно—былъ всего два раза, танцовала испаночка Pepita Oliva весьма мило. Нерѣдко бываемъ на bals champêtres въ самомъ Парижѣ, въ садахъ, подъ открытымъ небомъ—трафляются миленькія лоретки и канканируютъ не совсѣмъ дурно. Красавицъ мало, но множество интересныхъ физіономій,—а щебечутъ такъ заманчиво, что самъ себя не помнишь.

Оркестры бальной музыки примѣчательно хороши: cornets à pistons и мѣдные играютъ большую роль, но это кстати—всѣмъ слышно. Теперь всѣ въ разгонѣ, c'est la saison de la migration—слѣдовательно музыки нѣтъ—зимой обѣщаютъ отличный квартетъ—а посольство требуетъ, чтобы еще послушалъ исполненіе въ Conservatoire, въ убѣжденіи, что перемѣню о немъ свое мнѣніе.

Старыхъ пріятелей и однокашниковъ находится здѣсь нѣсколько, но теперь всѣ за городомъ или въ путешествіи: я же предпочитаю городъ.

Желѣзныя дороги и дилижансы (эти орудія пытки) до того меня измучили, что о моемъ путешествіи отъ Варшавы до Парижа и отъ Парижа до Тулузы и обратно во мнѣ осталось какое-то тяжко-смутное воспоминаніе, за исключеніемъ плаванія по Рейну, отъ Кельна до Страс-

бурга (300 верстъ), отъ Шалона до Ліона по Сонѣ (Saône) и отъ Ліона до Авиньона (около 250 верстъ).

Я объѣхалъ почти всю Францію, за исключеніемъ приморскихъ мѣстъ, и мое мнѣніе, что въ отношеніи живописномъ, Франція не можетъ состязаться съ сосѣдками — Испаніей и Италіей. За то города удивительны, историческихъ монументовъ не перечесть. По моему, однако же, лучше всего Парижъ, съ своими пріятными окрестностями.

Педруша нашелъ квартиру совсѣмъ à côté du grand opéra rue Rossini! Завелись кухаркой — онъ же Педро ходитъ ежедневно на рынокъ и устроилъ кухню превосходно. Мы даже роскошествуемъ до такой степени, что, по капризу, обѣдаемъ то на испанскій, то на французскій, польскій, русскій ладъ и пр., ась?

Ежели вздумаете писать, мой адресъ: Mr. Michel Glinka à Paris, poste restante.

Что у насъ новаго? Что подѣлываете? Что музы? Что наши милыя диллетантки, Тиціаны и пр., потрудитесь сообщить.

Вашему милому семейству прошу искреннѣйше отъ меня поклониться.

Братіи скажите, что имъ бью челомъ, помню и ввѣкъ не забуду ихъ отраднаго, дружескаго общества, во время моихъ тяжкихъ скорбей.

Василію Павловичу потрудитесь сообщить, что его прошу не сѣтовать, что не пишу къ нему, онъ мнѣ обстоятельнаго не сообщилъ адреса—не знаю какъ писать—въ Графскій, на дачу, или на пустынные, неизвѣстные мнѣ берега Финскаго залива.

Мемелю, Шуберту, Луфту и пр. мой дружескій поклонъ.

Пожелавъ вамъ всего лучшаго въ мірѣ, остаюсь искренно любящій и уважающій васъ

М. Глинка.

NB. Вчера принесли мнѣ десть бумаги, длиною болѣе, шириною менѣе аршина. 16 строкъ зѣло широкихъ. Этимъ же перомъ завтра принимаюсь за Симфонію.

XXII.

Къ Д. В. Стасову.

Парижъ, 23 декабря (4 января) 1852 — 53 г.

Любезнѣйшій баринъ

Дмитрій Васильевичъ!

Начинаю, какъ слѣдуетъ, поздравленіемъ съ наступающими праздниками и новымъ годомъ. Прошу васъ принять искреннее желаніе вамъ всего лучшаго и передать оное по принадлежности всѣмъ вашимъ знакомымъ. Прилагаемое при семъ письмо прошу доставить А. Я. Билибиной и съ вашей стороны попросите ее не отказать въ моей просьбѣ.

Вамъ вѣрно уже извѣстно, что вмѣсто Севиліи, я въ Парижѣ. По моимъ соображеніямъ едва-ли, въ теперешнемъ возрастѣ, мнѣ здѣсь не лучше чѣмъ въ Андалузіи. Я, собственно говоря, не хвораю, но сталъ лѣнивъ, постарѣлъ злодѣйски, а расплылся, сирѣчь потолстѣлъ, до безобразія. Не смотря на это, Волковъ, одинъ изъ давнишнихъ пріятелей, взялся за мой портретъ **перомъ на камнѣ** (вещь доселѣ небывалая **съ натуры**). Судя по началу, сходство будетъ удивительное, а работа превосходная.

Музыка дремлетъ, но не спитъ. Сижу дома, грѣюсь у

камина. Прочелъ Гомера, Софокла и Овидія (въ переводѣ), а теперь просто ѣмъ, сплю, да и только.

Надѣюсь, что вы, милый баринъ, напишете мнѣ въ отвѣтъ нѣсколько дружескихъ строкъ, а покамѣсть прощайте, тороплюсь, чтобы не опоздать.

Vale.

Весь вашъ Michel.

XXIII.

Къ нему же.

Парижъ, 19 февраля (3 марта) 1853 г.

...Зима у насъ началась поздно, и потому продолжается до сихъ поръ — въ комнатѣ холодновато, а Мишкѣ трудно,—не смотря на это еще, благодаря Бога, не хвораю, а скучаю шибко, и весьма, весьма тянетъ меня на родину!..

Портретъ конченъ; — сегодня принесли мнѣ нѣсколько пробныхъ экземпляровъ, и къ всеобщему удивленію рѣшительно не удался и не похожъ, печатать его не стану — и на время отложу эту затѣю, тѣмъ болѣе, что черезъ нѣсколько дней Н. Волковъ ѣдетъ въ Варшаву, а другимъ я довѣряю еще менѣе.

На дняхъ получилъ премилое письмо отъ сестры Oline

Michel.

XXIV.

Къ нему же.

Парижъ, 12-го (24-го) декабря 1853 г.

Любезнѣйшій и многолюбимый
Дмитрій Васильевичъ!

Спѣшу поздравить васъ съ наступающими праздниками и новымъ годомъ, и пожелать вамъ и всѣмъ вашимъ всѣхъ возможныхъ благъ.

Я получилъ премилое письмо отъ вашего братца (Владиміра Васильевича), изъ Флоренціи; между прочимъ онъ пишетъ, что пріобрѣлъ множество вещей древнихъ итальянскихъ классиковъ. Въ отвѣтѣ моемъ я просилъ его, при удобныхъ случаяхъ, пересылать въ Питеръ по нѣскольку отдѣльныхъ пьэсъ, въ особенности безъ аккомпанемана. Подкрѣпите мою просьбу, а вмѣстѣ сообщите братцу вашему, что въ моемъ письмѣ, по разсѣянности, я ошибся въ его имени, чѣмъ не мало огорчился.

Есть у меня къ вамъ и другая весьма важная просьба: потрудитесь пріискать намъ, мнѣ и сестрѣ Людмилѣ, лѣтнее жилище въ Царскомъ Селѣ. Сестра вѣроятно съ свойственною ей точностію сообщитъ вамъ подробно ея желаніе. Что̀ касается до меня, главное въ томъ, чтобы домикъ былъ отдѣльный, т. е. чтобы, кромѣ насъ, другихъ жильцовъ не было, сверхъ того для меня необходимо нѣчто въ родѣ маленькаго садика, но не на улицу, а сзади. Палисадникъ на улицу ни къ чему не служитъ. Не откажите, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, и потрудитесь похлопотать заблаговременно.

Съ самаго начала весны нынѣшняго года овладѣла мною ностальгія—теперь мысль скораго возвращенія на родину и свиданіе съ вами нѣсколько успокоили мое сердце. Къ 15-му мая (по нашему стилю) надѣюсь, съ помощію великаго Аллаха, быть въ Питерѣ. При свиданіи сообщу мои замѣтки; вообще говоря, онѣ не въ пользу теперешнихъ парижанъ.

Вашему братцу, тому братцу, который сопутствовалъ намъ въ музеумѣ и дворцѣ (Николаю Васильевичу) искренній поклонъ, поздравленіе и желанія. Таковыя же Сѣрову съ семействомъ.

Поручая себя вашему дружескому расположенію, остаюсь искренно преданный и любящій васъ

Михаилъ Глинка.

Прилагаемое письмо прошу передать В. П. Энгельгардту.

XXV.

Къ В. П. Энгельгардту.

Парижъ, ²⁴/₁₂ Декабря 1853.

Любезный и многолюбимый баринъ
Василій Павловичъ!

Мѣсяца три тому назадъ я писалъ къ вамъ, и вручилъ эпистолію моему однокашнику, Ник. Алек. Алединскому, для доставленія вамъ. Не зная, выполнилъ ли онъ мое порученіе, адресую вамъ эти строки, чтобы напомнить о себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поздравить васъ съ наступающими праздниками и новымъ годомъ, пожелавъ вамъ и всѣмъ вашимъ всего лучшаго въ мірѣ.

Что сказать вамъ о себѣ? Еще въ прошломъ году на пути въ Испанію у самыхъ Пиреней овладѣла мною злѣйшая ностальгія, сирѣчь, попросту тоска по отчизнѣ, или лучше по своимъ людямъ. Вмѣсто Испаніи я снова вернулся въ Парижъ, осень и зима прошли довольно сносно, весною же нынѣшняго 53 года оная ностальгія посѣтила меня еще упорнѣе. Теперь я нѣсколько спокойнѣе; мысль, что мое плѣненіе Вавилонское (не лишнія слова—Парижъ теперь тоже, что былъ Вавилонъ во время оно—объясню при свиданіи), мысль, говорю, что скоро плѣненіе кончится и я снова буду въ вашемъ тепломъ дружескомъ кружкѣ, видимо оживляетъ меня.

Одна изъ причинъ моего молчанія была также и та,

что я утратилъ вашъ адресъ, а это тѣмъ удивительнѣе, что письма и адреса хранятся мною тщательно.

Если соблаговолите отвѣчать мнѣ, крайне порадуете. Адресъ по прежнему: Paris, poste restante.

Вильбуѣ усердный поклонъ, поздравленіе и искреннее желаніе всѣхъ возможныхъ благъ.

Поручая себя вашему дружескому расположенію, остаюсь преданный и любящій васъ

Михаилъ Глинка.

XXVI.

Къ В. П. Энгельгардту.

2 іюня 1854. Царское Село.

Любезный и безподобный баринъ

Василій Павловичъ!

Лежачаго не бьютъ, говорится у насъ на Руси, не бьютъ, повторяю, лежачаго, довольно! Чего ради мню, льщусь надеждой, что гнѣвъ вашъ пощадитъ меня, и вы, оный обратя въ милость, прочтете безропотно нижеслѣдующія строки:

Педруша былъ вчера въ Питерѣ, но къ вамъ не попалъ; какъ и почему?—не знаю. А дѣло въ томъ, что желаніе пилить на скрипкѣ пилитъ меня самого, а сіе говорю потому, что въ послѣдніе мѣсяцы пребыванія въ Лютеціи (попросту въ Парижѣ) я пріобрѣлъ уже въ нѣкоторомъ родѣ что-то похожее на vélocité, а продолжая здѣсь упражняться, полагаю могъ бы со временемъ держать секунду (не въ квартетахъ), но хотя въ аккомпаниментахъ вокальной музыки: Генделя, Баха и другихъ т. п. Вотъ бы одолжили, если бы поручили какому ни есть

человѣчку (commissionaire) доставить мнѣ скрипку вашу.

Позвольте также потревожить вопросомъ: пишутся ноты для Дена или нѣтъ? и скоро-ли будутъ готовы? — На серебряную табакерку rococo russe охотно жертвую 100 р. с. Васъ же умоляю вспомнить о этой просьбѣ, когда ваши собственныя дѣла васъ завлекутъ на Невскій или туда, гдѣ можно найти эту вещь. О дѣлахъ довольно! О себѣ скажу, что нога моя все въ томъ же положеніи, и полагаю, что продержитъ меня долго здѣсь. Что̀ же дѣлать, мнѣ уже 50 лѣтъ, и пора честь знать. Вы же въ послѣдній разъ вашего пребыванія въ Питерѣ насъ избаловали, и не видя васъ нѣсколько дней, какъ-то становится неловко.

Въ надеждѣ отвѣта, а еще лучше посѣщенія вашего, остаюсь искреннѣйше любящій васъ

Михаилъ Глинка.

NB. Это письмо вамъ вручитъ нашъ человѣкъ Никифоръ; если скрипка готова, вручите ее ему.

XXVI[a].

Къ Д. В. Стасову.

12-го іюня 1854. Царское Село.

Милый и безподобный баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Хотя мнѣ и совѣстно безпокоить васъ, но нѣчего дѣлать, вы такіе добрые, невольно къ вамъ обращаешься. Подателю этой записки, нашему человѣку Никифору, если можно, потрудитесь отдать шляпу (пониже той, что вы привозили) для доставленія мнѣ, чѣмъ крайне обяжете.

Ежели вы не писали еще Каролинѣ, позвольте для вашего соображенія напомнить вамъ, что она, Каролина, хористка итальянскаго театра и до замужества называлась Еразмусъ. Ежели не въ трудъ вамъ, потрудитесь сообщить адресы Билибиной и Ломакина.

Спѣшу сообщить вамъ, что завтра приступаю къ собственной біографіи, на основаніи программы вашей, по приказанію сестры Людмилы.

Въ заключеніе присовокуплю, что весьма бы было хорошо, если бы вы насъ поскорѣе навѣстили, въ ожиданіи чего остаюсь искренне любящій васъ

Михаилъ Глинка.

XXVII.

Къ нему же.

22-го іюня 1854. Царское Село.

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ.

Всякій разъ, когда вы бываете у насъ, я собираюсь обратиться къ вамъ съ просьбою, къ вамъ именно, потому что полагаюсь болѣе на вашъ вкусъ, чѣмъ на вкусъ другихъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Къ имянинамъ Оли мнѣ нужно изготовить подарокъ. Терпѣть я не могу дарить тѣмъ, кого искренно люблю, тряпки, конфекты и другія вещи, скоро истребляющіяся. А потому и придумалъ вещь пріятную и полезную, а именно кострюлечку серебряную, около двухъ вершковъ въ діаметрѣ, съ ручкой, которую бы можно было вставить и вынимать по произволенію. Внутри вызолотить, а снаружи поставить O. S. готическими буквами, какъ привезенный мною изъ Парижа приборъ. Мнѣ этого желается

тѣмъ болѣе, что я знаю, что сестрѣ бы это понравилось, а я вѣдь ея неоплатный должникъ.

Прошу васъ, не откажите въ моей просьбѣ, закажите въ хорошемъ магазинѣ, чтобы было сдѣлано со вкусомъ, цѣну назначаю отъ 15 до 25 р. с., и болѣе.

Не будьте такъ скупы на вашу милую особу и навѣстите насъ поскорѣе.

Весь вашъ отъ души

М. Глинка.

Сестра вамъ кланяется. Потрудитесь отвѣчать хоть лаконически. Крестница вчера была кисленькая и блѣдненькая, а сегодня будто бы лучше.

XXVIII.

Записка для путешествія В. П. Энгельгардта.

Писано въ іюлѣ 1854 г. въ Царскомъ Селѣ.

Умѣть пользоваться временемъ есть первое условіе благоразумнаго путешественника; и такъ какъ для произведеній искусства всякое время года годится, а для наблюденія чудесъ природы и прелестныхъ мѣстоположеній надобно сообразоваться съ климатомъ и его условіями, то совѣтую В. П. Энгельгардту нижеслѣдующее:

1) Начать съ обзора природы, а искусство оставить на обратный путь.

2) Постараться прибыть въ Геную не позже первой половины сентября и, оставшись тамъ не болѣе 2-хъ дней,

3) отправиться въ Livorno, а оттуда сейчасъ по прибытіи, по желѣзной дорогѣ отправиться въ Флоренцію. Чтобы осмотрѣть главное въ городѣ и окрестностяхъ, достаточно 4 дня.

4) Въ Римѣ первый день общій только обзоръ: Monte Pincio, откуда видѣнъ весь Римъ, Пантеонъ, С. Петръ; въ Ватиканѣ главное только: Аполлонъ Бельведерскій и др. статуи и Colosseum. Тиволи, Фраскати и Альбано — 6 дней будетъ достаточно.

5) Если поѣдете сухимъ путемъ изъ Рима въ Неаполь, взгляните на Террачино, Итри и Фонди — въ мое время это было что-то Африканское.

Въ Неаполѣ Бурбонскій музей, тамъ домашняя утварь изъ Геркулана и Помпей, Геркулесъ Фарнезскій и Венера Callipige: ее трудно видѣть, но почему же не постараться.

Окрестности Неаполя:

a) на сѣверъ:

Puzzuoli, Ischia островъ, земля Байя, монастырь Камальдуловъ (Camaldoli), и близь-лежащія примѣчательности — 2 дни.

b) На востокъ:

На высотѣ горы, на которой амфитеатромъ расположенъ городъ, Vomero и Capo di monte.

c) На юго-востокъ: Portici, Vesuvio, Herculanum, Pompeja, Salerno, Pestum, Amalfi — 3 дня.

d) На югъ и юго-западъ:

Сорренто и Капри.

Всего на Неаполь 9 или 10 дней.

NB. Кромѣ померанцевъ, лавровъ, кактусовъ и другихъ вѣчно-зеленыхъ деревъ, въ Неаполѣ много рощъ, деревъ, кои теряютъ листъ къ ноябрю, что́ чрезвычайно вредитъ эффекту картины природы.

6) По Сикиліи (sic) совѣтую особенно роскошно пройтись хоша до декабря, на обратномъ пути хорошо поспѣть въ Римъ къ карнавалу.

XXIX.

Къ Д. В. Стасову.

Царское Село, 3-го іюля 1854 г.

Любезный баринъ

Дмитрій Васильевичъ.

Мы въ безпокойствѣ насчетъ Кологривова. Потрудитесь справиться: гдѣ онъ? и увѣдомить насъ. Если вамъ возможно, дайте знать только Левицкому, что я чрезвычайно желаю его видѣть. Пишу скверно, рука устала; не взыщите. Пожелавъ вамъ всего лучшаго, въ надеждѣ скораго вашего посѣщенія, остаюсь искренне преданный вамъ

М. Глинка.

XXX.

Къ нему же.

Царское Село. (Лѣто 1854. Августъ?)

Любезнѣйшій баринъ

Дмитрій Васильевичъ!

Если возможно, уговорите Сѣрова поспѣшить пріѣхать: il faut battre le fer tant qu'il est chaud. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу препроводить: пьесу Вебера («Aufforderung zum Tanze») и партитурной нотной бумаги.

Въ моихъ запискахъ я дошелъ уже до перваго представленія «Жизнь за Царя». Пріѣзжайте прочесть, а еще лучше и братца привезите.

Весь вашъ

М. Глинка.

XXXI.

Къ В. П. Энгельгардту.

С.-Петербургъ, 16-го сентября 1854 г.

Любезнѣйшій баринъ
Василій Павловичъ!

Всѣ любящіе васъ обрѣтаются въ смущеніи, не получая отъ васъ писемъ. На то, которое вы пустили изъ Берлина, отвѣчено уже было. Оно конечно хорошо за границей, весело, ново и разнообразно, но все-таки можно вспомнить о искренне любящихъ васъ, и отписать коротенько и не спѣша хоть нѣсколько искреннихъ словъ.

25-го августа мы съ сестрой, дѣткой и домашними переѣхали въ Питеръ. Квартира наша просто прелесть. Но музыка, сирѣчь квартетъ, былъ одинъ только разъ. Погода сносная, здоровье мое такъ себѣ. Записки мои довелъ до Малороссіи, наинструментовалъ «Aufforderung zum Tanze» Вебера, теперь инструментую Гуммеля «Nocturne» F-dur.

Какъ волка ни корми, все въ лѣсъ хочетъ, такъ и мнѣ, не смотря на заботы сестры, неловко на Сѣверѣ. А еще морозовъ и снѣга нѣтъ, каково-то мнѣ будетъ?

Пишите чаще и подробнѣе, и вѣрьте искреннимъ чувствамъ вамъ преданнаго

М. Глинки.

Сестра очень часто объ васъ вспоминаетъ, сегодня день ея ангела, съ чѣмъ она васъ поздравляетъ.

XXXII.

Къ Д. В. Стасову.

17 сентября 1854

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Поздравляю васъ съ дорогими именинницами, и отъ искренняго сердца желаю имъ всего лучшаго. Крайне соболѣзную, что мои нервы не позволяютъ обѣдать у васъ; надѣюсь въ другое время побыть у васъ вечеркомъ.

Отъ Дена я получилъ огромное письмо, которое съ трудомъ разбираю; оно писано по-нѣмецки.

Прилагаемое при семъ приношеніе прошу не отринуть.

Выберите хорошія пьесы на французскомъ театрѣ и возьмите хорошую ложу на воскресенье, понедѣльникъ или вторникъ. Да и сами тогда пожалуйте съ нами въ ложу, не будете въ дурной компаніи, а именно предполагаемъ быть:

Сестра,
Иванъ Алексѣевичъ (Шестаковъ)
и Я.

Вотъ, сударь ты мой, причина та, что Кукопушка, сирѣчь сестра, теперь можетъ отлучаться, ибо вполнѣ довѣряетъ пріѣхавшей изъ деревни кумѣ свою дочушку.

Adieu, au revoir
Tout à vous

Michel Glinka.

XXXIII.

Къ нему же.

(Октябрь, 1854).

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Навѣстите насъ, мы скучаемъ,—Олинька захворала, а сестра расходилась до такой степени, что и средствій ни-

какихъ нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что у нея рѣжутся зубки, и она нѣсколько страдаетъ. По вашему желанію, въ помощь Гейденрейху, который таковой не требовалъ, и по моему совѣту, приглашенъ въ 7 часовъ съ половиною докторъ Персонъ. Добрый баринъ, друзей навѣщаютъ, когда имъ не весело, а поэтому васъ ожидаю какъ можно скорѣе.

Весь вашъ
М. Глинка.

XXXIV.

Къ В. П. Энгельгардту.

2-го (14-го) ноября 1854 года, С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій баринъ
Василій Павловичъ!

Премного благодаримъ васъ за милое письмо ваше. Радъ я очень, что вамъ понравилось въ Швейцаріи, а что вамъ не нравится Италія въ такой же степени, это можетъ быть отчасти отъ непривычки, особенно живя на мѣстѣ, чувствительнѣе разлука съ своими пріятелями. Мужайтесь, обозрѣвайте; съ одной стороны привычка путешествовать, съ другой — черненькіе глазки какой-нибудь неаполитанки, сициліанки, или римлянки, уладятъ дѣло.

У насъ вскорѣ, по переѣздѣ въ городъ, заболѣла, и очень опасно Оля, теперь, благодаря Бога, она поправилась. Нѣмцы потѣшали меня музыкою нѣсколько разъ, а именно у меня, у Стасовыхъ и у сосѣда Чаруковскаго.

Надняхъ пѣли, и довольно опрятно, привезенныя мною пьесы церковной музыки старинныхъ итальянскихъ maestro у Ломакина, кромѣ Crucifixus Баха, которое предполагается исполнить съ оркестромъ впослѣдствіи.

«Aufforderung zum Tanze» я кончилъ, равно переложилъ на оркестръ «Nocturne» Гуммеля F-dur, opus 99, для сестры. За успѣхъ первой пьесы не отвѣчаю, вторая же, мнѣ кажется, должна быть удачнѣе.

Записки свои довелъ до 1840 года; диктую также краткую собственную біографію для Дена, который написалъ мнѣ большое дружеское письмо, на которое я уже отвѣчалъ. Стелловскій пріобрѣлъ съ моего разрѣшенія у Одеона право печатать «Жизнь за Царя». Вильбуа перекладываетъ непереложенные еще №№ на фортепьяно. И хотя онъ работаетъ честно и опрятно, я самъ все тщательно пересматриваю. Изданіе это будетъ полное, съ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ, и, разумѣется, съ партіями голосовъ, т. е. для пѣнія и фортепьяно.

Равнымъ образомъ приводимъ къ окончанію изданіе полное моихъ романсовъ.

Скрипку вашу привелъ Дробишъ въ превосходное состояніе, и понатужась я играю отрывки изъ сонаты Баха, и на дняхъ проигралъ цѣлую сонату Бетховена Es-dur, съ Сѣровымъ.

О моемъ житьѣ-бытьѣ что сказать вамъ? На дворѣ гадко, на душѣ тяжело; домосѣду въ Петербургѣ нечего ожидать. А по настоящимъ обстоятельствамъ загадывать впередъ не приходится.

Сестра вамъ усердно кланяется и охотно уступаетъ вамъ мою рукопись партитуры ноктюрна Гуммеля, ей посвященнаго.

Желаю вамъ веселиться, быть здоровымъ и прошу не забывать насъ грѣшныхъ.

Весь вашъ

М. Глинка.

Я сегодня въ кисломъ расположеніи, поэтому пишу

мало, но всё-таки прошу васъ укрѣпиться, и побудьте въ Италіи до моего къ вамъ пріѣзда.

Вашъ какъ всегда

Михаилъ Глинка.

На фатерѣ.

XXXV.

Къ Н. В. Кукольнику.

С.-Петербургъ, 12 ноября 1854 г.

Любезнѣйшій другъ

Несторъ Васильевичъ!

Я не отвѣчалъ на письмо, полученное отъ тебя въ Парижѣ, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Франціи, потому что надѣялся свидѣться съ тобою здѣсь, въ Петербургѣ. Теперь спѣшу напомнить тебѣ о себѣ и поблагодарить тебя за твои дружескія чувства ко мнѣ.

Изъ-за границы я возвратился въ маѣ и провелъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, вмѣстѣ съ сестрою, ея малолѣтней дочкою и донъ Педро, который еще съ нами обрѣтается. Въ августѣ переѣхали мы въ Питеръ и живемъ теперь въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой, на довольно хорошей и удобной квартирѣ.

На обратномъ пути изъ Парижа развилась, было, боль (артритическая) въ правой ногѣ, но совѣты Гейденрейха и тихая правильная жизнь мало по малу ослабили и даже почти уничтожили эту боль. Вообще я на здоровье не жалуюсь, хотя столько же изъ предосторожности, сколько и по собственному расположенію, выѣзжаю очень рѣдко и предпочитаю тихую и домосѣдную жизнь обществамъ, въ которыхъ уже не нахожу и тѣни прежнихъ удовольствій. Я въ послѣдній годъ пребыванія моего въ Парижѣ очень

потолстѣлъ, и съ виду болѣе похожъ на брюхана маіора, нежели на отставнаго коллежскаго ассесора.

По просьбѣ сестры, Людмилы Ивановны, съ которой живу вмѣстѣ ужь третій разъ и которая, однако же, не знаетъ прежней моей жизни до 1847 года, я предпринялъ еще въ іюнѣ и постоянно продолжаю писать мои записки, начиная отъ эпохи моего рожденія, т. е. 1804, и до моего теперяшняго пріѣзда въ Россію, т. е. до 1854 года. Не предвижу, чтобъ впослѣдствіи жизнь моя могла бы подать поводъ къ повѣствованію. Пишу я эти записки безъ всякаго покушенія на красоту слога, а пишу просто, что было и какъ было въ хронологическомъ порядкѣ, исключая все то, что не имѣло прямаго или косвеннаго отношенія къ моей художнической жизни. Теперь пишу уже 1842 годъ. По возможности описалъ уже нашу братію; я прочелъ это описаніе Амальѣ Ивановнѣ, и она сказала, что все дѣйствительно такъ было, какъ у меня написано. Я привелъ въ описаніи нѣсколько твоихъ стиховъ, — въ чемъ и каюсь.

Кромѣ того привожу въ порядокъ изданіе моихъ романсовъ, часть ихъ находится у Бернарда, въ довольно опрятномъ видѣ, почти всѣ остальные постепенно печатаются въ подобномъ форматѣ у Стелловскаго. Я внимательно пересматриваю, поправляю ошибки и выставляю движеніе по метроному.

Стелловскій сладился также съ П. И. Одеономъ и намѣренъ приступить къ полному изданію «Жизни за Царя» для фортепьяно съ пѣніемъ, съ русскимъ и нѣмецкимъ текстомъ. Я провѣряю перекладку ненапечатанныхъ еще номеровъ, и, кажется, что изданіе будетъ въ совершенномъ порядкѣ.

Муза моя молчитъ, отчасти полагаю отъ того, что я

очень перемѣнился, сталъ серьезнѣе и покойнѣе, весьма рѣдко бываю въ восторженномъ состояніи, сверхъ того мало по малу у меня развилось критическое воззрѣніе на искусство, и теперь я, кромѣ классической музыки, никакой другой безъ скуки слушать не могу. По этому послѣднему обстоятельству, ежели я строгъ къ другимъ, то еще строже къ самому себѣ. Вотъ тому образчикъ: въ Парижѣ я написалъ 1-ую часть Allegro и начало 2-ой части Казацкой симфоніи (C-moll—Тарасъ Бульба)— я не могъ продолжать второй части, она меня не удовлетворяла. Сообразивъ, я нашелъ, что развитіе Allegro (Durchführung, Développement), было начато на нѣмецкій ладъ, между тѣмъ какъ общій характеръ пьесы былъ малороссійскій. Я бросилъ партитуру, а Педро уничтожилъ ее.

Поэтому мнѣ кажется, что я былъ совершенно правъ, отвѣтивъ Мейерберу на сдѣланное мнѣ имъ замѣчаніе: «Mais vous êtes très difficile, M. Glinka»,—«J'en ai le droit, monsieur», отвѣчалъ я ему, «je commence par mes propres oeuvres, dont je ne suis presque jamais content».

Въ Парижѣ я жилъ тихо и уединенно. Берліоза видѣлъ только одинъ разъ, я ему уже не нуженъ и слѣдовательно пріязни конецъ. По музыкальной части слышалъ два раза въ Opéra comique «Іосифа» Мегюля, очень опрятно исполненнаго. Бюссинъ въ Іаковѣ былъ превосходенъ, и оркестръ игралъ честно. Не могу сказать того объ 5-й симфоніи Бетховена, которую слышалъ въ консерваторіи. Играютъ какъ-то механически, смычковые всѣ въ одинъ штрихъ, что для глаза докладно, но не удовлетворяетъ слуху. Притомъ кокетство ужасное: f дѣлаютъ fff, а p—ppp, такъ что въ превосходномъ Scherzo этой симфоніи (C-moll) самыя превосходныя мѣста

исчезли: pppp довели до той же нелѣпой степени, какъ тó дѣлывалъ Jupiter Olimpien — покойникъ Иванъ Иванычъ Рубини — однимъ словомъ Le conservatoire de Paris est aussi menteur que le français-mâle, il promet beaucoup et ne tient rien, on vous promet une belle Symphonie et on vous l'escamote.

За то на обратномъ пути въ Берлинѣ я получилъ полную порцію удовольствія: въ Берлинѣ мой бывшій учитель композиціи, Dehn,—начальникомъ (Custos) музыкальнаго отдѣленія королевской библіотеки. Отчасти отъ его содѣйствія и совѣтовъ, а болѣе отъ собственной упорной атаки на примадонну Köster и директора театровъ Hühlsen, я достигъ своей цѣли, т. е. счастія присутствовать на весьма и весьма удовлетворительномъ представленіи оперы «Армида» Глюка. Не могу высказать тебѣ достоинства, силы и драматизма этой превосходной оперы. Сверхъ того Dehn угощалъ меня квартетами Гайдна въ особенности (я его предпочитаю всѣмъ другимъ въ этомъ родѣ музыки), и Бахомъ на органѣ, превосходно исполненнымъ органистомъ Haupt—онъ же и докторъ философіи.

По возвращеніи въ Россію, бываютъ изрѣдка у насъ квартеты (Гайдна преимущественно)—главныя дѣйствующія лица: Шубертъ (віолончель)—другъ нашъ — и Пиккель, молодой, очень талантливый артистъ. Пріѣхалъ сюда на дняхъ Ферзингъ, и надѣюсь на дняхъ слышать его—онъ сохранилъ еще всю свѣжесть голоса—а у меня готовы оперы, какъ «Don Juan», «Zauberflöte», Fidelio», «Joseph» etc. Будутъ на дняхъ тріо для фортепіано, скрипки и віолончели. А ежедневно я самъ играю (en simplifiant) Баха и Бетховена съ фортепьяно.

Отъ нечего дѣлать я наинструментовалъ на оркестръ «Aufforderung zum Tanze» Вебера и ноктюрнъ Гуммеля

F—dur, opus 99 — эта послѣдняя мнѣ кажется удачнѣе первой.

Для сестры соображаю «Дѣтскую польку», назначенную для моей крестницы племянницы.

Ежели нѣмцы сохранятъ неутралитетъ (о чемъ молю Всевышняго), то весною поѣду въ Германію, а если уже нельзя будетъ, то въ Москву, а оттуда на Волгу, а можетъ быть и на Донъ, къ тебѣ.

Излишнимъ считаю увѣрять тебя, сколько я искренно люблю тебя и слѣдственно соболѣзную, что ты страдаешь ногой; надѣюсь, что врачи и твое обычное присутствіе духа и воли уменьшатъ твои страданія.

Сестра усердно тебѣ кланяется, мы съ нею искренно обрадовались посѣщенію доброй твоей Амальи Ивановны.

Vale.

Твой Миша.

Хоть двѣ строки въ отвѣтъ на мою болтовню.

XXXVI.

Къ нему же.

С.-Петербургъ, 19 января 1855 г.

Любезнѣйшій другъ

Несторъ Васильевичъ!

Не могъ до сихъ поръ отвѣчать на дружеское твое посланіе, потому что на этихъ дняхъ только получилъ твою музыку чрезъ Пузыревскаго, который съ женою и Софьею Тимофѣевною провелъ у насъ вечеръ въ воскресенье.

Я просмотрѣлъ твои мелодіи, и нахожу, что онѣ вовсе не chien, а весьма опрятны и сообразны съ цѣлью, или

лучше, ихъ назначеніемъ. Просмотрѣвъ ихъ еще и нѣсколько исправя (ошибокъ не много, а большею частію описки), отошлю съ этимъ письмомъ къ твоему племяннику.

Если пришлешь мнѣ другіе номера, то прошу приказать переписать ихъ еще крупнѣе, потому что зрѣніе мое чрезвычайно ослабѣло. Какъ по этой причинѣ, такъ и по другимъ соображеніямъ (о коихъ упомяну ниже), не смотря на желаніе угодить тебѣ, инструментовать твоихъ мелодій не берусь.

Оркестры въ драматическихъ нашихъ театрахъ не только плохи, но и безпрестанно измѣняются въ своемъ составѣ, такъ напр. теперь въ Александріи[1]) сидятъ 3 віолончелиста, а всѣ трое играютъ только за полартиста—чрезъ нѣсколько дней, можетъ быть, не будетъ альтовъ или гобоя! Спрашивается, какъ потрафить?

По моему мнѣнію, обратись къ какому-нибудь полковому, опытному капельмейстеру, хотя бы онъ былъ изъ нѣмцевъ, что впрочемъ будетъ еще надежнѣе. Скажи ему, чтобы буквально перевелъ твою музыку на оркестръ, пусть наинструментуетъ массами, т. е. скрипки и духовые всѣ вмѣстѣ, что надежнѣе моей трудной прозрачной инструментовки, гдѣ каждый дуракъ долженъ не зѣвать, а стоять за себя. Напоминаю тебѣ собственныя слова твои, когда ты услышалъ ораторію Келлера, ты сказалъ: это дилижансъ прочной нѣмецкой работы. Совѣтую еще разъ приказать наинструментовать твои мелодіи безъ вычуръ, а прочно.

Съ удовольствіемъ перечитывалъ я письмо твое; твои выраженія: чеснокъ Мейербера и хрѣнъ Верди—очень вѣрны и забавны. Статья Ростислава навлекла мнѣ уже

[1]) Александринскій театръ.

не мало неудовольствія. Этимъ чваннымъ Улыбышевымъ и Ростиславамъ слѣдовало бы еще посидѣть съ указкой въ рукахъ, да хоть нѣсколько познакомиться съ таинствами искусства и постигшими ихъ геніальными maestro: Генделемъ, Бахомъ, Глюкъ и др. — довольно!

Я бы могъ негодовать на тебя за твои exagérations (извини, не нахожу русскаго выраженія) объ моемъ талантѣ, прощаю тебѣ потому только что знаю, что ты меня Мишу (а не только композитора) любишь искренно. Дѣло въ томъ, что теперь и нѣсколько времени тому назадъ, я уже не чувствую призванія и влеченія писать. Чтò же мнѣ дѣлать, если, сравнивая себя съ геніальными maestro, я увлекаюсь ими до такой степени, что мнѣ по убѣжденію не можется и не хочется писать?

Если бы неожиданно моя муза и пробудилась бы, я писалъ бы безъ текста на оркестръ, отъ Русской же музыки какъ отъ Русской зимы отказываюсь. Драмы Русской не желаю — довольно повозился съ нею.

Инструментую теперь «Молитву», написанную мною для фортепіано безъ словъ — къ этой молитвѣ удивительно подходятъ слова Лермонтова: Въ минуту жизни трудную. Эту пьесу готовлю для концерта Леóновой, которая у меня прилежно учится и не безъ успѣха, она поручила мнѣ тебѣ кланяться.

Изъ бывшей братіи видаю нерѣдко Лоди; онъ такой добрый и забавный, какъ былъ прежде. Гейденрейхъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что онъ исполнилъ твое порученіе, но еще не писалъ къ тебѣ — его замучили военные гошпитали.

Начинаю хлопотать о паспортѣ за границу; если получу, отправлюсь куда можно будетъ.

Сестра поручила мнѣ усердно кланяться тебѣ и Амальѣ

Ивановнѣ — она, равно какъ и я, васъ обоихъ искренно любитъ, благодаритъ за вниманіе и желаетъ вамъ всего лучшаго.

Обнимаю тебя отъ души.

Твой Миша.

Адресъ мой: въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой.

XXXVII.

Къ В. П. Энгельгардту.

СПБургъ, 22 января 1855 г.

Любезнѣйшій баринъ
Василій Павловичъ!

Я до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше письмо, потому что былъ занятъ: инструментовалъ, съ содѣйствіемъ Вильбуа, Молитву, написанную мною для фортепьяно въ 1847 году. Къ этой молитвѣ очень ловко подошли слова Лермонтова: «Въ минуту жизни трудную», и я устроилъ ее для концерта Леоновой, которая у меня прилежно учится пѣнію уже около двухъ мѣсяцевъ съ половиною.

О дальнѣйшихъ музыкальныхъ моихъ подвигахъ сообщитъ вамъ сестра въ непродолжительномъ времени; покамѣсть она усердно вамъ кланяется. Я же премного благодарю васъ за подробное извѣщеніе изъ Сициліи, и охотно исполняю ваше желаніе, и прилагаю при семъ подробную инструкцію объ путешествіи въ Испанію, желая отъ всей души, чтобы она вамъ послужила въ пользу.

Постарайтесь быть въ Барселонѣ въ концѣ апрѣля, или въ самыхъ первыхъ числахъ мая. Оттуда моремъ въ Валенцію — гдѣ отличнѣйшіе Зурбараны и красивыя женщины — эти послѣднія въ множествѣ обрѣтаются въ

Мадридѣ, въ лавочкахъ, гдѣ продаютъ оржадъ. Изъ Валенціи въ Аликанте, откуда сейчасъ же въ Элче (Elche), городъ, окруженный пальмовыми рощами, оттуда сухимъ же путемъ въ Orihuela, изъ Ориуэла въ Мурсію, гдѣ совѣтую взойти на колокольню собора, а также на Monte agudo. Изъ Мурсіи въ Картагену, оттуда въ Малагу, знаменитую виномъ и милыми женщинами. Изъ Малаги въ Гранаду — тамъ Alhambra и живописное мѣстоположеніе, гора S. Miguel. Въ мое время былъ тамъ удивительный гитаристъ — имя его Murciano; если онъ живъ, поклонитесь ему отъ меня. Изъ Гранады опять въ Малагу, откуда мимо Гибралтара въ Кадиксъ, островъ S. Leon, Хере́съ въ Севилью, куда постарайтесь попасть въ самомъ началѣ іюня (по западному стилю). Лѣтомъ жители Севильи обыкновенно переходятъ въ нижній этажъ; картины, зеркала, однимъ словомъ всю лучшую домашнюю утварь переносятъ въ patio (дворъ посреди дома), который сверхъ того украшенъ цвѣтами. Тамъ все семейство и друзья дома проводятъ большую часть ночи, и вы, ходя по улицамъ, можете сквозь рѣшетку воротъ видѣть эти живыя картины.

Примѣчательности Севильи: 1) Соборъ, въ коемъ рекомендую осмотрѣть всѣ capillas (chapelles), богатыя прекрасными картинами. 2) Лучшія картины Мурильо — гдѣ, вамъ укажутъ. 3) Alcazar, т. е. дворецъ съ садомъ. 4) Сигарочная фабрика. 5) Танцы: въ Севильѣ школа танцовщицъ. 6) Понатужась можно устроить танцы цыганокъ (gitanas). Въ мое время онѣ были безобразны, но отлично плясали. 7) Бой пѣтуховъ. Весьма меня обяжете, если отыщите Pepe Acebes и Lazaro Allegria. Справьтесь объ нихъ въ Fonda de Europa, что̀ въ calle de Sierpes, подлѣ главной площади. Это премилые люди и вамъ при-

годятся. 8) Corrida de toros, что впрочемъ увидите и въ Мадридѣ.

Изъ Севильи уѣзжайте въ половинѣ іюня (по западному стилю), останьтесь сутки, или болѣе въ Кордовѣ, гдѣ mesquita и танцы въ садахъ по окрестностямъ. Въ Мадридъ же постарайтесь пріѣхать къ 22 числу іюня (по зап. ст.), ночи наканунѣ Иванова и Петрова дни — всѣ жители Мадрида стекаются въ Прадо съ гитарами и тамбуринами, и все пляшетъ до разсвѣта.

На Мадридъ съ окрестностями употребите не менѣе 6-ти недѣль.

Въ самомъ Мадридѣ:

1) Картинная галлерея — Museo.

2) Драматическій театръ — teatro del principe.

3) Множество красавицъ.

4) По захожденіи солнца площадки (plazuclas) и кандитерскія наполняются народомъ и дамами.

5) Травля быковъ.

Въ Мадридѣ прошу васъ отыскать учителя (pianiste) Маріи Кристиновны, Don Juan Guelbenza, его пріятеля Zabalburu и ученицу его Sofia Vela; кланяйтесь имъ отъ меня.

Познакомьтесь также съ фабрикантомъ перчатокъ Lafin, calle del carmen № 16. Онъ хотя французъ, но отличнѣйшій человѣкъ и поселился въ Испаніи, кланяйтесь ему усердно отъ меня.

Окрестности Мадрида:

1) Escorial: въ двѣ недѣли я не успѣлъ осмотрѣть всѣхъ сокровищъ искусства, тамъ находящихся. Въ каникулу тамъ климатъ прелестный и всѣ удобства жизни.

2) Aranjuez.

3) Толедо — самый живописный и готическій го-

родъ въ Испаніи; я тамъ пробылъ два дня — но этого мало. Кромѣ собора много другихъ примѣчательныхъ зданій.

4) S. Ildefonso или la Granja, съ знаменитыми фонтанами.

5) Сеговія — водопроводъ; Alcazar, обращенный въ артиллерійское училище. Наружный видъ и плафоны.

Въ мое время не было удобнаго сообщенія изъ Сеговіи къ Бургосу, но вы понатужьтесь и отправьтесь въ половинѣ августа или позже (въ концѣ августа бьютъ фонтаны, jouent les grandes eaux) въ S. Ildefonso — посмотрѣть стоитъ, отправьтесь въ Бургосъ — тамъ соборъ, оттуда въ Santander — приморскій городъ въ Бискайскомъ заливѣ. Отыщите тамъ негоціанта Don José (Хозе) Arregui (Арреги)—это отличный человѣкъ, пріятель Don Pedro, поклонитесь ему отъ Педро и меня. Сѣверная Испанія напомнитъ вамъ наше отечество — ели, медвѣди, — все тамъ найдете, но это нужно не только для удовлетворенія вашего патріотическаго чувства, но и для контраста — оттуда чрезъ Ferrol и Coruna (приморскіе города на Океанѣ), въ сентябрѣ посѣтите Oporto и Lisboa (по-русски Лиссабонъ — довольно!). Кромѣ живописнаго мѣстоположенія, тамъ усвоились многія американскія растенія, коихъ сѣмена случайно были завезены торговыми судами (Géographie de Balbi), самъ я не бывалъ!

Я уже хлопочу о паспортѣ, если Богъ поможетъ, постараюсь съ вами свидѣться; какъ бы это было чудесно!

Желаю вамъ всего лучшаго, и прошу отвѣчать подробно — искренне любящій и преданный

Михаилъ Глинка.

Рекомендую вамъ тоже завернуть въ городъ Тарифа (Tarifa) — это недалеко отъ Гибралтара — томошнія женщины славятся красотой и носятъ mantilles особаго рода.

Въ Ronda я не былъ; говорятъ, что мѣстоположеніе тамъ весьма живописно.

Примѣчательнѣйшія картины Мурильо въ Севильѣ суть: въ соборѣ

1) S. Antonio, 2) Ангелъ хранитель, потомъ въ музеумѣ и одномъ изъ госпиталей: 3) Моисей, извлекающій воду изъ утеса, 4) Зачатіе, Conception, эта послѣдняя написана необыкновенно бойко.

А подъ нею виситъ чудеснѣйшій Zurbaran.

Не шутите моими рекомендаціями: въ Испаніи есть особаго рода гостепріимство.

XXXVIII.

Къ Д. В. Стасову.

СПБургъ, 18 февраля 55 г.

Любезнѣйшій баринъ

Дмитрій Васильевичъ!

Сообразивъ и судя по вчерашнему исполненію хора Баха [1]) во второй разъ, мнѣ кажется, что онъ можетъ быть произведенъ довольно успѣшно. Для чего, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы смычковые инструменты играли *p*, даже *pp*, — флейты *dolce* — малолѣтніе *mf*, а большіе пѣвчіе *p*. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на послѣдніе такты хора, и не худо бы хорошенько повторить хоромъ 8, 10 или сколько возможнымъ окажется изъ послѣднихъ тактовъ.

Потрудитесь сообщить эти мои соображенія Ломакину и самому Алексѣю Ѳедоровичу [2]). Я полагаю, что А. Ѳ

---

[1]) Crucifixus изъ Hohe Messe Баха.

[2]) Д. В. Стасовъ былъ въ 50-хъ годахъ распорядителемъ въ симфоническихъ концертахъ, дававшихся въ Великомъ посту, въ пѣвческой капеллѣ, по инниціативѣ А. Ѳ. Львова.

не противно будетъ искреннее участіе, которое я принимаю въ его превосходныхъ концертахъ.

Сегодня въ 12 у меня проба съ хористами въ театральной школѣ.

Искренне кланяюсь милому вашему брату Владиміру Васильевичу. Пожелавъ вамъ всего лучшаго, остаюсь преданный вамъ

Михаилъ Глинка.

Сестра проситъ, чтобы вы ей прислали програму [1]).

XXXIX.

Къ В. П. Энгельгардту.

Любезнѣйшій баринъ

Василій Павловичъ!

На ваше милое посланіе изъ Рима, въ коемъ вы описываете карнавалъ, не собрался отвѣчать по стеченію многихъ обстоятельствъ, въ особенности по причинѣ несчастія, постигшаго всѣхъ насъ.

Это событіе, случившееся за два дни до предполагавшагося концерта Г-жи Леоновой, разрушило ея надежды на успѣхъ и прибыль, а у меня теперь дома кипа партитуръ и партій, для концерта приготовленныхъ, а именно: «Хота», «Nocturne» Гуммеля, «Молитва», «Не называй ее небесной», «Ночной смотръ» (Въ 12 часовъ), потомъ устроены мною для оркестра съ хоромъ: «Ходитъ вѣтеръ» и «Коса». Въ большей части романсовъ и пѣсенъ, въ переложеніи ихъ на оркестръ, моимъ сотрудникомъ былъ Вильбуá, который въ послѣднее время набилъ руку такъ, что могъ инструментовать подъ мою диктовку. Но ничто не

---

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь о концертѣ 19 февраля 1855 г., не состоявшемся за смертью Императора Николая I.

прочно подъ луною: Вильбуа — мой подмастерье (какъ я называлъ его) смастерилъ подъ конецъ такую штуку, что я съ нимъ навсегда равссорился. Это обстоятельство не оставлю безъ объясненія его вамъ:

Отчасти по просбѣ Кологриваго, но въ особенности по настоятельной просьбѣ Вильбуа, я съ сестрою, приняли дѣятельное участіе въ изданіяхъ Стелловскаго (......... большой руки): уговорили ...... П. И. Одеона уступить или продать ему (Стелловскому) права свои на «Жизнь за Царя» и «Руслана». Я, не взирая на слабость зрѣнія, тщательно пересмотрѣлъ переложенные №№ Вильбуемъ, исправилъ ихъ (около половины всей оперы) и позволилъ даже, изъ желанія поощрить издателя и поручика[1]) къ дѣятельности, позволилъ говорю, переложить на два голоса два моихъ романса: «Жаворонокъ» и «Колыбельная пѣсня».

Къ «Молитвѣ», сочиненной мною въ Смоленскѣ, въ сентябрѣ 1847 года (Prière pour piano sans paroles, A-dur), по совѣту поручика подошли слова Лермонтова: «Въ минуту жизни трудную». Я для пробы написалъ для Леоновой первую тему, она спѣла ее такъ удовлетворительно, что я дописалъ или лучше устроилъ всю «Молитву» для хора, контральто (mezzo-soprano) и оркестра. Эта «Молитва» продана за ничтожную цѣну Стелловскому, она появилась въ печати въ мартѣ, и что̀ же?

Вмѣсто того, чтобы назвать ее просто Молитвой (хотя по размѣру и характеру она даже имѣетъ право на званіе Кантаты или Гимна), г-нъ Стелловскій издалъ ее подъ общей кличкой «Романсы и пѣсни М. И. Глинка». Это не все: написанное для Леоновой тоже для контральто

---

[1]) Вильбуа̀ былъ отставной поручикъ артиллеріи.

съ хоромъ, обозначено имъ для Сопрано съ хоромъ, при томъ же обѣщаетъ издатель публикѣ эту же Молитву для Контральто безъ хора!! Спрашивается, когда Молитва для Сопрано съ хоромъ идетъ отъ нижняго la въ 2 октавы до верхняго, а именно:

спрашивается, повторяю, на какихъ нотахъ пѣть будетъ контральтъ г. издателя?

Это неуваженіе меня взорвало; при первомъ свиданіи съ Vil.... я рѣшительно объявилъ ему, что я недоволенъ издателемъ, что я требую, чтобы перемѣнить заголовокъ «Молитвы» и что нѣтъ моего согласія на переложеніе на 2 голоса другихъ моихъ романсовъ.

Дня три послѣ этого Vil... объявленія, сестра купила у издателя — . . . .—2 полныхъ собранія моихъ романсовъ и пѣсенъ съ разжалованною «Молитвою». Въ этихъ 2 собраніяхъ обрѣлись «Сомнѣніе» и «Уснули голубыя», передѣланные отвратительнымъ образомъ (мастерство безъ сомнѣнія поручика)—вопреки моего непозволенія, а что еще лучше, подъ моимъ именемъ. Я протестовалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ сказано, что вышли-де два романса моихъ, переложенныхъ на два голоса неизвѣстно кѣмъ, и что я ихъ въ этомъ видѣ не признаю своими, и въ заключеніе объявляю, что всѣ передѣлки безъ моего (признаннаго мною) имени признавать не буду, потому что не могу и не хочу брать на себя отвѣтственности за чужія работы.

Чрезъ нѣсколько дней является Вильбуа и какъ будто бы ни въ чемъ не бывало. Я началъ дружески упрекать его, а онъ, развалившись и принявъ нагло-равнодушный

видъ [1])—наконецъ сказалъ мнѣ: «А вамъ какое дѣло, я-ли перекладывалъ?»—«А вотъ какое дѣло, съ гнѣвомъ отвѣчалъ я — что я болѣе съ вами ни знакомства, ни дѣла имѣть не могу». Я взялъ его руку, сказавъ: «Въ послѣднiй разъ! я не такъ добръ какѣ Энгельгардтъ, въ жизни мы уже не встрѣтимся».

Стелловскому готовлю грозу, если не уймется — Вильбуа оставляю въ покоѣ — хлопотать нѣчего — самъ себя уходитъ.

Въ концѣ марта я кончилъ 4-ю и послѣднюю часть моихъ записокъ. По окончанiи 6 недѣль по кончинѣ въ Бозѣ почившаго Монарха — слѣдуя влеченiю чувства, я написалъ (вчера кончилъ) «Торжественный Польскiй» A-dur, который желаю имѣть счастiе посвятить Государю Императору для бала въ день коронацiи. Главная тема заимствована изъ настоящаго Испанскаго болеро. Трiо мое — оно наводитъ на сердобольныя слезы умиленiя, занѐ вельми по-русски устроено. Болеро взялъ потому, что не могу подносить Польскихъ замашекъ Бѣлому Русскому Царю.

Мои отношенiя къ Дирекцiи С.-Петербургскихъ Императорскихъ театровъ становятся часъ отъ часу дружественнѣе. П. С. Федоровъ, начальникъ репертуара, очень меня любитъ, и мы съ нимъ дружески видимся. Предполагаемъ оперу: «Двумужница или Волжскiе разбойники», сюжетъ уже въ ходу, вотъ предполагаемыя дѣйствующiя лица:

Груня (двумужница)—Леонова или Латышева.

Молодая вдова—(вмѣсто свахи), подруга Груни — Генеральша Лилѣева [2]).

[1]) По моему Вильбуа есть ничто иное, какъ еще не переродившiйся наглый французъ-самецъ. Довольно!

[2]) Шутливое прозвище Глинки.

Башлыкъ-разбойникъ—Петровъ.

Есаулъ-чумакъ—Артемовскій.

Боберъ, мужъ Груни—Булаховъ.

Второстепенныя лица, корифеи, хора, балетъ и пр.

Въ 3 актахъ, въ русскомъ родѣ.

Театры въ передѣлкѣ, а потому обѣщаетъ мнѣ Федоровъ на будущей недѣлѣ репетицію съ оркестромъ «Молитвы» и «Польскаго».

Онъ-же Федоровъ думаетъ написать куплеты къ коронаціи со мною—я постараюсь привести это въ формѣ малой кантаты. Партитуры моей руки хранятся у меня для васъ.

Я былъ у васъ на квартирѣ и слушалъ органъ—признаюсь, что я слушалъ разсѣянно—невольно вспомнилъ о васъ—что-то вы дѣлаете, думалъ—что̀ дѣлали? Кто съ вами сиживалъ на вашемъ диванчикѣ? и тому подобное невольно отвлекало меня. Притомъ же я когда втянусь въ работу, неохотно слушаю чужую музыку—это отвлекаетъ меня отъ дѣла.

Вамъ теперь должно быть чудесно въ Римѣ и его живописныхъ окрестностяхъ. У насъ снѣгу нѣтъ, но еще грязно—я сижу дома.

На лѣто сестра ѣдетъ въ деревню, я остаюсь въ Питерѣ, на теперешней квартирѣ. Мы васъ съ сестрой искренне по прежнему любимъ, часто вспоминаемъ и желаемъ вамъ всего лучшаго.

Если война будетъ продолжаться, пріѣдете-ли вы,—то-то бы хорошо было.

Пользуйтесь всѣми радостями жизни и не забывайте друзей вашихъ—

Вамъ отъ
М. Глинки.

7 апрѣля 1855 года.

XL.

Къ Н. В. Кукольнику.

1855 (весна).

Любезнѣйшій другъ

Несторъ Васильевичъ!

Я тщательно пересмотрѣлъ присланные тобою №№ Сидѣнія[1]). Самихъ идей не касаясь, исправилъ все по крайнему моему разумѣнію. Послѣдній №, т. е. погребальный маршъ, требуетъ небольшихъ измѣненій и во многихъ мѣстахъ ♭ надо замѣнить ♯ (діезами). Я отмѣтилъ также мои соображенія на счетъ инструментовки. Вообще совѣтую основывать все (болѣе или менѣе) на смычковыхъ инструментахъ. Духовые, въ особенности деревянные (дураки, какъ ты ихъ назвалъ), хотя красивы, но крайне капризны, и требуютъ большой опытности. Надѣюсь, что ты разберешь мои замѣтки, онѣ по возможности ясны и написаны четко.

О себѣ скажу, что я поживаю такъ себѣ, тихо. Правильная жизнь замѣняетъ мнѣ лекарство, и я не то, чтобы здоровъ, но и на болѣзнь жаловаться не могу.

Недавно сочинилъ я торжественный Польскій на оркестръ, который готовлю (если угодно будетъ мнѣ позволить) для коронаціи. Этотъ Польскій, равно какъ и молитву «Въ минуту жизни трудную» (слова Лермонтова), исполнили по распоряженію г-на Федорова въ театральномъ училищѣ, полнымъ оркестромъ. Польскій нужно было усилить, т. е. прибавить 2 тромбона и два корнета à pistons, что я и сдѣлалъ; молитва же, пѣтая г-жей Леоновой съ оркестромъ и хоромъ, произвела на слушателей сильное и глубокое впечатлѣніе и отлично прошла съ перваго раза.

---

[1]) Азовское сидѣніе—драма Кукольника.

Изъ этого ты можешь заключить, что я въ большихъ ладахъ съ дирекціей; она же, т. е. дирекція, подзадорила меня писать для театра. Сюжетъ же «Двумужница» давно уже вертѣлся въ головѣ моей. Сдѣланы нѣкоторыя предварительныя соображенія, но рекрутъ, сирѣчь мотивовъ, не записываю, жду либретто двухъ первыхъ актовъ, которые уже предварительно соображены. Мой поэтъ одинъ изъ лицъ, принадлежащихъ театру, умолчу покамѣсть объ немъ.

Опера предполагается въ 3 небольшихъ актахъ, съ речитативами и 5 картинахъ.

Картина 1-я Васильевъ вечеръ.
» 2-я Новоселье.
» 3-я Ивановъ день.
» 4-я Разбойничій притонъ.
» 5-я Финалъ.

Главныя дѣйствующія лица:

Груня — Леонова.
Солдатка (вмѣсто свахи) — Лилева.
Башлыкъ разбойникъ — Петровъ.
Есаулъ Калина, чумакъ — Артемовскій.
Боберъ, мужъ Груни — Булаховъ.

Усердіе есть, хватитъ ли силы?

Сестра съ Олей скоро ѣдетъ въ деревню, я остаюсь въ Питерѣ.

Люби меня по прежнему и пиши.

Весь твой Миша.

Амальѣ Ивановнѣ усердный поклонъ.

XLI.

Къ К. А. Булгакову.

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ!

Премного благодарю тебя за твою память обо мнѣ и за присылку портрета шалуна Бетховена. Въ свою очередь посылаю тебѣ:

1) Портретъ Бетховена, который, полагаю, долженъ быть похожъ. 2) Неизданную мазурку моего сочиненія, которую усовершенствовалъ нарочно для тебя. 3) Дѣтскую польку съ комментаріями. Все это пришлется къ тебѣ на домъ.

Вмѣсто Андалузіи я провелъ два года въ мѣстечкѣ Парижѣ, гдѣ хотѣлъ было написать симфонію Украинскую: «Тарасъ Бульба», но мнѣ не удалось. Въ прошломъ году я возвратился изъ заграницы и провелъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Тамъ началъ я писать свои записки (mémoires) и довелъ ихъ до 1854, считая со дня моего рожденія, т. е. съ мая 1804. Я ихъ кончилъ зимою и вышло болѣе 50 листовъ, уютно исписанныхъ. Переложилъ на оркестръ Nocturne de Hummel à 4 mains, F-dur (opus 99), слышалъ исполненіе этой пьесы на репетиціи Филармоническаго концерта, и остался ею доволенъ. Переложилъ также на оркестръ нѣсколько романсовъ. Весною написалъ на оркестръ же Торжественный Польскій, который постараюсь имѣть счастіе посвятить Государю Императору ко дню коронаціи. Недавно положилъ я также на два голоса романсъ твоего однофамильца (полагаю): «Прости, меня, прости, прелестное созданье», музыка Ѳедорова. Не въ продолжительномъ времени онъ будетъ въ печати.

Теперь можно найти всѣ мои романсы въ печати, ихъ

до 62. Скажу однакоже, что изданія многихъ невѣрны. Г. Стелловскій въ особенности заслуживаетъ менѣе другихъ довѣренности публики и позволяетъ себѣ дѣлать искаженія, ни съ чѣмъ не сообразныя, таковы «Баркарола» и «Сомнѣніе», передѣланные на 2 голоса и сокращенная «Молитва», названная въ каталогѣ: Молитва Лермонтова для контральто безъ хора. Если желаешь имѣть эту «Молитву», напиши, я не полѣнюсь и пришлю ее тебѣ съ исправленными ошибками. Эту «Молитву» исполняли весною въ театральномъ училищѣ, съ хоромъ и оркестромъ, слушатели остались многодовольны!

Не смотря на это, Ростиславъ (нѣкогда пріятель) возстаетъ противъ этой «Молитвы», и защищаетъ искаженія Стелловскаго. Странно, кажется, а вотъ въ чемъ дѣло: онъ сердитъ на меня отчасти за то, что я не пришелъ въ восторгъ, когда онъ съ самодовольною улыбкою и прихваливая себя читалъ мнѣ разборъ моей оперы: «Жизнь за Царя». Что же дѣлать, всякій воленъ думать какъ хочетъ: я никогда не считалъ Ростислава глубокимъ музыкантомъ. Разборы его не только не убѣждаютъ меня въ противномъ, но ясно изобличаютъ, что взглядъ его на музыку остался также поверхностенъ и однообразенъ, какъ былъ прежде. Куда ему до Н. Н. Норова и графа М. Ю. Вельегорскаго.

Я бы охотно навѣстилъ тебя, но опасаюсь не путешества (съ Бахусомъ я въ разладѣ), а желѣзной дороги; она жестоко дразнитъ мои нервы. Притомъ же приступаю къ новому труду, къ оперѣ въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ «Двумужница».

Если когда будешь въ Питерѣ, заверни ко мнѣ, постараюсь угостить музыкой, а если прикажешь, и превосходнымъ хересомъ.

Гейденрейхъ тебѣ кланяется. Обнимаю тебя отъ души, твой неизмѣнный

Миша Глинка.

Мой адресъ: въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой.

С.-Петербургъ, 8-го іюня 1855 года.

XLII.

Къ нему же.

СПБургъ, 23 іюня 1855 года.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ.

До сихъ поръ я не отвѣчалъ на 2 твои посланія, не отъ лѣности, а по причинѣ болѣзни. Здѣсь въ Питерѣ лѣтомъ — адъ, въ комнатахъ душно какъ въ теплицѣ, ночей нѣтъ; на дачахъ же сыро, и избѣгая городскаго жару я вѣроятно простудился на островахъ и хотя мнѣ легче, но все еще страдаю.

Мод. Коньяру и Сергѣю Ивановичу Штуцману мой усердный поклонъ и приношу искреннюю признательность за ихъ ласковыя строки.

Прежде нежели сообщу мое мнѣніе о программѣ предполагаемаго концерта, нужнымъ считаю сдѣлать нѣкоторыя объясненія о «Молитвѣ».

Молитва эта съ воплемъ вырвалась изъ души моей въ 1847 году въ Смоленскѣ, во время жесточайшихъ нервныхъ страданій. Я написалъ ее тогда для фортепьяно безъ словъ. Она была весьма немногимъ извѣстна до нынѣшняго года. Въ генварѣ настоящаго года посовѣтовали мнѣ прибрать къ ней слова Лермонтова: «Въ минуту жизни

трудную» — я попробовалъ и оказалось, что они подходятъ къ мелодіи и вообще къ музыкѣ, какъ нельзя лучше Требовалось тесситуры (объема) голоса двѣ октавы, отъ нижняго до верхняго la; Леонова артистка (Contralto) русской оперы въ то время училась уже у меня пѣнію по рекомендаціи Петрова и В. В. Самойлова. Не полагая, чтобы голосъ ея (хотя свѣжій и звонкій) могъ удовлетворительно выполнить эту «Молитву», я для пробы сначала написалъ на лоскуткѣ бумаги самыя трудныя мѣста, и такъ вышло хорошо, что я написалъ партитуру для оркестра, прибавя хоръ для усиленія эффекта и отдохновенія главнаго голоса. Эту партитуру, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, отдалъ Леоновой для ея концерта, долженствовавшаго быть 20 февраля. Программа концерта была такъ ловко составлена, что было разсчитано на всѣ возможные вкусы, и билеты были проданы, когда кончина Императора Николая I-го прекратила всѣ публичныя представленія. Чтобы вознаградить съ моей стороны бѣдную бенефиціантку за неудачу, я отдалъ ей въ собственность партитуру Молитвы и другихъ моихъ пьесъ, переложенныхъ для ея концерта.

Теперь обращаюсь къ предполагаемому вами концерту. Здѣсь естественно возникаютъ три вопроса:

1-й. Когда предполагаетъ С. И. Штуцманъ дать его?

2-й. Какія средства имѣетъ онъ въ своемъ распоряженіи?

3-й. Для какой цѣли предполагаетъ С. И. Штуцманъ дать свой концертъ?

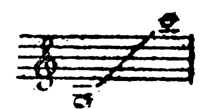
Во время оно, въ проѣздъ мой чрезъ Москву, мнѣ случилось быть на концертѣ, устроенномъ Генииштою, — онъ весь состоялъ изъ однихъ только классическихъ пьесъ, Моцарта, Бетховена и Генделя. Онъ былъ данъ въ очень

небольшой залѣ и не могъ принести значительной выгоды Генириштѣ. Предполагаю, что С. И. Штуцману угодно соединить пріятное съ полезнымъ, или, яснѣе, угождая искреннимъ любителямъ музыки, не пренебречь и денежными выгодами; въ такомъ случаѣ придется измѣнить программу, о чемъ успѣемъ списаться.

Предполагаю также, что по причинѣ тѣхъ же матеріальныхъ выгодъ С. И. Штуцманъ не пожелаетъ дать своего концерта лѣтомъ, а осенью или зимою.

Предположивъ, что концертъ будетъ осенью (чего бы я желалъ), я могу принять въ немъ тогда болѣе дѣятельное участіе.

Леонова владѣетъ обширнымъ звонкимъ голосомъ: двѣ октавы съ половиною, отъ нижняго соль до верхняго do

Занимаясь со мной болѣе полугода пѣніемъ съ примѣрнымъ постоянствомъ, она сдѣлала примѣчательные успѣхи. Я ее мучу ненавистной итальянской музыкой, чтобы выработать голосъ; она же самородный русскій талантъ, и поетъ въ особенности хорошо русскія пѣсни, съ нѣкоторымъ цыганскимъ шикомъ, что̀ весьма по нутру русской публикѣ. Хорошо исполняетъ вообще русскую музыку, въ особенности мою «Молитву», пригнанную мною по ея голосу.

Если начальство позволитъ, вышепоименованная Леонова намѣрена осенью быть въ Москвѣ и дать тамъ концертъ или два. Во всякомъ случаѣ я намѣренъ былъ ее тебѣ рекомендовать, зная, что ты просто за удовольствіе поставишь себѣ сдѣлать мнѣ пріятное. Теперь бо-

лѣе чѣмъ когда ты можешь быть ей полезенъ, упросивъ С. И. Штуцмана принять участіе въ ея концертѣ. Она же отслужила бы ему пѣніемъ «Молитвы» и другихъ пьесъ по взаимному соглашенію.

Не разглашай объ этомъ, а потолковавъ келейно, извѣсти.

Новыхъ пьесъ у меня нѣтъ. Теперь я весь погруженъ въ либретто новаго труда. Жаръ и болѣзнь не позволяютъ еще заняться дѣломъ.

Твоя пьеска интересна, не смотря на нѣкоторыя неловкости, все-таки лучше канители Ѳ. Толстаго.

На слѣдующей недѣли вышлю «Молитву», надобно внимательно пересмотрѣть, а силъ нѣтъ. Странно, говорю, въ Питерѣ жаръ одолѣваетъ. Довольно!

Обнимаю тебя отъ души, весь твой

М. Глинка.

XLIII.

Къ Д. В. Стасову.

26-го іюля 1855 года.

Препровождаю къ вамъ дуэтъ исправленный, съ просьбой передать его Бернарду, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ. Кромѣ извѣстной суммы, прошу васъ выговорить мнѣ 10 экземпляровъ онаго дуэта. Отъ музыкальнаго вечера придется отказаться, зане монахъ [1]) (теноръ) нездоровъ, притомъ же здоровье мое туго поправляется.

Весь вашъ

Михаилъ Глинка.

---

[1]) Молодой монахъ Сергіевской пустыни, съ которымъ Глинка занимался въ то время пѣніемъ.

XLIV.

Къ К. А. Булгакову.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ.

Премного благодарю тебя за твой подарокъ, равно какъ за твои дружескія строки. Благодарю равнымъ образомъ пріятелей твоихъ, коимъ угодно было обо мнѣ вспомнить.

4-го августа обѣдалъ у меня Аркаша — вечеромъ была хорошая музыка; я былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. 5-го рано утромъ захворалъ, и теперь едва только начинаю оправляться; и такъ, не сѣтуй за мое долгое молчаніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что главною причиною моихъ жестокихъ страданій — здѣшній суровый климатъ. Собирался осенью ѣхать въ Варшаву, но обстоятельства не допустили. Зимую здѣсь—меня утѣшаетъ мысль, что можетъ быть ты вздумаешь навѣстить насъ.

Извини, что плохо пишу, я еще слабъ, и рука плохо повинуется. Пиши чаще, твои письма меня всегда радуютъ.

Искренно любящій тебя

М. Глинка.

28-го августа 55 года.

XLV.

Къ Д. В. Стасову.

2-го сентября 1855 года.

Любезнѣйшій баринъ

Дмитрій Васильевичъ!

Къ вамъ, какъ къ особѣ нарочито пріятнаго устройства, обращаюсь съ сугубою просьбою: 1) соблаговолите отправить посылаемое при семъ письмо Дену за границу;

2) такъ какъ на дняхъ долженъ пріѣхать Бернаръ, то нельзя ли вамъ потрудиться похлопотать о дуэтѣ. Я бы желалъ имѣть 10 экземпляровъ, изъ коихъ штукъ 5 de luxe, а также и благостыня никакъ не помѣшаетъ. Въ надеждѣ скораго свиданія, остаюсь преданный вамъ отъ души

М. Глинка.

XLVI.

Къ К. А. Булгакову.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ.

Не сѣтуй, что не сейчасъ же отвѣчалъ на твое письмо (замѣчу мимоходомъ, не знаю почему писанное на французскомъ діалектѣ). Дѣло въ томъ, что я едва только что начинаю оправляться, и даже не могу еще сказать: духъ бодръ, а плоть немощна; весь я въ какомъ-то оглумѣ, т. е. хандрѣ. Настоящее мерзко, а о будущемъ не смѣю загадывать.

Хотѣлъ было я поѣхать въ Варшаву:—c'est le paradis des hommes vieux ou de ceux qui sont sur le retour. Разстройство здоровья и обстоятельства задержали меня здѣсь. Я зимую въ Петербургѣ, а ежели будетъ самомалѣйшая возможность, раннею весною отправлюсь въ Германію.

Искренне жалѣю, что ты хвораешь, а почти столько же (если еще не болѣе) что лѣнишься. Въ 1851 году, правая рука, а въ прошломъ 1854 году правая нога у меня разшалились; къ счастію я не лѣнился, и теперь и та и другая въ порядкѣ.

Не въ продолжительномъ времени вышлю кое-что изъ моихъ музыкальныхъ шалостей.

У меня прекрасная зала для квартетовъ и другихъ музыкальныхъ продовольствій, но я ничего не затѣваю: душа къ музыкѣ не лежитъ, а сверхъ того я не выношу не токмо сигаръ, но и самыхъ легкихъ папиросокъ.

Желаю тебѣ скорѣйшаго выздоровленія. Кланяйся всѣмъ тѣмъ, кои меня помнятъ и любятъ. Не стѣсняясь пиши когда вздумаешь.

Искренно любящій тебя

М. Глинка.

9-го сентября 55 года
Питеръ.

XLVII.

Къ А. Н. Сѣрову.

4 октября 1855 г. Вторникъ (С.П.Бургъ).

Любезнѣйшій баринъ Александръ Николаевичъ! Я и сестра очень безпокойны на вашъ счетъ; все это время мы ожидали васъ тщетно. Сегодня ожидаю другой рояль [1]), а главное, желаемъ порѣшить объ оперѣ «Жизнь за Царя», чтобы и работы ваши и переписка шли независимо другъ отъ друга.

Сдѣлайте одолженіе, навѣстите насъ хотя на минуту сегодня, чѣмъ несказанно обяжете искренно любящаго и уважающаго васъ

М. Глинка.

---

[1]) Въ то время у Глинки часто играли въ 8 рукъ переложенія его сочиненій, одни сдѣланныя А. Н. Сѣровымъ, другія—В. П. Энгельгардтомъ.

LXVIII.

Къ Д. В. Стасову.

Пятница, 28-го октября 1855 года.

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Не смотря на многочисленныя занятія ваши, соблаговолите навѣстить меня, хотя на нѣсколько минутъ времени, крайне обяжете; есть дѣло. Передайте также Владиміру Васильевичу и А. Н. Сѣрову, что я сильно желаю ихъ видѣть. Искренне любящій и уважающій васъ слуга

Михаилъ Глинка.

XLIX.

Къ нему же.

(Осень 1855).

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Прочитавъ въ сегодняшнихъ афишахъ, что завтра даютъ «Севильскаго цирюльника» не въ счетъ абонемента, обращаюсь къ вамъ съ просьбою взять для насъ хорошую ложу во второмъ ярусѣ или бенуарѣ. Въ случаѣ вамъ это сдѣлать неудобно, то потрудитесь меня о томъ увѣдомить.

Весь вашъ
Михаилъ Глинка.

Пятница.

L.

Къ А. Н. Сѣрову.

(С.П.Бургъ. Осень 1855 г.) Суббота.

Любезнѣйшій баринъ Александръ Николаевичъ! Я вчера былъ на островахъ, возвратился поздно и радъ-бы видѣть васъ — есть многое интересное для васъ. Потрудитесь доставить мнѣ «Barbier de Séville» — онъ мнѣ очень нуженъ.

Весь вашъ

М. Глинка.

В(асилько-) Петровъ провелъ вчера большую часть дня со мною.

LI.

Къ К. А. Булгакову.

С.-Петербургъ, 8-го ноября 1855 года.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ.

Получилъ твое письмо и искренно благодарю; не писалъ же тебѣ такъ давно по причинѣ болѣзни. Оная болѣзнь еще въ началѣ 1844 года названа была рыжимъ нѣмцемъ: Artritis vage hemmoroidaria, по-русски: гемморoидальный летучій ревматизмъ, котораго боли sont une partie de plaisir въ сравненіи съ замираніемъ, тоскою, sensation de luxation (вывиха) и другими гадостями, довольно!

Странно! Странно! говорю, что человѣкъ, одаренный тонкимъ слухомъ и изящнымъ пупкомъ для вбиранія или лучше всасыванія въ себя всего прекраснаго, странно!

повторяю, что оный могъ назвать (и что̀ хуже того, восклицаю) писать о двухъ именахъ, и, что̀ еще хуже, о музыкѣ ихъ. Странно! дѣйствительно, что въ письмѣ К. Булгакова я встрѣтилъ слова: Шпоръ и Бортнянскій. Полагаю, что ты просто захотѣлъ подшутить надо мною.

И. Е. Колмаковъ спросилъ бы: Что̀ такое Шпоръ?— Шпоръ — дилижансъ прочной нѣмецкой работы; по моему работящій нѣмецкій лошакъ—идолъ германской посредственности.

Что такое Бортнянскій?—Сахаръ Медовичъ Патокинъ—довольно!!

У васъ въ вашей бѣлокаменной процвѣтали два нѣмецкихъ мужа нѣкогда—а именно Геништа и Гебель: съ обоими я былъ коротко знакомъ. У Геништы была довольно опрятная библіотека. Справься, цѣла ли она? Цѣла ли она, или нѣтъ? Въ наказаніе тебѣ посылаю слѣдующій рецептъ:

№ 1. Для драматической музыки:

Глюкъ, первый и послѣдній, безбожно обкраденный Моцартомъ и Бетховеномъ.

№ 2. Для церковной и органной:

Бахъ, Seb.

H moll missa u Passion Musik.

№ 3. Для концертной:

Гендель, Гендель и Гендель.

NB. Хоръ, напр. Бортнянскаго, такъ schwach въ сравненіи съ Генделемъ, что 80 человѣкъ Бортн. у Генделя représentent au moins 200.

— Генделя рекомендую:

Messias.

Samson. (Въ этой есть арія Soprano съ хоромъ H-moll, когда Далила убаюкиваетъ Самсона, чтобы надуть его,

похожая на мою изъ Руслана: «О мой Ратмиръ, любовь и миръ», только во сто разъ свѣжѣе, умнѣе и забористѣе).

Jephta.

Надѣюсь, что послѣ этакой cure radicale уже не встрѣтятся въ письмахъ твоихъ Шпоры и Бортнянскіе.

Pour dorer la pilule, на днахъ вышлю тебѣ романсъ Леоновой: «Слеза». Она сочинила мелодію, а я ее обработалъ. И потомъ дуэтъ: «Прости, прости», музыка Θедорова, арранжировка моя.

По пословицѣ: долгъ платежомъ красенъ, вмѣсто 2-хъ пришли мнѣ 6 московскихъ саекъ — я ихъ очень люблю.

Прощай. Кланяйся нашимъ общимъ знакомымъ. Весь твой

М. Глинка.

LII.

Къ Д. В. Стасову.

26-го ноября 1855 года.

Любезнѣйшій баринъ

Дмитрій Васильевичъ!

Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ моей покорнѣйшей просьбѣ:

У князя Одоевскаго хранятся куплеты на меня, написанные зимою съ 1836 на 1837 годъ Пушкинымъ, Жуковскимъ и К. Вяземскимъ. Если не ошибаюсь, то должно быть 4 куплета — всего 16 стиховъ. Между прочимъ тамъ есть

Вышла новая новинка
Нашъ Глинка...

Также помню:

От Неглинной до Москвы.

Соблаговолите вооружиться исполинскою настойчивостію, чтобы получить копію съ этихъ стиховъ. На обѣщанія кн. Одоевскаго полагаться нельзя.

Въ ожиданіи утвердительно благосклоннаго отвѣта, остаюсь искренно любящій и уважающій васъ

М. Глинка.

LII.

Къ В. П. Энгельгардту.

Любезнѣйшій баринъ
Василій Павловичъ!

Не сѣтуйте на меня за мое долгое молчаніе и вѣрьте, что не лѣнь, а страданія и скука не допускали меня писать къ вамъ. Да и о чемъ писать?—моя теперешняя жизнь до такой степени утомительно единообразна, что право нѣчего сообщить вамъ.

Недавно играли у насъ на 3 рояляхъ въ 6, и на 2-хъ въ 8 рукъ. Участвовали: двое Стасовыхъ, Сѣровъ, Santis и двѣ барышни, кромѣ того еще сестра Сѣрова, M-me Дютуръ. Польскій актъ «Жизни за Царя» переложенъ Сѣровымъ очень хорошо, въ особенности Краковякъ и Польскій. Играли также переложенный вами финалъ «Жизни за Царя», Интродукцію «Руслана» и Увертюру «Руслана». Первыя двѣ прошли довольно опрятно, въ увертюрѣ путали исполнители.

Такъ какъ едвали скоро, а можетъ быть (вѣрнѣе) едва ли когда нибудь выйдетъ изданіе Стелловскаго «Жизнь за Царя», то хорошо бы было если бы вы приладили въ обратный проѣздъ вашъ по Германіи изданіе переложеній Сѣрова за границей: полагаю, что права...... Стелловскаго на Германію простираться не могутъ. Потру-

дитесь обдумавъ хорошенько увѣдомить насъ по сему предмету.

.....Рубинштейнъ взялся знакомить Германію съ нашей музыкой и написалъ статью, въ ко́ей всѣмъ намъ напакостилъ и задѣлъ мою старуху «Жизнь за Царя» довольно дерзко.

По сему поводу въ С.-Петербургской нѣмецкой газетѣ въ 3 № напечатанъ былъ на дняхъ фельетонъ, въ защиту старухи моей и въ поругательство.... Рубинштейна. Этотъ фельетонъ написалъ нѣкто Berthold (вѣроятно онъ знакомъ вамъ), онъ написанъ хладнокровно довольно, но .... досталось на порядкахъ.

«Двумужница» давно уже прекратилась. Поэтъ мой Василько Петровъ, посѣщавшій меня въ продолженіе лѣта два раза въ недѣлю, пропалъ въ августѣ, и какъ водится въ Питерѣ, началъ распускать по городу нелѣпые толки обо мнѣ. Я ему искренне признателенъ, какъ и Вильбуà, съ пакостной публикой мнѣ связываться не слѣдуетъ. А что опера прекратилась, я радъ: 1-е потому что мудрено и почти невозможно писать оперу въ Русскомъ родѣ, не заимствовавъ хоть характеру у моей старухи, 2-е не надобно слѣпить глазъ, ибо вижу плохо я, 3-е въ случаѣ успѣха мнѣ бы пришлось оставаться долѣе необходимаго въ этомъ ненавистномъ Питерѣ.

Досады, огорченія и страданія меня сгубили, я рѣшительно упалъ духомъ (démoralisé). — Жду весны, чтобы удрать куда нибудь отсюда. Лучше бы было однако же, если бы можно мнѣ ѣхать въ Берлинъ и Италію. Кстати было бы мнѣ дѣльно поработать съ Деномъ надъ древними церковными тонами (Kirchen-Tonarten); это бы повело меня къ хорошимъ результатамъ. Притомъ же радъ бы былъ и повстрѣчаться съ вами за границей.

Всѣ васъ помнятъ, любятъ, и не получая давно писемъ, объ васъ заботятся. Сестра вамъ усерднѣйше кланяется. Оля бѣгаетъ, пляшетъ, болтаетъ, однимъ словомъ презабавная дѣвочка.

Пишите чаще и болѣе, и вѣрьте искренней дружбѣ искренне преданнаго вамъ слуги

М. Глинки.

29 ноября 1855 года. С. Петербургъ.

LIV.

Къ К. А. Булгакову.

2 января 1856 года.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ!

Письмо твое получилъ и премного благодарю. Въ свою очередь поздравляю тебя съ новымъ годомъ, и желаю всего лучшаго въ мірѣ, въ особенности же, чтобы твое здоровье поправилось.

Очень радъ буду, если въ присланныхъ мною музыкальныхъ бездѣлкахъ отыщется что нибудь по твоему вкусу. Приводя въ возможный порядокъ мои сочиненія, я обрѣлъ «Bolero» и на дняхъ надѣюсь обрѣсти Valse-Fantaisie, игранные въ Павловскѣ въ 1840 году. Если пожелаешь, сообщу тебѣ копіи этихъ пьесъ для фортепьяно, полагаю что ты ихъ помнишь.

Я отъ холода и скуки впалъ въ апатію, и единственною отрадою служитъ мнѣ надежда раннею весною уѣхать въ Германію; это путешествіе я предприму не только для поправленія плохаго моего здоровья, но и для музыкальныхъ въ Берлинѣ же нѣкоторыхъ справокъ, гдѣ собираюсь зимовать, могу услышать Глюка, Баха и Генделя.

На дняхъ обѣдалъ у меня Петръ Степановъ съ женою; очень о тебѣ вспоминали.

Пиши чаще и крупнѣе и вѣрь моей неизмѣнной дружбѣ.

Весь твой
М. Глинка.

LV.

Къ Д. В. Стасову.

20-го января 1856 года.

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Поздравляю васъ со днемъ вашего рожденія, и отъ искренняго сердца желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ. Надѣюсь, что не въ продолжительномъ времени, особенно въ случаѣ отъѣзда вашего братца Владиміра Васильевича за границу, мы состряпаемъ пріятное музыкальное продовольствіе у васъ или у насъ, какъ то великій Аллахъ позволитъ

Душевно преданный какъ всегда
Михаилъ Глинка.

LVI.

Къ А. П. Кернъ.

1-го февраля 1856 года.

Любезнѣйшая и многоуважаемая
Анна Петровна!

Получивъ письмо ваше и главу изъ романа вашего перевода, я не отвѣчалъ вамъ потому, что по старой глупой привычкѣ хворалъ, и потому не гнѣвайтесь на меня.

Переводъ вашъ мнѣ кажется очень натуральнымъ, что по моему весьма недурно, и хотя я не знахарь въ литературѣ (въ особенности новѣйшей, которую вовсе не люблю), но полагаю, что переводы ваши могутъ занять не послѣднее мѣсто между другими, появляющимися у насъ теперь.

Такъ, напримѣръ, съ января нынѣшняго года выходитъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ: «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ. С.-Петербургъ, въ типографіи Королева и К°». Имени редактора не означено. Совѣтую справиться о томъ въ означенной типографіи, можетъ быть вашъ переводъ повѣсти: «Не шути съ горемъ» и другіе ваши переводы примутъ въ это изданіе. нѣсколько педантъ.

Уже болѣе пяти лѣтъ какъ здѣсь и за границей я рѣшительно отказался отъ свѣта. Всѣ мои связи съ литераторами разорваны; осталось только довольно дружеское отношеніе къ Краевскому, и я долженъ побывать у него. При свиданіи попрошу о томъ, чтобы онъ принялъ ваши переводы и далъ вамъ постоянную работу. За успѣхъ заранѣе отвѣчать не могу. Краевскій съ норовомъ и нѣсколько педантъ.

Несмотря на желаніе видѣть васъ и вашихъ, не могу еще назначить вамъ вечера. Нѣтъ еще отвѣта отъ Бартеневой по извѣстному вамъ дѣлу, а сверхъ того я еще не совершенно освободился отъ простуды.

Поручаю себя вамъ и вашему мужу, въ надеждѣ скораго свиданія остаюсь всею душою вашъ

Михаилъ Глинка.

P. S. Сестра Марья Ивановна поручаетъ мнѣ вамъ усердно кланяться и проситъ, чтобы вы доставили мнѣ адресъ Екатерины Ермолаевны.

LVII.

Къ К. А. Булгакову.

С.-П.-Бургъ, 2 февраля 1856 года.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ!

Я не спѣшилъ отвѣчать на письмо твое, поджидая, чтобы набѣжало что нибудь интересное.

Князь Левъ Григорьевичъ Голицынъ своимъ пріѣздомъ чрезвычайно обрадовалъ меня. Онъ слышалъ у меня Леонову (актрису, которая у меня и у Лоди учится уже болѣе года) и остался ею очень доволенъ. Онъ обѣщалъ ей свое содѣйствіе, когда она пріѣдетъ въ Москву давать концерты. Если ничто не помѣшаетъ, Леонова будетъ къ вамъ въ Москву въ самомъ началѣ поста. Она намѣрена дать два концерта, одинъ пополамъ съ дирекціей, а другой для себя въ частной залѣ. Надѣюсь, что по старой дружбѣ ты не откажешь моей ученицѣ въ твоемъ содѣйствіи, тѣмъ болѣе, что она его вполнѣ заслуживаетъ. Мою «Молитву»: «Въ минуту жизни трудную» она поетъ весьма удовлетворительно, и оная «Молитва» съ ея звонкимъ голосомъ и оркестромъ производитъ нарочитый эффектъ, и многія мѣста съ сильною вонью, какъ говорилъ Ѳирсъ. A propos de Ѳирсъ, съ нимъ и его братомъ Львомъ я провелъ очень пріятно вечеръ у Д. И. Нарышкина, тамъ были всѣ Бартеневы, пѣли, играли на цитрѣ и пр. Я имъ проигралъ нѣсколько моихъ опытовъ (essais) въ Русской церковной музыкѣ — чѣмъ они остались многодовольны.

Знакомъ ли ты лично съ Николаемъ Филипповичемъ Павловымъ (авторомъ повѣстей «Ятаганъ» и пр.)? — Если такъ, то усердно поклонись отъ меня ему и попроси, чтобы

онъ позволилъ доброму пріятелю моему, дѣйствительному статскому совѣтнику Г. И. Кузьминскому, напечатать сочиненный имъ романсъ на его (Павлова) слова, кои при семъ прилагаю. Я обѣщалъ Павлову самъ написать музыку, но здѣсь, въ Питерѣ, холодъ, сплетни и скука одолѣли шибко и вдохновеніе улетѣло.

Если же ты съ Н. Ф. Павловымъ лично не знакомъ, постарайся сообщить мнѣ его адресъ.

Vale.

Весь твой

Михаилъ Глинка.

Пиши покрупнѣе.

РОМАНСЪ.

Не говори, что сердцу больно
Отъ ранъ чужихъ,
Что слезы катятся невольно
Изъ глазъ твоихъ.

* * *

Будь равнодушна какъ могилы,
Кто ни страдай,
И за невинныхъ Бога силы
Не призывай.

* * *

Твоей души святые звуки,
Твой дѣтскій бредъ,—
Перетолкуетъ всё отъ скуки
Безбожный свѣтъ.

Н. Павловъ.

Отыскиваются многія изъ моихъ пьесъ для фортепіано, но Valse-Fantaisie (что̀ играли въ 1839 — 1840 годахъ въ Павловскѣ) — я усердно ищу эту пьесу и когда обрѣту, сообщу тебѣ копію.

LVIII.

Къ Д. В. Стасову.

Пятница, 11-го февраля 1856 года.

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Я и сестра искренно поздравляемъ васъ со днемъ вашего ангела и желаемъ вамъ всего лучшаго. Братецъ вашъ вѣрно сообщилъ вамъ о посѣщеніи Федорова и о томъ, что все къ концерту улажено. Боюсь только, чтобы не вышло остановки отъ Вестфаля[1]) и убѣдительнѣйше прошу добыть отъ него «Хоту».

Еще разъ, пожелавъ вамъ и всѣмъ вашимъ всего лучшаго, остаюсь искренно преданный вамъ

Михаилъ Глинка.

LIX.

Къ нему же.

Среда, 2-го марта 1856 года.

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Намъ съ сестрою послышалось, что братецъ вашъ говорилъ, что онъ свободенъ въ четвергъ, т. е. завтра; если такъ, то потрудитесь пожаловать къ намъ вы, братецъ вашъ и Сѣровъ завтра откушать.

Вы меня крайне обяжете, если повидаетесь сегодня съ Ал. Ив. Пейкеромъ (братомъ цензора) и скажете ему отъ меня, что мнѣ нужно поскорѣе съ нимъ повидаться.

---

[1]) Нотный переписчикъ.

Въ ожиданіи благосклоннаго отвѣта остаюсь искренно преданный слуга

Мих. Глинка.

LX.

Къ К. А. Булгакову.

1856. Мартъ.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ!

Подательница этой записки, Дарья Михайловна Леонова, извѣстная артистка С.-Петербургскихъ театровъ, моя ученица, намѣрена дать нѣсколько концертовъ въ Москвѣ. Талантъ ея самъ за себя постоитъ, а тебя, какъ стараго и добраго друга, прошу принять ее подъ твое особенное покровительство. Чтò нужно будетъ сдѣлать, самъ смекнешь, а барыня желаютъ, чтобы достать залу дворянскаго собранія для ея концерта.

Я боленъ какъ собака, а всё-таки, понатужась, окончу инструментовку «Valse-Fantaisie», которую тебѣ посвящаю.

Vale. Весь твой

Миша Глинка.

LXI.

Къ нему же.

1856. Мартъ.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ!

Податель этой записки, Владиміръ Никитичъ Кашперовъ (мой сынъ, какъ его называю), талантливый, образованный и пр. и пр. человѣкъ, желаетъ познакомиться съ

тобой. Прими же его, во имя мое, съ свойственнымъ тебѣ радушіемъ, чѣмъ весьма обяжешь твоего вѣрнаго стараго друга

Мишку.

NB. Гриппъ вельми зѣло одолѣваетъ меня!

LXII.

Къ нему же.

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ!

Я послалъ къ тебѣ на дняхъ двѣ записки, одну съ Леоновой, а другую съ Кашперовымъ. Получилъ ли ты ихъ? и что съ тобою? сдѣлай милость увѣдомь.

Я все еще хвораю, но вчера, не смотря на недугъ, окончилъ инструментовку Valse-Fantaisie (помнишь! — Павловскъ—около 42, 43 годовъ etc.—довольно!); вчера же отдалъ переписывать, и когда копія партитуры будетъ готова, сейчасъ же вышлю на твое имя. Тебя же прошу немедля приказать расписать партитуру на голоса и похлопочи, чтобы оный Scherzo (Valse-Fantaisie) былъ исполненъ въ концертѣ Леоновой. Пьеса сія, повторяю, была исполнена въ Парижѣ въ залѣ Герца съ большимъ успѣхомъ въ апрѣлѣ 1845 года, можно надѣяться, что и вашей публикѣ она понравиться можетъ. Я ее переинструментовалъ въ 3-й разъ, съ нарочитымъ усовершенствованіемъ и ухищреніемъ злобы; трудъ посвящаю тебѣ, а партитуру отдаю въ собственность г-жи Леоновой.

Если наши надежды на миръ осуществятся, весною отправлюсь на Западъ: сперва въ Берлинъ, гдѣ у меня

есть кой-какія музыкальныя дѣлишки, а потомъ вѣроятно въ мѣстечко Парижъ, гдѣ мнѣ привольно и спокойно.

Болѣзнь заставляетъ меня сидѣть дома, день скучно тянется за днемъ, а потому писать болѣе нѣчего. Ты же живешь на юру, а потому умоляю, пиши же подробнѣе и вѣрь искренней дружбѣ твоего вѣрнаго друга

М. Глинки.

Прилагаемое письмо потрудись доставить Леоновой.

10 марта 1856 года.
Питеръ.

LXIII.

Къ Д. В. Стасову.

Вторникъ, 12 марта 1856.

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Русскую пѣсню я написалъ, а романсъ: «Венеціанская ночь» не могу писать, потому что словъ не помню; ихъ можно найти въ сочиненіяхъ Козлова, которыя по сему случаю убѣдительнѣйше прошу доставить мнѣ поскорѣе. А также желалъ бы видѣть васъ и проиграть вамъ мои варьяціи на Шотландскую тему.

Весь вашъ
М. Глинка.

LXIV.

Къ К. А. Булгакову.

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ!

Сегодня посылается мой «Valse-Fantaisie» на имя Зиберта, къ тебѣ. По полученіи этого письма пошли сей-

часъ же къ нему, Зиберту, справиться, и не откажи мнѣ въ моей просьбѣ, сейчасъ же по полученіи нотъ приказать какъ можно скорѣе онную партитуру росписать на голоса. Духовыхъ требуется по одному, а смычковыхъ, сирѣчь 1-хъ и 2-хъ скрипокъ, по 3, альтовъ 2 и віолончелей съ контрабасами по 3; впрочемъ спроси объ этомъ у капельмейстера театра.

Хотя я вовсе не разсчитываю на дружеское содѣйствіе Верстовскаго, но всё-таки желаю, чтобы этотъ «Valse-Fantaisie» былъ исполненъ въ концертѣ г-жи Леоновой, сколько для ея выгоды, столько, или еще болѣе, потому, что эта музыка напомнитъ тебѣ дни любви и младости.

Віолончели остались, измѣнилъ (т. е. усовершенствовалъ) я инструментовку только въ форте и въ послѣднемъ Crescendo.

Наконецъ я узналъ, гдѣ пропадаетъ Дарья Михайловна: она съ Ферзингомъ (помнишь ли ты его) даетъ концерты въ городахъ возлѣ Москвы, а именно: Новгородѣ, Тулѣ, Орлѣ и пр.; въ Москву же она съ Ферзингомъ будетъ въ концѣ поста. Во всякомъ случаѣ прошу на это не разсчитывать, а сейчасъ же прикажи приступить къ перепискѣ партій. Партитура «Valse-Fantaisie» состоитъ изъ 6 тетрадей, и ты можешь заставить работать нѣсколько писцовъ въ одно время. Издержку за переписку беру на себя, и что̀ ты истратишь, будетъ тебѣ немедленно выслано съ искренней признательностію.

У меня вчера былъ старый знакомый Аладьинъ, я его давно не видалъ, и онъ, мнѣ кажется, страшный fanatico per la musica. Онъ описалъ мнѣ твой бывшій Atelier, и я теперь понимаю твою тоску переселяться въ другой домъ. Скажу однакожъ въ утѣшеніе, что сколько

я тебя помню, ты всегда былъ великій мастеръ устроить и убрать самую дрянную квартиру; сверхъ того, кто тебя любитъ, тотъ не посмотритъ на степень великолѣпія пепелища.

Я радъ, что «Молитва» моя не была исполнена у Штуцмана, 1-е Леонова поетъ ее по-моему, 2-е я постою за свою инструментовку; слышалъ ее въ исполненіи, и остался самъ многодоволенъ.

Напрасно полагаешь, что я духовые предпочитаю смычковымъ: совсѣмъ напротивъ, я на духовые нарочито скупъ.

Гейденрейхъ тебѣ усердно кланяется.

Прощай, мой милый другъ, пиши чаще и крупнѣе.

Vale.

Твой Мишка Глинка.

17 марта 1856. СПБургъ.

LXV.

Къ Н. В. Кукольнику.

Любезнѣйшій другъ
Несторъ Васильевичъ!

Если я тебя безпокою, то не сѣтуй на меня, ты самъ тому причиною. Ты взялъ у меня мои «Записки» съ намѣреніемъ изгладить все жесткое и неприличное; обѣщалъ мнѣ, исправя все, чтò окажется нужно, выслать мнѣ ихъ обратно въ непродолжительномъ времени. Я ждалъ, жду и все тщетно, а между тѣмъ время быстро летитъ, и вотъ скоро весна, а съ нею и я улечу на Западъ, — чего ради слезно бью челомъ, по полученіи сей эписто-

ліи, вышли сейчасъ вышерѣченныя мои записки въ Питеръ, на имя Чеботарева или Бухмана; Пузыревскому же и Александровской довѣряю плохо. Я уже хлопочу о паспортѣ, и намѣренъ выѣхать въ концѣ апрѣля; и такъ поспѣши. Если не кончилъ всего, не бѣда; по сдѣланнымъ тобой исправленіямъ я соображу, ка̀къ мнѣ исправлять, и за границей на досугѣ исправлю все.

Ты сказалъ однажды, что въ Петербургѣ барометръ — мученикъ; излишнимъ считаю сообщить тебѣ все то, что̀ я здѣсь претерпѣваю. Не смотря на страданія, въ немногіе свободные отъ истязаній моменты, я привожу въ порядокъ мои сочиненія. Такъ напр. «Valse-Fantaisie» (H-moll), сочиненный мною у тебя на квартирѣ, въ домѣ Мерца (Фонарн. переул.), въ 1839 году лѣтомъ и игранный съ нарочитымъ успѣхомъ въ Павловскѣ, утраченъ. Я по памяти инструментовалъ его съ новыми ухищреніями злобы, и вчера послалъ къ Булгакову въ Москву, для концерта, имѣющаго тамъ быть, г-жи Леоновой.

Павловъ на колѣняхъ вымолилъ у меня музыку на слова его сочиненія, въ нихъ обруганъ свѣтъ, значитъ и публика, что̀ мнѣ зѣло по нутру. Вчера я его кончилъ. Сдѣлалъ также нѣсколько опытовъ въ русско-славянской духовной музыкѣ. «Двумужницу» бросилъ: театръ теперь болѣе свинья, чѣмъ когда либо.

Амальѣ Ивановнѣ усердно кланяюсь, и убѣдительнѣйше прошу напоминать Нестору о скорѣйшей высылкѣ моихъ «Записокъ».

Пожелавъ вамъ всего лучшаго въ мірѣ, остаюсь твой неизмѣнный другъ

Михаилъ Глинка.

18 марта 1856 года. Питеръ.

LXVI.

Къ К. А. Булгакову.

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ.

Я получилъ письмо твое, въ коемъ объявляешь о прибытіи Леоновой въ Москву; не отвѣчалъ же сейчасъ потому, что по наслѣдственному отъ отца предразсудку, по понедѣльникамъ ничего не предпринимаю.

Безъ сомнѣнія, ты уже получилъ партитуру «Valse-Fantaisie», и если учинилъ такъ, ка̀къ я въ письмѣ просилъ тебя, то вѣрно можно будетъ оный Valse прокинуть въ концертѣ Леоновой. Если только партіи переписаны, пьеса эта по своему устройству не потребуетъ многихъ репетицій. Досадно, что въ послѣднемъ письмѣ я не написалъ, чтобы по полученіи Вальса, ты собралъ полковыхъ копистовъ музыки. Человѣкъ 6 отодрали бы тебѣ въ теченіе сутокъ всѣ партіи, и дешево бы взяли. Контора же театральная—свинья и подлецъ: пишутъ черезчуръ размашисто, а дерутъ съ насъ какъ жиды.

Впрочемъ, дѣлай все ка̀къ знаешь въ пользу моей protégée: я заранѣе благодарю тебя.

Потрудись въ отвѣтъ на это письмо увѣдомить меня о днѣ концерта, и пришли программу.

Черновую статью получилъ, но разобралъ плохо; притомъ я съ вашей московской публикой незнакомъ вовсе.

Я боленъ хоть брось, живу единственно надеждой удрать на Западъ въ концѣ апрѣля.

Кланяйся Леоновой, а также и Ферзингу.

Гейденрейхъ поручилъ мнѣ усердно тебѣ поклониться
Vale.

Твой вѣрный другъ
Миша Глинка.

20-го марта 1856 года
С.-Петербургъ.

LXVII.

Къ нему же.

23-го марта 1856. С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ.

Премного благодарю тебя, Келя и Аладьина, что вы поддержали Д. М. Леонову. Изъ твоего письма вижу, что дѣйствительно (принимая въ соображеніе наводненіе концертами въ нынѣшній постъ и подлость разсукина (извѣстнаго) сына), концертъ можно считать почти удачнымъ. Болѣе всего мнѣ по нутру то, что Дарья Михайловна произвела симпатическое впечатлѣніе.

Очень бы радъ былъ, если бы концертъ ея съ Ферзингомъ удался, сирѣчь, чтобы былъ оркестръ хоша самый скромненькій.

«Молитва» и «Valse-Fantaisie» инструментованы по новому, никакого разсчета на виртуозность (кою рѣшительно не терплю), ни на огромность массы оркестра.

Всего требуется:

1-хъ скрипокъ отъ	4 до 5
2-хъ «	4
Альтовъ	2

Віолончелей и басовъ отъ	2 до	3 каждаго.
Флейты	2	
Гобоя	2	
Кларнета.	2	
Фагота	2	
Corni	2	
Трубы.	2	
Тромбонъ.	1	
Итого . . .	27 до 31	

Примѣчаніе. Въ «Молитвѣ» фаготъ 1-й и тромбонъ должны быть разсматриваемы (considérés) какъ солисты, хотя замысловатыхъ пассажей у нихъ вовсе нѣтъ.

Въ «Valse-Fantaisie» надобно обратить особенное вниманіе на Corni, кои въ разстрой, т. е. 1-й въ одномъ, а другой настроенъ въ иномъ тонѣ.

«Молитва» требуетъ исполненія строгаго (sévère),— «Valse-же Fantaisie» нужно играть манерно (un peu exagéré).

Пишу сіе потому, что надѣюсь, что ты самъ приложишь всё стараніе, чтобы услышать «Молитву» и «Valse-Fantaisie». Хору достаточно 16 человѣкъ: 3 баса, 3 тенора и по 5 маленькихъ; можно тоже взять полковыхъ, какъ и для переписки партій.

Когда Кель пріѣдетъ въ Питеръ и застанетъ меня, онъ можетъ быть увѣренъ, что я приму его съ любовію.

Партитуру вальса ты вѣрно уже получилъ отъ Зиберта, я ее отослалъ на почту въ субботу на прошедшей недѣлѣ, и у меня есть квитанція.

Обнимаю тебя отъ всей души.

Твой вѣрный другъ

Мишка Глинка.

Прилагаемую цидулу потрудись доставить Дарьѣ Михайловнѣ.

LXVIII.

Къ Д. В. Стасову.

5 апрѣля 1856.

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Прошу васъ убѣдительнѣйше, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ. Сегодня была у насъ П. А. Бартенева, и о моемъ «Польскомъ» она уже распорядилась съ молодымъ графомъ Адлербергомъ, который берется все уладить чрезъ своего отца, министра двора.

Для сего мнѣ предстоитъ, между прочимъ, написать письмо на Высочайшее имя. Соблаговолите, милѣйшій баринъ, удѣлить нѣсколько минутъ драгоцѣннаго времени и завтра заверните на моментъ помочь мнѣ написать оное письмо. А сегодня не откажите увѣдомить, на какой бумагѣ и въ какихъ конвертахъ пишутся подобныя на Высочайшее имя письма.

Дѣло, какъ видите, для меня зѣло важное, а самъ устроить его не смогу.

И такъ, надѣясь на ваше дружеское содѣйствіе, остаюсь искренно любящій и уважающій васъ

Михаилъ Глинка.

LXIX.

Къ К. А. Булгакову.

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ!

Я послалъ къ тебѣ афишу на концертъ Леоновой, а не писалъ до сихъ поръ по причинѣ болѣзни и хлопотъ.

Теперь спѣшу увѣдомить, что концертъ удался совершенно. Оркестръ исполнилъ дѣло свое какъ нельзя лучше, хоришки маненько подгадили въ хорѣ изъ «Руслана». Леонова была принята отлично, и собрала не мало денегъ. Сильно апплодировали «Молитвѣ» и «Вальсу».

Я въ концертѣ самъ не былъ, а мнѣ говорила сестра моя и Леонова о томъ, что сообщилъ тебѣ.

Погода у насъ мерзѣющая, я избитъ и замученъ, пишу мало—нездоровится и хлопотно.

Твой неизмѣнный другъ

Миша Глинка.

10-го апрѣля 1856 года.

LXX.

Къ В. П. Энгельгардту.

Любезнѣйшій баринъ

Василій Павловичъ!

Я давно собираюсь писать къ вамъ, откладывалъ же со дня на день по причинѣ упорной болѣзни, до сихъ поръ продолжающейся. Да вообще говоря, около десяти мѣсяцевъ, проведенныхъ мною почти въ безпрерывныхъ страданіяхъ, я впалъ въ глубокую апатію и рѣшительно нѣчего сообщить вамъ. Были концерты, и хорошіе, но я на нихъ не могъ быть, а о немногихъ моихъ музыкальныхъ трудахъ вы по возвращеніи узнаете изъ сохраненныхъ для васъ моихъ рукописей.

Надѣюсь, однако, что это мучительное состояніе будетъ недолго продолжаться; въ концѣ апрѣля предполагаю ѣхать за границу, и думаю быть въ Берлинѣ во второй половинѣ мая, куда убѣдительнѣйше прошу васъ писать ко мнѣ на имя Дена (Marienstrasse № 28).

Отъ онаго Дена я на дняхъ получилъ 2 письма; не получая отъ васъ извѣстія, онъ затрудняется распоряженіемъ, куда выслать переписанныя для васъ ноты? Сколько по собственному своему усмотрѣнію, столько и по совѣту Исполина, отвѣчалъ Дену, чтобы онъ ожидалъ распоряженій вашихъ, а до тѣхъ поръ оставилъ музыку у себя. И такъ, по полученіи этого письма соблаговолите писать въ Берлинъ, и всего лучше пишите на имя Дена, со вложеніемъ эпистоліи и для меня.

Пробывъ нужное время въ Берлинѣ, оттуда думаю отправиться чрезъ Кёльнъ по Рейну въ Страсбургъ и Парижъ. Теперь для меня pittoresque въ сторонѣ, а главное comfort и покой, поэтому и не думаю заглянуть въ Италію.

Вы вѣрно ликуете въ Римѣ, особенно въ теперешнее время (23-го апрѣля): должно быть тамъ чудно хорошо! Желаю вамъ веселиться, но насъ не забывайте, пишите; а когда жары вытѣснятъ васъ изъ Италіи, милости просимъ къ намъ въ Германію: пріятно бы было встрѣтиться съ вами въ Берлинѣ.

Сестра благодаритъ васъ за вашу память о ней и Олѣ, которая становится день отъ дня жантильнѣе.

На Ѳоминой будетъ дана опера: «Русалка» Даргомыжскаго.

Прощайте, милый баринъ, не забывайте искренно любящаго васъ

М. Глинка.

11-го апрѣля 1856 года.

LXXI.

Къ Д. В. Стасову.

13 апрѣля, среда (1856).

Любезнѣйшій баринъ
Дмитрій Васильевичъ!

Позвольте напомнить вамъ, что вы обѣщали доставить мнѣ экземпляръ «Молитвы» сокращенной и безъ хора.

Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ ее, и такъ какъ вамъ изъ Сената по дорогѣ зайти къ Стелловскому, то соблаговолите справиться, напечатана-ли «Молитва» для одного фортепіана, и варіаціи на Шотландскую тему.

Весь вашъ
М. Глинка.

LXXII.

Къ К. А. Булгакову.

(1856. Конецъ апрѣля).

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ!

Что же касается до запоя, то безъ хлѣбныхъ и виноградныхъ питей, отъ онаго, сирѣчь запоя, въ Питерѣ не отдѣлаешься. Какъ тебѣ самому извѣстно, здѣсь пожираютъ блины, ходятъ въ церковь, шатаются по концертамъ и пр. и пр., все по программѣ, все вдругъ, все однимъ словомъ, въ родѣ нашествія татаръ. Довольно.

Черезъ три дня я ѣду заграницу. Пашпортъ и карета уже есть. А потому на это письмо не отвѣчай, я самъ къ тебѣ буду писать изъ Берлина, гдѣ останусь недѣли двѣ. Оттуда предполагаю въ нѣкое мѣстечко Парижъ.

Не откажи, прошу тебя, въ моей убѣдительнѣйшей

просьбѣ: кланяйся отъ меня Н. Ф. Павлову, и настоятельно упроси его прислать на имя сестры моей Людмилы Ивановны Шестаковой, въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой, нѣсколько экземпляровъ печатнаго романса (слова Павлова). А также напомни ему, что я отнюдь не отказываюсь отъ благостыни, что-де мнѣ платятъ обыкновенно по 50 р. с. за каждый романсъ, а 50 р. с. составляютъ около 200 франковъ.

Довольно на этотъ разъ. Идея путешествія сильно радуетъ.

Обнимаю тебя отъ души.

Твой неизмѣнный другъ

Михаилъ Глинка.

На прошедшей недѣлѣ былъ легкій музыкальный вечеръ у насъ, на немъ былъ твой племянникъ, князь Долгорукій.

LXXIII.

Къ нему же.

Милый и добрый старый другъ Костя!

Пишу тебѣ измученный отъ путешествія, зане старъ бо есмь. Вмѣсто Парижа остаюсь въ Берлинѣ, гдѣ, не смотря на жестокую усталость, уже прилежно работаю съ моимъ учителемъ, профессоромъ Деномъ, первымъ знахаремъ въ свѣтѣ. Письмо твое сестра уже прислала сюда. Прилагаемый при семъ документъ[1]) надѣюсь доставить

---

[1]) На 1-й страницѣ двѣ строки нотъ, писанныхъ рукою Дена:

1) Imitazione nella quarta con cadenza nel modo phrygio.

2) Passatempi sulla scala diatonica.

Подписалъ: S-W-Dehn

a Berlino 5 iunio 1856.

тебѣ нѣсколько минутъ пріятныхъ—ты пупкомъ поймешь эти гармоніи, недоступныя орангъ-утангамъ.

Пиши ко мнѣ à Berlin, poste-restante, или à Berlin, Marienstrasse № 6, гдѣ моя фатера.

Желалъ бы еще поболтать, но силъ не фататъ.

Твой неизмѣнный

Мишка.

Поклонъ всѣмъ добрымъ пріятелямъ.

(Іюнь 1856).

LXXIV.

Къ Д. В. Стасову.

Берлинъ, іюнь (іюль) 1856 г.

Милой и доброй братіи бью челомъ и вельми зѣло благодарю за ласку и дружбу.

До сихъ поръ не могъ отвѣчать на пріятную Олью Подриду [1]. Зане измученный продолжительнымъ странствованіемъ, я подвергся обычному недугу, въ слѣдствіе коего, лишай сильно воспалился на правой рукѣ, и до сихъ поръ не допускалъ до письма, и теперь еще съ трудомъ держу перо между больныхъ пальцевъ.

Не сѣтуйте, если не много буду писать — на дняхъ Мемель предстанетъ и подробно (буде пожелаете) сообщитъ вамъ о моемъ теперешнемъ житьѣ-бытьѣ. Мемель выѣзжаетъ изъ Штетина на пароходѣ въ субботу $\frac{23\ \text{іюня}}{5\ \text{іюля}}$ 1856 г.

Милаго барина Владиміра Васильевича искренно благодарю за память. День моего рожденія (по вашему 20 мая, по здѣшнему 1 іюня) не обошелся безъ сере-

[1]) Письмо, писанное къ Глинкѣ, въ Берлинъ, нѣсколькими его знакомыми заразъ.

нады, квартета и милаго, очень милаго дружескаго вечера у Дена. Получили-ль и разгадали ли вы музыкальныя задачи Дена[1])? Увѣдомьте, а главное пишите; оправясь, шибко отвѣчать буду: покамѣсть работаю усердно: церковные тоны и каноны. Остаюсь до будущей весны въ Берлинѣ, Marienstrasse № 6, что противъ моего Дена.

Грѣшно вамъ, добрый баринъ Александръ Николаевичъ[2]), завидовать мнѣ: оно конечно такъ—и деревья зелены, и климатъ будто бы получше—все такъ, но старость одолѣваетъ. До сихъ поръ не могу совершенно оправиться отъ пути, хотя уже мнѣ несравненно лучше. Скажите А. С. Даргомыжскому, что я прошу у него прощенія въ невольномъ моемъ преступленіи. Сообщите ему также, что дурная постановка его оперы на либретто Пушкина[3]) вывела бы меня изъ терпѣнія (что XI-й заповѣдью Н. Кукольника мнѣ воспрещено). Скажите ему также, что я его люблю и уважаю какъ всегда, и очень искренно радуюсь его успѣху.

Добрый баринъ Александръ Васильевичъ, я рѣшительно до будущей весны остаюсь въ Берлинѣ (работы ради); но вѣрьте, что мнѣ вовсе не нужно быть въ Парижѣ, чтобы помнить и любить васъ. Къ сожалѣнію, мы не вдругъ сблизились съ вами (хорошее не производится вдругъ), но я увѣренъ, что вы также меня любите какъ я васъ и что не оскорбитесь, что это письмо адресую на ваше имя—не знаю, Д. В. не усланъ-ли уже въ Москву[4]). Во вся-

---

[1]) Денъ прислалъ незадолго передъ тѣмъ В. В. Стасову темы «загадочнаго канона» (Räthsel-Canon) для разрѣшенія.

[2]) А. Н. Сѣровъ.

[3]) Русалка.

[4]) Герольдмейстеромъ при торжествахъ коронаціи.

комъ случаѣ не гнѣвайтесь на меня, если въ отсутствіе вашего братца я буду можетъ быть тревожить васъ какимъ либо порученіемъ.

Весьма радуюсь, что васъ назначили въ Москву на коронацію, хотя это и лишитъ меня удовольствія свидѣться съ вами заграницей, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ. Если это письмо застанетъ васъ еще въ Питерѣ, то убѣдительнѣйше прошу выслать какъ можно скорѣе сюда (въ Берлинъ Marienstrasse № 6) на мое имя: 1) Clavierauszug «Руслана и Людмилы», 2) 3 фотографіи отъ Левицкаго безъ отдѣлки, 3) Valse-Fantaisie, партитуру, ежели можно закажите Вестфалю.

Мемель принесетъ вамъ ноты, мною для васъ заказанныя и около 30 р. сер., если тѣхъ для моихъ порученій недостаточно — сочтемся послѣ.

Искренно преданный вамъ

М. Глинка.

Постарайтесь вызволить скорѣе книги изъ цензуры, чтобы можно было ихъ выслать Олѣ къ 11-му іюля. Письма изъ деревни отъ сестры еще не получалъ. Прилагаемое письмо потрудитесь доставить Марьѣ Степановнѣ.

LXXV.

Къ Н. В. Кукольнику.

Берлинъ, 5 іюля (23 іюня) 1856 года.

Любезнѣйшій другъ

Несторъ Васильевичъ!

Честь имѣю поздравить Ваше Превосходительство съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника; при ономъ же искренно желаю Вашему Превосходительству всевоз-

можныхъ успѣховъ по службѣ, зане, по словамъ Амальи Ивановны (которую тоже отъ души поздравляю), литература совсѣмъ не кормитъ (что̀ въ Россіи покамѣсть не подлежитъ сомнѣнію). Благодарю за высылку моихъ «Записокъ»; я ихъ получилъ за 3 дня до отъѣзда изъ Петербурга;—передѣлывать не стану, пускай себѣ остаются съ комфортативомъ. Осенью отправлю ихъ въ Питеръ, въ вѣрныя руки, сирѣчь моему Factotum, Д. В. Стасову, у котораго уже обрѣтаются всѣ мои сочиненія (не утраченныя, разумѣется). Когда околѣю, эти комфортативныя записки могутъ послужить дѣльнымъ матерьяломъ для моей біографіи—самъ же о себѣ хлопотать не намѣренъ.

Въ твоемъ письмѣ ты спрашивалъ меня, гдѣ я буду вращаться за границей? Главною моею резиденціей—Берлинъ, гдѣ я намѣренъ проводить осень, зиму и весну—мнѣ здѣсь покойно и хорошо; хорошо, потому что есть художественная цѣль, а именно: мой бывшій учитель музыки, нынѣ Custos музыкальнаго отдѣла здѣшней королевской библіотеки, безспорно первый теперь знахарь въ музыкальномъ дѣлѣ, нѣкто Сигфридъ Денъ, поселилъ и пріютилъ меня въ Marienstrasse № 6, противу (vis-à-vis) собственной своей квартиры. Я живу у него подъ крылышкомъ, какъ жилъ у сестры въ Питерѣ, меня кормятъ, поятъ, одѣваютъ и пр., а я никакихъ хлопотъ не знаю. Денъ навѣщаетъ меня ежедневно, мы шибко работаемъ: главное—церковные тоны, а потомъ обѣдня Іоанна Златоуста на 3 голоса, не для хора, а для причета, и также всевозможные каноны. Посылаю вальсъ моего издѣлія: онъ звучитъ зѣло недурно, и на выворотъ, сирѣчь въ зеркалѣ.

Прошу, отвѣчай въ Берлинъ, Marienstrasse № 6.

Въ концѣ лѣта предполагается посѣтить Гарцъ, Шве-

ринъ и Гамбургъ, будущимъ же лѣтомъ—Мюнхенъ, Вѣну, Пештъ и Краковъ. Къ Парижу сердце не лежитъ.

Обнимаю тебя отъ всей души, Амальѣ Ивановнѣ усердно кланяюсь.

Твой неизмѣнный другъ
Мимоза (М. Глинка).

LXXVI.

Къ К. А. Булгакову.

Берлинъ, 9 іюля (27 іюня) 1856 года.

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ!

Не сѣтуй, что до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ: путешествіе въ почтовой каретѣ 6 сутокъ (безъ сна), а потомъ три дня проклятой и ненавистной желѣзной дороги, меня жестоко избили и изломали, такъ что до сихъ поръ съ раздраженіемъ нервъ справиться не могу, при томъ же отъ раздраженія воспалился лишай на правой рукѣ, и я не могъ держать пера въ оной. Скажу тебѣ также, что не могу изъ Берлина столь-же часто писать, какъ изъ Питера: жизнь здѣсь крайне однообразна, а занятія дѣльнаго больше.

Жалкую, но отлично сдѣланную, твою каррикатуру получилъ; что̀-же дѣлать, другъ мой, пожито было,—надобно, какъ на Руси говорится, и честь знать. У тебя ноги, у меня руки въ лишаяхъ, и я часто отъ слабости рукъ, желудка и зрѣнія принужденъ только лѣниться или скучать.

Впрочемъ мнѣ здѣсь хорошо, привольно и спокойно. Хорошо, потому что есть дѣло. Привольно, потому что кормы хороши (много, и по дешевой цѣнѣ, дикихъ козъ, оленей и фазановъ, до коихъ я очень лакомъ; есть и хо-

рошая морская рыба, дичь, овощи др.), вина хороши (Мозель въ особенности), и по умѣренной цѣнѣ; можно и съ нею пошалить, особенно въ Гамбургѣ (6 часовъ ѣзды отсюда): продовольствіе въ этомъ отношеніи отличное. Покойно, потому что я живу домосѣдомъ, и новыхъ знакомствъ не ищу.

Объ нашихъ музыкальныхъ занятіяхъ буду писать подробнѣе, обождавъ маненько. Съ Деномъ бьемся съ церковными тонами и канонами разнаго рода—дѣло трудное, но нарочито занимательное, а, дастъ Богъ, и вельми полезное для Русской музыки.

Увѣдомь, когда дворъ пріѣдетъ въ Москву, и, узнавъ, сообщи мнѣ адресъ Прасковьи Арсеньевны Бартеневой.

Князю Алексѣю Дмитріевичу Салтыкову усердно кланяюсь.

Пиши подробно и крупно, по прилагаемому адресу:

— Mons. Michel Glinka.

Berlin, Marienstrasse № 6.

Обнимаю тебя отъ души, желаю тебѣ всего лучшаго и остаюсь твой неизмѣнный старый другъ

Мишка.

По словамъ Дена, Францъ дѣйствительно Dreck, что по русски .....

LXXVII.

Къ А. В. Стасову.

Берлинъ, 10 іюля (28 іюня) 1856 года.

Любезнѣйшій и многоуважаемый
Александръ Васильевичъ!

Не зная, гдѣ теперь находится братецъ вашъ Дмитрій Васильевичъ, я обезпокоилъ васъ письмомъ на ваше имя,

которое вы вѣрно уже получили; не прогнѣвайтесь, если я вынужденъ снова безпокоить васъ; это по слѣдующей причинѣ.

Мой профессоръ Денъ (о которомъ вы, вѣроятно, слышали отъ братцевъ вашихъ) желаетъ, чтобы нѣкоторыя изъ моихъ пьесъ были исполнены въ концертахъ, кои даются иногда въ королевскомъ театрѣ (Opern-Haus). Такъ какъ здѣсь въ оперномъ королевскомъ театрѣ оркестръ превосходный, то я не прочь отъ этого, желаю только начать «Полонезомъ», посвященнымъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ, коль скоро получимъ здѣсь извѣстіе о томъ, что совершена коронація.

«Польскій» этотъ (F-dur) подаренъ мною для печатанья издателю музыки В. Деноткину (что̀ на Невскомъ проспектѣ противу Александринскаго театра)—у него очень вѣрный экземпляръ. Потрудитесь навѣстить его въ одну изъ вашихъ прогулокъ, и сказать ему отъ меня, чтобы немедленно заказалъ для меня копію партитуры; ему грѣшно бы было отказать мнѣ въ этомъ, ибо подаренное разъ одному я другимъ уже продавать не стану, а ежели оный Польскій удачно сойдетъ, то ему же, Деноткину, будетъ лучше.

Позвольте мнѣ напомнить также и о другихъ моихъ порученіяхъ:

Съ Мемелемъ высланы мною:

1) Ноты для Дмитрія Васильевича, 2) 4 дѣтскихъ книжки и 3) Атласъ съ историческими и статистическими таблицами. Такъ какъ все это должно пройти чрезъ цензуру, то убѣдительно прошу васъ и братцевъ вашихъ похлопотать, чтобы скорѣе ихъ вамъ отдали: я бы желалъ, чтобы крестница моя Оля могла получить свои книжечки ко дню ея ангела 11 іюля.

Другія же мои порученія, какъ-то: Clavier-Auszug оперы «Русланъ и Людмила», 3 фотографіи, сдѣланныя съ меня Левицкимъ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, и другія пьесы, о коихъ упомянуто въ замѣткѣ, данной мною Мемелю, кромѣ Полонеза, всѣ еще терпятъ время. На издержки вашъ братецъ Дмитрій Васильевичъ или, за его отсутствіемъ, вы сами получите отъ Мемеля до 30 р. сер. Такъ какъ вы въ августѣ получите отъ сестры Людмилы Ивановны деньги для высылки мнѣ сюда (за что глубочайше благодарю васъ), то вы тогда и вычтете передержанное вами.

Дмитрій Васильевичъ говорилъ мнѣ, что у него есть знакомые въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ; полагаю, что также можно выслать мнѣ мои ноты и фотографіи черезъ Бернарда, или другого издателя музыки.

Здоровье мое мало по малу будто бы лучше, палецъ на правой рукѣ также почти зажилъ, но писать много не могу, несказанно утомляетъ руку, притомъ и жизнь моя единообразна и писать о ней вовсе нечего.

Прошу васъ поклониться отъ меня вашимъ братцамъ и всему вашему милому семейству, равно и Александру Николаевичу Сѣрову.

Примите увѣреніе въ искренней пріязни и признательности

Искренно преданнаго вамъ слуги

М. Глинки.

LXXVIII.

Къ В. П. Энгельгардту.

Берлинъ, 29 іюня (11 іюля) 1856 года.

Любезнѣйшій баринъ
Василій Павловичъ!

Письмо ваше, пущенное изъ Парижа, я получилъ, и очень радъ, что вы обрѣтаетесь поближе отъ меня (всего два дни ѣзды)—да и мѣстечко-то хорошее. Не смотря на то, я остаюсь въ Берлинѣ до будущей весны; причина этому слѣдующая:

a) До сихъ поръ не могу оправиться послѣ путешествія.

b) Я прожилъ около 3 лѣтъ въ Парижакѣ, пропустилъ себя по всевозможнымъ продовольствіямъ и послѣдній годъ рѣшительно уже скучалъ.

c) Душа къ Парижу не лежитъ, самцевъ не перевариваю, и наконецъ

d) Главное: кромѣ здоровья, меня привлекло сюда въ Берлинъ желаніе изучить съ Деномъ церковную музыку глубоко, и навостриться въ канонахъ и другихъ музыкальныхъ кунштюкахъ, дабы впослѣдствіи написать опытъ (а не образецъ) Литургіи Іоанна Златоуста въ Русско-Славянскомъ Православномъ родѣ, но опрятно на 3 и 2 голоса не для хора, а для причетниковъ [1]). Матеріалы для сего, сирѣчь собраніе разныхъ старинныхъ напѣвовъ, со мной привезены.

О моихъ занятіяхъ съ Деномъ и о моемъ житьѣ-бытьѣ писать подробно буду впослѣдствіи. Теперь же съ Деномъ

---

[1]) Опыты мои въ церк. муз. для Сергіев. монастыря произвели нѣкоторый успѣхъ! Этою весною написаны на 3 и 4 для монаховъ.

мы имѣемъ до васъ челобитьице, для насъ очень важное, а именно: хотя живу противъ Дена въ Marienstrasse № 6, однакожъ мы видимся не часто. Онъ очень занятъ (между прочимъ составляетъ каталогъ пьесъ, для васъ написанныхъ и самъ будетъ писать вамъ и повторитъ общую нашу просьбу); не смотря на мое хвораніе, а его занятіе, мы намѣрены въ концѣ августа ѣхать въ классически-романтическія горы Гарцъ, куда умоляемъ и васъ сопутствовать. Мы надѣемся, что втроемъ намъ скучно быть не можетъ, а сверхъ того отчего бы вамъ, добру-молодцу, не потѣшить насъ старикашекъ. Чтобы еще болѣе убѣдить васъ, повергаю на ваше благоусмотрѣніе слѣдующія соображенія:

1) Вы вдвое моложе каждаго изъ насъ, и снабжены большими средствами для перемѣщенія вашей милой особы: именно, силою мышцъ и приличными фондами. Можете странствовать одни, а у меня дядька нѣмецъ, а средства не столь обильны.

2) Мы васъ очень любимъ: сіе доказывается (demonstratur) тѣмъ, что Денъ вамъ избираетъ лучшее, говорю, изъ королевской библіотеки, а я, грѣшный, оставилъ вамъ въ Питерѣ у Исполина Д. В. Стасова до 6 моихъ различныхъ рукописей (весьма немногія изъ нихъ съ пособіемъ профершпилившагося поручика). Даже и здѣсь уже инструментованъ мной для одной милой барыни «Соловей» Алябьева на маленькій оркестръ. Копію пошлю барынькѣ, а манускриптъ для васъ.

3) Вы, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вполнѣ принадлежите избранной публикѣ (monde élégant), почему же бы вамъ и не придержаться ихъ обычая, т. е. въ исходѣ лѣта (saison morte) не уѣхать на неопредѣленное время изъ Парижа; по возвращеніи впечатлѣнія будутъ еще свѣ-

жѣе. Притомъ же я думаю, что вы уже порядочно прошлись по bals champêtres и Jardin des plantes (о семъ послѣднемъ прошу меня увѣдомить, сирѣчь какое оный на васъ произвелъ впечатлѣніе и какъ можно подробнѣе). Музыки для насъ съ вами въ Парижѣ нѣтъ; а

4) по возвращеніи изъ Гарца мы бы уже застали здѣсь музыкальный сезонъ. Не говоря о квартетахъ и игрѣ на органѣ Гаупта, здѣсь Dom-Chor исполняетъ опрятно старинную италіанскую и превосходно древнюю нѣмецкую музыку. Сверхъ того уже тогда идутъ оперы, между ними: 5 Глюка, Бетховена Фиделіо, нѣсколько Керубини и Мегюля, много Моцарта, и также «Entführung». Кормы и питья здѣсь очень хороши, даже и съ ней пошалить можно (Холмогорскія).

5) Если же надъ вами подшалилъ крылатый мошенникъ, давайте и барыню сюда. Ревность бросьте. Денъ по чистотѣ нравовъ, а я по старости и безобразію вамъ не соперники.

6) Зачѣмъ оставаться только на одинъ годъ? Парижъ и 2 лѣтъ стоитъ: я самъ началъ скучать только на 3-й годъ пребыванія, и то можетъ быть отъ восточнаго вопроса и свиньи Педруши.

7) Если вы пожелаете видѣть 15 августа, Парижскіе военные праздники (что́ впрочемъ русскому не весьма лестно), то увѣдомьте, мы можемъ ѣхать позже нѣсколькими днями. Отъ Парижа же на Страсбургъ, а оттуда по Рейну до Кёльна и Берлина, пріятное вовсе и непродолжительное путешествіе.

Умоляю васъ о скоромъ отвѣтѣ для нашего соображенія — вашъ неизмѣнный

М. Глинка (Мимоза).

LXXIX.

Къ нему же.

26 (14) іюля 1856 года. **Берлинъ.**

Любезнѣйшій баринъ
Василій Павловичъ!

Много и много разъ благодарю васъ за ваши дружескія строки; вѣрьте, что я не менѣе васъ желаю свиданія съ вами; но для осуществленія этого взаимнаго желанія необходимо намъ толковито списаться. Дѣло выходитъ слѣдующее:

a) Получивъ вашу цидулу мы съ профес. Деномъ рѣшили, что въ Гарцъ не ѣдемъ. Но—

b) намѣрены оба $\frac{\text{1 Сентября}}{\text{19 Августа}}$, или около того времени отправиться въ Гамбургъ—(по словамъ вашего дядюшки Василья Васильевича, заведеніе отличнѣйшаго устройства).

c) Не смотря на свойственную вамъ аккуратность, въ эпистоліи вашей не обозначено, въ какой именно трети августа вы разстаетесь съ Ниной; а—

d) слѣдственно мы можемъ разъѣхаться къ глубокому взаимному сожалѣнію.

e) У меня уже взята зимняя фатера съ $\frac{\text{1 Сентября}}{\text{19 Августа}}$ Денъ можетъ мнѣ сопутствовать, и то на 2 или 3 дни, именно, только въ самомъ началѣ сентября по здѣшнему стилю.

f) Мы съ Деномъ будемъ уже счастливы видѣть васъ хоть на нѣсколько часовъ, въ проѣздъ вашъ изъ Парижа въ Петербургъ.

g) Когда же вы навѣстите насъ, возвращаясь изъ Питера въ Парижъ, вы смѣло можете подарить намъ нѣсколько недѣль—музыкальныя продовольствія здѣсь зѣло

обильны и дѣльны. Между прочимъ 3 концерта Sing-Verein, гдѣ будетъ между прочимъ исполнена Missa Баха!

Сообразите, прошу васъ, всѣ сіи пункты и соблаговолите дать отвѣтъ: можете-ли вы распорядиться такъ, чтобы свидѣться съ нами и не разъѣхаться? Кромѣ душевнаго желанія видѣть васъ, до васъ у меня есть дѣло,—вѣроятно вамъ не противное, ибо оно можетъ быть въ пользу двухъ сильфидообразныхъ барышень, моихъ учениць.

Работы мои съ Деномъ на время пріостановились, здѣсь не рѣдко свирѣпствуетъ широкко, бѣдовый для мимозы—(эти строки къ вамъ пишу съ трудомъ). Не смотря на все это, Берлинъ мнѣ пришелся весьма по нутру.

Надняхъ получилъ письмо отъ Мемеля и Влад. Стасова. Мемель (бывшій мой спутникъ) Вальтеръ-Скоттовски занимателенъ. Дмитрій же Стасовъ (Исполинъ тожъ—) назначенъ въ Москву на коронацію.

Марья Степановна порхнула здѣсь; она разъѣзжаетъ по разнымъ водамъ.

Милый баринъ!! Не обидьте капельмейстера (такъ меня здѣсь называютъ) и профессора (такъ называютъ Дена), сирѣчь порхните къ намъ. Вѣрный вамъ какъ всегда

Михаилъ Глинка (Мимоза).

Еще нѣсколько словъ, милый баринъ: я могу остаться въ Гамбургѣ около 10 дней и болѣе, ибо ѣду съ цѣлью......... Поэтому всего бы лучше было, если бы вы соблаговолили завернуть къ намъ въ Берлинъ, или въ половинѣ августа, по нашему, или въ половинѣ сентября по здѣшнему (басурманскому) стилю.

LXXX.

Къ К. А. Булгакову.

Берлинъ, 16 (4) августа 1856 года.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ!

Давно уже собираюсь писать къ тебѣ, но все какъ-то не приходилось: сперва замучили жары, кои здѣсь столько же несносны какъ и въ Питерѣ, градъ бо на низменныхъ мѣстахъ расположенъ; потомъ я прихворнулъ, а когда хвораю, то обыкновенно у меня страдаютъ руки, и я пишу съ трудомъ.

Впрочемъ моя пріятно-тихая жизнь въ Берлинѣ однообразна, и не представляетъ ничего особеннаго для описанія.

Недавно я получилъ оффиціальное письмо изъ канцеляріи министра двора, за подписью самого министра, графа Адлерберга, въ коемъ изъяснено, что Ихъ Императорское Величества соблаговолили милостиво принять посвященіе моего «Польскаго», и Государь приказалъ, чтобы оный Польскій былъ исполняемъ на балахъ, во время коронаціи, начиная съ того, который будетъ данъ въ Грановитой палатѣ.

Все это мнѣ устроила П. А. Бартенева, чрезъ графа Александра Владиміровича Адлерберга.

На дняхъ я ожидаю партитуру моего «Польскаго»;— вскорѣ послѣ Коронаціи онъ будетъ исполненъ здѣсь въ королевскомъ театрѣ—Opern-Haus. Оркестръ чудо: 12 первыхъ, 12 вторыхъ скрипокъ, 7 альтовъ, 9 віолончелей, съ приличнымъ числомъ контрабасовъ и пр.

Поговариваютъ даже о постановкѣ «Жизнь за Царя» на сцену; покамѣсть, однакожъ, это еще не рѣшено.

У меня есть до тебя важная просьба, а именно: тебя всѣ любятъ и навѣщаютъ, слѣдственно ты можешь всѣмъ, мало-мальски меня знающимъ, лично или по наслышкѣ (преимущественно-же придворнымъ) вбить въ голову, что Глинка-де не въ Парижѣ, а въ Берлинѣ, и что-де окромя здоровья онъ проживаетъ въ Берлинѣ ради музыкальныхъ продѣлокъ.

Такъ какъ я думалъ ѣхать въ Парижъ, то можетъ быть найдутся люди, которые полагаютъ, что я уже тамъ. Между тѣмъ вышло, что, пріѣхавъ въ Берлинъ, я почувствовалъ непреодолимое отвращеніе отъ Франціи, и по справкамъ оказалось, что работа съ Деномъ труднѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Обнимаю тебя отъ души.

Твой неизмѣнный другъ

Мишка.

LXXXI.

Къ нему же.

Берлинъ, 22 (10) сентября 1856 года.

Любезнѣйшій другъ

Константинъ Александровичъ!

Только что хотѣлъ я отвѣчать на письмо твое, какъ получилъ другое отъ тебя, съ прискорбнымъ извѣстіемъ о кончинѣ графа М. Ю. Віельгорскаго. Хотя я уже и зналъ, что онъ разрушался, но это извѣстіе меня тронуло: графъ М. Ю. принадлежалъ именно къ разряду тѣхъ немногихъ людей, которымъ, кажется, никогда умирать не слѣдовало. Нашихъ мелкихъ недоразумѣній и вспоминать не хочу, а помню только его дружбу и доброжелательность ко мнѣ. Миръ праху его.

Здоровье мое плохо: желудокъ, а въ особенности печень, очень разстроены, и нервы часто и шибко пошаливаютъ, не смотря на то, что я стараюсь помнить, что я уже зѣло не молодъ (объ этомъ можешь справиться у фотографа Левицкаго, который нынѣшней весной снялъ съ моей хари удивительнѣйшій портретъ, и буде пожелаешь, чрезъ твоихъ знакомыхъ можешь получить экземпляръ онаго), и воздерживаюсь елико возможно отъ всѣхъ излишествъ.

Каникулярные жары заставили меня временно прекратить мои весьма занимательныя, но трудныя работы съ Деномъ. При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, едва ли совладаемъ съ церковными тонами, двойною фугою и канонами—въ теченіе зимы. Во всякомъ случаѣ дѣло рѣшено: до мая будущаго года остаюсь здѣсь. Если же Богъ продлитъ мнѣ жизнь и обстоятельства позволятъ мнѣ продолжить путешествіе, я не прочь завернуть въ мѣстечко Парижъ, гдѣ я люблю въ особенности весну, лѣто и часть осени. La saison du monde élégant, или, какъ это называютъ, la grande saison de Paris, т. е. отъ ноября до апрѣля, для меня невыносима. Всего болѣе мнѣ нравятся звѣринцы: Le jardin des plantes et le boulevard des Italiens avec les environs. Время всё изглаживаетъ: на будущій годъ воспоминанія войны будутъ тусклѣе, а слѣдовательно жить въ Парижѣ будетъ сноснѣе, а можетъ быть даже пріятно. Каншеровъ тебѣ кланяется; онъ здѣсь съ молодою женою — милою и очень образованною женщиною. Онъ поселился по сосѣдству со мной до весны, желая съ одной стороны насладиться спокойствіемъ послѣ различныхъ треволненій, работаетъ каждый день съ Деномъ, и мнѣ кажется, что онъ съ музыкальнымъ талантомъ.

Оперы еще не начались, примадонны еще въ разгонѣ, давать же будутъ вещи превосходныя; на дняхъ у меня квартетъ.

Если Яковлевъ, Аркаша и Фирсъ еще въ Москвѣ, усердно имъ отъ меня кланяйся.

Обнимаю тебя отъ души.

Твой неизмѣнный

Мишка Глинка.

NB. Если можешь, пиши еще крупнѣе.

Мой новый адресъ: Französische Strasse, № 8.

LXXXII.

Къ Д. В. Стасову.

Берлинъ, 30 (18) сентября 1856 года.

Любезнѣйшій баринъ

Дмитрій Васильевичъ!

Премного благодарю васъ за дружеское письмо ваше, его содержаніе очень интересно; душою сожалѣю, что не могу заплатить вамъ тою же монетою. Жизнь моя здѣсь хотя для меня очень пріятна, но по единообразію не представляетъ ничего достойнаго вашего вниманія.

Здѣсь Кашперовъ съ молодою женою, — миленькой и образованной барынькою. Онъ поручилъ мнѣ вамъ усердно кланяться. Самъ онъ ежедневно учится у Дена практически контрапункту. Въ свободное время Кашперовъ и жена его мнѣ читаютъ, мы дружески бесѣдуемъ и время проходитъ незамѣтно. Они такъ какъ и я остаются здѣсь до половины мая.

Мои занятія съ Деномъ уже съ два мѣсяца какъ пре-

кратились. Невыносимые каникулярные жары въ августѣ и разстройство моего здоровья въ сентябрѣ были тому причиною. Завтра (1-го октября) снова принимаемся за дѣло. Денъ намѣренъ работать со мною 2 раза въ недѣлю, слѣдующимъ образомъ постепенно довести меня до сочиненія фуги двойной (à deux sujets), которой тема должна быть основана на церковныхъ гаммахъ, объ коихъ до сихъ поръ я еще не имѣю яснаго понятія. Вообще я могу сказать, что до сихъ поръ я еще никогда не изучалъ настоящей церковной музыки, а потому и не надѣюсь постигнуть въ короткое время то, чтò было сооружено нѣсколькими вѣками. Какъ образцы мнѣ Денъ предлагаетъ Палестрину и Орланда Лассо.

Здоровье мое поправляется и мой докторъ удостовѣрился, что органическаго поврежденія нѣтъ ни въ желудкѣ, ни въ печени (чтò доктора сначала предполагали, ибо я пріѣхалъ въ Берлинъ еле-живой), и что при соблюденіи требуемой гигіены, мое нервное разстройство, при содѣйствіи весьма немногихъ средствъ, можетъ быть значительно исправлено.

До сихъ поръ наши музыкальныя продовольствія ограничивались преимущественно квартетами. Haupt на органѣ игралъ одинъ только разъ, но сытно: онъ произвелъ 6 большихъ пьесъ Баха. Вчера у свояченицы Дена исполнили одно тріо съ фортепіаномъ Гайдна и 2 Бетговена, между прочимъ большое тріо Es-dur—вещь хорошая.

На будущей недѣли обѣщаютъ намъ «Орфея» Глука въ Opern-Haus'ѣ.

Мой новый адресъ:

Französische Strasse, № 8.

Потрудитесь поклониться отъ меня вашимъ сестри-

цамъ, братцамъ — и А. Н. Сѣрову, а, если увидите, то Гунке и Лодію.

Искренне любящій и уважающій

Михаилъ Глинка.

Потрудитесь справиться и увѣдомить меня: Мина Ивановна въ томъ-ли position, какъ была прежде? Мнѣ это нужно знать.

LXXXIII.

Къ В. П. Энгельгардту.

Берлинъ, 30 (18) сентября 1856 года.

Любезнѣйшій баринъ

Василій Павловичъ!

Спѣшу отвѣчать на письмо ваше изъ Москвы и премного благодарю васъ за извѣщеніе о бывшихъ празднествахъ, по случаю коронаціи. Одно огорчаетъ и рѣшительно обижаетъ въ письмѣ: это то, что вы еще не рѣшились — ѣхать ли въ Берлинъ, или остаться въ Петербургѣ. Мы же съ Деномъ, любя васъ искренно, уже разсчитывали, когда свидимся съ вами. Что же дѣлать, если придется отказаться отъ мысли, пожить съ вами въ Берлинѣ! Вамъ лучше знать, гдѣ вамъ удобнѣе и пріятнѣе; послѣ двухлѣтняго странствованія, не удивительно, если пожелаете отдохнуть зиму въ кругу родныхъ и добрыхъ пріятелей. При томъ же Петербургъ для васъ полонъ, сколько мнѣ извѣстно, пріятныхъ воспоминаній; для меня же, послѣ бракоразводнаго дѣла—онъ до такой степени гадокъ, что и вспомнить о немъ не могу безъ особеннаго глубокаго омерзѣнія.

За ваше участіе въ судьбѣ дѣвицы Шульцъ приношу усердную благодарность. Совершенно согласенъ въ вами, что надобно дать время всѣмъ угомониться послѣ праздничной суеты, прежде нежели приступить къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ прошу васъ ни слова объ этомъ не говорить Кавосу—онъ .... А на досугѣ, не стѣсняя и не тревожа себя, постарайтесь развѣдать и сообщить мнѣ: ангажирована ли Маррай на эту зиму и Дютчъ состоитъ-ли еще при Итальянскомъ хорѣ?

Что же касается до барышень, онѣ довольно аккуратно посѣщаютъ меня, учатся довольно прилежно и начинаютъ понимать мой способъ пѣнія.

Мнѣ здѣсь жить хорошо и спокойно; здоровье мое значительно поправилось, и докторъ мой находитъ, что еще органическаго поврежденія нѣтъ. Требуетъ, однакоже, чтобы я значительно измѣнилъ образъ жизни и тщательно бы избѣгалъ всякихъ излишествъ, что̀ мнѣ въ Берлинѣ и въ Парижѣ даже удобнѣе исполнить, нежели въ гадкомъ Петербургѣ.

У насъ погода превосходная—то что называютъ бабье лѣто. Кормы также хорошіе: дичина, какъ-то дикія утки, бекасы и куропатки, дешевы и составляютъ мое почти ежедневное продовольствіе; не въ продолжительномъ времени появятся и фазаны въ изобиліи.

О музыкальныхъ продовольствіяхъ и трудахъ моихъ съ Деномъ пишу подробно Стасову, онъ сообщитъ вамъ.

Пожелавъ вамъ всего лучшаго, остаюсь искренне любящій васъ

Михаилъ Глинка.

Мой новый адресъ:
Französische Strasse № 8.
Денъ вамъ дружески кланяется.

LXXXIV.

Къ нему же.

Берлинъ, 31 (19) октября 1856 года.

Любезнѣйшій баринъ
Василій Павловичъ!

Спѣшу отвѣчать на вашу краткую и грустную эпистолію. Я зѣло огорчился тѣмъ, что вы эту зиму не съ нами, и до того я и Денъ свыклись съ мыслію, что вы сюда пріѣдете, что нѣкоторыя parties de plaisir отложили до вашего пріѣзда. Жаль, очень жаль, но дѣлать нечего; видно такъ должно было случиться. О себѣ писать вамъ не стоитъ: та же единообразная, тихая и правильная жизнь и почти одно и то же препровожденіе времени: не веселюсь, но не скучаю, однимъ словомъ я покоенъ, сколько это возможно. Это именно то состояніе души, котораго я давно домогался, и котораго никогда въ Питерѣ мнѣ не найти, ибо я сталъ зѣло раздражителенъ, а здѣсь меня никто и ничто не трогаетъ.

Нѣсколько словъ о музыкѣ:

Кромѣ квартетовъ и тріо съ фортепьяно, вотъ что я усчастливился слышать:

Въ Opernhaus'ѣ:

1) Fidelio Бетховена; передъ 1-мъ актомъ сыграли увертюру E-dur, а между 1-мъ и 2-мъ увертюру Leonore C-dur. 2) Орфея Глука: на сценѣ выходитъ чудно, 2-й актъ въ особенности. 3) Клеменца di Тито Моцарта—есть мѣста весьма интересныя.

въ Singverein:

Большую Мессу Баха H-moll. Вообще произведеніе колоссальное, но длинно. Есть мѣста дивныя, какъ-то Crucifixus.

Исполненіе вообще для меня удовлетворительно: оркестръ прекрасный, хоры исправны, солисты же пѣвцы подгуляли, кромѣ M-me Кёстеръ.

Мои занятія съ Деномъ пошли было на ладъ, но здоровье нѣсколько измѣняетъ. Послѣ превосходнаго бабьяго лѣта наступаетъ осень, а вамъ извѣстно, что я настоящій барометръ.

Сестра пишетъ мнѣ, что вы желаете, чтобы Денъ выслалъ вамъ скорѣе ноты; при первомъ свиданіи съ профессоромъ сообщу ему объ этомъ.

Кланяйтесь нашимъ общимъ знакомымъ.

Когда рѣшите что-либо на счетъ вашей особы будущей весной, сообщите, покамѣсть желаю вамъ всего лучшаго. Весь вашъ

Михаилъ Глинка.

LXXXV.

Къ К. А. Булгакову.

Берлинъ, 15-го (3-го) ноября 1856 г.

Любезнѣйшій другъ
Константинъ Александровичъ!

Не сѣтуй, что не сейчасъ по полученіи отвѣчаю на твои дружескія письма. Причина—не лѣнь, а вообще говоря я не большой охотникъ писать. Къ тому же, моя совершенно отшельническая жизнь въ Берлинѣ не даетъ поводу—плодить матерію (какъ говаривала блаженной памяти моя няня).

Въ одномъ изъ твоихъ писемъ ты рекомендовалъ мнѣ завернуть въ мѣстечко Парижъ. Я однакожъ остался здѣсь и не раскаяваюсь.

Окромѣ разнаго рода продовольствій, а наипаче скром-

ной и тихой жизни, которая мнѣ зѣло по нутру, одни музыкальныя наслажденія уже достаточны, чтобы приковать меня къ Берлину въ зимніе мѣсяцы.

Перечень слышаннаго мною въ теченіе мѣсяца съ небольшимъ объяснитъ это дѣло лучше:

Въ Opernhaus'ѣ:

1) Фиделіо Бетховена съ двумя увертюрами, E-dur и C-dur.

2) Орфей Глука.

3) Clemenza di Tito, Моцарта, съ бассетъ-горномъ (NB)!

NB означаетъ, что у насъ въ несносномъ Питерѣ бассетъ-горнъ всегда замѣняютъ кларнетомъ — а разница огромная.

4) Nozze di Figaro, Моцарта.

5) Zauberflöte, Моцарта.

Эти двѣ послѣднія оперы были даны весьма зѣло удовлетворительно: Оркестръ и хоры чудо! Не нашимъ чета!

Окромѣ того:

Въ Singverein:

Знаменитая Missa Баха H-moll: въ оной же чудеса поэзіи и изобрѣтенія.

Предстоятъ еще:

a) въ Театрѣ:

На будущей недѣлѣ Альцеста Глюка—важная вещь,

b) въ Singverein:

Баха Мотетъ и Requiem Керубини!

Дальнѣйшее окажется въ послѣдствіи.

Медленно, но прочно идутъ мои занятія съ Деномъ, всё бьемся съ фугами.

Я почти убѣжденъ, что можно связать фугу западную съ условіями нашей музыки узами законнаго брака.

Извини, что больше не пишу, скажу только, что мнѣ здѣсь хорошо, что̀ не мѣшаетъ однако любить по прежнему тѣхъ, которыхъ я любилъ какъ тебя.

Твой неизмѣнный другъ

М. Мимоза.

IV

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя".

1835 годъ.

Въ «Запискахъ» своихъ Глинка говоритъ: «Съ Несторомъ Кукольникомъ познакомили меня, когда? — не помню, по случаю моей оперы, и отрекомендовали какъ лучшаго въ тогдашнее время нашего драматическаго писателя. Онъ готовъ былъ писать для меня слова; но уѣхалъ въ Москву, откуда прислалъ образчикъ сцены, изъ котораго я увидѣлъ, что нельзя было заочно работать, въ особенности потому, что большая часть музыки была готова и нужно было подъ нее поддѣлываться». Вѣроятно, при отъѣздѣ Кукольника въ Москву, Глинка далъ ему планъ своей оперы, подобный тому, по которому работалъ бар. Розенъ. Этотъ-то планъ, къ сожалѣнію неполный (только три первыхъ дѣйствія), найденъ въ бумагахъ Н. В. Кукольника, послѣ его смерти и принадлежитъ теперь Императорской Публичной библіотекѣ.

В. С.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ [1]).

Отечественная[2]) героико-трагическая опера въ 5 дѣйствіяхъ или частяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Сусанинъ (басъ)—характеръ важный [3]).

Антонида, дочь его (сопрано)—нѣжно-граціозный [4]).

Алексѣй) [5]) Собининъ, женихъ Антониды (теноръ)—характеръ удалый [6]).

Андрей, [7]) сирота 13, или 14-лѣтній мальчикъ (альтъ)—характеръ простосердечный [8]).

Начальникъ польскаго отряда—2-й теноръ, роль второстепенная.

Хоры поселянъ и поселянокъ—и Поляковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сцена представляетъ русскій сельскій видъ; въ глубинѣ театра рѣка.

1) Introduction: Вдали раздаются, сперва хоръ мужчинъ, потомъ въ противоположной сторонѣ хоръ женщинъ, кои сходясь сливаются въ одинъ. Сей хоръ, идущій фугою, долженъ выражать силу и беззаботную неустрашимость русскаго народа, быть написанъ русскимъ размѣромъ и сравненія должны быть заимствованы изъ сельскихъ предметовъ. Мужчины уходятъ прежде, вскорѣ за ними слѣ-

---

[1]) Глинка вездѣ пишетъ: Суссанинъ.

[2]) Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «Національ»...

[3]) Петровъ.

[4]) Шелихова.

[5]) Имя написано карандашомъ по ряду точекъ......

[6]) Шемаевъ.

[7]) Написано тоже карандашомъ.

[8]) Воробьева. Имена исполнителей написаны на полѣ.

дуютъ и женщины, и когда голоса, а потомъ и оркестръ, мало по малу затихнутъ, выѣзжаетъ по рѣкѣ лодка съ гребцами, кои поютъ протяжную пѣсню unissono (одни теноры).

Сей хоръ долженъ выражать тѣ же чувства, какъ и хоръ en fugue, но сравненія должны быть взяты изъ предметовъ, относящихся къ рѣкѣ, судну и проч. Когда лодка въѣдетъ на средину театра и хоръ будетъ въ ff, оркестръ заиграетъ плясовую, которая, усиливаясь, заглушитъ мало по малу пѣвцовъ—и подъ эту плясовую выйдетъ хороводъ, а потомъ и Prima-donna сдѣлаетъ свой entrée.

№ 2. Арія Антониды [1]), состоящая изъ Andante и Rondo, выражаетъ чувства молодой дѣвушки, ожидающей любезнаго жениха. — (Сей номеръ нельзя писать безъ музыки, которая уже готова, равно какъ и Introduction).

№ 3. Входъ Сусанина [2]). По окончаніи аріи, Сусанинъ является съ пасмурнымъ челомъ и, обращаясь къ Антонидѣ и ея подругамъ, говоритъ, что онѣ веселятся, когда отечество стонетъ отъ иноплеменныхъ, что теперь не до свадьбы и т. п., и этими словами нарушаетъ веселость дѣвушекъ.—Антонида груститъ и плачетъ, что обманулась въ надеждѣ быть соединена немедленно съ любимымъ юношею.—Отецъ упрекаетъ ее въ слабости.—Между тѣмъ сходятся поселяне и, видя грусть на лицѣ Антониды и ея отца, спрашиваютъ о случившемся, на что въ отвѣтъ Сусанинъ излагаетъ вкратцѣ главнѣйшія событія тогдашняго времени: вторженіе Поляковъ, ужасы войны и пр. Онъ поетъ въ родѣ запѣвалы, и слова его

[1]) На полѣ: «Эта арія характеризуетъ Антониду».

[2]) На полѣ: «Первыя слова и напѣвы Сусанина должны уже объяснить его важный характеръ».

вкратцѣ повторяются сперва мужчинами, а потомъ женщинами [1]) еще сокращеннѣе, отъ чего произойдетъ хоръ en imitation и унылый. Онъ долженъ продолжаться достаточное время, дабы грустное впечатлѣніе осталось въ сердцахъ слушателей.

NB. Сей номеръ не сдѣланъ, mais est ébauché—и матеріалы для него имѣются.

№ 4. Теноръ, являсь на сцену, извѣстіемъ о удачныхъ дѣйствіяхъ Пожарскаго и Минина разсѣеваетъ уныніе присутствующихъ [2]), потомъ сообщаетъ, что избранъ Михаилъ Өедоровичъ на царство. (Сей разсказъ долженъ быть чрезвычайно кратокъ).—Вслѣдъ за симъ краткое «Боже царя храни» [3]) (но русское и незатѣйливое), потомъ или финалъ, или, по-моему, лучше арію [4]) тенору. Это впрочемъ отдаю на произволъ автора словъ [5]). Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о томъ, что снова назначается немедленно быть свадьбѣ; женихъ ухаживаетъ за невѣстой и изливаетъ [6]) въ любовныхъ и нѣжныхъ звукахъ; въ Allegro же аріи, или своей выходкѣ въ финалѣ, совершенно обнаруживаетъ свой удалый характеръ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Балъ въ замкѣ польскаго военачальника.

Театръ представляетъ великолѣпную залу, ярко освѣщенную.

---

[1]) Теперь въ этомъ хорѣ женщины не участвуютъ.

[2]) Сюда вставлено тріо «Не томи, родимый».

[3]) Этого нѣтъ, если не относить сюда хоровые возгласы въ заключеніи.

[4]) Измѣнено вставкою тріо такимъ образомъ, что сюда перенесенъ разсказъ тенора объ избраніи на царство Михаила Өеодоровича.

[5]) Внизу: «Тѣмъ болѣе, что теноръ мой Шемаевъ очень плохъ».

[6]) Свои чувства.

NB. Надобно справиться о мѣстности, т. е. въ Литвѣ, Малороссіи или Польшѣ происходитъ сіе дѣйствіе?

№ 5. Польскій, коего начало служитъ вмѣсто антракта. По поднятіи занавѣса, военно-торжественный хоръ [1]) вторитъ оркестру. Дѣйствующія лица попарно входятъ на сцену.

№ 6. Краковякъ.

№ 7. Pas de trois, Pas de cinq и пр., все ad libitum.

№ 8. Мазурка[2]). Къ концу оной, во время продолженія танцевъ, получается извѣстіе о избраніи Михаила Өеодоровича на царство.—Гнѣвъ Поляковъ.—Заговоръ.—Начальникъ посылаетъ отрядъ для доставленія или убіенія избраннаго царя.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Театръ представляетъ внутренность хижины Сусанина.

№ 9. Романсъ или пѣсня сироты, коею выражаетъ тихую и беззаботную жизнь и благодарность благодѣтелю (ce qui devrait faire le refrein).—Характеръ ея naif, какъ и характеръ самого сироты.—Сего номера будетъ приложена музыка, уже сдѣланная.—Еще въ продолженіе послѣдняго куплета (ихъ должно быть два или три, но не болѣе) входитъ Сусанинъ съ дочерью и женихомъ [3]) и это произведетъ:

№ 10[4]) квартетъ (Familiengemälde). Сей номеръ, вы-

---

[1]) По партитурѣ во все продолженіе втораго акта участвуетъ военный хоръ, но его никогда не бываетъ въ дѣйствительности при исполненіи «Жизни за Царя».

[2]) Зачеркнуто «та».

[3]) Сусанинъ входитъ теперь одинъ и поетъ съ Ваней дуэтъ, а Антонида и Собининъ являются уже послѣ хора.

[4]) На полѣ: «Этотъ номеръ долженъ быть весь Cantabile, а не декламативный».

ражающій тихія и сладкія чувства семейственнаго счастія, долженъ непремѣнно быть написанъ русскимъ размѣромъ, въ подражаніе старинныхъ пѣсенъ. — Въ музыкѣ же постараюсь произвести une pièce arrondie, состоящую изъ Adagio en canone и Allegro [1]). Въ обоихъ будутъ помѣщены мотивы, могущіе простотою оставить внезапное впечатлѣніе на публику.

Женихъ уходитъ, чтобы, напримѣръ, собрать товарищей и приготовиться къ дѣвишнику.

№ 11. — Отецъ, дочь и сирота приготовляютъ комнату для свадьбы, бесѣдуя отрывисто подъ весело-беззаботную музыку.—Въ это время послышатся издали отъ времени до времени военные звуки, усиливаясь, поразятъ Сусанина и дочь его.— Недоумѣніе.— Появленіе отряда поляковъ и хоръ подъ Польскій 2-й части № 5, коимъ спрашиваютъ, не можетъ ли провести ихъ кто нибудь къ Михаилу Ѳеодоровичу. Сусанинъ спрашиваетъ ихъ, зачѣмъ имъ это?—Между тѣмъ сирота простосердечно предлагаетъ свои услуги [2]). Сусанинъ сердито или ловко (какъ то окажется нужнымъ) отклоняетъ его и посылаетъ извѣстить Михаила Ѳеодоровича о угрожающей ему опасности; узнавъ же о намѣреніи ихъ, съ негодованіемъ отказывается. Поляки сперва сердятся, потомъ (хоромъ подъ мазурку) предлагаютъ золото, славу, почести.—Сусанинъ говоритъ: развѣ золотомъ можно искупить проклятіе—а почестями безславіе за измѣну? и т. п. Поляки (хоромъ подъ мазурку же) грозятъ убить его; — онъ остается неустрашимъ и беззаботно или продолжаетъ занятія, или что найдете сдѣлать лучше [3]). Ему впадаетъ на мысль, что враги

[1]) Теперь: Andante quasi allegretto. Moderato assai. Vivace.

[2]) Этого теперь нѣтъ.

[3]) На полѣ: «Ce contraste (1-r effet) est d'un grand effet musical».

могутъ избрать другаго путеводителемъ, онъ рѣшаетъ жертвовать собою для спасенія царя и отечества,—съ притворною радостію говоритъ, что обѣщанія ихъ обольстили его [1]). Между тѣмъ дочь догадывается, или, лучше, предчувствуетъ опасность родителя, умоляетъ его не ходить на погибель. Онъ увѣщаетъ, Поляки смущаются. — Онъ говоритъ имъ, что немудрено, что она въ страхѣ, видя въ первый разъ воиновъ и т. под., самъ же слегка, но отталкиваетъ ее, и наконецъ, когда онъ уходитъ съ Поляками [2]) и наскоро благословляетъ, сіе благословленіе, какъ ударъ, поражаетъ. Она упадаетъ на лавку. Музыка тихая и жалобная продолжается еще нѣсколько времени.

NB. Сей номеръ убѣдительнѣйше прошу сократить по возможности, и роль Сусанина вообще написать какъ можно проще, ибо сила уже необходимо должна произойти отъ самаго положенія.—Отвѣты его Полякамъ (по моему мнѣнію) должны быть кратки и сильны,—и чѣмъ будутъ кратче, тѣмъ удобнѣе для музыки, которая будетъ не речитативъ, но характерное пѣніе non motivé. — Еще скажу о семъ, (по моему мнѣнію) труднѣйшемъ номерѣ, что его можно разложить на части слѣдующимъ образомъ:

а) Сусанинъ (вообще Сусанинъ долженъ имѣть въ характерѣ нѣсколько русской беззаботности) съ семействомъ приготовляетъ комнату для свадьбы — до появленія Поляковъ [3]).

---

[1]) На полѣ: «2-me effet».

[2]) Для поляковъ хорошъ былъ бы размѣръ:

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

т. е.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Гречанку младую я страстно любилъ.

[3]) На полѣ: «Беззаботность и недоумѣніе. Муз. (зачеркнуто: allegretto) пріятная веселая».

b) Появленіе Поляковъ—contraste: они поютъ на $^3/_4$ (polonaise и mazurque) и горячатся. Сусанинъ поетъ на $^2/_4$ или на C, но темпъ одинъ и тотъ же, рѣшительно, но спокойнѣе [1]).

c) Поляки продолжаютъ глухо сердиться про себя, а Сусанину является мысль обмануть ихъ [2]).

d) Антонида догадывается объ опасности [3]).

По уходѣ отца, Антонида погружена или въ мысли, или въ безпамятство, и чрезъ непродолжительное время раздается

№ 12. Свадебный хоръ для женскихъ голосовъ въ $^5/_4$. Его пропоютъ 2 куплета; въ половинѣ 3-го онъ прервется внезапно при видѣ лежащей Антониды.

№ 13. На разспросы (весьма краткіе и отрывистые) и на слова участія подружекъ, Антонида, придя въ себя, зарыдавъ, запоетъ романсъ, — содержаніе коего должно изображать тоску душевную о родителѣ. — Сего романса будетъ два куплета, въ каждомъ по 8 стиховъ слѣдующаго размѣра (далѣе зачеркнуто):

Не осенній частый дождичекъ,
Брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ.

Желалъ бы, что (бы) подобныя отрицательныя сравненія были употреблены въ словахъ сего романса, будучи убѣжденъ, что они отлично подойдутъ къ сдѣланной еще прежде по подобнымъ словамъ мною музыкѣ [4]).

(Въ выноскѣ): Этотъ номеръ написанъ мною 6 лѣтъ тому назадъ на слова Б. Дельвига.

---

[1]) На полѣ: «Борьба—музыка рѣшительная, важная».

[2]) На полѣ: «Обманъ—измѣненіе модуляцій и затѣйливость».

[3]) На полѣ: «Agitato (ускореніе темпа)».

[4]) Не о томъ скорблю, подруженьки,
Я горюю не о томъ....

NB. Сей номеръ нельзя писать безъ музыки.

№ 14. Финалъ. Послѣ втораго куплета внезапно появляется женихъ со свитою, т. е. пріятелями и т. п.— Онъ спѣшилъ на дѣвишникъ и пораженъ, заставъ Антониду въ отчаяніи. Онъ съ товарищами спрашиваетъ у дѣвушекъ о приключившемся; онѣ разсказываютъ о происшедшемъ.

Женихъ сердится, рвется и рѣшается идти вызволить Сусанина. Дуэтъ: Adagio, или Largo, сперва порознь: она въ глубочайшемъ уныніи, онъ старается утѣшить ее;— потомъ что нибудь вмѣстѣ (все это перемѣшано съ хорами). — Allegro agitato финальнаго дуэта, — разлука, — сперва каждый порознь, потомъ вмѣстѣ;—размѣръ непремѣнно 3-стопный для Allegro, отнюдь же не 4-стопный [1]).

Михаилъ Глинка.

Первоначальный планъ оперы «Жизнь за Царя» былъ напечатанъ, вполнѣ, въ «Русской Старинѣ» 1881 г.

---

[1]) «Сей номеръ отдаю на произволъ сочинителя словъ, съ просьбою однако же не писать длинныхъ стиховъ для Cantabile».

II.

Первоначальный планъ оперы „Русланъ и Людмила“ [1]).

1838 ГОДЪ.

Въ «Запискахъ» своихъ Глинка говоритъ: «Въ 1837 или 1838 году, зимою, я игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки «Руслана». Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтуринъ; онъ взялся сдѣлать планъ оперы, и написалъ его въ 1/4 часа подъ пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану. Около того-же времени познакомили меня съ капитаномъ свитскимъ Ширковымъ, какъ съ человѣкомъ, вполнѣ способнымъ написать либретто для новой моей оперы. По моей просьбѣ, онъ написалъ для пробы каватину Гориславы «Любви роскошная звѣзда», и часть I-го акта. Опытъ оказался очень удовлетворителенъ, но вмѣсто того, чтобъ сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы, я сейчасъ принялся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическомъ движеніи и ходѣ пьесы, полагая, что это можно было уладить впослѣдствіи». Въ другомъ мѣстѣ Глинка говоритъ про осень и зиму 1841 года: «Мнѣ дома было такъ хорошо, что я очень рѣдко выѣзжалъ, а сидя

---

[1]) Первоначальный планъ оперы «Русланъ и Людмила» былъ напечатанъ, не вполнѣ, въ «Русской Старинѣ» 1871 г.

дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время большая часть оперы была готова. Осмотрѣвшись, однакоже, я нашелъ, что общей связи между частями новой моей оперы не было. Чтобы помочь этому, я пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Нестора (Кукольника) и Мишу Гедеонова, сверхъ того, былъ у меня на обѣдѣ и Владиславлевъ. По причинѣ отъѣзда Ширкова въ Украйну, Кукольникъ и Гедеоновъ взялисъ помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы... Такимъ образомъ, стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали Маркевичъ (въ Малороссіи), Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я».

Но необходимо защитить Глинку противъ его же самого. Когда сочинялась опера «Русланъ и Людмила», Глинка отнесся къ плану ея вовсе не такъ легкомысленно или небрежно, какъ надо было бы представить себѣ, опираясь только на его «Записки». Изъ имѣющихся теперь на лицо документовъ оказывается, что гораздо раньше его совѣщанія съ Кукольникомъ, Гедеоновымъ и Владиславлевымъ, за цѣлыхъ три года до тѣхъ поръ, самимъ Глинкою былъ составленъ очень обстоятельный и полный планъ будущей его оперы,—такой планъ, который, конечно, не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, но за то свободенъ отъ многаго, за что не разъ нападали на либретто «Руслана». Въ нынѣшнемъ видѣ этой оперы, всякому бросаются въ глаза многіе пробѣлы, пропуски въ содержаніи, дѣлающіе то, что иныя сцены утратили свою связь съ другими, предшествовавшими; всякій чувствуетъ, что чего-то не хватаетъ въ сюжетѣ, точно изъ оперы вырѣзали вонъ нѣкоторыя ея части; въ иныхъ мѣстахъ оказывается, вслѣдствіе того, недостатокъ дѣйствія, и отдѣльные номера оперы явля-

ются чѣмъ-то въ родѣ концертныхъ пьесъ. Но по первоначальному плану, въ составъ оперы должно было войти именно все то, чего ей теперь недостаетъ; здѣсь сохранены всѣ необходимые, главные мотивы и событія, какъ они стоятъ въ поэмѣ Пушкина, и, войди они въ составъ либретто, безъ сомнѣнія, геніальная опера Глинки выиграла-бы очень много со стороны драматическаго движенія. Она была бы теперь безупречна даже и въ отношеніи сценическомъ.

Но этого не случилось. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, быть можетъ по совѣту друзей (которыхъ, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ часто и слишкомъ покорно слушался), а можетъ быть и по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, но Глинка измѣнилъ первоначальный свой планъ и, надо признаться, во многихъ отношеніяхъ, къ невыгодѣ оперы.

Свѣдѣнія о первоначальномъ планѣ оперы «Русланъ и Людмила» заключаются въ небольшой нотной тетради, принадлежавшей Глинкѣ и подаренной имъ одному изъ ближайшихъ пріятелей его, Петру Александровичу Степанову [1]). Тетрадь эту далъ Глинкѣ, въ концѣ 1838 года, Несторъ Кукольникъ, написалъ на первой страницѣ: «М. И. Глинкѣ, благословляя на сотвореніе «Руслана и Людмилы», посылаетъ Н. К.», Глинка приписалъ внизу: «6 ноября». Въ Запискахъ своихъ, описывая зиму 1838 года, Глинка говоритъ: «Кромѣ упомянутыхъ пяти пьесъ (Персидскій хоръ, маршъ Черномора, баллада Финна, каватина Гориславы: Любви роскошная звѣзда, каватина Людмилы: Грустно мнѣ, родитель дорогой) въ то уже время были записаны темы съ соображеніями контрапунктиче-

[1]) Нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи и комендантъ въ Царскомъ Селѣ.

скими въ тетрадку, данную мнѣ для того Н. Кукольникомъ; она теперь находится у П. Степанова». Но Глинка ошибся, сказавъ, что въ этой тетради заключаются только «темы съ соображеніями контрапунктическими»: напротивъ, и темъ и соображеній контрапунктическихъ здѣсь мало, и тѣ и другія являются лишь въ видѣ исключеній, а все дѣло состоитъ въ общемъ планѣ оперы, про который Глинка совершенно и забылъ, когда писалъ свои «Записки» въ 1854—1855 году.

В. С.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

№ 1. Заздравный хоръ. NB (еще не дѣланъ, donc carte blanche). Долженъ состоять изъ двухъ частей:

a) Maestoso, метромъ:

Дѣла давно минувшихъ дней

⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣ —

⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣

но еще лучше наоборотъ:

⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣

⌣ — ⌣ — ⌣ — ⌣ —

b) Vivace, метръ:
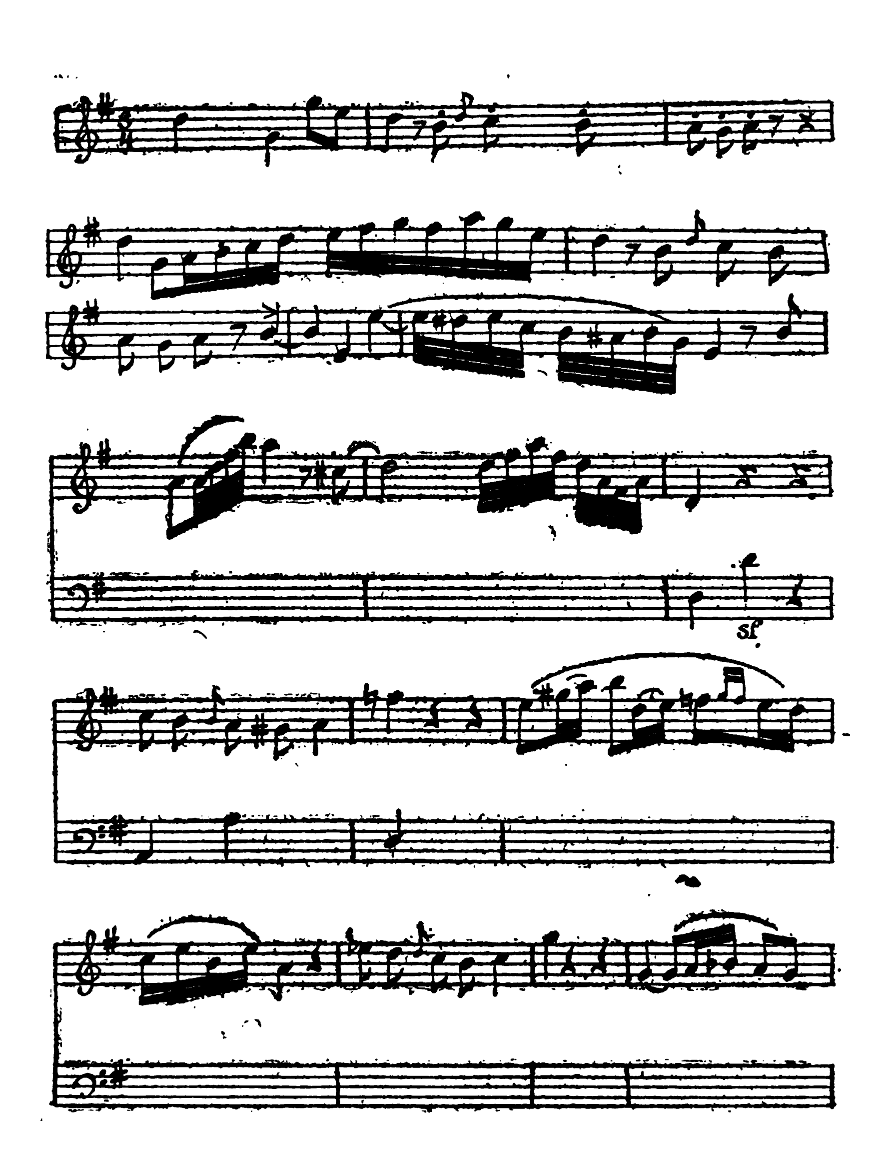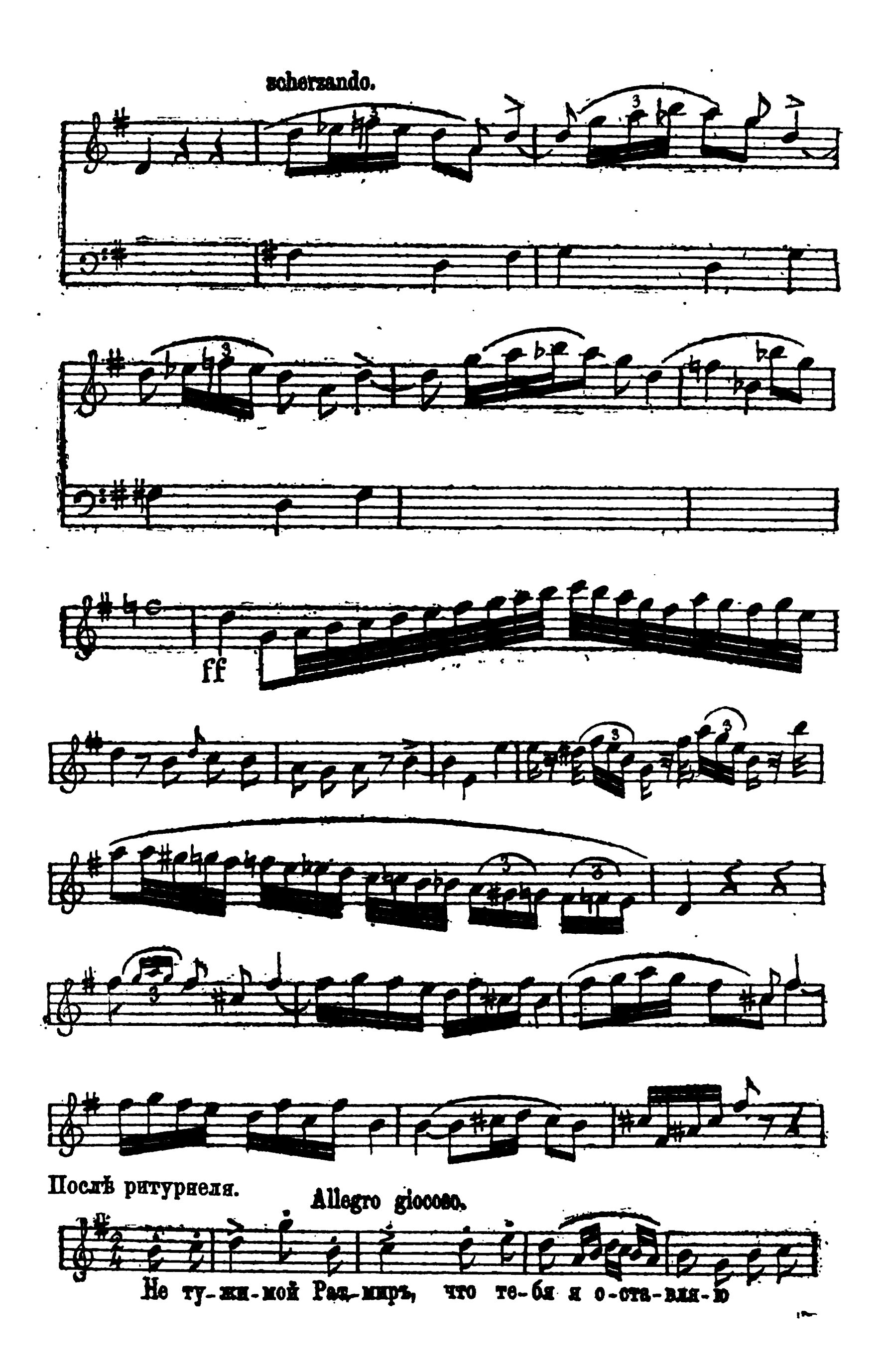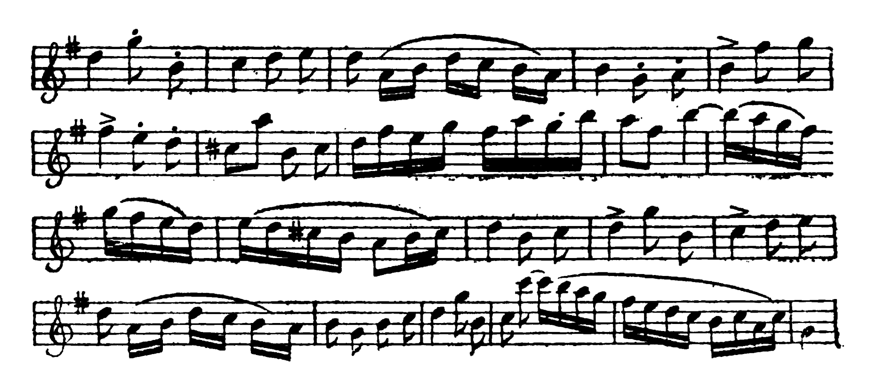
⌣ ⌣ — ⌣ ⌣

⌣ ⌣ — ⌣ ⌣

NB. Когда я означаю метръ, это значитъ, что должно преимущественно держаться означеннаго метра, но для разнообразія необходимо отъ времени до времени мѣшать означенные метры съ другими.

Нѣсколько возгласовъ не помѣшаютъ въ теченіи, а особливо въ началѣ хора.

№ 2. Cavatina Людмилы. Послѣ ритурнеля Andante cappricioso

sf.

scherzando.
ff
Послѣ ритурнеля.
Allegro giocoso.
Не ту-жи-мой Ра-мирѣ, что те-бя я о-ста-вля-ю

Обращеніе къ другому жениху въ другомъ родѣ. Гр. Вельегорскій совѣтуетъ сдѣлать это послѣднее плавнѣе прежняго; потомъ снова первый мотивъ, а тамъ еще разъ второе обращеніе, или pendant къ оному, и потомъ заключеніе аріи.

№ 3. Финалъ (еще вовсе не дѣланъ). Состоять будетъ изъ слѣдующихъ частей:

a) Allegro moderato maestoso. Призваніе боговъ на новобрачныхъ, ихъ отвѣты и a parte двухъ жениховъ.

b) Похищеніе Людмилы. Vivace.

c) Adagio. Оцѣпенѣніе и постепенный выходъ изъ него. Канонъ.

d) Andante или Moderato. Входъ Ивана Царевича [1]), его Cavatina, и

e) Stretta, въ коей пѣніе Ивана Царевича господствуетъ, и фраза Ивана Царевича должна быть повторяема другими и перемѣшана съ хоромъ.

Здѣсь размѣръ весьма краткій, какъ-то:

Ты меня
На Руси и проч.
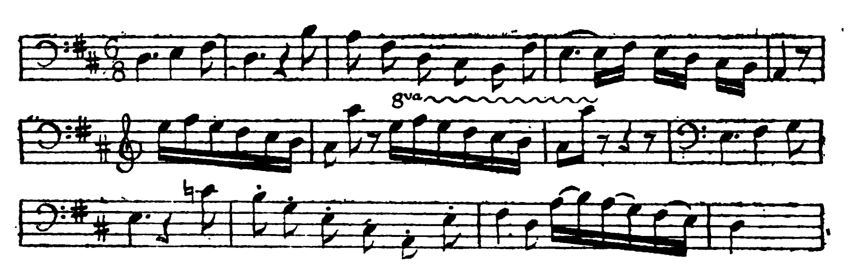
---

[1]) Иванъ Царевичъ — братъ Людмилы, какъ видно изъ дуэта № 14.
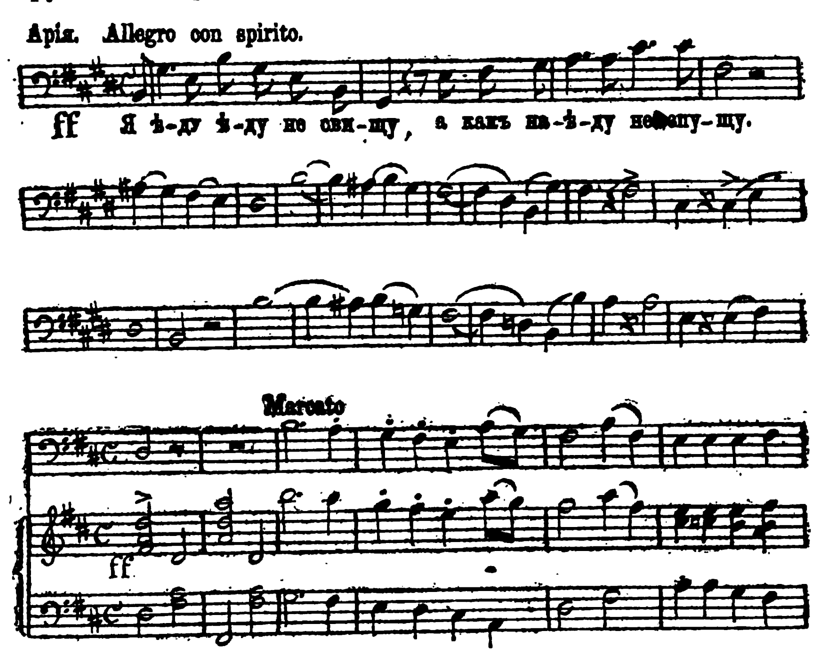
ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

№ 4. Баллада Финна. Слова Пушкина, только придѣлать нѣсколько речитативу и краткій дуэтъ. NB. Ивана Царевича въ семъ актѣ не желаю.

№ 5. Сцена Фарлафа и его арія. Вся Allegro и buffa.

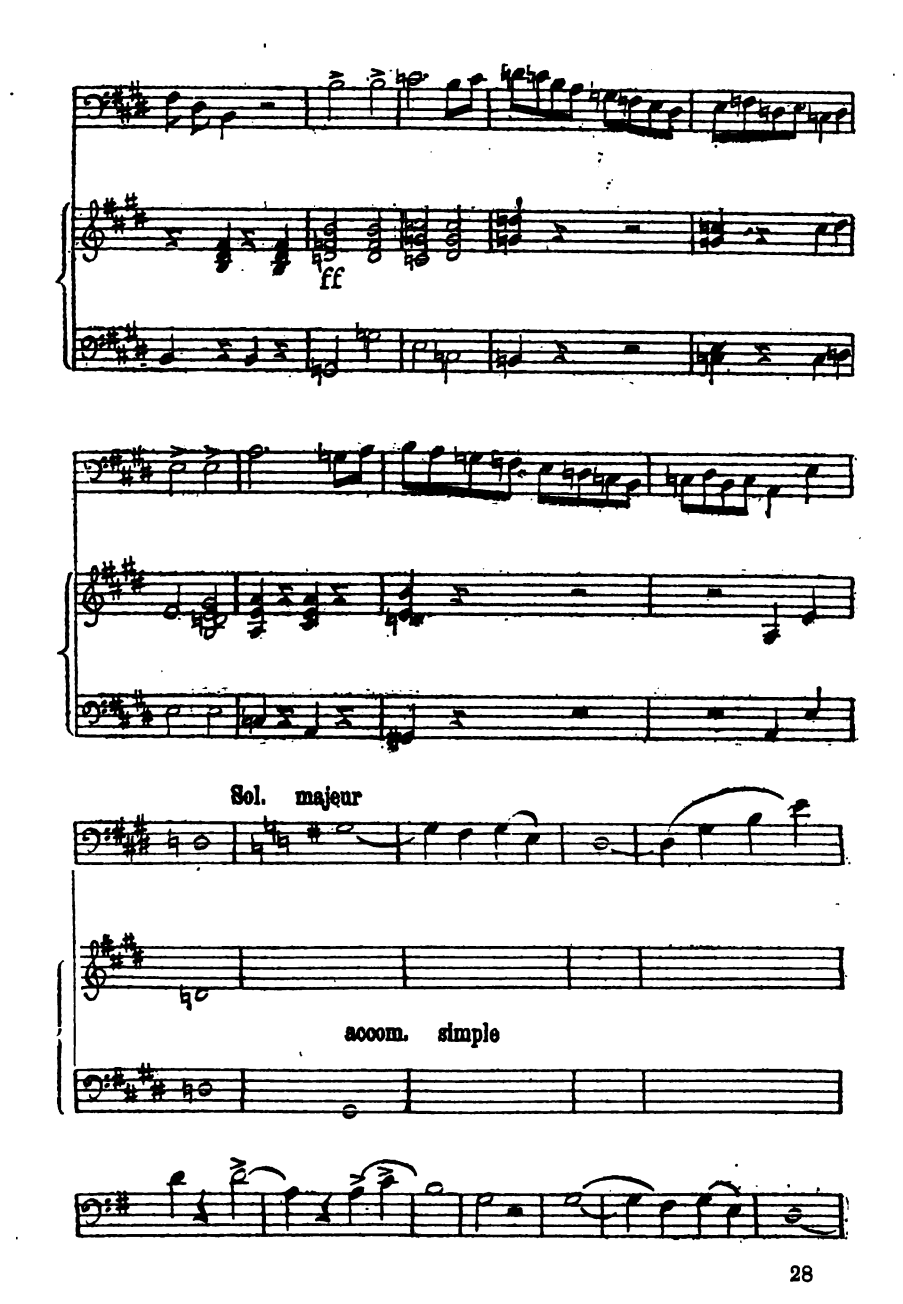

№ 6. Сцена и арія Руслана. Большой речитативъ (chantant), гдѣ Русланъ вооружается; по временамъ обнаруживается ревность. En mi-mineur.
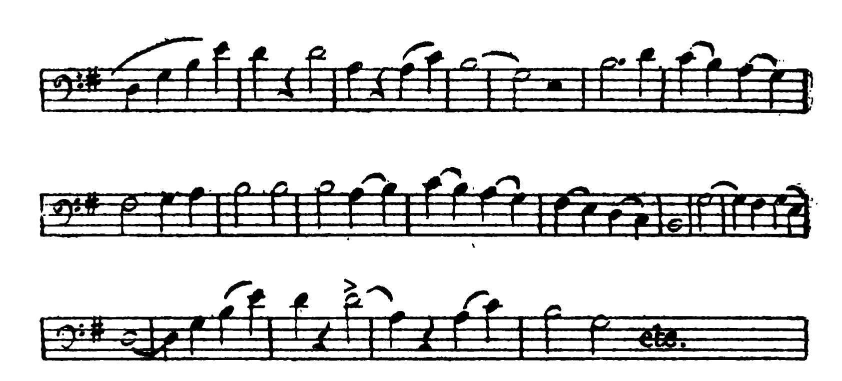

Cadence en sol majeur.

ff Я ѣ-ду ѣ-ду не сви-щу, а какъ на-ѣ-ду не спу-щу.

risoluto assai

ff
Sol. majeur
accom. simple

№ 7. Сцена Руслана съ головою. NB. Нельзя заимствовать слова изъ Пушкина.
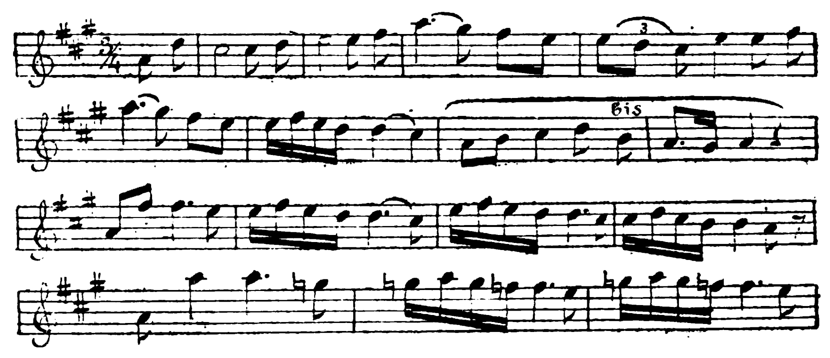

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

№ 8. Персидскій хоръ. (Слова Пушкина). En mi-majeur.
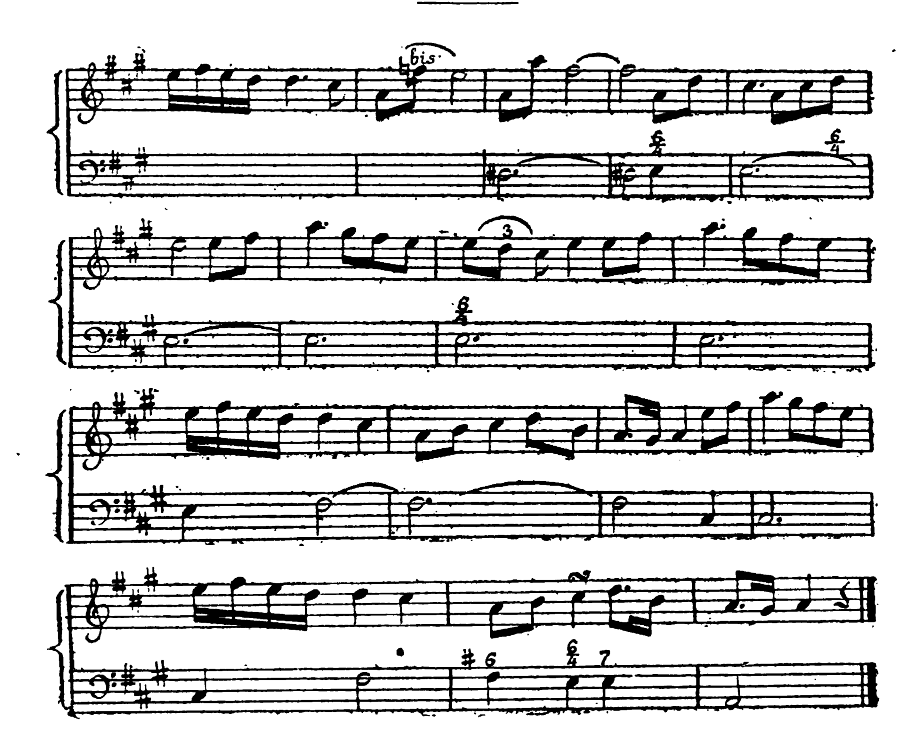
№ 9. a) Cavatina Милолики (дать ей другое имя [1]).

b) Хоръ дѣвъ, игриво-насмѣшливо-фантастическій, въ re-mineur; окончить amoroso въ fa-majeur.

№ 10. Cavatina Ратмира. Andante commodo assai (A-dur) Характеръ лѣниво безпечный.

[1]) Имя «Милолика» замѣнено впослѣдствіи именемъ «Горислава».
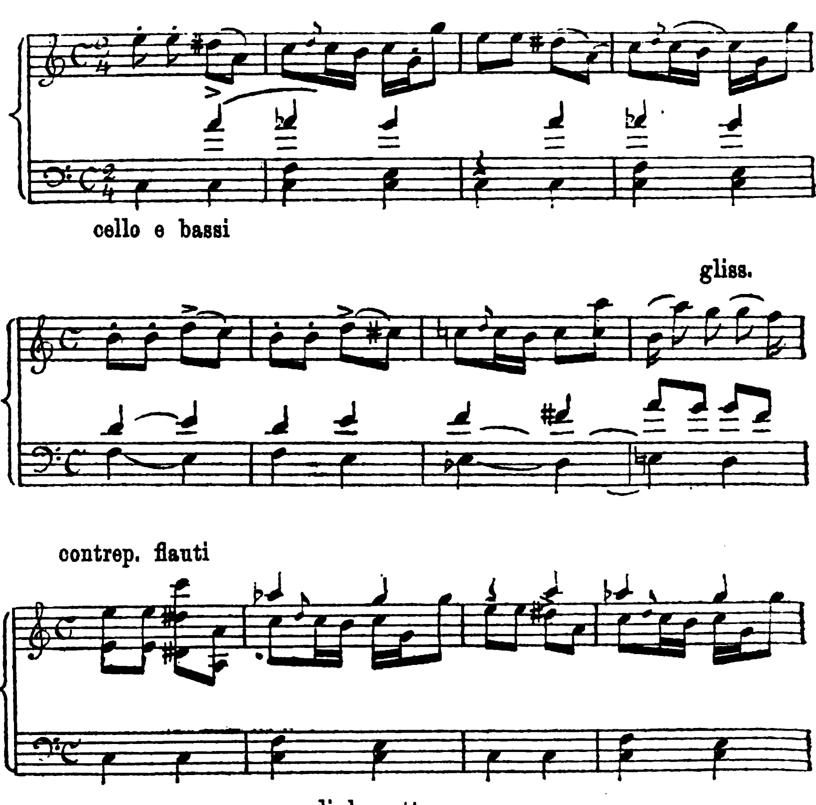

Accomp.: Viole tenuto, Cello arp. Lento. Вслѣдъ за Andante Recitativo, въ коемъ Ратмиръ объясняетъ дѣйствіе на него очарованія замка и, наконецъ, Allegro agitato appassionato должно выразить страстные порывы сладострастія.

№ 11. Танцы: a) Entrée (6/8, E-dur, G-dur); b) Adagio (4/4, C-dur, G-dur); c) Variations (2/4, G-dur, E-moll, C-dur etc.); d) Coda (6/8, G-dur, avec surprise).
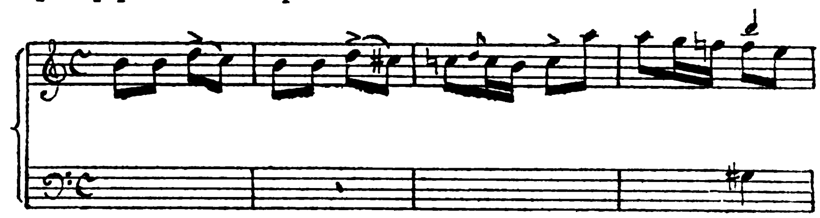
№ 12. Квартетъ. Финалъ (съ хоромъ женщинъ). Содержаніе: Вбѣгаетъ Милолика, бросается къ Ратмиру. Ратмиръ, плѣненный дѣвами, колеблется, она упрекаетъ ему въ двойной измѣнѣ — онъ готовъ уступить ея просьбамъ, но дѣвы пѣніемъ и танцами болѣе и болѣе увлекаютъ его,
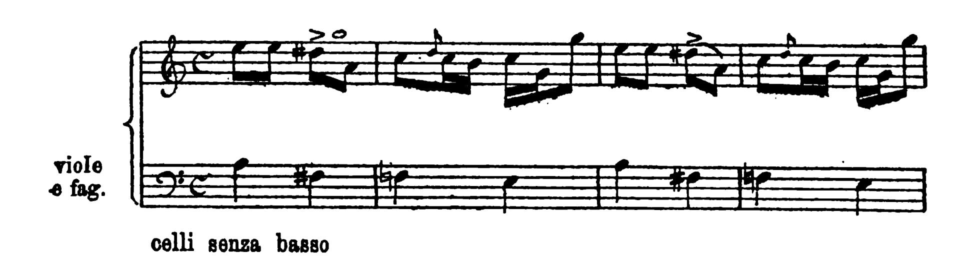
наконецъ доводятъ очарованіе до того, что онъ болѣе не узнаетъ прежней своей любовницы. Милолика въ отчаяніи бросается искать помощи у входящаго Руслана, но онъ, вмѣсто того, чтобы успокоить ее отъ вліянія чаръ гарема, самъ чувствуетъ къ ней невольную склонность и увлекается до того, что наконецъ преслѣдуетъ ее—Милолика въ крайней степени отчаянія.—Является Иванъ Царевичъ—дѣвы остаются неподвижны. — Упреки Руслану—соединеніе Ратмира съ Милоликой.—Для конца дѣвы и замокъ расходятся.

Мотивъ de la séduction. Viol. et flauto. Andante.

puis piqué avec contrep. soutenu
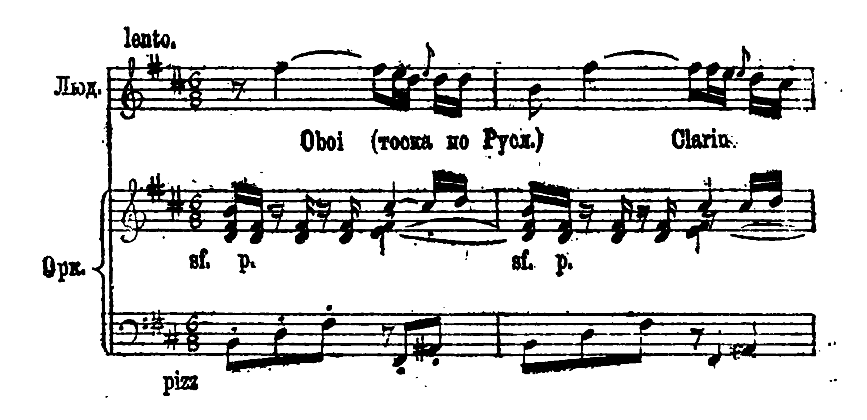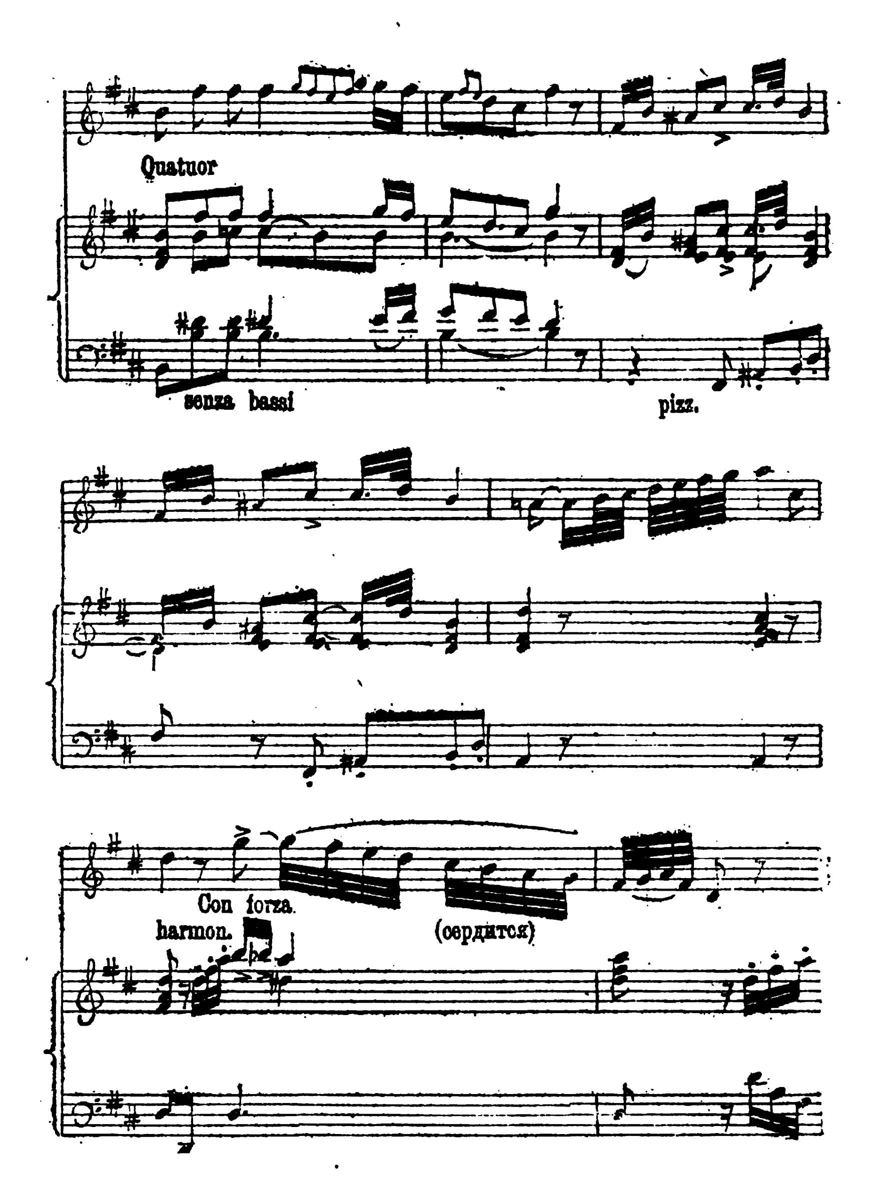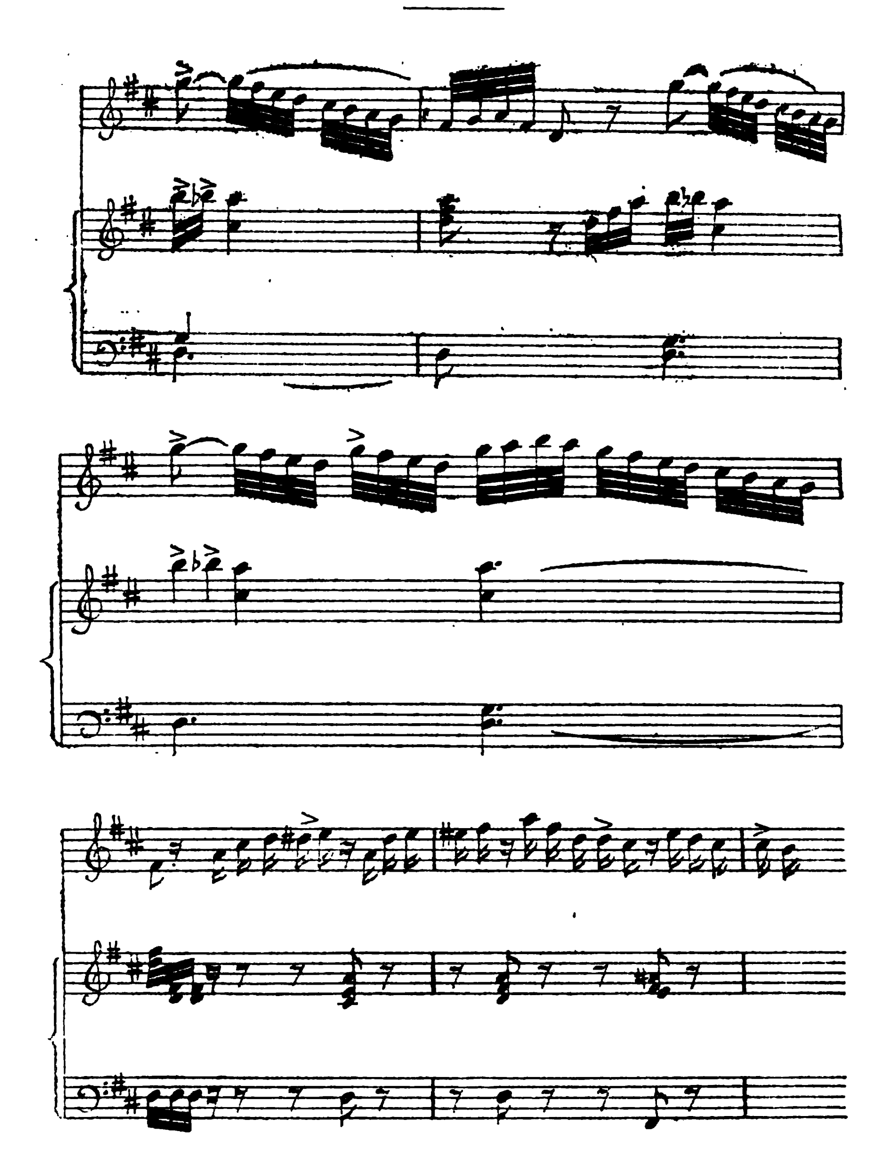

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Внутренность Черноморова зáмка).

№ 13. Сцена Людмилы. Послѣ краткаго, но блестящаго речитатива
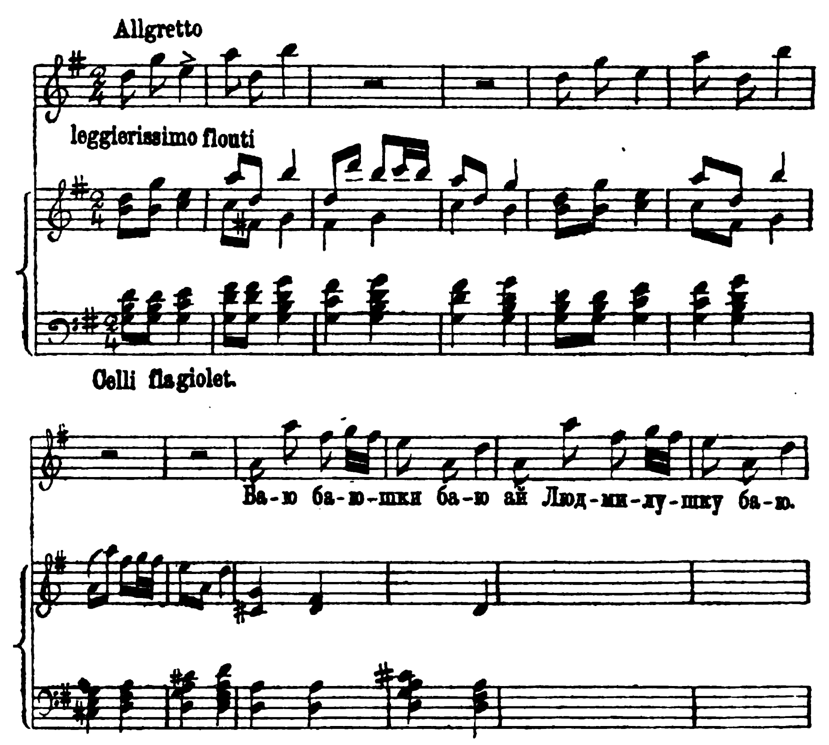

Quatuor
senza bassi
pizz.
Con forza.
harmon.
(сердится)

— и потомъ речитативъ agitato подобный сему движенію. Послѣ речитативъ кончается торжественно: она
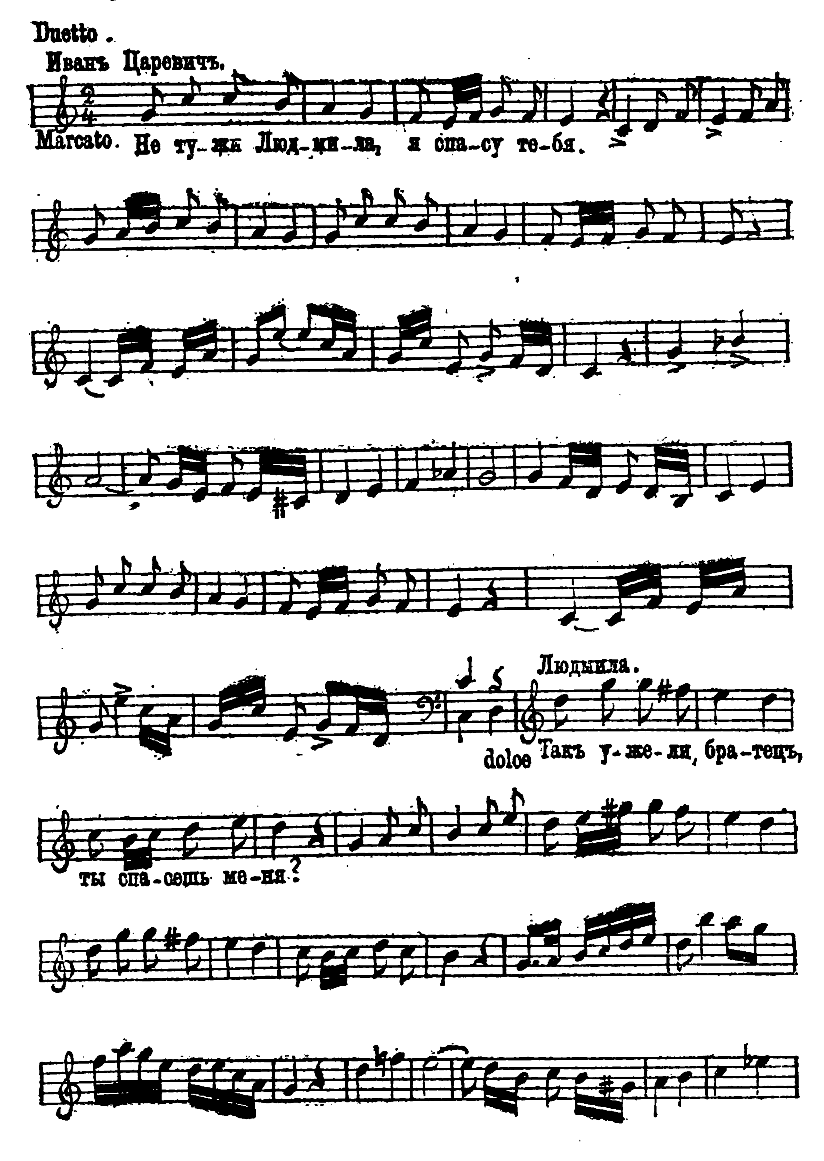
призываетъ имя Руслана, бросаясь въ воду — ее вытаскиваютъ русалки, и сново тоска по Русланѣ, мотивъ въ H-moll. Пѣніе хотя и съ перемѣнами, но подойдетъ подъ тотъ же метръ, потомъ также пассажи въ D-dur, гдѣ она сердится, но речитативъ вмѣсто agitato долженъ быть томителенъ. Голодъ ее мучитъ, и она воображаетъ, что падаетъ въ обморокъ. Потомъ куранты; она готова соблазниться, но рѣшается на послѣднее: повѣситься. Людмила сама себя убаюкиваетъ на качеляхъ.
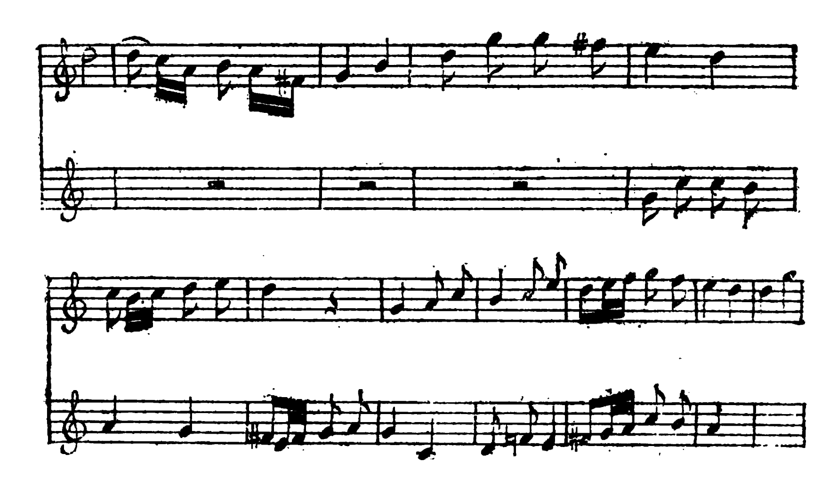

Еще разъ и потомъ засыпаетъ, чѣмъ кончается сцена и слѣдуетъ—

№ 14. Дуэтъ. Приходъ Иванъ Царевича прерываетъ сонъ и сцену — краткій речитативъ, потомъ слѣдующее

Allegro.

Duetto.
Иванъ Царевичъ.
Marcato.
Не ту-жи Люд-ми-ла, я спа-су те-бя.
Людмила.
dolce
Такъ у-же-ли, бра-тецъ,
ты спа-сешь ме-ня?

Adagio фантастическое, описаніе страннаго могущества Черномора. Вдали раздаются звуки Черноморова марша. Финалъ дуэта Vivace agitato.

№ 15. a) Маршъ.

b) Краткій речитативъ между Людмилой и Черноморомъ. Людмила съ негодованіемъ отвергаетъ объясненіе любви Черномора.

c) Татарское пà.

d) Сраженіе (Battaglia).

№ 16. Финалъ. Тріо съ хоромъ между Русланомъ, Ратмиромъ и Милоликой. Сцена ревности Руслана, нашедшаго Людмилу погруженную въ сонъ. Ратмиръ и Милолика тщетно стараются утѣшить его.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

№ 17. a) Романсъ Ратмира. Припѣвъ: Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость.

b) Дуэтъ Наины съ Фарлафомъ (Duettino). Убіеніе Руслана и похищеніе Людмилы.

№ 18. Дуэтъ между Ратмиромъ и Иваномъ Царевичемъ.

a) Agitato.

b) Призваніе Финна (Andante).

c) Allegro. Финнъ воскрешаетъ Руслана.

№ 19. Квинтетъ и выходъ дѣйствующихъ лицъ со сцены.

№ 20. Финалъ оперы. За катафалкомъ, на коемъ лежитъ спящая Людмила, находиться должны два оркестра, духовой и трубачи, а также и хоръ.
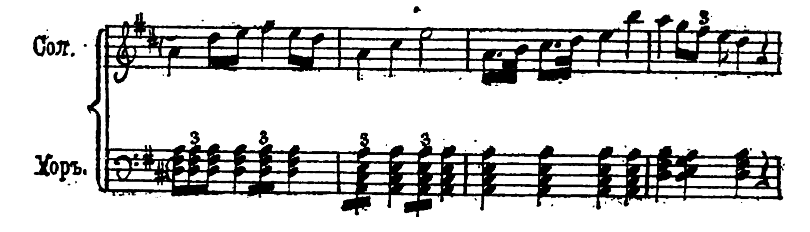
a) Хоръ съ оркестрами въ глубинѣ театра. Содержаніе горестное.

b) Тоска отца по дочери и недоумѣніе Фарлафа.

c) Приходъ витязей и пробужденіе Людмилы.

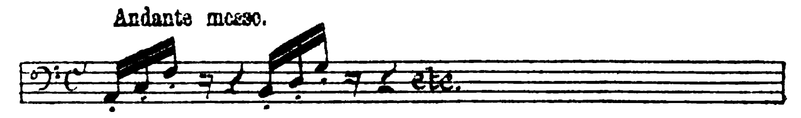
d) Всеобщая радость.
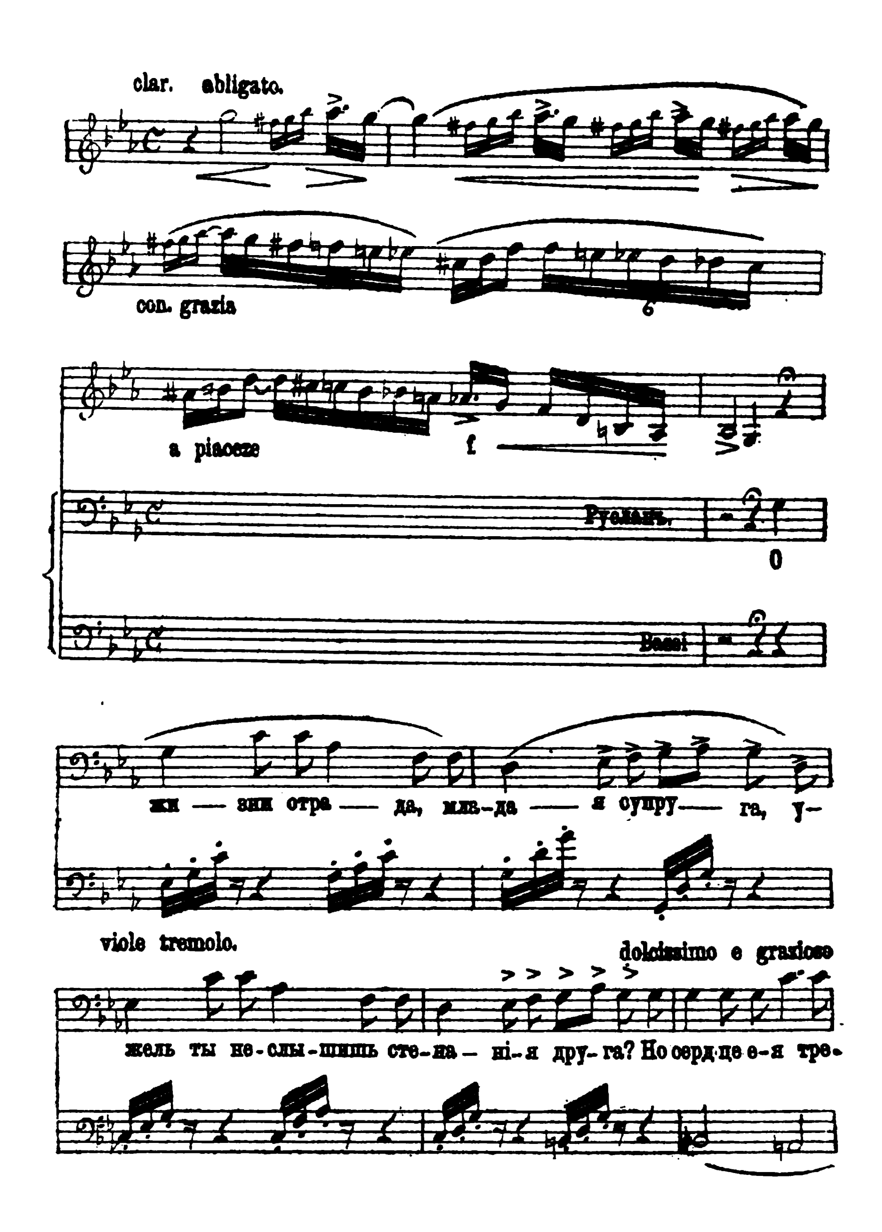
Послѣдній мотивъ.
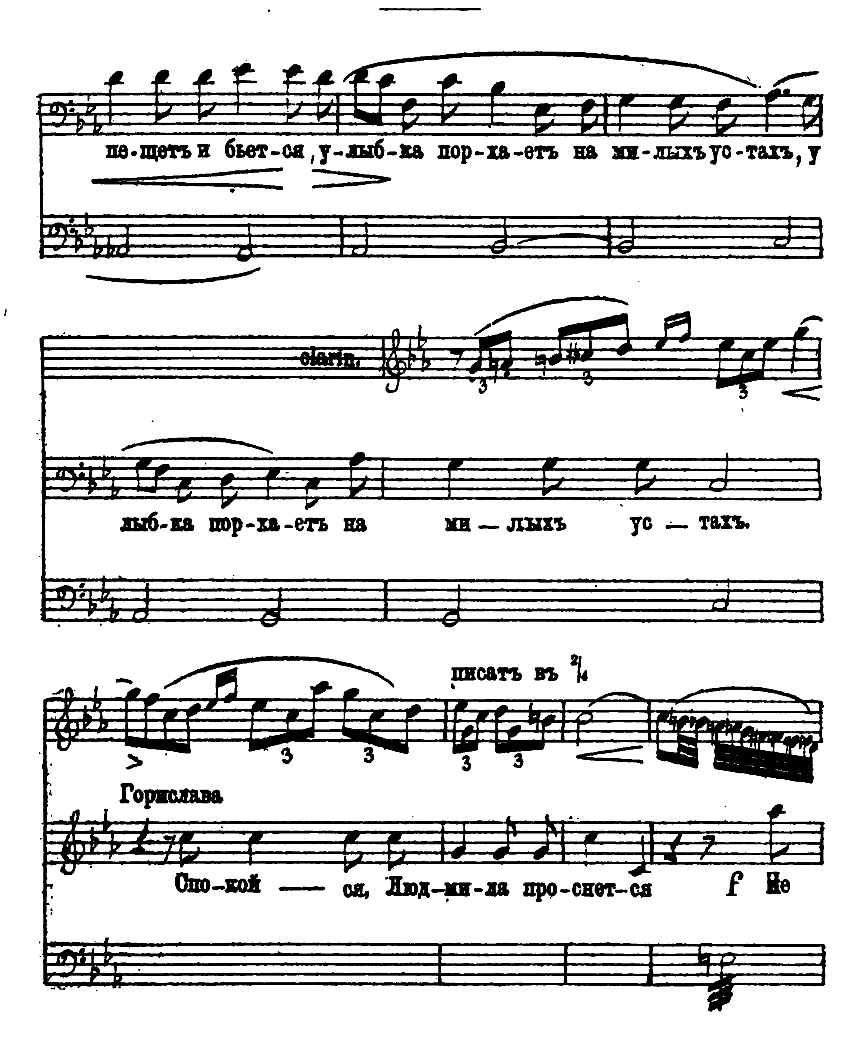

Судя по черниламъ и почерку весь этотъ планъ оперы написанъ въ одно время, за разъ. Но дальше въ той же тетради, пропустя нѣсколько бѣлыхъ листовъ, въ болѣе позднее время написанъ, на двухъ страницахъ, отрывокъ изъ финала 4-го дѣйствія; здѣсь участвуетъ уже «Горислава» (прежняя «Милолика»).

clar. obligato.
con. grazia
6
a piacere
f
Русланъ.
0
Bassi
жи — зни отра — да, мла-да — я супру— га, у-
viole tremolo.
dolcissimo e grazioso
жель ты не-слы-шишь сте-на — ні-я дру-га? Но серд-це е-я тре-

Сличая первоначальный планъ оперы съ нынѣшнимъ ея либреттомъ, мы находимъ слѣдующее:

1) По прежнему плану, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ должно было находиться одное новое, нынѣ несуществующее: Иванъ-Царевичъ, братъ Людмилы, повидимому юноша,

и назначенный собственно для того, чтобъ въ ансамбляхъ былъ на лицо теноръ, такъ какъ Ратмиръ долженъ былъ исполняться контръ-альтомъ, а Финнъ (теноръ) рѣдко имѣлъ возможность являться на сценѣ. Изъ числа же нынѣшнихъ дѣйствующихъ лицъ, Наина и Фарлафъ имѣли гораздо болѣе значительныя роли, чѣмъ теперь, а Черноморъ не былъ нѣмъ, какъ нынче, и участвовалъ въ отдѣльной сценѣ съ Людмилой. Такимъ образомъ, волшебный элементъ получалъ несравненно болѣе важности, смысла и интереса, въ сравненіи съ нынѣшнимъ либретто.

2) Прежде предполагались слѣдующіе нумера, оставленные потомъ Глинкой безъ исполненія:

а) Каватина Ивана Царевича (1-й актъ).

б) Хоръ волшебныхъ дѣвъ послѣ аріи Милолики-Гориславы (3-й актъ).

в) Дуэтъ Ивана Царевича съ Людмилой (4-й актъ).

г) Речитативъ между Людмилой и Черноморомъ (4-й актъ).

д) Дуэтъ Наины съ Фарлафомъ (5-й актъ).

е) Дуэтъ Ратмира съ Иваномъ-Царевичемъ (5-й актъ).

ж) Сцена Финна съ Русланомъ — воскрешеніе этого послѣдняго (5-й актъ).

з) Квинтетъ: Иванъ-Царевичъ, Ратмиръ, Русланъ, Финнъ и Наина.

Сверхъ того, изъ числа существующихъ теперь нумеровъ, Иванъ-Царевичъ участвовалъ въ финалахъ 1-го и 3-го акта: въ первомъ изъ нихъ (въ послѣдней стреттѣ) онъ долженъ былъ занимать то мѣсто, которое теперь занимаетъ Ратмиръ, а въ концѣ финала 3-го акта онъ долженъ былъ исполнять нынѣшнее назначеніе Финна: уничтожить зàмокъ Наины и разрушить дѣйствіе ея чаръ на Ратмира и Руслана. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что лицо Ивана-Царевича было едва-ли не лишнее, и нынѣшнее либретто ничего не потеряло, лишившись его.

3) Самыя существенныя различія нынѣшняго либретто противъ прежняго встрѣчаются въ 3-мъ и 5-мъ актѣ. По прежнему плану тутъ вовсе не было той безсвязности и отрывочности, которыя теперь слишкомъ замѣтны въ этихъ частяхъ оперы; напротивъ, все шло очень послѣдовательно, и дѣйствіе развивалось на основаніи мотивовъ, очевидныхъ, для зрителя. Въ нынѣшнемъ 3-мъ актѣ сначала исполняется «Персидскій хоръ»: «Ложится въ полѣ мракъ»; пропѣвъ его, хористки уходятъ со сцены, безъ всякой причины. Затѣмъ является Горислава и, пропѣвъ свою арію, уходитъ тоже безъ всякой причины. За нею, входитъ Ратмиръ и поетъ свою арію; слѣдуютъ танцы, и потомъ снова является (опять безъ всякой причины) Горислава и съ нею прежній хоръ дѣвъ. По первоначальному плану, все это было совершенно иначе. Сначала шелъ хоръ волшебныхъ дѣвъ Наины — это былъ призывъ, изъ среды очарованнаго зàмка, къ Ратмиру, ѣдущему по дорогѣ, мимо зàмка Наины. При послѣднихъ звукахъ этого хора, вбѣгала Горислава и высказывала влюбленную тоску свою, въ разлукѣ съ Ратмиромъ. Хоръ волшебныхъ дѣвъ, не уходившихъ все это время со сцены, обращался къ ней «съ игривой насмѣшливостью», такъ что Горислава должна была уйти, не будучи въ состояніи вынести ихъ насмѣшекъ. Между тѣмъ являлся Ратмиръ и начиналъ свою сцену тѣмъ, что «объяснялъ дѣйствіе на него очарованія зàмка», а потомъ выражалъ «страстные порывы сладострастія», такъ что послѣ его аріи хоръ волшебныхъ дѣвъ (не являющихся вновь, а все время остававшихся на сценѣ) продолжалъ все болѣе и болѣе увеличивать чародѣйственное вліяніе свое на страстнаго юношу. — Въ концѣ дѣйствія, Ратмиръ снова «соединялся съ Гориславою» (чего въ нынѣшнемъ фина-

лѣ 3-го акта вовсе нѣтъ), и этимъ объяснялся романсъ 5-го акта: «Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость, она мнѣ возвратила вновь мою утраченную младость». Въ 5-мъ актѣ царствуетъ, въ настоящее время, наибольшая темнота и путаница. Что сталось съ Людмилой, послѣ того, какъ Русланъ увезъ ее изъ Черноморова зáмка, какимъ образомъ она исчезла, какъ вдругъ очутилась, вмѣстѣ съ Фарлафомъ, опять въ Кіевѣ, какимъ образомъ волшебный перстень, данный Финномъ Ратмиру для воскрешенія Людмилы, вдругъ оказывается въ рукахъ Руслана, и откуда берется самъ Русланъ снова въ Кіевѣ — все это остается для зрителя совершенно необъяснимымъ, и представляется какою-то удивительнѣйшею путаницею. Въ первоначальномъ планѣ не было ничего, въ этомъ мѣстѣ оперы, темнаго и страннаго. Сначала представлялся станъ Руслана и Ратмира, ѣдущихъ въ Кіевъ съ отбитыми у врага Людмилой и Гориславой; они остановились на ночлегъ, всѣ въ станѣ спятъ, кромѣ одного Ратмира, мечтающаго о возвращенной имъ возлюбленной. Послѣ своего страстнаго романса, Ратмиръ, утомленный, какъ и прочіе его спутники, располагался и самъ на покой; во время его сна являлся тайкомъ Фарлафъ, ведомый злой волшебницей Наиной, убивалъ Руслана и, похитивъ погруженную въ волшебный сонъ Людмилу, быстро исчезалъ вмѣстѣ съ нею со сцены. Въ это время показывался Иванъ-Царевичъ, будилъ Ратмира, разсказывалъ ему о похищеніи и оба призывали Финна, который воскрешалъ Руслана и вручалъ ему волшебный перстень для того, чтобъ пробудить Людмилу. Все это давало новые и богатые мотивы для композитора, и должно было внести много дѣйствія въ первую половину 5-го акта, ныньче, въ сценическомъ отношеніи, совершенно ничтожную. — Во второй половинѣ этого же акта, приходъ Ратмира

съ Гориславой и Русланомъ былъ уже вполнѣ мотивированъ и развязка оперы развита совершенно удовлетворительно.

Въ концѣ сценаріума 5-го акта мы встрѣчаемъ слова, кажущіяся на первый взглядъ непонятными: «Тоска отца по дочери, и недоумѣніе Фарлафа». Что значитъ это «недоумѣніе», къ чему и къ кому оно относится? Мы получаемъ объясненіе этимъ загадочнымъ словамъ, прочитавъ программу финала 5-го дѣйствія», по рукописи, принадлежащей теперь Императорской Публичной Библіотекѣ и относящейся къ одному времени съ настоящимъ первоначальнымъ планомъ оперы[1]). Тутъ написано «Отецъ съ презрѣніемъ упрекаетъ Фарлафа, что тотъ не можетъ разбудить Людмилы. Отвѣтъ Фарлафа или обращеніе къ публикѣ, выражающее недоумѣніе и негодованіе на Наину».... Въ нынѣшней партитурѣ этотъ мотивъ, къ сожалѣнію, также утраченъ.

4) Что касается до самой музыки, то мотивы, въ томъ видѣ, какъ они записаны Глинкой въ ихъ первоначальномъ планѣ, объясняютъ многія его намѣренія. Такъ, наприм., мы узнаемъ, что нисходящія гаммы въ началѣ аріи Людмилы 4-го акта должны были выражать, что она «сердится»; мотивъ нынѣшняго хорика (G-dur), «Мирный сонъ» имѣлъ первоначально значеніе просто колыбельной пѣсни «баю - баюшки - баю», а фигура басовъ послѣ прихода Руслана въ финалѣ 4-го же дѣйствія (см. выше) означала ревность Руслана. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что если въ теченіе времени съ 1838 по 1842 годъ ухудшилась программа оперы, то вмѣстѣ съ тѣмъ, сама музыка ея выиграла безмѣрно много.

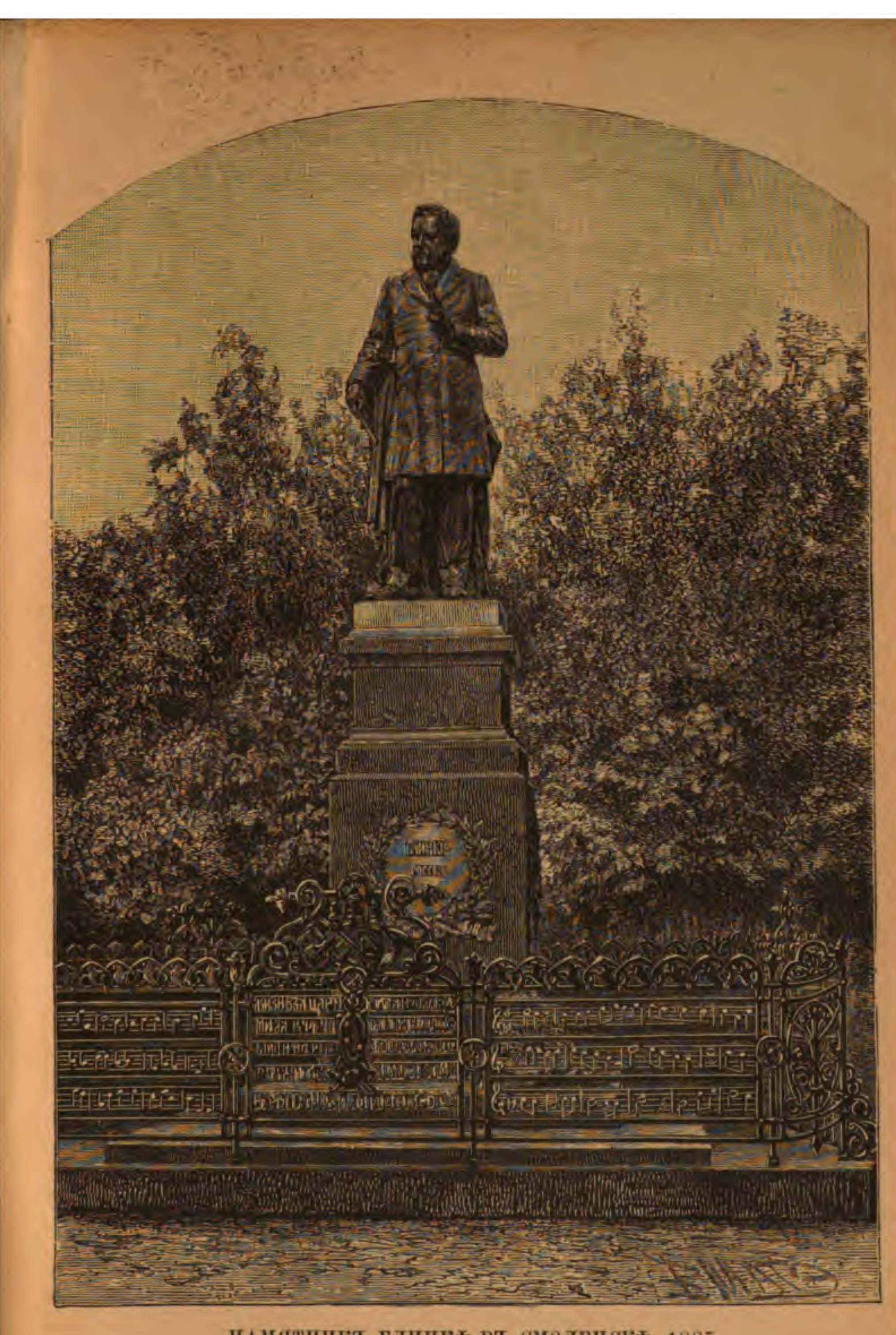
[1]) Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1867-й годъ, стр. 44—45. Тамъ было высказано, однако же, ошибочное предположеніе, что программа 5-го акта назначалась для барона Роля, аранжировавшаго военную музыку. Теперь ясно, что она была назначена для либреттиста.

Именно этотъ періодъ времени долженъ почитаться эпохой высшаго и стремительнѣйшаго развитія музыкальнаго генія Глинки. Судя по первоначальному плану, въ то время, когда Глинка начиналъ сочинять свою оперу, въ 1837 и 1838 году, многіе изъ первобытныхъ его мотивовъ были слабы и незначительны, иногда даже просто плохи (наприм. мотивы для сцены Фарлафа во 2-мъ актѣ, мотивъ дуэта Ивана-Царевича съ Людмилой въ 4-мъ актѣ, послужившій впослѣдствіи для довольно слабаго дуэта Ратмира съ Финномъ, мотивъ для заключительнаго хора оперы, allegro первой аріи Людмилы, allegro аріи Руслана). Почти все самое значительное, все самое великое изъ того, чтò существуетъ нынче въ оперѣ (интродукція и финалъ 1-го акта, сцена Фарлафа, первыя двѣ части аріи Руслана, волшебные хоры и хоръ «Погибнетъ» 4-го акта, финалъ 5-го акта), все это не только сочинено, но и задумано лишь въ 1840 и 1841 годахъ. Исключеніе составляютъ: персидскій хоръ, баллада Финна и маршъ Черномора, сочиненные уже въ 1838 году.

5) Наконецъ, на вопросъ: не есть-ли весь этотъ первоначальный планъ «Руслана и Людмилы» тотъ самый планъ, который, «въ четверть часа написалъ Бахтуринъ» въ 1838 году,—кажется можно отвѣчать теперь съ полной вѣроятностью, что это по коренному основанію дѣйствительно тотъ самый планъ, но уже вполнѣ пройденный и обдуманный Глинкой, и въ этомъ убѣждаютъ многочисленныя художественныя подробности, могущія принадлежать одному лишь композитору.

Въ заключеніе замѣтимъ, что уже начиная писать оперу, Глинка опредѣлилъ, въ какомъ тонѣ должна быть сочинена каждая пьеса, и отъ этого уже не отступалъ, до самого окончанія оперы. Кажется единственное исключеніе составляетъ арія Ратмира, перенесенная изъ тона *A* въъ тонъ *B*.

В. С.

ПАМЯТНИКЪ ГЛИНКѢ ВЪ СМОЛЕНСКѢ. 1885.

Съ фотографіи гравировалъ В. В. Маттэ.

III.

Памятникъ Глинкѣ.

Въ 1885 году, 20 мая, въ день рожденія Глинки, былъ открытъ его памятникъ въ Смоленскѣ. Онъ сооруженъ на приношенія всей Россіи. Онъ сочиненъ профессоромъ фонъ-Бокомъ, и порученъ его исполненію потому, что академія художествъ одобрила этотъ проектъ преимущественно передъ всѣми остальными. Глинка представленъ во весь ростъ, съ камертономъ въ рукѣ, онъ какъ будто къ чему-то прислушивается. Подъ ногами его надпись:

«ГЛИНКѢ
РОССІЯ».

Въ осуществленіи этого памятника Л. И. Шестакова, сестра Глинки, принимала самое энергическое участіе, вмѣстѣ съ глубоко-симпатизировавшимъ Глинкѣ смоленскимъ предводителемъ дворянства, княземъ Г. В. Оболенскимъ (скончавшимся 27-го сентября 1886 г.).

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, ко дню празднованія 50-лѣтія со времени появленія на театрѣ «Жизни за Царя», 27 ноября, вознеслась вокругъ памятника Глинки и та великолѣпная, оригинальная рѣшотка, которая изображена на прилагаемомъ рисункѣ. Вмѣстѣ съ княземъ Г. В. Оболенскимъ, Л. И. Шестакова принимала самое
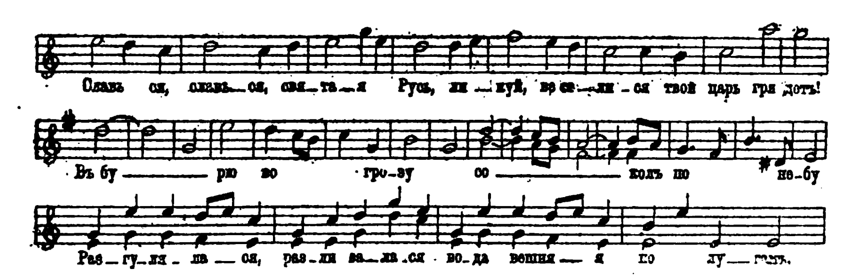
живое и дѣятельное участіе въ сооруженіи этой рѣшотки и пожертвовала на нее значительную сумму.

«Рѣшотка къ памятнику Глинки, говоритъ В. В. Стасовъ [1]), совершенно необычайная и, смѣло скажу, совершенно безпримѣрная. Подобной рѣшотки нигдѣ до сихъ поръ не бывало въ Европѣ. Она вся составлена изъ нотъ, точно изъ золотаго музыкальнаго кружева. По счастью, къ осуществленію ея не встрѣтилось никакого сопротивленія. Тридцать лѣтъ назадъ, когда по моему предложенію сочиненъ былъ и выполненъ надгробный памятникъ Глинкѣ на Александро-Невскомъ кладбищѣ, ризничій лавры, архимандритъ Серапіонъ (нынѣ уже давно умершій), остановилъ постановку привезеннаго нами на кладбище памятника, и не хотѣлъ допускать его туда. «Какъ можно, на мѣстѣ священномъ, на кладбищѣ, да еще въ монастырѣ, ставить такой памятникъ, гдѣ написана музыка, да еще свѣтская, театральная», — говорилъ онъ. Тщетно возражалъ я, что эта музыка — хоръ при вѣнчаніи царя русскаго на царство, и что здѣсь слова: «Славься, славься, святая Русь». Архимандритъ не хотѣлъ ничего слушать. Понадобилось разрѣшеніе самого митрополита. Нынче не пришлось испытать никакого подобнаго затрудненія. Затрудненіе было лишь со стороны технической. Слишкомъ трудно ковать ноты изъ желѣза, выполнить это прочно и изящно. Но превосходный художникъ по части художественнаго слесарнаго искусства, К. Винклеръ, съ примѣрнымъ мастерствомъ выполнилъ эту трудную и небывалую задачу. Проектъ рѣшотки составленъ былъ однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и оригинальныхъ нашихъ архитекторовъ, академикомъ И. С. Богомоловымъ. На четы-

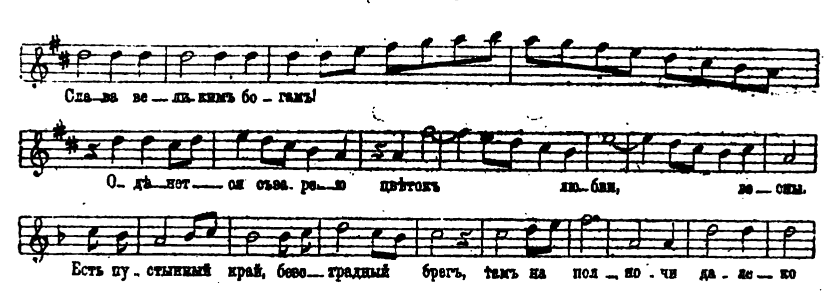
[1]) Въ статьѣ, напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1886, ноябрь.

рехъ сторонахъ рѣшотки помѣщены слѣдующія музыкальныя темы изъ созданій Глинки:

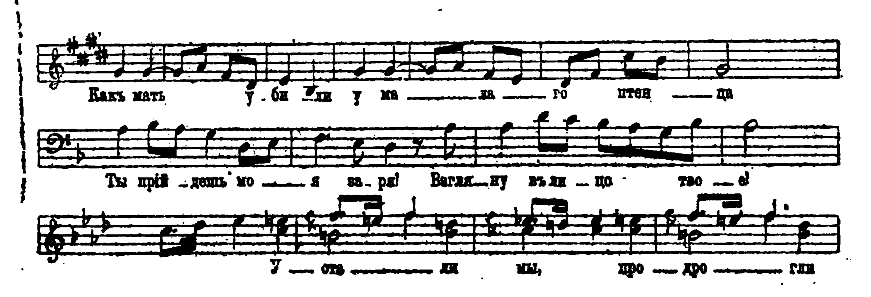
Передняя сторона: налѣво — три темы изъ «Жизни за Царя»

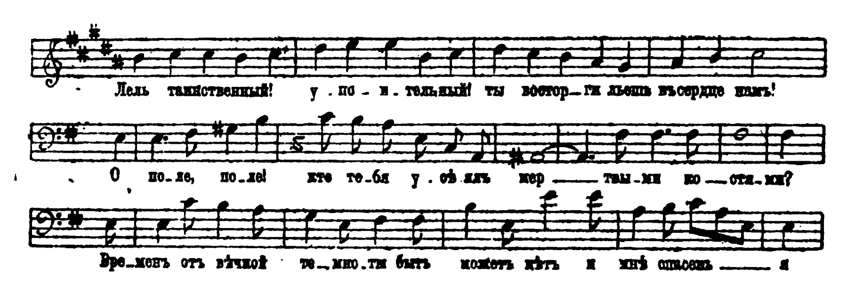

Направо — три темы изъ «Руслана»:

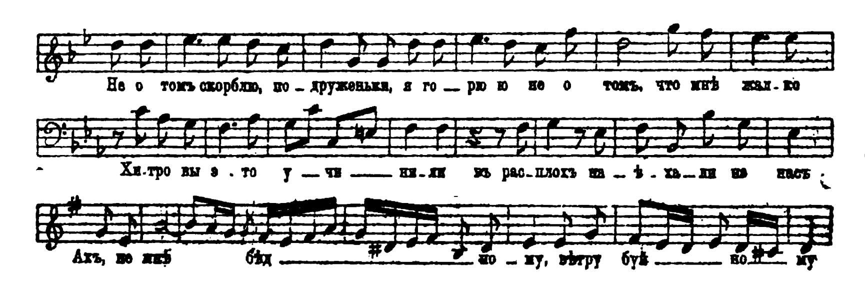

Правая боковая сторона: налѣво — три темы изъ «Жизни за Царя»:

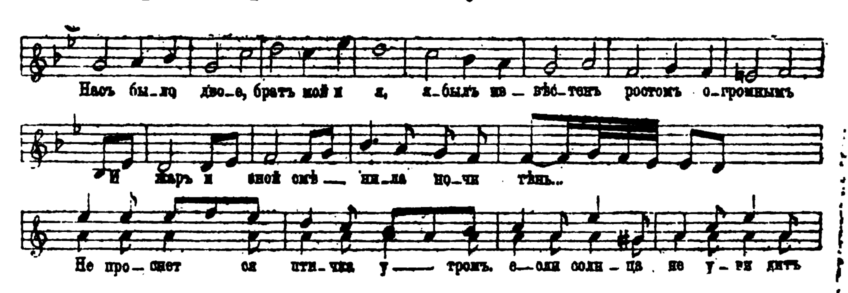
Направо — три темы изъ «Руслана»:

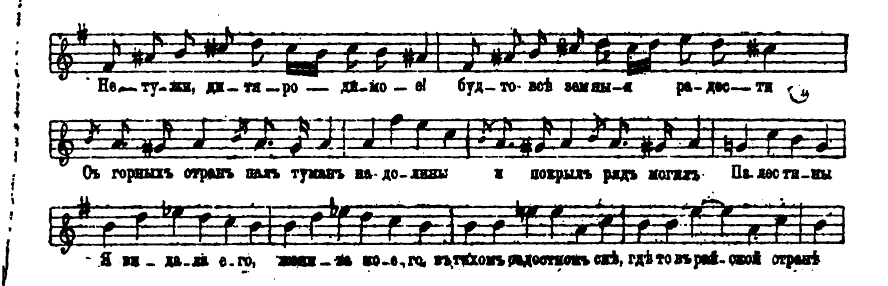

Задняя сторона: налѣво — три темы изъ «Жизни за Царя»:
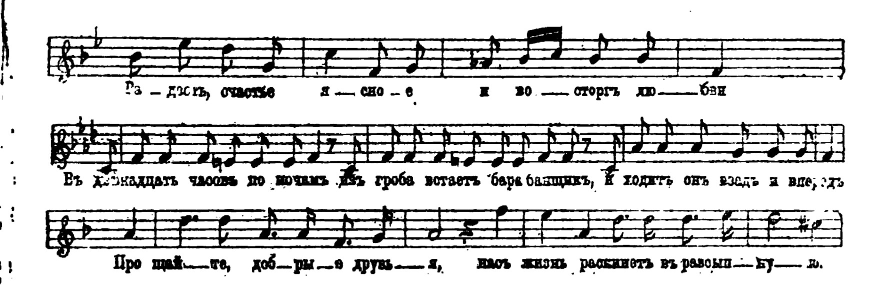

Направо — три темы изъ «Руслана»:

Лѣвая боковая сторона: налѣво — одна тема изъ «Руслана и Людмилы» и двѣ темы изъ «Князя Холмскаго»:

Направо—одна тема изъ «Руслана», тема изъ романса «Ночной смотръ» и тема изъ «Прощальной пѣсни»:

Сверхъ того, между музыкой помѣщены надписи славянскою вязью. На передней сторонѣ написаны названія главнѣйшихъ созданій Глинки: «Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила», «Князь Холмскій», «Камаринская», «Аррагонская хота», «Ночь въ Мадридѣ», романсы, церковные хоры. На задней сторонѣ имя:

«ГЛИНКА»

въ большомъ кругу. На лѣвой боковой сторонѣ: «Императоръ Александръ II повелѣлъ поставить памятникъ Глинкѣ по мысли смоленскихъ дворянъ А. А. Гернгросса,

Н. Е. Криштофовича, И. Н. Тулубьева, А. П. Энгельгардта». На правой боковой сторонѣ: «Въ царствованіе императора Александра III воздвигнутъ памятникъ Глинкѣ на приношенія Россіи. Открытъ 20 мая 1885 при губернскомъ предводителѣ дворянства кн. Г. В. Оболенскомъ».

тъ $\frac{6}{18}$ апрѣля 1845 г., находящагося

. . . .

своимъ сочиненіямъ:
ственныхъ наградъ
— и я не помню
ій моихъ послѣднихъ
ія изученію музыки.
ся въ чрезвычайно
обогатить свой
озволитъ (многимъ
въ именемъ Fantasia
музыки ученикамъ.
и Симфоніи увлеч-
ченный своими пу-
онно такъ подыва-
ихъ ухо искусство
соединила требованія
бовавшимъ удовлетворить
писать тѣмъ рано

Я щиро признаюся за
друга — онъ [illegible]
[illegible]
[illegible] — оригинальною
[illegible] по мелодіям [illegible]
весьма приятно
данной фантазіи
моей. Увижу вас
[illegible]
[illegible].

. . . .

Вашъ будущій [illegible],
[illegible] М. Глинка

Отрывокъ изъ предсмертнаго письма М. И. Глинки къ сестрѣ его, изъ Берлина, отъ $\frac{9}{21}$ января 1857 г. Оригиналъ находится у Л. И. Шестаковой.

$\frac{21}{9}$ Января исполнили въ Королевскомъ дворцѣ извѣстное Трiо изъ Жизни за царя: Ахъ не мнѣ бѣдному сиротинушкѣ Ивана партiю Петровой по стра- Вѣдомости похвалили здѣшнiя

IV. Приложенія.

РИСУНКИ И НОТЫ

Очеркъ книгопечатн. дѣла въ Россіи. Ц. 2 р. 50 к.

ГОРБУНОВЪ, И. Ѳ. Сцены и разсказы. Шестое, значительно дополненное изданіе. Ц. 1 р. 75 к. Все изданіе распродано. Есть еще небольшое количество экз. особыхъ, напечатанныхъ въ числѣ 100, для любителей, на слоновой бумагѣ, каждый за нумеромъ (арабскими цифрами). Ц. такому экземпляру 5 р.

ГОМЕРЪ. Иліада. Переводъ Н. И. Гнѣдича. Ц. 75 к.

HOMERI ILIAS. Pars I. C. I—XII Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars. II. C. XIII-XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

HOMERI ODYSSEA. Pars I. C. I-XII. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

— Pars II. C. XIII—XXIV. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Съ предисловіемъ «Горе отъ ума и его критики» А. С. Суворина, съ послѣсловіемъ и варіантами. Роскошн. изданіе на слоновой бумагѣ. Напечатано всего 400 экз. Всѣ экз. нумерованы. Повторенія этого изданія не будетъ. Ц. 4 р., въ роскошн. пер. съ зол. обрѣзомъ 6 р. 50 к.

ГРЕЧЪ, Н. И. Записки о моей жизни. Съ портретомъ. Ц. 3 р. 50 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. В. Акробаты благотворит. Повѣсть. Ц. 1 р.

— Гуттаперчев. мальчикъ. — Карьеристъ. — Алексѣй Чемезовъ. Ц. 1 р.

ГРУНДВИГЪ, Свендъ. Датскія народныя сказки. Ц. 1 р.

ГЮГО, ВИКТОРЪ. Отверженные. (Les Misérables). Ц. 3 р. 50 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. На Индію при Петрѣ I.— Потемкинъ на Дунаѣ. Историч. романы. Ц. 1 р. 50 к.

— Княжна Тараканова. Историч. романъ.—Уманская рѣзня (Послѣдн. Запорожцы). Историч. повѣсть. Ц. 1 р. 50 к.

— Мировичъ (1762 — 1764 г). Историческій романъ. Ц. 2 р.

— Сожженная Москва. Историческій романъ. Ц. 1 р. 50. к.

ДЕЗ-ЕШЕРОЛЬ. Судьба одной дворянск. семьи во время Террора. Записки. Ц. 2 р.

ДОДЭ, АЛЬФОНСЪ. Королева Фредерика. (Les rois en exil). Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Жены артистовъ. Очерки нравовъ. Ц. 40 к.

ДРАМАТИЧЕСК. СЛОВАРЬ. Напечат. всего 200 экз. Точное воспроизведеніе изданія 1787 г., составляющаго въ настоящее время библіографич. рѣдкость. Ц. 2 р.; на велен. бумагѣ 5 р.

ДРУЖИНИНЪ А. Полинька Саксъ. Повѣсть. Ц. 50 к.

ЕСИПОВЪ, Г. В. Люди стараго вѣка. Разсказы изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцел. Ц. 1 р. 50 к.

— Тяжелая память прошлаго. Разсказы изъ дѣлъ тайной канцеляріи и другихъ архивовъ. Ц. 1 р. 50 к.

ЖЕНЕНЪ. Маленькій герой. Переводъ Е. Н. Ахматовой. Съ рисунк. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

ЖИТЕЛЬ. На отдыхѣ. Деревенскія письма. Ц. 1 р. 50 к.

— Сусальныя звѣзды.— Книга раздора. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, М. А. Русск. Якобинецъ. Романъ изъ франц. революціи. Ц. 1 р.

ЗАХАРЬИНЪ, И. Н. (Якунинъ). Тѣни прошлаго. Разсказы о былыхъ дѣлахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Текстъ А. Г. Брикнера, профессора Дерптскаго университета. Гравюры на деревѣ Паннемакера и Маттэ въ Парижѣ, Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ, Клосса и Хельма въ Штутгартѣ, Зубчанинова, Рашевскаго, Шлипера и Винклера въ Петербургѣ. Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника Панова. Ц. 15 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Издана по тому же плану, какъ изданная уже «Ил. Исторія Петра Вел.» и заключаетъ въ себѣ до 300 портретовъ, типовъ, бытовыхъ сценъ и проч., воспроизведенныхъ преимущественно съ рѣдкихъ подлинниковъ Екатерининскаго времени. Текстъ А. Г. Брикнера, профес. Дерптскаго универс. 3 тома. Ц. 18 р.

ИСТОРИЧЕСКАЯ портретная галлерея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фототипіи съ лучшихъ образцовъ. Изданіе выходитъ выпусками, по 8 портретовъ въ каждомъ. Цѣна каждому вып. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ разсказы и анекдоты изъ жизни русскихъ государей и замѣчательныхъ людей XVIII и XIX столѣтій. Ц. 1 р. 50 к.

КАРАЗИНЪ, Н. Н. Въ пороховомъ дыму. Романъ въ трехъ частяхъ. Ц. 2 р.

КАРНОВИЧЪ, Е. П. Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Съ 13 гравюрами. Ц. 3 р.

—Историческіе разсказы и бытовые очерки. Съ 50 гравюрами и портретами. Ц. 3 р. 50 к.

—Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. 2-е исправлен. и допол. изданіе. Ц. 2 р.

— Родовыя прозванія и титулы въ Россіи и сліяніе иноземцевъ съ русскими. Ц. 1 р.

КАРТИНЫ ЖИЗНИ. Сборникъ очерковъ и разсказовъ: Г. Андерсена, А. Додэ, Э. Золя, Гюи де-Мопассана, Ж. Ришпена и Захеръ-Мазоха. Переводъ А. Н. Чудинова. Ц. 75 к.

КИНГСТОНЪ, У. Г. Д. Молодой раджа. Разсказы изъ жизни и приключеній въ Индіи. Съ 44 рисунками. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

КОСТОМАРОВЪ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

— Кудеяръ. Историческая хроника. Ц. 2 р.

КРАУЗЕ, Вл. Гомеровскій словарь (къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Съ 130 рисунками въ текстѣ и картою Трои. Ц. 1 р. 50 коп.

КРЕНКЕ, В. Азбука для народныхъ школъ. Ц. 7 к.

КРЕСТОВСКІЙ, ВСЕВОЛОДЪ. Дѣды. Историческая повѣсть изъ временъ императора Павла I. Ц. 2 р.

— Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго. Съ 3-мя портретами. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕСТОВСКІЙ, В. (Псевдонимъ). Первая борьба. (Изъ записокъ). Ц. 1 р.

— Баритонъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ ожиданіи лучшаго. Ром. Ц. 2 р.

— Встрѣча. Ром. Ц. 1 р.

— Повѣсти: Томъ I. Старыя дѣвы. — Стоячая вода. — Пансіонерка. — Братецъ. Ц. 2 р.

— Повѣсти: Томъ II. Матери. — Домашнее дѣло.—Два памятные дня. — Свиданіе. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ III. Семья. — Искушеніе. — Учительница. Ц. 1 р. 50 к.

— Повѣсти: Томъ IV. Идеалы и фразы.—Деревенская исторія. — Дневникъ сельскаго учителя. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга первая: За стѣною. — Вѣра. — На вечерѣ. — Недописанная тетрадь.—Старый портретъ, новый оригиналъ. — Старое горе. Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и отрывки. Книга вторая: Нѣсколько лѣтнихъ дней. — Въ дорогѣ. — Разговоръ. — Доброе дѣло. Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь. Сцены: I. Утренній визитъ. — II. У жениха и невѣсты.—III. Для дѣтскаго театра. Ц. 1 р. 50 к.

— Большая Медвѣдица. Романъ въ 5 частяхъ. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное авторомъ. Ц. 3 р.

— Испытаніе. Романъ въ 2-хъ част. Ц. 1 р. 50 к.

— Провинція въ старые годы. I. Свободное время. Романъ. Ц. 1 р.

— Провинція въ старые годы. II. Кто-жъ остался доволенъ? Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— Провинція въ старые годы. III. Послѣднее дѣйствіе комедіи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

— На память 1850—1884. (Анна Михайловна.—Послѣ потопа.—Здоровые. — Прощаніе). Ц. 1 р. 50 к.

КРОТКОВЪ. В. Пыркинъ и Чепуринъ.—Послѣдняя жертва катастрофы.—Во время войны—дома. Ц. 1 р.

— Частный повѣренный.—Гладкія взятки.— Первобытное состояніе. Ц. 1 р.

КЛЮЧЪ къ русскимъ упражненіямъ учебника французскаго языка Д. Марго. Изд. 5-е, исправлен. Ц. 35 к.

КУЩЕВСКІЙ, И. А. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.

ЛАУБЕ, Графиня Шатобріанъ. Истор. романъ. Ц. 2 р.

ЛЕВБОКЪ, Д. Ж. Муравьи, пчелы и осы. Наблюденіе надъ нравами общежительныхъ перепончатокрылыхъ. Переводъ съ 5-го англійскаго изданія Д. В. Аверкіева. Съ приложеніемъ статьи переводчика: «Муравьиные слѣды». Съ рисунка-

ми въ текстѣ и 5-ю хромо-лит. табл. Ц. 3 р.

ЛЕЙБСНЕРЪ, ОТТО. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности въ теченіе послѣдняго столѣтія. Со множ. портретовъ государей, полководцевъ, госуд. людей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, путешественниковъ, изобрѣтателей, рисунковъ, снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ, автографовъ и проч. Пер. съ нѣм. in-8. Два большихъ тома, 152 стр. текста и 104 стр. указателей. Ц. за 2 т. 18 р.

ЛЕРМОНТОВЪ, М. Ю. Юношескія драмы. Изд. подъ ред. Н. Ефремова. Ц. 1 р. 50 к.

ЛѢСКОВЪ Н. Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ. (Цеховая легенда). Ц. 40 к.

— Три праведника и одинъ Шерамуръ. Изд. 2-е Ц. 1 р.

ЛЮБКЕ. Иллюстрированная исторія искусствъ. Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка. (Для школъ, самообученія и справокъ). Съ 134 рисунк. Ц. 2 р. 50 к.

МАГАФФИ. Древне-греческая жизнь. Переводъ съ англійск. Съ примѣч. М. Ц. 60 к.

МАСАЛЬСКІЙ, КОНС. Стрѣльцы. Истор. ром. Ц. 1 р. 50 к.

МАРКЕВИЧЪ, В. М. Переломъ. Правдивая исторія. Ц. 6 р.

МАРКОВЪ, В. В. Илья Муромецъ. Поэма. Ц. 60 к.

— Трилистникъ. Ц. 30 к.

МЕРИМЕ, П. Вареоломеевская ночь. Истор. хрон. Ц. 1 р.

— Карменъ. Романъ. Ц. 40 к.

МИЛЮКОВЪ А. П. Царская Свадьба. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. Ц. 1 р.

— Разсказы изъ обыденнаго быта (3-е испр. и доп. изданіе). Ц. 1 р.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ въ описаніяхъ КАРЛА ФОГТА и картинахъ ШПЕХТА. Переводъ съ нѣм. Большой томъ in-folio. 454 стр. Съ 448 рис. въ текстѣ и 40 отдѣльн. рис. Ц. въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 23 р. То-же, роскошн. изданіе на велен. бумагѣ. Ц. 30 р., въ роскош. тиснен. золот. и краск. перепл. 34 р., съ зол. обрѣзомъ 35 р.

МОЛЧАНОВЪ, А. Н. Путевыя письма, повѣсти, разсказы и набр. Ц. 60 к.

— Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Измида, съ Принцевыхъ острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Санъ-Стефано и Филиппополя. Ц. 2 р.

МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Царь и гетманъ. Истор. ром. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

— Авантюристы. Истор. пов. Ц. 80 к.

МОРСКОЙ, Н. Аристократія гостинаго двора. Картины нравовъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Содомъ. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, В. И. Святыя горы (Русскій Аеонъ). Очерки и впеч. Ц. 80 к.

— Годъ войны. Дневникъ русс. корреспондента (1877—78 г.). 2 тома. Ц. 4 р.

— Быль. Новыя повѣсти, очерки и разсказы. Ц. 2 р.

— Стихотворен. Изящно изданный томъ. Ц. 2 р. 50 к.

— Цари биржи. (Каиново племя въ наши дни). Ром. Ц. 2 р.

НИКОЛЬСКІЙ, А. Паденіе Плевны. Чтеніе для народа. Съ портретами: Скобелева 2-го, Тотлебена, Ганецкаго и Османа-паши. Ц. 15 к.

—?— О ЖЕНЩИНАХЪ мысли старыя и новыя. Издан. 6-е. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТРОВСКІЙ, А. и СОЛОВЬЕВЪ. Драматическія сочиненія: Счастливый день.—Женитьба Бѣлугина. — На порогѣ къ дѣлу. — Дикарка. Ц. 3 р.

ОТКЛИКЪ. Литературный сборникъ, изданный студентами Спб. университета въ пользу нужд. студ. и слуш. выс. женск. курс. Ц. 1 р. 50 к.

ПАССЕКЪ, Т. П. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія. 2 тома, съ пятью портретами и видами храма Спасителя. Ц. 4 р.

ПАЛЬМЪ, А. Петербургская саранча. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

— Старый баринъ. Ком. Ц. 65 к.

— Гражданка. Сцены. Ц. 65 к.

ПЕЛЛИКО да Салуццо. Мои темницы. Воспоминанія. Переводъ съ итальянскаго. Съ 18 рис. Ц. 1 р.

ПИСЬМА Графа П. Василія. Лондонское Общество.— Вѣнское Общество. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ПЛЕЩЕЕВЪ, А. Н. Подснѣжникъ. Стихотворенія для дѣтей и юношества. Ц. 1 р.

ПОЛЕВОЙ, Н. Клятва при Гробѣ Господнемъ. Русская быль XV вѣка. Ц. 1 р. 50 к.

ПОНОМАРЕВЪ, С. И. Москва въ родной поэзіи. Сборникъ стихотвореній и характеристикъ русскихъ и славянскихъ писателей, относящихся къ Москвѣ. Перечень русскихъ писателей, родившихся и умершихъ въ Москвѣ и проч. Ц. 1 р. 25 к.

П—Ъ, С. Къ царскому юбилею (1855—1880). Собраніе прозаическихъ и стихотворныхъ отрывковъ, относящихся къ Государю Императору Александру II, со дня Его рожденія до 19-го февраля 1880 г. Ц. 40 к.

ПОЭ, ЭДГАРЪ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійск., кн. I и II. Ц. каждой 60 к., кн. III. Ц. 1 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССІИ. Сѣверъ (Петербургъ. — С.-Петербургская губернія.—Эстляндская губ.—Финляндія.—Олонецкая губ.—Архангельская губ.). Съ 5-ю планами и 2-мя карт. Подъ ред. Р. С. ПОПОВА. Ц. въ пер. 3 р.

РОДЕНБЕРГЪ, Ю. Кромвель. Истор. ром. Ц. 3 р.

РИШЕ, Ш. Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Ц. 1 р. 50 к.

РОЗЕНТАЛЬ. Общая мышечная и нервная физіологія. Пер. подъ ред. И. Р. Тарханова. Ц. 2 р.

РОМАНОВЪ, В. В. За Ураломъ! Разсказъ изъ воспомин. о Сибири. Ц. 2 р.

РУММЕЛЬ В. и ГОЛУБЦОВЪ В. Родословный сборникъ русск. дворянскихъ фамилій. Т. I съ билетомъ на II-й Ц. 10 р.

РУССКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей, начиная съ XVIII столѣтія, съ краткими ихъ біографіями (фототипіи съ лучшихъ оригиналовъ). Галлерея эта выходитъ всего въ количествѣ 500 экз. по мѣрѣ изготовленія портретовъ, выпусками, каждый изъ 6-ти портретовъ большого формата, съ краткими біографіями. Цѣна каждому выпуску 2 р.

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1887 годъ Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

САЙМЪ, ДЖЕМСЪ. Краткая исторія нѣмецкой литературы. Ц. 60 к.

САЛІАСЪ, (Графъ). Петербургское дѣйство. Историч. ром. (1762 г.). Изд. 2-е. Ц. 4 р.

— Los Novios. Повѣсть изъ соврем. испанскихъ нравовъ. Ц. 1 р.

— На Москвѣ. Истор. ром. (изъ временъ чумы 1771 г.). Ц. за 2 т. 4 р.

— Атаманъ Устя. Поволжская быль. Ц. 2 р.

— Поэтъ-намѣстникъ. 1785—1788. Ц. 1 р.

— Свадебный бунтъ. Историческій ром. Ц. 2 р.

САМСОНОВЪ, Л. Н. Пережитое. Мечты и разсказы русскаго Актера (1860 — 1878). Изящное изданіе на цвѣтной бум. Ц. 2 р.

СОЛЛОГУБЪ, В. графъ. Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р.

САХАРОВЪ, Н. П. Сказанія русскаго народа. Народный дневникъ. — Праздники и обычаи. Ц. 75 к.

— Сказанія русскаго народа. Русское народное чернокнижіе. — Русскія народн. игры, загадки, присловья и притчи. Ц. 75 к.

СЕНТСБЕРИ, Д. Краткая исторія французской литературы. Ц. 40 к.

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ. Мѣсяцесловъ въ стихахъ (перепечатка изъ Псалтыря съ мѣсяцесловомъ), переложенный стихами іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ. Москва, въ Верхней типографіи, 1680 г., въ листъ. Съ заставками (заглавныя въ нѣсколько красокъ) и друг. украшеніями. Печатано въ двѣ краски. Ц. 2 р.

СКАЛЬКОВСКІЙ, К. А. У скандинавовъ и фламандцевъ. Путевыя впечатлѣнія по Швеціи, Даніи и Бельгіи. Ц. 1 р.

СМИРНОВА, С. У пристани. Ром. Ц. 1 р. 50 к.

СОЛОВЬЕВЪ. Н. Я. На порогѣ къ дѣлу. Деревенскія сцены. Ц. 75 к.

СТОЮНИНЪ, В. Историческія сочиненія. Ч. I. Алек. Сем. Шишковъ. Ц. 1 р. 50 к. Часть II. А. С. Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к.

СУВОРИНЪ, А. и В. БУРЕНИНЪ. Медея. Драма въ четырехъ дѣйств. въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— ? — ТАНЦЫ, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

ТВЕНЪ, МАРКЪ (Самуэль Клеменсъ): Принцъ и нищій. Историч. ром. для юношества всѣхъ возрастовъ. Съ 150 рисун. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— Приключенія Тома. Перев. съ англ. съ 109 рис. Ц. 2 р.

ТРИРОГОВЪ, В. Община и подать. Собраніе изслѣдованій. Ц. 2 р.

УМАНЕЦЪ, Ѳ. Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу. Ц. 1 р. 50 к.

УСПЕНСКІЙ Н. Разсказы Ц. 1 р.

УЭЛЬКЕНСЪ. Древнеримская жизнь. Переводъ съ англ. (съ примѣчаніями М. Стратилатова). Съ 14-ю грав. Ц. 60 к.

ФРЕНЦЕЛЬ, Въ золотомъ вѣкѣ. Истор. ром. Ц. 2 р.

ФРИМАНЪ, Э. А. Очеркъ исторіи Европы. Перев. Стратилатова. Съ 6-ю карт. Ц. 60 к.

ФУРМАНЪ, П. Р. Дочь шута. Ром. изъ временъ Императрицы Анны Іоанновны. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскій граверъ. Истор. пов. 1725 и 1726 гг. Ц. 75 к.

ХМЫРОВЪ, И. Азбука икса. Задачникъ по алгебрѣ и геометріи, съ подр. рѣш. и отвѣтами. Ц. 2 р. 50 к.

ХРУЩОВЪ, И. П. Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Съ портретами, снимками и картами. Ц. 2 р. 50 к.

ЧЕРКАСОВЪ, А. Записки охотника Восточ. Сибири. Изд. 2-е, испр. и доп. Съ рисунк. Ц. 4 р.

ШАШКОВЪ, С. С. Исторія русской женщины. Изданіе 2-е, испр. и доп. Ц. 1 р. 75 к.

ШОПЕНГАУЭРЪ, А. Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Ц. 3 р.

— Житейская мудрость. Афоризмы и максимы. Ц. 2 р.

ШПАЖИНСКІЙ, И. В. Драматическія сочиненія. Томъ I (Маіорша.—Легкія средства.—Кручина.—Фофанъ.—Прахомъ пошло!). Ц. 1 р. 50 к.

ШТЕРНЪ, А. Всеобщая исторія литературы. Перев. съ нѣмец., допол. библіограф. указ. Ц. 2 р.

ЭБЕРСЪ, Дочь египетскаго царя. Истор. ром., разсказанный для юношества О. Шапиръ. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

ѲЕДОТОВЪ, А. Ф. Про бѣлаго бычка. Комедія въ 4-хъ дѣйст. Ц. 1 р.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА.

АНЕКДОТЫ и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. Ц. 10 к.

БОГДАНОВИЧЪ, И. Душенька. Древняя повѣсть въ вольныхъ стихахъ Ц. 15 к.

ВЕНЕВИТИНОВЪ. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей и портретомъ Д. В. Веневитинова. Ц. 15 к.

ГРИБОѢДОВЪ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ. Съ біографіей и портретомъ автора. Изд. 7-е. Ц. 10 к.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Историческіе разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Ц. 20 к.

— Украинскія сказки. 6-е изданіе. Ц. 20 к.

ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Ром. въ 2-хъ частяхъ. Ц. 50 к.

КАПНИСТЪ, В. Ябеда. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ портр. и біографіей автора. Ц. 15 к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Письма русскаго путешествен. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ портр. автора и рисун. 2 т. Ц. 1 р., на вел. бум. 2 р.

— Исторія государства россійскаго. Великій кн. Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Ц. 10 к., на вел. бум. 20 к.

— Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. (Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка). Ц. 15 к.

КАРАМЗИНЪ, Н. М. Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Ц. 20 к.

— Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Ц. 20 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. I. Ц. 20 к.

— Царствованіе Іоанна IV Васильевича, Грознаго, кн. II. Ц. 30 к.

КОХАНОВСКАЯ. Старина. Семейная память. Повѣсти. Ц. 20 к.

— Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Ц. 15 к.

— Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Ц. 25 к.

КУКОЛЬНИКЪ, Н. В. Историческія повѣсти. Книга 1-я. (Авдотья Лихончиха.—Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). — Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 2-я. (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ суннѣ. — II. Часовой). Съ портр. князя Я. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 3-я. (Позументы.—Новый годъ). Съ гравюрой: Солдаты петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., на вел. бум. 30 к.

— Историческія повѣсти. Книга 4-я. (Чернышевскій миръ.—Остапъ и Ульяна.—Старый хламъ). Изд. 2-е. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

КУКОЛЬНИКЪ Н. В. Историческія повѣсти. Книга 5-я. Запорожцы. Истор. быль временъ Екатерины Великой. Ц. 10 к.

— Историческія повѣсти. Книга 6-я (Сержантъ Ивановъ, или всѣ заодно. — Вольный гетманъ Панъ Савва.— Староста Меланья). Ц. 15 к.

ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Ц. 40 к., на вел. бум. 60 к.

МАРЛИНСКІЙ, А. (А. А. Бестужевъ). Аммалатъ-Бекъ. Кавказская быль. Съ портретомъ автора. Ц. 25 к.

— Страшное гаданіе.— Два вечера на бивуакѣ. Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Ц. 25 к.

— Мулла Нуръ. Быль. Ц. 25 к.

— Наѣзды. Повѣсть 1612 года.— Изнѣженикъ. Ц. 25 к.

— Фрегатъ Надежда. Ц. 25 к.

— Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзенъ.—Шахъ Гуссейнъ. Ц. 25 к.

КСАВЬЕ де-МЕСТРЪ. Параша Сибирячка. Разсказъ. Ц. 10 к.

МЕРЗЛЯКОВЪ и ЦЫГАНОВЪ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., на велен. бум. 20 к.

НАРѢЖНЫЙ. Бурсакъ. Романъ I т. Изд. 2-е. Ц. 35 к., на вел. бум. 65 к.

ПОЛЕВОЙ, Н. А. Повѣсть о Суздальскомъ князѣ Симеонѣ. Историческая повѣсть. Ц. 15 к.

ПОГОРѢЛЬСКІЙ, А. Монастырка. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 25 к.

СОЛОГУБЪ, В., графъ Повѣсти и разсказы. Книга I. Аптекарша. — Метель.—Неоконченныя повѣсти. Ц. 20 к., на вел. бум. 50 к. Книга II. Исторія двухъ калошъ. — Нечистая сила. — Воспитанница. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к. Книга III. Большой свѣтъ. — Медвѣдь. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

ФОНВИЗИНЪ, Д. И. Двѣ комедіи: I. Бригадиръ. Комедія въ 5-ти дѣйств. Цѣна 15 коп. — II. Недоросль. Ком. въ 5-ти дѣйствіяхъ. Съ біографіей Фонвизина, его портретомъ и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ. Изд. 5-е. Ц. 15 коп.

ХЕМНИЦЕРЪ, И. Полное собраніе басенъ и сказокъ. Съ біографіей и портр. автора. Ц. 15 к.

ШЕКСПИРЪ, В. Гамлетъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. съ англ. Н. А. Полевого. Съ допол., варіантами по другимъ переводамъ. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

— Король Лиръ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ А. В. Дружинина. Съ предисловіемъ и замѣчаніями о трагедіи и о характерахъ ея Кольриджа, Шлегеля, Бонвилля, Джемсонъ, Дружинина. Ц. 25 к., на вел. бум. 50 к.

Изящные коленкоровые переплеты отъ 20 до 50 коп. за томикъ.

Бурь. Вып.

Повѣсть
[illegible]

Надежда.

[illegible]
[illegible]
ѣ.—[illegible]
і к.
[illegible]
[illegible]

ь и [illegible]
[illegible]
[illegible] обо-
[illegible]
[illegible] 20 к.
Бур-
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
15 к.
[illegible]
[illegible]
25 к.
графъ
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Бал-
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]